Елена Скрябина

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Издательство
«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»

Елена Скрябина

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Издательство
«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
Москва
1994

ББК 84Р6
С83

Скрябина Е.

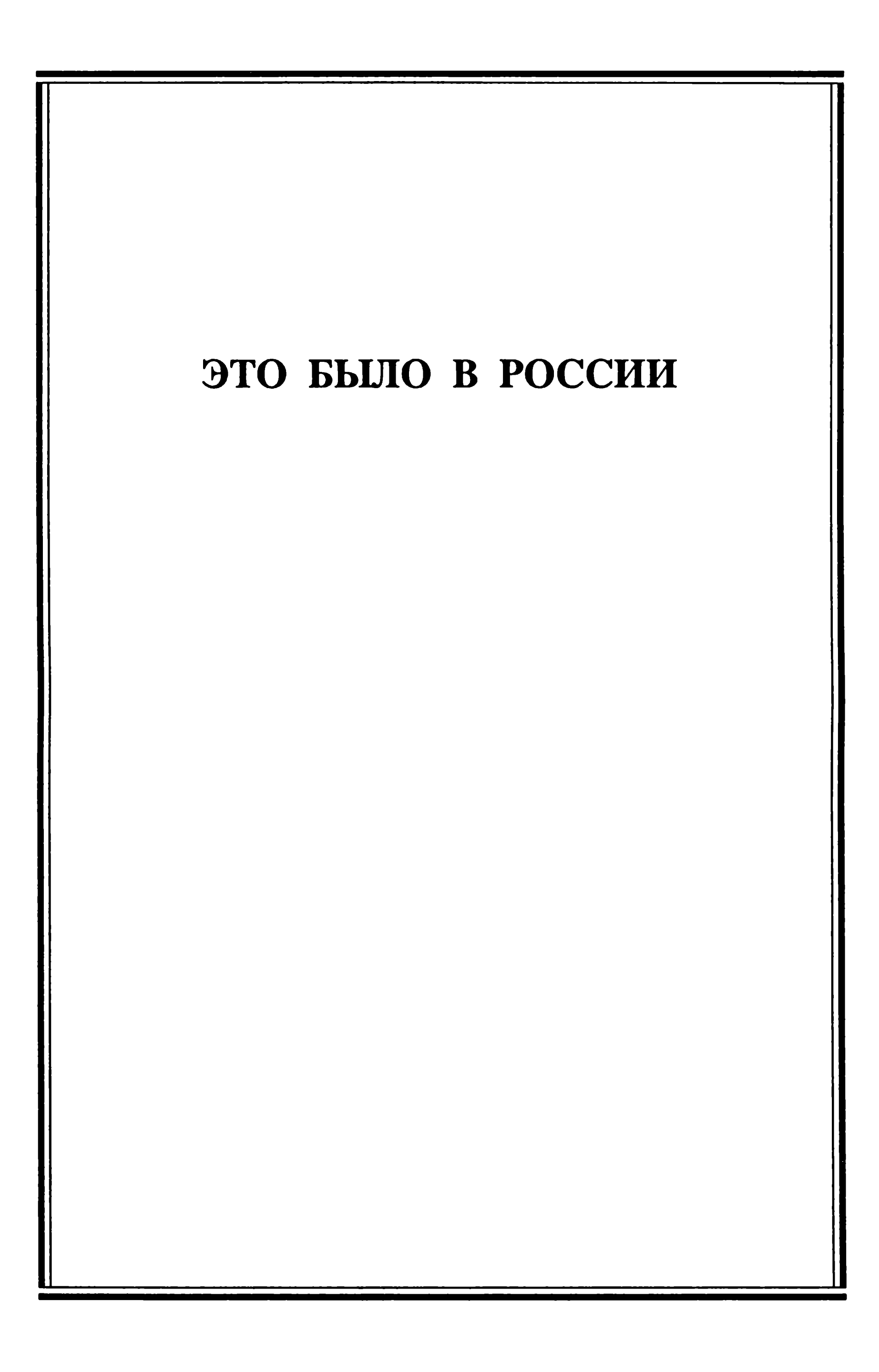
С83 Страницы жизни. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 288 с.

Немного из людей нынешнего поколения россиян испытало столь длительную и трагическую жизненную эпопею, как Елена Скрябина. Об этом рассказывает ее трилогия, которая охватывает период от последних предреволюционных лет до конца Отечественной войны.

ББК 84Р6

С $\frac{4702010000—024}{8А7(03)—94}$ без объявл.

ISBN 5-85864-051-6



ЭТО БЫЛО В РОССИИ

Печатается по тексту книги,
изданной издательством «Альманах»,
(Лос-Анджелес, 1980)

ДЕТСТВО

Моя семья: отец, мать, два брата и я, самая младшая, жили в описываемое мною время в Нижнем Новгороде.

Старший брат, Василий, уехал в Петербург, поступив на юридический факультет Петербургского университета, и жил у тети, маминой сестры.

Каждую зиму мы проводили в Нижнем, а в конце мая, в начале июня, когда братья кончали заниматься в Нижегородском дворянском институте, мы всей семьей уезжали в имение Оброчное Лукояновского уезда. Хотя мне всегда немного грустно было покидать наш уютный городской дом и, особенно, любимый мною сад, но Оброчное с громадным парком, прудом и белым домом с колоннами представляло собою что-то еще более заманчивое и романтическое.

Ранней весной этого года я случайно услышала разговор родителей, крайне меня смутивший и огорчивший. Мать говорила о том, что надо сделать все необходимые приготовления к нашему переезду в Петербург.

Помню хорошо, какое это на меня произвело впечатление и, хотя дети обычно любят перемены, скорее весьма неприятное. Я бросилась со слезами к матери, умоляя ее не покидать Нижнего Новгорода, любимого мною дома и сада.

Спокойно выслушав мои излияния, мать ответила, что отец выбран в Государственную Думу, что это очень важное обстоятельство, которое и заставляет нас с будущей осени основаться в Петербурге.

Все ее объяснения никакого впечатления на меня не произвели.

Петербург казался мне чем-то далеким, холодным и незнакомым. Нижний же, с великолепной Волгой и «откосом», прогулки куда предпринимались мною и няней почти каждый день, казался мне таким любимым и дорогим, что я никак не могла постичь возможности подобной разлуки.

Большой приманкой в Нижнем служила и знаменитая ярмарка, открывавшаяся в осенние месяцы, где отец задаривал меня медовыми пряниками и другими сладостями, привозимыми из всех городов нашей страны.

Зимой в нашем саду дворник устраивал ледяную гору, замораживая специальные «ледянки», и мы, все дети, с наслаждением на ней катались.

Кроме того, все мои друзья — мальчики и девочки моего возраста — жили в Нижнем и часто у нас собирались.

Особенно весело мы проводили Рождество, когда в большой гостиной устанавливалась огромная елка.

Обычно мы, все дети, ждали в соседней комнате, пока двери не откроются и лакей Петр, в черном фраке и белых перчатках, не заявит торжественно: «Милости просим».

Ослепленные огнем десятка свечей, бесчисленными золотыми и серебряными игрушками, позолоченными орехами, яблоками и конфетами в разноцветных бумажках, мы вливались из столовой веселой гурьбой и на время замирали, не скрывая произведенного на нас впечатления.

Теперь мне казалось, что всему пришел конец.

И что это за Государственная Дума, которая требует присутствия моего отца? — было мне совсем непонятно.

Не получая более подробного объяснения от матери, я отправилась к няне — моему вечному прибежищу в тяжелые минуты жизни. Няня уже знала о готовящихся переменах и относилась так же, как и я, — неодобрительно. Погоревав вместе, она все же успокоила меня тем, что переедем еще не скоро, предстоит еще чудная весна в Нижнем с нашими любимыми прогулками на «откос» и катаньями по Волге. А дальше месяца три в Оброчном, где, согласно обещанию отца, я получу в подарок лошадь и меня будут учить верховой езде.

На время горе мое было забыто.

То лето — 1912 года, было для меня полно самых интересных переживаний. За несколько недель до отъезда в деревню, по данному в газетах объявлению, к нам ежедневно стали являться молодые и средних лет особы, желаюшие поступить в качестве учительницы французского языка, каковому мне предстояло обучаться. Это было громадным развлечением не только для меня, но и для братьев. Семнадцатилетний Павел и пятнадцатилетний Георгий выскакивали на звонки и, притаившись за дверью, рассматривали кандидаток в гувернантки. После ухода каждой из них, они врывались к матери в гостиную и давали ей всевозможные советы. Плохо приходилось пожилым и некрасивым.

Через неделю непрерывных посещений и обсуждений, выбор единогласно пал на прелестную молодую француженку из Лиона, Ивет Делакруа. Мать была вполне довольна представленными ею рекомендациями, братья же и я ее молодостью и привлекательностью.

Пятого июня мы всем семейством, с приехавшим из Петербурга братом Васей и новой гувернанткой, отбыли в Оброчное.

Самым крупным событием этого лета должна была быть свадьба дяди Николая, младшего брата моего отца, на двадцатилетней курсистке Бестужевских курсов Ольге. Никак не понимая почему, я все же замечала, что бабушка не переносит невесту сына. Только спустя некоторое

время, из разговоров взрослых, до меня дошло, что бабушка вообще против «эмансипированных женщин».

Ольга, очень самоуверенная, на мой взгляд, очень красивая, довольно-таки свысока относилась к окружающим и часто вступала в споры со всеми, включая бабушку. Основным вопросом их дискуссий было положение женщины в современном русском обществе. Ольга говорила громко, резко и несколько в нос (что, кстати, очень раздражало бабушку).

Ольга Алексеевна (так звали бабушку) была во всем старого уклада и считала, что место женщины в детской, кладовой и даже кухне, а все эти женские курсы и высшее образование не «ихнего ума дело». Спорить с ней было трудно, никто не решался, даже сыновья. Ольга же не задумывалась, доказывая свою правоту.

Из разговоров няни и прислуги я заключила, что свадьба может не состояться. Меня это очень огорчало, так как, во-первых, Ольга мне очень нравилась, а, кроме того, было, по-моему, совсем неплохо обзавестись новой, да еще «образованной» теткой. Она вносила какой-то совершенно другой дух в атмосферу нашей старинной усадьбы.

Это первое соприкосновение с молодой женщиной, жившей другими интересами, чем домашнее хозяйство, сказалось впоследствии на моей жизни. Когда шестнадцати лет, по окончании средней школы, я мечтала поступить в техникум, чтобы стать инженером (против желания матери), образ Ольги всегда витал в моем воображении и служил примером.

Кроме личной симпатии к Ольге, была и другая причина, волновавшая меня в случае, если свадьба не состоится. Я уже раньше видела и слышала, как празднуются свадьбы в деревнях. Перспектива ехать на украшенных бубенцами и цветами тройках в церковь очень привлекала меня. А затем, без вечного присмотра взрослых (которым будет не до нас), с двоюродными братьями и сестрами присутствовать на обеде, рассчитанном чуть ли не на 100 человек. Соседей и родственников, долженствовавших принять участие в этом празднике, было несметное количество.

К счастью, мои опасения не подтвердились, и 24-го июля (в день именин бабушки и Ольги) была бурно отпразднована свадьба.

На всю жизнь запомнились десятки троек, нарядные кучера в разноцветных поддевках, подпоясанные цветными кушаками и соперничавшие друг перед другом в красоте и скорости принадлежавших их господам троек.

Нарядная толпа гостей, бесчисленные букеты цветов, торжественная служба в церкви, а затем великолепный ужин и, особенно поразивший меня, стол, весь заставленный закусками.

Вторым крупным событием этого лета был подарок отца. Прекрасная гнедая кобыла — «Мусмэ» была полностью предоставлена в мое

распоряжение. Мне сразу же стали давать уроки верховой езды. Моим обучением руководил Павел — прекрасный ездок, обожавший лошадей. Сначала он посадил меня на казацкое седло, считая это более безопасным, но уже скоро я получила новое, скрипучее, пахнущее новой кожей, великолепное дамское седло. Соответствующий костюм был немедленно сшит, шляпа с вуалью куплена, и моей гордости не было предела. Лошадь была смирная, хорошо обученная. Вскоре уже я стала ездить на пойме за домом по специально устроенному, сравнительно большому кругу. Сопровождал меня или брат Павел или мальчик-конюх, чтобы я не была одна.

Почти каждый праздник в имение съезжались гости, и тогда Павел приглашал всех на наш «ипподром» и демонстрировал мои успехи. В Оброчном всегда было весело. Имение разделялось большой дорогой на две половины — старая часть принадлежала бабушке. Дом в этой части был деревянный, с массой комнат и комнатушек, без всяких удобств, но очень уютный, полный каких-то особенных запахов и звуков. Так он и назывался — «Старый Дом». Наша же часть имения, половина «молодого барина», была совсем в другом роде. Дом — белый, каменный, с колоннами, всем был известен, как «Новый Дом». В нем было все, что требовалось для полного комфорта современной жизни, вплоть до двух ванных комнат (роскошь, редкая в те времена), и громадной террасы с видом на пойму. Моя мать, любившая красивые виды, велела вырубить часть сада, чтобы открыть вид на зеленые луга и реку. В доме было гораздо меньше комнат, чем в старом, но зато было предусмотрено все. Было удобно и даже элегантно.

Мне особенно нравился парадный подъезд: асфальтированное возвышение, ведущее к парадному крыльцу, по которому с шумом подкатывали тройки гостей. К моему сожалению, большинство гостей все же проезжало мимо нас, в бабушкину часть.

Бабушка объединяла всех вокруг себя. В то время ей было немного больше семидесяти лет, и она еще бегала с многочисленными внуками и внучками в «палочку-воровочку» или играла на рояле веселые вальсы и польки, заставляя всех, «от мала до велика», танцевать под ее аккомпанемент. Все ее обожали, но и побаивались. Нрава она была крутого, но отходчивого. Воспитала нескольких девочек-сирот, готовя их в горничные в «хорошие дома», как она выражалась. В случаях ослушания, она не задумывалась принимать физические меры, давая подзатыльники и пощечины.

Когда я впервые увидела, как она звонко шлепнула по щеке мою любимицу Симу, с которой я каждый день играла, я, по своему обыкновению, разразилась потоком слез. Бабушка, быстро отошедшая от своего приступа гнева, была смущена моей бурной реакцией. Звеня ключами от кладовой, она поторопилась уйти и появилась опять, нагруженная изрядным количеством пастилы и мармелада (моих

любимых конфет), которыми щедро наградила нас с Симой. Симу, по-видимому, за перенесенное наказание, меня же за выраженную симпатию. В результате Сима, которая и раньше-то не думала плакать, теперь старалась только успокоить меня. Я же, запихивая в рот любимую пастилу, продолжала всхлипывать.

Каждое утро все дети родных и знакомых, находившихся в это время в усадьбе, шли первым долгом в «Старый Дом» здороваться с бабушкой. Это происходило точно в 9 часов утра. Бабушка всегда уже была готова и сидела в кресле в столовой. Около нее стояли две корзины с шоколадом, орехами и другими, соблазнительными для детей, яствами. Она щедро нас наделяла, предупреждая воздержаться до обеда, что, конечно, никогда нами не исполнялось, но на наши аппетиты не отражалось.

Мне нужно было всегда обедать в «новом доме». Закончив сладкое я, в сопровождении братьев торопилась в «Старый Дом», где обед начинался, как правило, с опозданием. Таким образом, мы успевали начать все сначала. Мать моя возмущалась и выговаривала нам за подобное поведение, но вскоре махнула рукой, и мы беспрепятственно бежали на всех порах в гостеприимный бабушкин дом. В те времена у меня был друг моего возраста — Павлуша (сын сестры моего отца), с которым мы были неразлучны; у братьев же кузины, с которыми они флиртовали.

Уже в августе веселое летнее настроение стало спадать. Между родителями участились разговоры о переезде в Петербург, о необходимости позаботиться о снятии квартиры и так далее.

Последнее хорошее, что ожидало в этом году — был день именин отца — 30-го августа. В этот день обычно съезжалось не меньше гостей, чем 24-го июля, когда праздновала бабушка.

Но в этом году именины отца прошли менее оживленно, чем в предыдущие годы. Гости съехались все солидные: соседи и разные чиновники, которые усердно поздравляли отца с его новой карьерой в Государственной Думе. До сих пор не понимая хорошо, что означало это таинственное учреждение, я уже от всего сердца ненавидела эту Думу.

Кто совершенно не принимал участия в моих тревогах и огорчениях был брат Вася. Он искренне радовался переезду, благодаря которому освобождался от опеки строгой тетки и мог жить среди своих, особенно с братом Павлом, которого он очень любил.

Настроение Васи разделяла веселая, хорошенькая Ивет. Она только и мечтала о Петербурге, нашептывая няне о всех его прелестях. Ивет, ехавшая с нами, на зиму возвращалась на свое прежнее место, в семью богатого петербургского фабриканта, проводившую это лето за границей. Свой летний отпуск моя милая француженка использовала, поступив к нам.

Рассказы ее подействовали на няню, и последняя совсем примирилась с перспективами нашего переезда.

Ярым противником Петербурга оставалась я одна.

Закончилось лето. Наступили дождливые дни, стало раньше темнеть. Отъезд был назначен на 10-ое сентября. Братья с отцом уехали раньше, чтобы все приготовить к нашему переезду и не пропустить начала занятий.

Георгий был принят в Императорский Александровский лицей, Павел же, по примеру старшего брата, поступил на юридический факультет. Суматоха сборов гнала меня из дому. Ездила верхом и бегала по саду и лугам в сопровождении Ивет. Няня же помогала матери вместе с остальной прислугой укладывать огромные сундуки с нашим имуществом.

ПЕТЕРБУРГ

Дождливым осенним утром поезд подходил к Петербургу. Тянулись сосновые леса, болота. Я стояла у окна в коридоре, и мне было грустно.

С какой радостью каждый год я возвращалась в Нижний Новгород, ко всем моим друзьям, в свою уютную светлую детскую комнату. За окном этой комнаты был непроезжий, довольно узкий переулок, по которому бродили женщины — торговки молоком, овощами и ягодами. Громкими, нараспев, голосами они зазывали покупателей. Кроме них часто заходил татарин (князь, как в Нижнем их называли), скупая старые вещи. Но самым главным моим развлечением был шарманщик с попугаем. Я забиралась на широкий подоконник и, по окончании его репертуара, бросала ему в шапку медные монеты, которыми меня всегда снабжал отец.

Всего этого больше не будет. Серое небо и плывшие по небу тучи еще более наводили тоску. Хотелось плакать. Стыдно было только стоящей возле меня и весело щебечущей Ивет, которая так и рвалась в этот таинственный и непривлекательный для меня Петербург. Мне казалось, что и моя мать разделяет настроение француженки. В Петербурге она провела всю свою юность и сохранила об этом времени самые наилучшие воспоминания.

Когда поезд остановился, к нам подошла оживленная группа. Отец с братьями, моя тетя (сестра матери) с сыновьями и дочерью. Все, видимо, были в прекрасном настроении и довольны нашим приездом. Братья окружили меня, обнимали, целовали, наперебой рассказывая, какие интересные вещи меня ожидают и какие необыкновенные подарки мне приготовил отец. Зная его щедрость, я предвкушала удовольствие.

Наняли извозчиков и двинулись на Пантелеймоновскую улицу, где находилась нанятая отцом квартира. Несмотря на то что дождь перестал, было очень мрачно и серо. От Николаевского вокзала (как он тогда назывался) до Пантелеймоновской было не больше пятнадцати минут езды, но мне казалось,что мы тащимся вечно.

У пятиэтажного серого дома остановились. Лифт был крошечный. Двое с трудом помещались. Пропустив родителей, мы двинулись на пятый этаж пешком. Квартира из восьми комнат, длинного узкого коридора, кухни и двух комнат для прислуги, что я немедленно осмотрела, никакого впечатления на меня не произвела. Особенно же огорчила

меня моя комната – длинная, узкая и даже кривая. Ничего общего не имела она с моей, такой светлой, просторной нижегородской детской. С трудом удерживая слезы, я начала разворачивать ожидавшие меня пакеты, и это занятие несколько отвлекло от неприятных впечатлений.

С этого дня началась для меня, как и для всей нашей семьи, совершенно новая жизнь. В Нижнем Новгороде мой отец, как предводитель дворянства Лукояновского уезда и земский начальник, или бывал в отъезде или проводил время дома. Здесь же с утра и до шести вечера он ежедневно отправлялся в Государственную Думу. Возвращался обычно страшно возбужденным и, пока не утихал за обедом, кричал и шумел на весь дом. Тогда я никак не могла понять, что именно ему так не нравилось на новой службе. Спрашивать было не у кого. Братья отвечали, что я еще мала и все равно ничего не пойму, спросить мать как-то не решалась, а няня понимала не больше моего. Только спустя много лет все стало ясно. Отец, крайне правый, столкнулся в Думе с людьми различных партий, свободно высказывавших свое мнение, что казалось ему просто оскорбительным для обожаемого им государя.

В те времена все это было совершенно мне неясно и только огорчало и волновало это вечное недовольство, как мне казалось, самим Петербургом и переменой в нашей судьбе.

«И чего только все его поздравляли с новой службой, лучше бы сами ехали, а мы бы остались в Нижнем», — сетовала я няне. Она вполне со мной соглашалась. Несмотря на все восторженные отзывы Ивет, в Нижнем нам обеим жилось много лучше. Здесь даже великолепный Летний сад, с его многочисленными аллеями, памятником дедушке Крылову, домиком Петра 1-го и мраморными статуями, казался хуже нашего «Откоса» и любимой Волги.

Незаметно подошло Рождество. По примеру прошлых лет родители хотели устроить для меня елку и пригласить детей моего возраста, со многими из которых я уже была знакома. Я получила несколько приглашений на праздники, так что первые дни были разобраны, и родители решили устроить у нас веселье на четвертый день.

С покупкой елки не спешили. Они привыкли, что в Нижнем нам обычно привозили ее на дом знакомые торговцы. Здесь же вышла большая неприятность. Когда в сочельник поехали на елочный базар, то елок нужного размера и вида не оказалось. Вернулись ни с чем. Моему отчаянию не было границ. Мать начала всем звонить, надеясь что кто-либо выручит или даст хотя бы хороший совет. Все было напрасно. И только на второй день Рождества, когда я уже потеряла всякую надежду на то, что у нас дома будет елка, позвонил двоюродный брат, молодой офицер, и предложил на другой день привезти елку, которая была устроена в офицерском собрании для солдат их полка.

Предупредил, правда, что солдатам по окончании празднества разрешается срывать с елки сладости и хлопушки. После их нашествия дерево выглядит жалким и обтрепанным.

Рассуждать не приходилось, рады были согласиться на все.

Долго я помнила тот момент, когда несколько солдат внесли знаменитую елку в нашу квартиру. Много веток было сломано, и дерево действительно имело плачевный вид. Братья утешали меня, что они приложат все усилия, дабы исправить нанесенный дереву урон. Я не особенно доверяла и ждала с трепетом вечера, когда соберутся все мои маленькие гости.

Когда же в назначенный день и час десятки приглашенных детей, ожидавших открытия дверей в кабинете отца, ворвались в гостиную, то все замерли от восторга, а я не поверила своим глазам — настолько чудесная картина представилась нам.

По-видимому, мать и братья приложили большие усилия, чтобы придать ободранному дереву такой исключительно красивый вид.

После Нового года, по приглашению семьи Сабуровых, у которых были две девочки моего возраста, родители забрали меня, и мы на несколько дней уехали в Павловск — прелестный городок с дворцом и парком, утопающим в это время года в глубоком пушистом снегу.

Сабуров был смотрителем дворца. В его распоряжении находились прекрасные лошади и экипажи. Предпринимались поездки по всем окрестностям: Царское, Пулково, Гатчина. В самом парке были устроены громадные ледяные горы, на которых мы с увлечением катались. Совершали также прогулки пешком по расчищенным аллеям замечательного парка. Здесь я впервые испытала удовольствие от зимних поездок тройкой — гусем.

1913 год был знаменательным. Ожидались большие празднования по случаю трехсотлетия дома Романовых. Отец, как член Думы, получил приглашение на устраиваемый во Дворце бал, где должна была присутствовать вся царская семья. В городе готовились к различным торжествам, иллюминациям и фейерверкам.

В назначенный день во время церковной службы в Казанском Соборе произошел неприятный инцидент. Родзянко, председатель Думы, заказал места для членов Думы в первых рядах, неподалеку от царской семьи. Когда он подошел к дверям собора, стража предупредила его, что какой-то крестьянин в шелковой рубашке и высоких кожаных сапогах прошел в первые ряды и, несмотря на все убеждения охраны, не желает выйти. Родзянко моментально понял, кто этот нежелательный гость. Ненавидя Распутина и разъяренный непослушанием, он применил физическую силу и выпроводил его из церкви.

Этот случай несколько испортил настроение моих родителей. И только вечером, когда в заказанной отцом карете мы медленно двигались среди тысячи экипажей и нашим глазам представилась фееричe-

ская картина сияющего бесчисленными огнями красавца-города, они забыли неприятный утренний инцидент и вместе со всеми нами восхищались праздничным Петербургом.

Родители готовились к балу, который должен был состояться весной. Мать заказала платье из белой парчи с вытканными серебром розами на бледно-розовом чехле. Я видела первую примерку и не могла прийти в себя от красоты материала. Мать тоже была очень довольна и радовалась предстояшему балу. Отец подарил ей к этому дню браслет из разноцветных сапфиров, что тогда было большой новинкой. (Впоследствии, в Симбирске, этот браслет, обмененный на соль, муку и жиры, спас нас от свирепствовавшего в Советском Союзе голода).

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Казалось, что все идет хорошо. Братья учились, особенно Вася проявлял выдающиеся способности, как в занятиях на юридическом факультете, так и в своей карьере музыканта. Он играл не только дома, но даже стал выступать на концертах. Павел брал прилежанием. Георгий учился и жил в лицее. Только по праздникам бывал дома.

Родители много говорили о политике, царской семье, о Распутине и болезни маленького наследника. Порой же, особенно мать, мечтали о предстоящем бале. Они знали, что там им предстояло увидеть весь двор.

В марте неожиданно заболел Вася. Почти ежедневно стал бывать наш домашний врач и сначала ничего серьезного не находил, говоря, что это обычная инфлюэнца.

Первые дни болезни Вася принимал массу друзей и знакомых, приходивших его навещать. Был очень весел и много, по обычаю, острил. Из его комнаты раздавался непрерывный смех. Я любила туда забираться и слушать разговоры взрослых до тех пор, пока братья меня не выживали.

Чем дальше, тем становилось хуже. Лицо Васи покрылось желтизной, и настроение заметно упало. Домашний врач не на шутку перепугался и стал просить вызвать известного профессора. Мне запретили входить в комнату больного. Павел перестал посещать университет и проводил все дни у Васиной постели. Гости стали редким явлением. Старик профессор приезжал часто и настоял на консилиуме из нескольких специалистов. Оказалось, что болезнь Васи была еще совсем незнакомой медицинскому миру Петербурга. Доктор сказал матери, что это был третий случай за этот год. Консилиум не помог, ни к какому заключению врачи не пришли. Вася лежал изжелто-бледный, мрачный. Настроение всей семьи падало день ото дня.

Между тем весна уже чувствовалась в Петербурге. Снег еще не совсем сошел, но уже стали появляться на Невском проспекте первые торговки цветами. Няня надолго уводила меня из дому, и мы бродили часами по набережным Невы, любуясь двинувшимся льдом, или заходили в Летний сад, который начинал приобретать весенний вид. Многочисленные статуи были освобождены от своих зимних одежд — деревянных ящиков, спасавших от снега и льда. Дорожки чистили, а

детвора окружала памятник «Дедушки Крылова» и гудела словно пчелиный рой. На лоне преображенной весной природы забывалась тяжелая атмосфера нашей квартиры.

Мы подолгу задерживались на Литейном проспекте, отличавшемся особенно красивыми витринами. Я выбирала себе пасхальные подарки. Меня всегда пленяли яички из разных драгоценных камней, которые я, как правило, получала ежегодно к Пасхе от родителей и родственников. Моя коллекция превышала уже несколько десятков. Теперь я показывала те, которые хотела получить в этом году.

В конце марта, утром, я проснулась в самом радужном настроении, разбуженная солнечными лучами, проникавшими в комнату из-за тяжелой портьеры и затопившими всю мою «кривую» комнатку, к которой я уже привыкла. В эту ночь мне снились особенно хорошие сны и, будучи еще под их впечатлением, я не сразу вспомнила, что дома не все благополучно, что Вася болен, и вчера опять состоялся консилиум из нескольких докторов. Странный шум в доме заставил меня быстро вскочить. Няни не было в комнате. Испуганная, я выбежала в коридор и почти столкнулась с людьми, несшими на носилках нашего Васю. Мне бросилось в глаза его худое, желтое лицо и заострившийся нос. Выделялись его гладко причесанные иссиня-черные волосы. Мне стало жутко. Показалось, что Вася уже умер. За носилками шли родители. В этот вечер мы с няней были одни дома. Отец и мать так и не вернулись. Няня сказала мне, что они остались в больнице, куда увезли Васю. Георгий был в лицее, а Павел куда-то исчез на весь день. Потянулись тоскливые, полные страха дни.

Отец заезжал ненадолго, потом опять исчезал, не то в Думу, не то в больницу. Никто его ни о чем не расспрашивал, да он был в таком настроении, что вопросы никому на ум не приходили. Павла почти никогда не было дома. Все шло как-то вверх дном, все выбились из обычной колеи.

Над нами точно туча повисла — такая была сгущенная, грозовая атмосфера.

Однажды солнечным утром, няня будит меня и говорит, что мать вернулась домой и, что я могу, как всегда раньше, пойти в 9 часов и разбудить ее. Я еле дождалась указанного времени. Ровно в 9 сидела уже на постели матери. Она еще спала каким-то тяжелым, необычным для нее сном. Меня поразило то, что она резко изменилась за этот короткий срок, что я ее не видела. Стало страшно. В ее похудевших чертах мелькнуло сходство с больным Васей. Открыв, наконец, глаза и увидев меня, она как-то особенно спокойно и бесчувственно сказала: «Васеньки у нас больше нет, его взял Господь на небо»...

Я не могла произнести ни слова, не могла осознать случившегося. Вася — двадцатилетний красавец, весельчак, способный и любимый всеми — не будет больше с нами. Ушел куда-то в неизвестность.

Через минуту я разразилась отчаянными рыданьями. Мать не плакала, смотрела на меня отсутствующими глазами и даже не старалась успокоить.

Это было моим первым настоящим тяжелым горем.

И вот теперь все сразу, все, что ожидалось с таким нетерпением, рухнуло. О бале в честь Романовских торжеств для моих родителей не могло быть и речи. Весна и наступающий праздник Пасхи — наш самый большой праздник в году — никого больше не радовал.

После панихиды в маленькой часовне, поблизости Таврического сада, гроб с останками Васи был водружен на погребальную колесницу, и семья, сопровождаемая целой толпой друзей-студентов, родственников и знакомых, двинулась к Николаевскому (теперь Октябрьскому) вокзалу, откуда в тот же день гроб должен был быть отправлен на станцию Оброчное, где в фамильном склепе уже почти двадцать лет назад была похоронена моя старшая сестра.

Мать, отец и братья уехали на похороны, я же с няней осталась у тети, у которой еще всего год назад жил брат Вася. Васю похоронили в вышеуказанном склепе, в котором он пролежал семь лет. В 1920 году пьяная орава нагрянула в нашу Оброченскую церковь, сняла колокола, забрала иконы и, подхватив откуда-то слух, что в фамильном склепе хоронили покойников в золоте и серебре, вскрыла тяжелые мраморные плиты и вынула всех из гробов. Не найдя никаких сокровищ и, видимо, обозлившись, рассовала покойников по чужим могилам. Эти пьяные бандиты почему-то решили положить Васин скелет в гроб недавно скончавшегося старика-управляющего нашим бывшим имением. Скелет Васи был длиннее гроба старика. Не задумываясь долго, отрубили ноги и, засунув останки в гроб, покрыли могилу землей.

Это мне, спустя десять лет после смерти Васи, рассказывали присутствовавшие при этом кощунстве жители Оброчного (мама об этом так никогда и не узнала).

В тот год я провела самую тоскливую Пасху в моей короткой жизни. Тетя и ее дети всячески старались развеселить меня, но я только и ждала с нетерпением возвращения родителей и братьев. Ни весна, ни чудная погода, ни милое отношение родственников — ничто меня не радовало.

С приездом всей семьи нас с няней взяли домой.

Пора было готовиться к отъезду на лето в деревню. В этом году исполнилось 25 лет со дня свадьбы родителей. Еще с осени Вася придумал нам вчетвером сняться и подарить портрет в годовщину свадьбы. Почему-то мы так и не собрались до его болезни. Теперь Павел все-таки предложил нам поехать к фотографу и сделать портрет. Никакими силами фотограф не мог заставить нас принять веселый вид. Мы так и вышли все трое со скорбными лицами. Когда летом мы дарили этот портрет родителям, я заметила слезы в глазах матери. Кажется,

это был самый неудачный из всех сделанных нами когда-либо подарков.

В конце апреля мать опять дала объявление, что на этот раз ищет для меня немку. Вся процедура приема гувернантки проходила совсем иначе, чем год тому назад, в Нижнем, когда всем было так весело.

Мать выбрала почти первую появившуюся в доме молодую немку по имени Ингеборг. Братья ничем не интересовались, да и я была совершенно равнодушной. Со смертью Васи у нас словно какая-то трещина образовалась в семье. Все стали безразличными. В мае выехали в Оброчное. По пути я стремилась разговаривать с моей новой гувернанткой, но познания мои в немецком языке были весьма слабыми и оживленного разговора не получилось.

Когда мы, наконец, приехали домой, Павел решил блеснуть и вместо того, чтобы сказать: «Вир зинд гекоммен» (мы приехали), он объявил: «Вир зинд гешторбен» (мы умерли). Немка, не говоря ни слова, только дико на него посмотрела. После веселой, остроумной хохотушки Ивет, она, несмотря на довольно красивое лицо и молодость, казалась нам непривлекательной из-за холодного тона и присущей ей сдержанности.

Скоро жизнь как-то снова вошла в свою колею. Не было только прежнего веселья и безмятежной радости, которыми отличалась наша деревенская жизнь.

Меня постигло второе горе в моей коротенькой жизни. Мать пришла к заключению, что я плохо учусь иностранным языкам, ибо предпочитаю болтать с няней, а не с гувернантками. Да и они скорее учатся русскому, вместо того, чтобы побуждать меня говорить на том или ином иностранном языке. Так было и с Ивет, то же происходило теперь с Ингеборг.

Мамино заключение явилось для меня полной катастрофой. Няня должна была покинуть наш дом и переселиться к родителям в село Оброчное. Я была теперь предоставлена исключительно своей новой учительнице, с которой хорошие отношения у нас никак не налаживались.

Бабушкины и мои именины не внесли обычного оживления.

Родители что-то начали часто ссориться, и я несколько раз слышала, что мать пророчила нашей семье полное разорение, если отец будет продолжать так же действовать, как до сих пор, и не примет срочных мер, чтобы спасти наше положение.

Я считала нас очень богатыми, со всеми принадлежавшими нам полями, лесами, фермами, имением, скотом и прочим, так что волнения матери были мне совершенно непонятны.

Как-то в августе к нашему дому подошел молодой парень красивой наружности и вызвал отца. О чем они говорили я не слышала, но видела, как по окончании переговоров лицо парня просияло, и он начал за

что-то благодарить отца. Когда парень ушел, между родителями разгорелась ужасная сцена. Мать, всегда довольно сдержанная, на этот раз говорила настолько повышенным тоном, что казалось она даже кричит. Отец же, всегда бушевавший из-за всякого пустяка, был смущенным и бормотал что-то в свое оправдание. Мать все не успокаивалась. Я начала вслушиваться в их разговор и поняла, что весь «сырбор» разгорелся из-за какой-то коровы, которую отец обещал подарить молодому парню. Парень этот, из одной из самых бедных семей нашей деревни, задумал жениться. Средств купить корову у него не было. Родители невесты никак не соглашались отдать девушку такому «голоштаннику», который не мог обеспечить ее самым необходимым. Жених получил категорический отказ. В полном отчаянии (девушка давно полюбилась ему и отвечала тоже полной взаимностью) он решился на последний шаг — пойти поклониться помещику (отец слыл добрым барином), что было парню поперек сердца, ибо, принадлежа к крестьянской бедноте, он был яро настроен против всех «капиталистов» и «господ». Но корова была нужна до зарезу, и он пренебрег своими «политическими» убеждениями и явился к нам. Отец расчувствовался рассказом и приятным обликом парня и разрешил ему взять (конечно даром) даже не телку, а молочную корову из стада. Сам же собрался на другой день поехать на ферму и выбрать ту, которая особенно полюбится будушей молодухе. И вот, идя в самом благодушном настроении после разговора с Иваном (позже я узнала имя жениха), он наткнулся на мать, которая, выведав о причине его прекрасного настроения, устроила ему скандал. Не знаю, что особенно возмутило мать: потеря коровы или то обстоятельство, что она переходила во владение «явно революционного элемента». Во всяком случае отцу досталось, как говорится «на орехи». Обычно уступавший, на этот раз он оказался твердым, как кремень. Сказал, что теперь отступить не может, что он уже дал слово, изменить которое не намерен. Никакие крики и уговоры матери не подействовали.

На другой день, прихватив меня на ферму, он выехал на своих маленьких дрожках, пока все еще в доме спали. Я была весьма польщена тем, что меня посвятили в это дело и получила громадное удовольствие от всей процедуры выбора, в котором принимали участие не только будущие молодожены, но и родители невесты, по-видимому до последней минуты не верившие рассказам Ивана.

Что особенно меня развеселило — это бурное выражение благодарности всей семьи. Мне корова тоже понравилась, и я была в самом лучшем настроении духа, когда старик отец невесты сказал: «Вот, барышня, учись у папаши, будешь добра к людям, и тебе Бог пошлет счастья».

(Спустя восемь лет мне вспомнились слова оброченского крестьянина. Прошла Революция. Мы жили в Симбирске: мать и я.

Отец и старший брат не подавали о себе вестей с тех пор, как присоединились к Белой армии. Георгий же был призван в Красную. Нам приходилось очень туго. Мать обменивала одну драгоценность за другой, которыми в свое время ее щедро наделял отец. Через знакомого, отца моей школьной подруги, я получила место младшей конторщицы в Финансовом Отделе города. Работа заключалась в подшивке входящих и исходящих бумаг. Получала гроши, но все же причитался какой-то паек, который помогал существовать.

Однажды я почему-то задержалась по окончании рабочего дня и спешила закончить оставленную мне заведующим работу. Вдруг вижу, к моему столу подходит высокий красивый мужчина, еще молодой, но по осанке и костюму догадываюсь, что это вновь наэначенный заведующий Финотделом. О нем мне много рассказывали сослуживцы, но я его еще не видела. Все учреждение боялось его, как огня. Говорили, что он крупный партийный работник и его прислали к нам, чтобы поднять упавшую дисциплину и работоспособность всего персонала. Он прямо направился ко мне и отрывисто спросил: «Как фамилия?», я ответила. «Ты кого же дочь, Сергея или Александра?» — последовал второй вопрос. Замирая от страха при таком неожиданном допросе, робко ответила: «Александра». Не говоря больше ни слова, новый хозяин повернулся и ушел.

Окончив работу, я побежала домой. Рассказала матери об этом, казалось бы, незначительном происшествии, но которое в советских условиях грозило большими последствиями. Выразила свою уверенность, что меня завтра же уволят.

В это время в Симбирске, как и в других городах, всюду разыскивали так называемых «бывших людей», и то, что новый начальник был так прекрасно осведомлен о нашей семье (даже знал имена отца и дяди) не давало возможности сомневаться в том, что моей «служебной карьере» пришел конец.

На другое утро, когда я робко переступила порог нашей конторы, меня подозвал заведующий нашим отделом и поздравил с назначением на должность помощника делопроизводителя отдела. Это было значительным повышением, принимая во внимание мои лета и отсутствие опыта.

Я не верила своему счастью и не могла понять в чем дело.

Скоро загадка разрешилась. Как-то на улице мне повстречалась красивая молодая женщина. Остановив меня, она вдруг обратилась ко мне со словами: «Не узнаете меня, барышня? (я уже давно отвыкла от подобного обращения и с удивлением смотрела на нее). Я — Татьяна Григорьевна, жена Ивана. Помните, вы нам корову выбирали, когда мы жениться собирались? Теперь Ивана моего назначили начальником Губфинотдела».

Тут я поняла, кому я обязана повышением и почему. Я вспомнила все, как будто это было вчера: большой скотный двор на ферме в Оброчном, красивую буланую корову, выбранную застенчивой хорошенькой девушкой и сияющим парнем в белой вышитой рубашке. Вспомнила и слова старика отца).

В этот год мы даже не дождались дня именин отца в Оброчном и уже в конце августа перебрались в Петербург. Братьям надо было заниматься, а мне взяли учительницу, опять немку, которая приходила три раза в неделю. Остальное время я занималась с матерью разными предметами, необходимыми для сдачи экзамена при поступлении в женский институт, куда родители собирались меня отдать.

Несколько знакомых семей, у которых были дети моего возраста, объединились и организовали частные уроки танцев в большой элегантной квартире полковника Гладкого на Таврической улице. Приглашен был балетмейстер двора, что особенно импонировало родителям, но не детям. Дети, наоборот, не взлюбили этого высокого, стройного, небрежно скользящего по паркету господина, который был чрезвычайно к нам строг и зло подсмеивался над неловкостью и ошибками. Я лично на него не могла пожаловаться. Он, видимо, благоволил ко мне и всегда выбирал мне хорошего партнера. Мать моя, умевшая очень прилично шить, сотворила для меня что-то прелестное из разноцветного, воздушного шифона. Благодаря ее стараниям я оказалась одной из самых нарядных девочек, посещающих уроки танцев.

Это время связано у меня с воспоминанием о моей первой любви. На уроках собиралось человек двадцать детей, между 8-ю и 13-ю годами. С первых же дней мое внимание было привлечено румяным, стройным мальчиком высокого роста, с пышными светлыми кудрями. На вид ему можно было дать лет 13. Звали его Степаном. Единственно, что мне в нем не нравилось — это его имя. Почему-то обязательно хотелось, чтобы его звали Никитой. Это имя, связанное с русской стариной, казалось гораздо более романтичным.

С именем приходилось смириться, уж очень нравился мне сам обладатель этого, как мне казалось, непоэтичного имени. Степа же не особенно рвался на уроки и сначала довольно часто пропускал. Тогда наш балетмейстер шел на разные уловки. Завидя Степу еще в передней (Степа всегда опаздывал), наш учитель моментально освобождал меня от моего партнера и, скользя по паркету, несся за руку со мной навстречу моему герою. Кажется, мы составляли хорошую пару, нам даже аплодировали, что, конечно, Степе, как и мне, очень нравилось. Постепенно мы стали находить все больше и больше удовольствия в компании друг друга. Степа перестал пропускать уроки, а, если все-таки по какой-либо причине его не было у Гладких, я не скрывала своего уныния и, как правило, хуже танцевала в эти дни, вызывая насмешки нашего педагога.

После двухчасового урока сервировали чай с превкусными тортами и другими сладостями лучших петербургских кондитерских. Торт с земляникой я долго не могла забыть. К чаю собиралась очень большая компания. Кроме детей и родителей, наблюдавших наши танцы, приезжали еще обычно братья и сестры, которым поручалось отвозить домой тех, с кем не было старших. В числе подобной молодежи был всегда и мой брат Георгий. Он производил большое впечатление на бывавших у Гладких барышень. За два последних года он очень вырос, чертами лица походил на мать, которая отличалась незаурядной внешностью. Был всегда очень элегантно одет в свою праздничную лицейскую форму. За чаем он совсем не наблюдал за мной, занятый флиртом с хорошенькими девицами. Я же радовалась соседству Степы, который усиленно угощал меня всеми моими любимыми деликатесами.

Вскоре после чая все разъезжались. Со следующего дня я уже с нетерпением начинала ожидать будущего урока танцев. Эти танцы в доме Гладких и моя детская любовь к Степе были самым ярким впечатлением моей жизни в Петербурге.

Что касается домашней обстановки, то она была далеко не радужной. Все еще находились под гнетом Васиной смерти, первая годовщина которой приближалась. Он как-то умел всех объединить. Родители и братья его обожали, знакомые, прислуга — все его любили. Веселый, остроумный, он забавлял всех интересными рассказами или (прекрасный пианист) целыми вечерами играл, вызывая всеобщее восхищение. Поэтому у нас всегда было весело. Теперь же гораздо реже собирались знакомые. Георгий с понедельника до субботы проводил в лицее, а Павел — скромный, сильно заикающийся, грустил о потере любимого брата и уже никак не мог заменить его в кругу Васиных друзей и почитателей.

В отношении политических событий в нашей стране из разговоров родителей я понимала, что далеко не все благополучно. Отец приезжал домой все более и более раздраженный, передавал подробности думских заседаний, ругал Керенского, по-видимому, своего злейшего врага. Часто в разговорах проскальзывало имя Распутина. Заинтересовавшись, я обратилась к брату Павлу, который более всех остальных домашних снисходил к разговорам со мной. Он объяснил, что Керенский — политический противник отца, принадлежащий к диаметрально противоположной партии, а что Распутин просто мерзавец, пролезший в доверие к государыне Александре, так как умел вылечивать, как никто другой, маленького очаровательного наследника, больного гемофилией.

Я была очень удручена рассказами Павла, ибо, как все русские дети, обожала десятилетнего прелестного мальчика, портретами которого была завешена вся моя комната. Кое-что и раньше доходило до меня о

его болезни, но почему-то все это было покрыто тайной. Никто об этом много не говорил.

Как-то в начале 1914-го года у нас был прием членов Думы, во главе с председателем Родзянко, Хвостовым, явно покровительствовавшим моему отцу (Хвостов был выбран от Нижегородской губернии), и многих других, имен которых я не знала. Из очень крупных разговоров в кабинете отца, за ликерами после ужина, я подслушала, что стране грозит большая опасность и эта опасность идет, главным образом, от сибирского мужика, Распутина, того самого, которого ровно год тому назад Родзянко выкинул из Казанского собора. Распутин недолго отсутствовал из Петербурга и теперь опять играет роль при Дворе. Ненавидя Родзянко и не прощая обид, он, по-видимому, как-то мстил ему теперь.

Впервые в этот вечер между взрослыми шли разговоры о возможной войне. Наслушавшись всего этого, я в ту ночь долго не могла заснуть, а когда засыпала, то видела страшные кошмары: маленькую фигурку больного наследника, а над ним страшное лицо с черной бородой — Распутина.

ЛЕТО 1914-го ГОДА

Весна в этом году была чудесной и, как только кончились занятия братьев, мы перебрались в Оброчное. Последние дни в Петербурге были тревожными. Родители обсуждали визит Пуанкаре, радуясь союзу с Францией, но считая, что все это связано с возможностью войны с Германией. Говорили также о частых военных парадах, имевших место главным образом в Красном Селе. Слово «война» слышалось все чаще и чаще. Все это производило тяжелое впечатление на мою детскую душу, и я часто прибегала к Павлу, прося возможных разъяснений по волнующим меня вопросам. Но он что-то стал односложен в своих ответах. «Будет война, пойду добровольцем». На этом заканчивались наши беседы.

В Оброчном, когда съезжались родственники, особенно мои два дяди Сергей и Николай, крики в бабушкином доме не прекращались и достигали даже нашего слуха. Особенно горячился отец, по-видимому, не сходясь во взглядах с братьями. Отец всецело заступался за царствующего императора Николая 2-го, а братья нападали, особенно на царицу, и возмущались поведением Распутина.

Дядя Николай боготворил великого князя Николая Николаевича и считал, что именно он должен быть на престоле, а не слабый характером Николай Второй, находящийся под влиянием жены и Распутина. Сергей был настроен еще более либерально и кричал о необходимости ограничения власти государя и организации учредительного собрания. Бабушка была в ужасе, что все в усадьбе слышат эти раздоры и пререкания братьев, умоляла их замолчать. Ненадолго воцарялось спокойствие, чтобы опять, по какому-либо пустяковому поводу, не начиналось все сначала.

Я терпеть не могла этих съездов. Ничего кроме волнений и неприятностей они не приносили. В подобных случаях удирала к своим любимым собакам и лошадям и с ними проводила остаток дня.

Как сейчас помню солнечный яркий день конца июля, когда я, собрав всех девочек, дочерей усадебных рабочих и служащих, устроила игру на подъезде.

Вскоре мы увидели брата Павла, скакавшего верхом по главной дороге и свернувшего к «новому дому». Он соскочил с седла и показал-

ся мне чем-то взволнованным. Привязав лошадь, он прошел прямо в дом. Это было очень на него непохоже. Он всегда останавливался, чтобы поболтать со мной и моими подругами.

Я проскользнула в переднюю и услышала разговор об убийстве в Сараеве Франца Фердинанда — племянника австрийского императора Франца Иосифа. Павел что-то рассказывал о каком-то ультиматуме, посланном Австрией и на который Сербия должна ответить в течение 48 часов.

«Теперь-то уж война неизбежна»,— послышались слова отца.

Я в ужасе выскочила обратно на парадное крыльцо, чтобы прекратить игру и отправить девочек по домам.

События стали развиваться ускоренным темпом.

Через несколько дней Россия была уже в войне. Началась мобилизация. Близлежащие деревни и село Оброчное оглашались непрерывным завыванием женщин и детей, провожавших мужей и отцов.

Дома настроение тоже было напряженным. Павел в первый же день объявил родителям, что бросает университет и идет добровольцем. Мать была в отчаянии. Так недавно потеряв старшего сына, она боялась лишиться и второго. Отец молчал. В нем, по-видимому, шла внутренняя борьба. Он не мог не одобрять патриотические чувства сына, а с другой стороны, и он боялся потерять его. Павел был всегда его любимцем. Прислуга тоже волновалась. Почти у каждого был кто-то, кто должен был идти воевать. Объединяло их общее чувство тревоги и вспыхнувшей ненависти к моей гувернантке Ингеборг, которая этим летом опять вернулась в Оброчное.

Помню случай, как я отличилась во время этого без того уже напряженного настроения. Как-то за ужином, когда присутствовала вся семья, а лакей Петр обносил кушаньями, я вдруг, неожиданно даже для самой себя, обратилась ко всем и ни к кому в частности с вопросом: «Правда ли, что наша государыня немка?». Ответом на мой вопрос последовало то, что я была немедленно изгнана не только из-за стола, но и из столовой, под оглушительные крики отца. Обливаясь слезами, я убежала в свою комнату и еще долго рыдала там, несмотря на все уговоры прибежавших матери и Ингеборг. Всех больше меня возмутила несправедливость отца. «Ведь все же знают, повторяла я непрерывно, все знают, что государыня Дармштадтская принцесса, а это значит, что она немка». Отец еще долго бушевал в столовой, и слышно было, как братья что-то твердили ему. Ингеборг, боясь, что это ее заподозрят в подобных разговорах со мной, клялась матери, что она ни при чем, что об этом говорит вся дворня, начиная с лакея Петра, и что, конечно, я подобные разговоры слышу отовсюду. Мать, настроенная далеко не так монархически, как отец, не придавала случившемуся большого значения и старалась только всеми силами убедить меня никогда не задавать

подобных вопросов при людях и меньше вмешиваться в то, что меня не касается.

На этом инцидент был исчерпан.

Этой осенью наша семья очень рано перебралась в Петербург.

Павел покинул университет и поступил в Николаевское Кавалерийское училище, по окончании которого уйдет на войну. Уже теперь объявил, под очевидным влиянием дяди Николая, что поступит во 2-й Конно-Дагестанский полк. Дядя Николай тоже в этом полку и, будучи в большой дружбе с великим князем Николаем Николаевичем, говорит, что великий князь очень покровительствует Дагестанцам, так что Павлу лучше всего идти в Дикую Дивизию. Отец этим не очень доволен, но Павел ни о чем другом теперь и думать не желает.

Каждый день все дома следят за известиями с фронта.

Среди родных и знакомых уже есть жертвы. Убит старший сын тети Гершельман, у которой сначала жил Вася до нашего переезда в Петербург, а потом и я, на Пасху, когда все родные уехали в Оброчное на похороны.

Старший Гершельман служил в Уланском полку. С первых же стычек с неприятелем полк очень пострадал. Ранен двоюродный брат Сергей Давыдов, служивший в Измайловском полку. Теперь лежит в госпитале.

Родители отпустили Ингеборг, ее присутствие в нашей семье с первых же дней войны было всем неприятно. Думаю, что не только нам, но и ей самой. Взрослые часто забывали о ней и делились разными замечаниями, которые, волей-неволей, ей приходилось выслушивать. Прислуга ее явно бойкотировала. Я категорически заявила матери, что на улицах говорить по-немецки не буду. Последнее время мы гуляли в «гробовом молчании». Ингеборг кипела от возмущения, но сделать со мной ничего не могла. Наконец она не выдержала этой обстановки и просила родителей уволить ее.

Никто ее не задерживал, и она покинула наш дом.

Вся жизнь в Петербурге изменилась. Наши веселые танц-классы прекратились. Полковник Гладкий ушел на войну. Родители всех наших участников считали, что теперь не время танцевать и развлекаться.

С моим первым увлечением, Степой, я стала встречаться только в домах разных общих знакомых, но и то редко. Мне стало казаться, что он ко мне совсем переменился. В прошлом году я была его главной партнершей в танцах, нас хвалили, и ему это очень нравилось. Теперь же в домах, где мы бывали, девочки были много старше меня, у них были со Степой свои интересы и какие-то тайны, которые они тщательно скрывали от меня. Я чувствовала себя обиженной и очень огорчалась таким презрительным ко мне отношением. Однажды

я сказала матери, что больше не хочу ездить в эти дома, ибо мне там просто скучно.

На этом мой первый «роман» закончился.

(33 года спустя, работая секретарем в одном учреждении у французов, оккупировавших Рейнскую область после второй мировой войны, я случайно узнала, что Степа жив и тоже находится за пределами Советского Союза. С женой и сыном он жил в Мюнхене, занятом американцами. Из-за незнания языка никто из этой семьи не мог найти службы. Мне удалось через моего начальника выписать их в зону французской оккупации, французский язык они все знали великолепно. Здесь они сразу же были приняты на очень хорошую работу.

Как-то в разговоре со мной Степа сказал, что зима 1913–14 гг., танцклассы у Гладких и знакомство с маленькой, голубоглазой девочкой останутся навсегда самым светлым пятном его жизни. Я пожалела, что не знала этого раньше).

Весной мать мне сказала, что в следующую зиму мы не вернемся в Петербург, а проведем ее в Оброчном. В тот вечер я долго не могла заснуть, стараясь разгадать причину этого решения. «Дума» ли закрылась или отец больше не на службе? Он все время в таком отвратительном настроении, на все лады ругает Керенского, наверное его уволили, пришла я к заключению.

Между прочим, отец всегда уверял, что у Керенского препротивный пискливый голос, когда он орет на собраниях. (36 лет спустя я встретила этого самого Керенского в Нью-Йорке, но этого не заметила. Правда и обстоятельства изменились. Кричать ему было не на кого, спорить не с кем. В это время он помогал ссудами, которые доставал в одном банке, эмигрантам, только что приехавшим в Америку. Помог и мне. Показался он мне весьма галантным пожилым господином, любезно снимавшим и подававшим пальто и открывавшим дверь. Я была рада, что ему в голову не пришло спросить мою девичью фамилию, которая возбудила бы в нем не очень-то приятные воспоминания. Позже мне пришлось несколько раз с ним встречаться, даже на одной свадьбе общих знакомых, но разговоров о прошлом не подымалось).

Дома в это время бесконечно обсуждали роль Распутина при Дворе, говорили о больном наследнике и смене министров. Разговоры о государыне вызывали между родителями большие разногласия. Отец все еще пытался защищать царскую семью, мать же доказывала, что Распутин позор и что он-то и погубит монархию.

В это время в Петербурге было большое увлечение спиритизмом. Мать организовала кружок любителей, который часто у нас собирался. Все вызываемые духи, как правило, пророчили гибель нашего государства через Распутина!... Меня эти сеансы крайне интересовали, и я старалась незаметно проникнуть в гостиную, где собирались все участники, но меня замечали и неизменно выпроваживали.

В июне 1915 года мы вернулись в Оброчное, чтобы больше оттуда не уезжать. Вскоре родители получили длиннейшую телеграмму, в которой перечислялись все убитые и раненые в одной из самых неудачных атак Дагестанского полка. Брат жены дяди Николая, Борис, был убит. Сам Николай контужен в голову. Близкий друг Павла, Сергей Мессинг, тоже контужен. Многие друзья и родственники ранены. К счастью, Павел остался целым и невредимым. Все произошло из-за того, что полк был послан в атаку и налетел на проволочные заграждения, о которых командиры каким-то образом ничего не знали.

Настроение в Оброчном было настолько подавленным, что, казалось, вся радость жизни ушла без возврата. У меня с уходом Ингеборг больше не было гувернантки. Я убегала на целые дни в луга и леса или уезжала верхом. В усадьбу прислали на работы военнопленных австрийцев. Один из них работал конюхом, и его давали мне в провожатые. Я больше не удовлетворялась нашим «ипподромом» за усадьбой, а стремилась уезжать в соседние деревни или даже в громадный сосновый лес, верстах в пятнадцати от дома. И вот тогда, когда удавалось скакать по полям и лугам на любимой мною лошади, забывалось все тяжелое, что свалилось на всех нас.

Ни о каких праздниках не было больше и речи.

Закончилось лето, наступила ранняя осень. Поднялся вопрос о моем дальнейшем образовании. Родители выписали из Мурома молодую русскую учительницу, Зинаиду.

Вскоре появилась в нашем доме тоненькая, застенчивая девушка лет восемнадцати, только что окончившая гимназию. Ее очень рекомендовал старый знакомый нашей семьи — учитель Муромской гимназии.

Девушка всем понравилась, и наши занятия начались.

Поздней осенью, в октябре, родители решили ехать в одну из западных губерний, куда на отдых был направлен Дагестанский полк. На время их отсутствия вызвали из деревни мою старую няню, считая, что молодая учительница еще неопытна, да и совсем чужая в Оброчном. Лучше было иметь дома кого-то из своих. Я была вполне довольна этим оборотом дела и даже не очень грустила из-за отъезда родителей.

В ноябре они вернулись. Отпуск полка кончился.

Теперь по вечерам к нам приходили из «Старого Дома» бабушка с братом, и родители развлекали всех рассказами о проведенном не очень-то далеко от фронта времени.

Привезли с собой много снимков, завели много новых знакомств.

Мы стали ждать Рождества и приезда Георгия.

В двадцатых числах декабря приехал Георгий с товарищем по лицею Воронцовым-Дашковым. Это был красивый, краснощекий

мальчик, лет 17. Вместе с Георгием они предавались всем деревенским развлечениям: катаньям с гор, на тройках, на лыжах.

Лично мне их двухнедельное пребывание в Оброчном никакого удовольствия не доставило, ибо, считая меня малолетней, они относились ко мне с большим презрением и всячески избегали моего присутствия. Я, конечно, обижалась и жаловалась Зинаиде. Она сочувствовала, но помочь ничем не могла.

В тот год (1915–16) моим большим развлечением служила переписка с четырнадцатилетним мальчиком, сыном маминой подруги из Нижнего Новгорода. Каждую неделю и обязательно по вторникам (видимо, писал по воскресеньям) я уже знала, что на почте меня ждет небольшой конверт с его письмом. Мы обменивались новостями. Он обычно писал, что делается в городе, я же описывала нашу деревенскую жизнь.

Весной 1916-го года Георгий перешел на ускоренный курс Пажеского корпуса, чтобы затем выйти в артиллерию и по стопам брата уйти на войну.

Лето 1916-го года было неспокойным. Благодушное настроение окрестных крестьян изменилось. В усадьбе начались разные мелкие беспорядки. Каждое воскресенье выламывали доски из забора, отделяющего усадьбу от большой дороги. Эта большая дорога вела из Баева (соседней деревни) в Оброчное, где была церковь. В деревнях, по другую сторону усадьбы, на протяжении пяти верст не было ни одной церкви, и потому все крестьяне этих деревень должны были проходить мимо усадьбы. Лето было жаркое, солнце пекло с утра, и, конечно, приятнее было идти густой березовой аллеей, а не по самому припеку по пыльной дороге. Это хождение по парку раньше запрещалось управляющим, и никто не нарушал его распоряжений. Теперь же не только молодежь, но и пожилые крестьяне пользовались этой лазейкой и целыми толпами шли но праздникам в Оброченскую церковь из всех близлежащих деревень. Никакие запреты и убеждения больше не действовали. На возмущение матери отец просил не вмешиваться, и сам переговаривал со старостой. На время как будто порядок восстанавливался, но ненадолго. Вскоре опять все начиналось с новой силой. Доски из забора исчезали, лазейка все вырастала, и березовая аллея была затоптана так, точно проходило целое стадо коров.

Иногда появлялись в усадьбе странные личности в штатском платье. Говорили с дворовыми. Раз пришли и вызвали отца. Отец, по своему обыкновению (всегда отличался большим гостеприимством), пригласил их к ужину. Оказалось, что это меньшевики, которые интересовались настроением крестьян и часто бывали в наших местах. За столом отец беседовал с ними спокойно, чему я очень удивилась, но после их ухода долго говорил что-то матери, закрыв двери гостиной, и очень

волновался. Хорошо еще, что не вышло никакого скандала в присутствии этих посторонних людей.

Чем дальше, тем настроение делалось более напряженным. В деревне, уже почти не скрываясь, присутствовали на крестьянских собраниях какие-то подозрительные личности. Выступали. Своими речами мутили крестьян. Попадались в руки полиции и их увозили, как рассказывали, в Нижегородскую тюрьму.

Большей частью им все сходило с рук, и никто их не трогал.

Мой друг из Нижнего Новгорода писал мне, что и там неспокойно.

Распутин не сходил ни у кого с языка.

Интересно, что мой отец даже перестал защищать так безоговорочно царскую семью, как это делал раньше. Его ненависть к Керенскому, правда, не улеглась, и при каждом удобном случае он опять вспыхивал и клял его на чем свет стоит.

РОЖДЕСТВО 1916–17 гг.

Подошло Рождество. Громадную елку установили в столовой. В России праздновали не сочельник, а первый день Рождества. С разрешения родителей, я пригласила всех детей не только окрестных помещиков, но и дворовых ребят. С дочерью кухарки, моей любимой подругой, готовилась их всячески развлекать и угощать.

В сочельник все собрались в гостиной: родители, бабушка со своим братом пришли из «Старого Дома», моя учительница Зинаида и я.

Ожидали ужина. По строгим правилам, проповедуемым бабушкой, до первой звезды в сочельник не разрешалось ничего есть.

В это время послышался шум в передней, открылась парадная дверь, кто-то вошел, раздались голоса. Я первая сорвалась с места и бросилась встречать неожиданных гостей. В дверях из столовой в переднюю остолбенела от неожиданности и радости. В полушубке и папахе, замотанный алым башлыком, стоял брат Павел. Через секунду я уже обнимала его. За мной спешили все остальные. За поцелуями и расспросами никто не заметил, что в углу стояла небольшая фигура в терпеливом ожидании.

Вырвавшись из объятий родителей, Павел представил своего вольноопределяющегося Виктора Штейна. Он нам о нем уже писал. Теперь привез на время отпуска к нам.

С этого дня развлечения чередовались. То у нас, то у соседей бывал большой съезд гостей с обязательной елкой. Днем же катались на лошадях по окрестностям или на огромной ледяной горе на санках и ледянках в самой усадьбе. Виктор оказался веселым малым. Он каждый день придумывал что-либо новое. Сам развлекался, как ребенок.

Да ему и было-то всего 19 лет.

Новый год встречали у соседей Приклонских. Деревня их, Ульяновка, была всего в трех верстах от Оброчного. Для развлечения Павла и Виктора были приглашены все молодые учительницы соседних школ. Это была семья Чижовых. Их было семь девушек между 18-ю и 27-ю годами. Моей любимицей была Шурочка, двадцати лет, влюбленная в брата Павла.

В этот вечер все как-то забыли о войне, о том, что скоро Павлу и Виктору придется возвращаться на фронт: все веселились, как никогда.

Мне теперь кажется, что это был последний такой беспечный, бурно-радостный вечер, проведенный нами до революции.

Спустя несколько дней до нас дошла весть об убийстве Распутина. В доме от этого известия царила общая радость и надежда, что теперь все должно измениться к лучшему.

Надежды на благоприятные перемены не оправдались. Волнения не улеглись, события стали разворачиваться с невероятной быстротой, и для нашей семьи ничего уже более веселого и приятного в начале семнадцатого года не случилось.

В начале февраля утром Зинаида вошла в мою комнату, бледная, с перепуганным лицом. Я уже не спала и с удивлением посмотрела на нее. «Вставай скорее, твоя бабушка сгорела», — услышала я страшные слова. «Родители твои всю ночь провели в «Старом Доме».

Перепуганная, я бросилась к ней с расспросами. Она рассказала, как все произошло. Бабушка ночью, со свечой, пошла в уборную (электричества в доме не было). Свечу поставила на пол и, по-видимому, задремала . Пришла в себя, когда шерстяной, длинный халат пылал. На ее крик прибежала спавшая в девичьей горничная Анюта и с помощью сестер (у бабушки воспитывались две Анютины сестры-сироты) сорвала с бабушки халат и завернула ее в мокрые простыни. В это время девушки тушили разгоревшийся халат и другие ближайшие вещи, охваченные огнем. Послали за моими родителями. Срочно был вызван врач из села Кемля, за 5 верст от Оброчного. Наутро приехал другой доктор, за которым были высланы лошади в соседний уездный город.

После осмотра бабушки выяснилось, что у нее ожоги третьей степени и надежды на выздоровление нет.

С этого дня и до 27-го февраля, дня кончины бабушки, не было ни минуты покоя ни для моих родителей, ни для съехавшихся родственников, ни для прислуги. Но самые тяжелые страдания пали, конечно, на долю бабушки. С утра и до позднего вечера по всему дому раздавались ее жалобные стоны, раздиравшие всем сердце. Помню, куда бы я ни уходила, меня всегда преследовал этот жалкий, с каким-то даже завыванием, голос несчастной бабушки.

Только вечером, после мучительной перевязки, ей давали успокоительные средства и на некоторое время она впадала не то в сон, не то в полубессознательное состояние.

Моя мать чередовалась с сразу же приехавшей из Симбирска теткой, сестрой отца. Бабушке казалось, что мать ухаживает лучше других, и она требовала ее постоянного присутствия. Через несколько дней маму было трудно узнать. Она похудела, побледнела, страдальчески исказились ее красивые черты.

Лицо бабушки не пострадало совсем. Когда 27-го февраля ее уложили в гроб, то все поражались, как молодо, спокойно и прекрасно она выглядела.

Перед похоронами съехались монахини из соседнего монастыря. Оказывается, это было желанием бабушки, чтобы ее отпевал хор монахинь. Раньше она часто бывала в этом монастыре, и ей очень нравилось монашеское пение.

Весь «Старый Дом» заполнился черными фигурами, неслышно скользящими по паркетным полам. Сама игуменья — полная, высокая, представительная женщина – руководила всем. Пели они, правда, изумительно.

Хор молодых чудных голосов наполнял весь дом. «Словно ангелы уносят душу твоей бабушки», — говорила няня.

Частые панихиды, монашеское пение, запах ладана и бесчисленное количество горящих свечей так на меня действовали, что на второй день, во время службы, я упала в обморок, перепугав мать, которая и сама-то еле держалась на ногах. Меня отправили в «Новый Дом» и запретили больше приходить.

Даже, несмотря на мои мольбы и слезы, не взяли на похороны.

Итак, ушла наша веселая, энергичная бабушка — оплот старого режима.

А в это время в далеком Петрограде развертывались события, отразившиеся не только на нашем будущем, но и на будущем всей страны. Об отречении государя мы уже слышали, но, переживая ужас бабушкиной болезни, даже отец отнесся к этому слишком равнодушно.

Теперь же в стране бушевала революция.

Бабушку хоронили 1-го марта. Съехалось множество родственников и знакомых. Процессия протянулась от усадьбы до церкви. Приехал с фронта любимый внук бабушки — улан Денис Давыдов. Мне потом рассказывали, что он просил сфотографировать его у дверей склепа, куда опускали гроб. Я видела эту фотографию: он стоял с опущенной головой, полный глубокой печали.

Через месяц и сам он был убит на фронте.

Вечером, после похорон, отец сказал как бы про себя: «С мамой похоронили старый мир. Этот мир ушел навсегда. Что-то нам даст новое, что стоит у порога?»

Двух недель не прошло со дня похорон, как в наш дом пришла толпа оброченских крестьян, во главе с каким-то представителем новой власти. Намеревались они искать будто бы спрятавшегося дядю Сергея.

Сергей был Пензенским предводителем дворянства, и его очень не любили крестьяне, несмотря на его либерализм. Как ни странно, отец, ярый монархист, пользовался гораздо большим уважением и любовью.

Толпа рассыпалась по всему дому, искали во всех углах, даже под кроватями. Бабы, воспользовавшись тоже случаем побродить по

«барским покоям», приходили в восторг от зеркальных шкафов, отражающих их в натуральную величину, пробовали бренчать на рояле и особенно поразились белой мраморной ванной около спальни матери. Ничего не брали, несмотря на то, что наверное многое их привлекало. Я замешалась среди толпы, где было полно знакомых мне девушек и парней. Меня никто не гнал, а наоборот, расспрашивали насчет разных, впервые ими виденных предметов. Всех больше меня рассмешили две бабы, которые вытащили ночной горшок и интересовались, не кастрюля ли это для щей?

Обыск закончился ничем. Сергея не нашли, да его у нас со дня похорон бабушки не было. Старшие крестьяне извинились за беспокойство, потрясли отцу руку. Враждебности и со стороны молодежи не чувствовалось.

В скором времени узнали, что дядю все-таки нашли и засадили в тюрьму. Тетка была занята хлопотами об его освобождении, а дочь, Наташу, десяти лет, прислали к нам. Поселили ее в одну комнату со мной.

Отец все время находился в подавленном состоянии. Он никак не мог примириться с тем, что во главе Временного Правительства, кроме князя Львова, оказался и его злейший враг — Керенский.

Забавно было, что все девицы-учительницы, с которыми приходилось встречаться, были поголовно влюблены в Керенского. Моя Зинаида не была исключением. Зная только настроение отца, она избегала разговоров на эту тему. Я как-то обнаружила в самых заповедных ее вещах (маленький сундучок, который она порой открывала и перебирала свои сокровища) фотографию Керенского. Завидя меня, она постаралась скорее ее запрятать, но я все же успела увидеть и потом долго ее поддразнивала.

Она умоляла меня не говорить родителям.

Я продолжала переписку с моим нижегородским другом Алексеем и, делясь впечатлениями о происходящем, каждый из нас торжественно объявлял другому, что «Я, конечно, на стороне восставших». Алексей к тому же сообщил, что он ходит с красным бантом, и советовал мне обзавестись таковым. Все же я не рискнула, боясь отцовской реакции.

В мае этого, 1917-го года, мы должны были с мамой ехать в Нижний Новгород, где мне предстояло держать экзамены в гимназию, вместо института, как предполагалось раньше. Я заранее предвкушала удовольствие от этой поездки, но еще сначала ожидала приезда Георгия с двумя товарищами на пасхальные каникулы.

В понедельник на страстной неделе молодые люди прибыли поздно вечером, когда мы с Наташей уже спали.

Наутро к нам в комнату ворвалась веселая, возбужденная Зинаида и, сообщив приятное известие о приезде молодежи, стала делиться с

нами своими впечатлениями, которые на нее произвели молодые люди. Казалось, что она сразу влюбилась во всех троих.

С этого дня отец стремился всеми мерами развлекать наших гостей. Верховая езда сменялась охотами, последние рыбной ловлей. Одновременно не пропускались церковные службы, такие важные во время страстной недели. Времени хватало на все, и молодежь только страдала от одного — постной еды, с полным отсутствием мяса, как это у нас было принято с испокон веков.

Зато какое торжество было, когда после заутрени (ради Георгия и его друзей отец нарушил издавна укоренившееся правило стоять всю обедню, почти до 4-х часов утра) все приехали домой и ахнули, войдя в столовую, где уже был приготовлен стол, ломившийся под громадным количеством яств. Чего только на нем не было: целый поросенок, окорок ветчины, телятина, всевозможные закуски, пироги, пасхи, куличи, крашеные яйца, а главное — целый ряд настоек домашнего изготовления.

Молодые люди оставались у нас две недели и за это время покорили немало сердец окрестных барышень, молоденьких служанок, моей застенчивой Зинаиды и мое. Надолго образ привлекательного девятнадцатилетнего пажа Николая Зубова оставил в моем воображении неизгладимое впечатление, вытеснив совсем воспоминание о первой любви — голубоглазом Степе.

Так как мне иногда разрешалось ездить с ними верхом, то, заметив мое немое обожание, Зубов подарил мне хорошенький хлыст с серебряным наконечником и моими инициалами. Этот подарок я тщательно хранила и всюду возила с собой вплоть до 1942 года, когда нам пришлось покинуть окруженный немцами, голодный, холодный Ленинград. Это было в первый раз, когда у меня даже не было мысли взять с собой дорогую мне вещь.

После отъезда молодых людей мы с матерью провели недели три в Нижнем, где я благополучно выдержала экзамены и перенесла небольшую операцию ноги.

Июнь, июль и август прошли сравнительно тихо. Нас мало кто посещал: смерть бабушки, арест дяди Сергея — все это не располагало к веселью.

В конце августа мама получила телеграмму от сестры, тети Лизы, спрашивающей разрешения приехать в Оброчное с мужем и дочерью и остаться у нас на зиму. Они жили в Чаусах, Могилевской губернии, где были непрерывные волнения, и они предпочитали выбраться в глубь страны, где им казалось безопаснее.

Первого сентября наша семья сразу выросла с приездом тети, дяди и двоюродной сестры Марины. Я была бесконечно рада их приезду,

мне казалось, что атмосфера напряжения, которая не покидала наш дом, должна теперь рассеяться.

В этом я ошиблась. Тетя и дядя, напуганные революцией, только и говорили о ней и в свою политику втянули мать, которая под их влиянием на многое стала смотреть иными глазами.

Мы с двоюродной сестрой проводили все время вне дома. Я старалась соблазнить ее верховой ездой, но, к сожалению, безуспешно. Живя вечно в городе, она имела мало соприкосновения с миром животных, и ни мои любимые собаки, ни лошади ее совсем не привлекали. Единственно, на что она соглашалась,— это на поездки в лес и к соседям в удобных экипажах.

Таким образом, нашим любимым развлечением стали организуемые матерью большие экспедиции, в сопровождении всех моих деревенских подруг, в соседний бор за грибами. Грибов в этом году было несметное количество, и их сбор доставлял всем большое удовольствие. Так как самый большой лес был в верстах двадцати от усадьбы, то мы уезжали на целый день.

Прошел сентябрь и большая часть октября.

Большевистская революция 25-го октября 1917 года отразилась и на нас.

Начались погромы имений, сопровождаемые пожарами. Одним из первых пострадал сосед Приклонский. Искали его самого, будто бы даже хотели убить, но он с семьей давно покинул деревню. От дома осталось одно пепелище.

Сгорело имение Философовых, в 5-ти верстах от нас.

Отовсюду шли самые тревожные слухи.

Насмерть перепуганная моя учительница Зинаида попросила ее отпустить и при первой возможности уехала к себе в Муром.

Отец не хотел никуда двигаться, убежденный, что нас никто не тронет. В этой уверенности его поддерживали оброченские крестьяне, особенно более пожилые из них. Отношения у них с отцом всегда были хорошие. Сколько раз управляющий, да и мать тоже, попрекали его за доброту и попустительство. Отец всегда отшучивался, что на его век, да и сыновьям хватит, а дочь выдаст за богатого, тогда большого приданого и не потребуется.

Шутки шутками, но казалось, что нам опасность не грозит.

Но вот как-то к вечеру на большой дороге, разделявшей усадьбу, показалось несколько троек, едущих по направлению к «Старому Дому». В нем никто теперь не жил, кроме двух девушек, сестер, охранявших остатки бабушкиного имущества. Перепуганные, они прибежали к нам, рассказав, что толпа взломала двери и ставни и ворвалась в дом. Теперь там шел полный грабеж. Действительно, вскоре и до нашего дома донеслись крики, звон и треск разбиваемых стекол, посуды, мебели. Отца вызвала целая делегация крестьян, со

старостою во главе. Они советовали всем уйти из дому, пообещав охранять усадьбу от дальнейшего разорения. Между прочим, сказали, что сегодняшние громилы «Старого Дома» не наши оброченские, а из других деревень, и что за них ручаться не приходится. Но что в дальнейшем они окружат усадьбу кольцом и никого не допустят. Отец, несмотря ни на что, не согласился покинуть усадьбу, но все же решил отправить женщин и нас, девочек. Для сопровождения вызвался здоровый мужчина, огромного роста, из наших оброченских крестьян. Как пушинку, взвалил на спину два чемодана, куда были наскоро уложены самые необходимые вещи.

Мы пошли по направлению станции, где должны были на время поселиться у начальника ее — хорошего приятеля отца.

Пока мы шли через парк, почти непрерывно слышался гул голосов, шум и треск со стороны «Старого Дома» и было очень жутко от мысли, что будет с нами, если вдруг эта банда бросит грабеж и ринется в погоню.

Этот страх был напрасен. Нами никто, по-видимому, не интересовался. Слишком заманчива была та добыча, которую представлял собой «Старый Дом» с мебелью, фарфором, одеждой и другими вещами, накопленными веками.

Начальник станции нас приютил. С этого дня, с 27-го октября 1917-го года, началась наша скитальческая жизнь.

Отец еще несколько дней оставался в усадьбе, которая днем и ночью действительно была окружена верными ему крестьянами. В доме с ним оставались брат бабушки и дядя, приехавший из Чаус. Оба были неспокойны и усиленно уговаривали отца уйти. Но он продолжал упорствовать. Мать между тем заявила, что никуда без него не уедет. Направление наше должно было быть — Лукоянов. Мы узнали, что туда уже съезжаются почти все окрестные помещики. Каждый день доходили слухи о новых погромах, пожарах и даже убийствах.

Мне хотелось скорее выбраться из Оброчного. Я всеми силами старалась убедить отца, когда он приезжал нас навещать на единственной оставленной ему лошади.

Весь табун и скот были выведены в первую же ночь после погрома «Старого Дома».

Только дней через десять отец, наконец, решился на отъезд.

Наши благодетели принесли нам еще некоторые вещи из дому.

12-го ноября 1917-го года мы покинули Оброчное.

ОТРОЧЕСТВО

Мрачным ноябрьским днем мы, «оброченские изгнанники», прибыли в Лукоянов, небольшой провинциальный городок. Раньше я никогда там не была, и на меня он произвел самое удручающее впечатление.

От станции тянулась длиннейшая грязная улица с маленькими деревянными домишками по обеим ее сторонам. Добрались мы до так называемого центра, который состоял из площади с возвышающимся посередине собором, окруженным с четырех сторон разными непривлекательного вида постройками. В этих зданиях размещены были различные учреждения и несколько магазинов с жалкими витринами.

Мы направились к бывшему секретарю отца, Ефимову, проработавшему с ним вместе много лет, теперь же приспособившему-ся к новой власти и одновременно сохранившему добрые отношения с «бывшими» людьми, вроде моего отца. В своей довольно поместительной квартире он предоставил нам две комнаты, в которых, при всем желании, было довольно трудно уместить наше семейство, с двумя прислугами достигшее девяти человек.

К счастью, наш новый квартирохозяин подумал об этом и сговорился со священником, жившим на соседней улице и согласившимся уступить нам 3 комнаты с кухней в собственном доме, который еще находился в полном его распоряжении. Так как уплотнение квартирной площади уже началось, то его даже устраивала подобная комбинация.

Отец с двумя мужчинами остался у Ефимова. Мать, тетя, Марина, две прислуги и я перебрались к отцу Василию, который вместе со своей «матушкой» любезно нас приветствовал. Это, до некоторой степени, примирило нас с мрачной ноябрьской погодой и непривлекательностью самого города, в котором теперь приходилось жить.

Потянулись дни, мало чем похожие на жизнь в Оброчном. Больше всего мне недоставало моих любимых поездок верхом и забот о дворовых собаках, среди которых громадный пес со странным именем «Танго» был особенно мною любим.

Вместо большого поместительного дома — маленькая квартира, а на месте парка — садик в 20 шагов, по которому все-таки в целях

моциона мы с Мариной ежедневно вышагивали в течение 20–30 минут. Эти прогулки напоминали нам, по описаниям Достоевского, тюремные дворы, на которые выводили арестантов.

Бродить по городу тоже было невесело. Жители больше сидели по домам — время было неспокойное и каждый день ожидались новые мероприятия советской власти. Погода не радовала, стоял промозглый ноябрь с сильными ветрами и частыми дождями. Продовольственное положение было плачевным. Местные жители еще жили старыми запасами, да урожаем своих огородов и фруктовых садиков, но всем новоприбывшим было крайне тяжело. Этих же новоприбывших набралось в Лукоянове много. Все помещики не только Лукояновского, но и соседних уездов стекались почему-то в этот город. Каждый день мы узнавали, что приехали те или другие. Население все росло. То, что пугало взрослых, развлекало нас с Мариной. О возможном голоде мы тогда не задумывались, а такой съезд интересовал нас, ибо приобретались новые знакомые. У многих новоприбывших были дети нашего возраста, с которыми мы быстро перезнакомились.

Не прошло и месяца, как стали организовывать детские спектакли, уроки танцев. Начались и более серьезные занятия. Дядя стал с нами заниматься математикой, историей, географией, ботаникой, мать же взяла на себя иностранные языки. Тетка моя стала вести наше несложное хозяйство. Прислугу пришлось отпустить, ибо продовольственное положение с каждым днем становилось все более критическим.

Во второй половине декабря как-то вечером, когда мы с Мариной старательно готовили наши уроки на завтра, в передней раздался стук во входную дверь. Мы выскочили первыми, и через секунду я уже висела на шее брата Павла.

Оказалось, что Павел, освобожденный от военной службы, поехал домой, в Оброчное. Когда поезд уже приближался к станции, он услышал разговор двух мужчин в коридоре. Один из них, показывая на имение отца, мимо которого проходил поезд, сказал другому: «А вот бывшее имение Горсткина». Павел услышал эту фразу и особенно поразившее его слово «бывшее». Он вступил в разговор с незнакомым ему господином и узнал, что 2 месяца тому назад имение было захвачено крестьянами, старый дом сожжен, а помещики выбрались в Лукоянов.

Не слезая на остановке, он проехал дальше и уже в Лукоянове легко разыскал нас.

Вся семья окружила Павла, расспрашивая о положении на фронте, о его личных делах и одновременно рассказывая обо всех перенесенных нами событиях. Радость встречи была омрачена печальными обстоятельствами и убогой, окружающей нас обстановкой.

Как непохоже это было на его приезд год назад на Рождественские каникулы в Оброчное.

Спустя несколько дней и Георгий появился у нас. Так как он был в Петрограде, то родители смогли известить его о нашем новом местожительстве. Он прямо проехал в Лукоянов.

Теперь остро возник вопрос о подыскании новой квартиры.

Благодаря энергичным хлопотам братьев уже к 1-му января мы переехали на Покровскую улицу, которую мы с Мариной прозвали Невским проспектом, ибо она была самой широкой и лучшей в городе. Кроме того, по ней вечерами разгуливало все молодое население города. Знакомились, назначали друг другу свидания. Несмотря на наш весьма юный возраст, мы тоже каждый день стремились побродить там к недовольству матери и строгой тетки. Все-таки, несмотря на их протесты, нам как-то удавалось улизнуть из-под их надзора и погулять в веселой компании лукояновской молодежи.

Сразу же после каникул мы обе были приняты в школу, помещавшуюся в большом кирпичном здании на главной площади против собора.

Марине не пришлось долго оставаться в этой гимназии (в те времена еще пользовались старым названием), ее крайне реакционно настроенные родители взяли из школы на том основании, что преподавание ведется не тем способом, к которому привыкли в дореволюционной России. Главное же, что возмущало родителей Марины, были требования, предъявляемые к детям, — нести всевозможные обязанности по заготовке дров и уборке помещения школы.

Каждую субботу мы ездили на «субботники», которые заключались в погрузке дров, необходимых не только для нашей школы, но и для других учреждений города. Если же оставались в городе ввиду очень скверной погоды, то должны были мыть полы и окна в классах и коридорах. Никаких современных приспособлений для подобных уборок тогда не было. Все это делалось весьма примитивным способом при помощи швабр и тряпок. Окна были громадной величины, пол же, в коридорах особенно, настолько грязный, что отмыть его не представлялось возможным.

Непривычные к подобной тяжелой работе дети очень утомлялись и часто на другой день (иногда вместо субботников были воскресники) не могли присутствовать на уроках. Конечно, подобные ученицы подвергались острым насмешкам некоторых преподавательниц, старавшихся приспособиться ко всем требованиям новой власти.

Несмотря на то что я много занималась спортом, ездила верхом, любила работать в саду и огороде, все же переноска тяжелых дров и мытье полов часто мне бывали не под силу.

В одном классе со мной была сильная, здоровая девочка из одной из соседних деревень, привыкшая ко всяким хозяйственным работам. Вот

эта самая Наташа прониклась ко мне большой симпатией и предложила произвести такого рода обмен: она будет мыть за меня полы и окна, я же буду помогать ей с французским языком, который ей никак не давался. Выход был найден. Скоро Наташа, вместо обычных двоек, стала получать хорошие отметки, я же по «субботникам» писала дома для нее упражнения и маленькие сочинения, которые она в тот же вечер забирала, переписывала и представляла нашей преподавательнице.

Преподавательница же, некая Мария Ивановна, тоже из числа прибывших в Лукоянов помещиков, была рада зацепиться за первое подвернувшееся ей место и не особенно интересовалась успехами своих учениц. Осталась равнодушной и к тому явлению, что Наташа неожиданно проявила такие способности к французскому языку. Видимо, стала относить это на свой счет и превозносила свою ученицу на учительских собраниях.

Мои же пропуски «субботников» и «воскресников» проходили тоже незамеченными по довольно забавной причине. В то время мой брат Георгий поступил тоже в нашу школу преподавателем латыни. Георгий был исключительно красивым, высоким, стройным юношей. Поголовно все молодые учительницы повлюблялись в него. Он же был со всеми мил, не отдавая никому предпочтения. Это и было моим спасением. По-видимому, каждая из этих «дев» надеялась победить его сердце и не придиралась к младшей сестре, нарушавшей школьные распорядки.

Да к тому же надо сказать, что в те времена никакого настоящего контроля и порядка в школах не было.

К весне заготовка дров и мытье полов прекратились. Не нужно было топить помещения, а ученицы так отвратительно исполняли свои обязанности по мытью и уборке, что начальство решило нанять двух здоровеннейших уборщиц, которым и было поручено держать в порядке здание школы.

Все это вышло на мое счастье, иначе мне не сдобровать бы с моими пропусками и заменами. Дело было в том, что наша учительница французского языка, упомянутая уже мною Мария Ивановна, влюбилась в моего красивого брата и, обладая весьма энергичным характером и большим опытом в любовных делах (была уже замужем и разведена), разогнала всех его скромных обожательниц, предъявив свои неоспоримые права. Конечно, это вызвало целую бурю возмущения среди моих учительниц, и мое положение резко пошатнулось. Надежды на их снисходительность у меня больше не было. Но теперь, благодаря новым распоряжениям начальства, в их попустительстве я больше не нуждалась. Что же касается уроков, училась я неплохо и придираться ко мне не было никакого основания. Наташе же я по старой памяти продолжала помогать с недававшимся ей французским языком, так что она от происшедших перемен не пострадала. Я вошла в свою роль

преподавательницы и сама не хотела от нее отказываться. Это, видимо, впоследствии сказалось на избранной мною карьере.

Наступившее лето опять внесло перемены в нашу жизнь. Я неоднократно слышала, что отец переговаривается с братьями относительно их отъезда из Лукоянова, но пока все это ограничивалось одними разговорами. Но вот в середине июля, обратив внимание на расстроенное лицо матери, я спросила ее, в чем дело. Она ответила, что отец и Павел уезжают. Георгий же пока остается с нами.

АРЕСТ ГЕОРГИЯ. СЫПНОЙ ТИФ

После отъезда отца и Павла мать стала опять подыскивать на этот раз меньшую квартиру. Дядя с тетей и Мариной переехали в деревню к одной из дядиных учениц. Он серьезно занялся преподаванием, которое давало ему, кроме теряющих цену денег, продукты в обмен на уроки.

Вскоре мать нашла квартиру из двух комнат на той улице, где мы жили раньше. Уже к началу учебного года мы туда переехали. Георгий продолжал преподавать латынь в нашей школе. В том году мне пришлось быть его ученицей. От того факта, что родной брат является моим преподавателем, я ничего не выиграла, а наоборот, потеряла. Сначала я думала, что на латынь время тратить не стоит и лучше заняться другими предметами, но, получив двойку за первую работу, я поняла, что шутить с братом не приходится. Пришлось усиленно нагонять пропущенное, и в результате эта несчастная латынь заняла все мое время.

Наступила зима, стало холодно, укоротились дни. Жизнь опять вошла в свое русло. Для меня дни летели незаметно и даже весело. Школа, уроки музыки, которые мне давала одна из моих подруг, вечера, на которых мы стали ставить пьесы и другие программы, а затем танцевали в большом зале старой гимназии.

Но вот, к концу октября, началась волна арестов. Первым был взят пожилой помещик соседнего с Лукояновым уезда, поселившийся здесь со всей семьей год тому назад. Как-то утром, еще до моего ухода в школу, прибежала к нам его жена, сильно взволнованная и вся в слезах. Сообщила эту печальную новость. Умоляла мать и брата посоветовать, что предпринять в таком случае.

Не прошло и двух дней, как арестовали двух братьев Мессинг. В городе началась паника. Семей бывших помещиков было к тому времени в Лукоянове двадцать. Каждый день стали арестовывать то одного, то другого.

Мы с ужасом ожидали нашей очереди.

Ждать пришлось недолго. Однажды в 12 часов ночи, когда мы уже давно спали, раздался оглушительный стук в дверь. Брат пошел открывать. Ввалилось по меньшей мере человек десять вооруженных людей.

Не предъявляя никаких документов и почему-то угрожая револьвером, хотя Георгий никакого сопротивления не оказывал, объявили, что он арестован. Наорали на мать, которая требовала от них ордер на арест или по крайней мере объяснения причин его. Я стояла в углу, дрожа от страха, с ужасом глядя на эту банду грубых, грязных, в лохматых шапках и оборванных шинелях людей, которые бесцеремонно шатались по нашей квартире, забирая с собой все то, что попадалось им под руку. Унесли даже мой первый заработок — маленькое колечко с бирюзой, которое я получила в уплату за уроки, даваемые мной одной девочке.

Георгия увели. Мы остались с матерью вдвоем. Я тряслась от рыданий. Было безумно жаль брата и очень страшно за всех нас.

Это было первое непосредственное столкновение с новой властью. Что можно было от нее ожидать? Ведь это была толпа настоящих бандитов.

Через полчаса к нам прокралась соседка, слышавшая все, но боявшаяся показать признаки жизни. Отец ее служил раньше в полиции и, хотя он занимал очень скромное положение, все же ждал теперь каждый день, что и его схватят и бросят в тюрьму.

Моя мать — женщина сильного характера, энергичная и умная, плакать не умела. Все испытания, посланные ей судьбой, переносила молча, и многие думали, что она бессердечный и холодный человек. Я знала, что это не так.

В эту ночь, влив в меня изрядную порцию валерьянки и уложив спать, она не легла, а разбирала до утра все, не попавшее в руки грабителей: бумаги, письма и ... мои дневники.

Когда я проснулась утром, единственное, что она мне сказала: «Какое счастье, что твои дневники не забрали!» ... Будучи человеком сдержанным и скромным, она никогда не читала ни моих писем, ни записок. Могу себе представить, какой ужас она пережила в эту ночь, читая мои рассуждения о нежелательной и опасной, по моим соображениям, контрреволюционной деятельности отца. Он мечтал спасти государя и царскую семью, вывезя их из Сибири. Как раз одним из исполнителей этого рискованного мероприятия он намечал Георгия. Как-то давно, услышав разговор родителей на эту тему и зная отношение матери к любимому сыну, которого она так боялась потерять, я не замедлила занести мои впечатления в дневник. Вскоре же, так как из планов отца ничего не вышло, я даже забыла, что писала об этом. Теперь же прекрасно понимала, что попадись мои записи в руки «чекистов», Георгий был бы неминуемо расстрелян.

Две толстых тетради моих дневников в ту же ночь были матерью сожжены.

Днем прибежала двоюродная сестра, переехавшая с семьей тоже в Лукоянов, и сообщила, что в ту же ночь арестовали ее мужа и двух его братьев. Она сама была в ожидании своего первого ребенка. Ей стало

так плохо после обыска, длившегося несколько часов, и ареста близких людей, что пришлось вызывать врача. Только теперь, несколько придя в себя, она прибежала к нам сообщить эту печальную весть. Матери пришлось еще успокаивать эту молодую женщину, обещав помочь ей и взять к нам двух детей — ее племянников, оставшихся теперь на ее попечении.

Аресты продолжались, и в течение нескольких дней все мужчины, принадлежащие к кругу наших друзей, были забраны. Помимо их, все «подозрительные» жители города переполнили городскую тюрьму.

Мать выхлопотала пропуск на свидание с Георгием и взяла меня с собой, уступив моим настоятельным просьбам.

Рано утром в солнечный, но холодный ноябрьский день мать, двоюродная сестра и я двинулись за город, где находилась тюрьма. Когда мы пришли, стояла уже длинная очередь женщин, ожидавших свидания. Среди них было много знакомых. Нас ввели в узкую, продолговатую комнату и стали вызывать арестованных.

Стоял такой гул, царил такой беспорядок, орали тюремщики, что буквально ничего нельзя было разобрать. Наконец, ввели нашего Георгия. При виде его, бледного, худого, обросшего, я в ужасе схватилась за руку матери и не могла произнести ни единого слова. Она же не поддалась тому впечатлению, которое, наверное, и на нее произвел брат, и бодро, даже весело, его приветствовала.

Я только могла поразиться силе ее воли и удивительному характеру. Вокруг слышались взволнованные голоса, рыдания, прерываемые криками надзирателей.

Мать перекинулась несколькими словами с Георгием, стараясь ободрить его, дав даже надежду на скорое освобождение. Я была уверена, что ее решительный и бодрый вид поднял его настроение.

Мы ушли, уведя с двух сторон под руки рыдающую двоюродную сестру, Ксению. Вид ее мужа — встревоженного и жалкого, произвел на нее самое удручающее впечатление и вместо того, чтобы ободрить его, как сделала мать, она разрыдалась.

К нам присоединились и другие наши друзья, делясь своими соображениями и надеждами на возможность освобождения близких.

Совершенно неожиданное обстоятельство помогло больше, чем все хлопоты и старания добиться правосудия в высших инстанциях нового правительства. В тюрьме вспыхнул сыпной тиф. Грязь, скученность, насекомые — все способствовало распространению болезни. Больница была переполнена. Самых «ярых» преступников перевели в старое, полуразрушенное здание около вокзала, а наших же, вина которых состояла главным образом в том, что они принадлежали к классу «буржуев», как их тогда называли, отпустили по домам.

Город ликовал, забыв даже причину освобождения заключенных, не предвещавшую ничего хорошего. И действительно, через очень короткое время среди выпущенных появились заболевшие тифом. Первой жертвой оказался пожилой господин Зыков, муж приятельницы матери. Так как в больнице мест не было, он лежал дома и, несмотря на уход жены и невестки, через несколько дней скончался. Заболел старший брат мужа Ксении, и его пришлось отвезти на кладбище. Другие, более молодые, еще боролись с болезнью, принимавшей характер настоящей эпидемии.

Через двенадцать дней по выходе из тюрьмы свалился наш Георгий. Несмотря на ее удивительную силу, у матери стало проглядывать отчаяние. Доктор, наш старый знакомый, посещал регулярно, выписывая нужные лекарства, которых, как правило, за редким исключением, не оказывалось в аптеке. Главное же несчастье состояло в том, что совершенно отсутствовали все необходимые питательные средства, могущие поддержать ослабленный тюрьмой и болезнью организм брата.

Мать дежурила днем и ночью у его постели, не допуская меня даже близко подходить к нему. Когда Георгий засыпал, она бежала к соседям, умоляя достать те или иные продукты в обмен на еще сохранившиеся и запрятанные драгоценности, которые она теперь охотно отдавала за масло, яйца, молоко и прочее. Старый доктор подарил ей две бутылки коньяку.

Вот когда я увидела слезы на ее глазах.

Теперь каждый день мне поручалось сбивать желтки с сахаром и разводить коньяком. Этим напитком мать поила Георгия по несколько раз в день.

Через месяц она его совершенно выходила, и ни я, ни она не заразились. Георгий больше не вернулся в нашу гимназию, его призвали в Красную Армию и он покинул Лукоянов.

Меня тоже ожидали перемены. За отсутствием топлива все младшие классы, до пятого, были закрыты. Женскую гимназию и мужское реальное училище соединили вместе. Я была в четвертом, так что для меня возник серьезный вопрос, как я буду дальше продолжать свое образование. Посоветовавшись с матерью, я сказала, что попробую за время каникул, с первого по пятнадцатого января, пройти программу целого года и затем поступить в пятый класс.

На это дело был пожертвован замечательный браслет из бирюзы, окруженной брильянтами, которым я всегда любовалась в детстве и который был обещан мне, когда я выйду замуж. Так как до этого события было еще далеко, то браслет был употреблен на более реальное и необходимое дело.

Мать съездила в деревню, где жила ее сестра, и там удачно обменяла браслет на такое количество продуктов, что это спасло нас от

надвигающегося голода и дало возможность оплатить трех учителей, с которыми я сразу же начала усердно заниматься.

Никогда, наверное, не забуду этих занятий. Керосина не было, все лампы были изъяты из употребления, единственное, что служило освещением, были крошечные «коптилки», как их называли. Устройство их было следующее: брали плошку, в которую наливали керосин и вставляли фитилек. Ставили это сооружение перед самым носом, только тогда можно было с трудом читать. Январь — месяц темный. Заниматься приходилось с утра и до позднего вечера. Все-таки удалось одолеть все трудности, и в середине января я была принята, к моей невероятной радости, в 5-й класс. Среди пятиклассниц было много моих прежних знакомых девочек и друзей мальчиков. Но самое главное, я была горда, что одолела все препятствия и стала на один год старше.

Пришла весна. Чудная пора в средней России. Растаял снег , потекли шумные ручьи, зазеленели бесчисленные сады, в которых утопал город. Вскоре открыли заколоченный на зиму летний театр в городском парке. Главное же, в чем невероятная прелесть России (деревни и провинции), — запели соловьи. Соловьи были повсюду: и в маленьких приусадебных садиках, и в городском саду, и в прилегающей к городу роще. Пение их, ни с чем не сравнимое, мне безумно напоминало Оброчное, когда каждую весну, как только стемнеет, раздавались в нашем парке соловьиные трели. И несмотря на то, что мы ничего не знали о судьбе папы и Павла, несмотря на все растущий голод и неурядицу в стране, разрываемую на части гражданской войной и террором новой власти, часто все забывалось и мы, особенно молодежь, радовались этой пробуждающейся природе, пению птиц, зеленой траве, цветам и ... начинали надеяться на что-то лучшее в нашей жизни.

Весной же приехал в командировку на несколько дней Георгий. Он был назначен в закупочную комиссию по приобретению лошадей для Красной Армии. На этот раз ему был поручен наш район, и он мог провести с нами некоторое время. С ним приехал его друг по военной службе, некто Сергей Скрябин. Никакого впечатления на меня этот молодой военный не произвел. По-видимому, это было обоюдно. Я была настолько моложе, что конкурировать с лукояновскими барышнями, за которыми молодые люди ухаживали, при всем желании не могла.

Тогда никто не мог предвидеть, что через пять лет я стану женой этого, пренебрегающего моим юным возрастом, военного.

За эти дни пребывания у нас Георгия моя мать совсем преобразилась. Приехал ее любимец: здоровый, бодрый, веселый.

Между прочим, Георгий заявил нам, что его в скором времени переведут в Симбирск и он хочет забрать нас с собой. Эта перспектива еще более ободрила мать, но очень огорчила меня. Я уже вполне

прижилась в Лукоянове, у меня здесь было полно друзей. Любила свою школу. Перспектива все бросить совсем не улыбалась мне.

Через две недели у нас кончались занятия, и старшие классы (к которым теперь и я принадлежала) должны были отправиться в Нижний Новгород для осмотра города, посещения театров и прочих удовольствий. Если мы уезжаем в Симбирск, то я буду лишена всего того, о чем давно мечтала.

Георгий устроил все дела, уезжал, вернулся опять, и день нашего отъезда был назначен на 1-ое июня. Делать нечего, пришлось распрощаться со всеми милыми друзьями, выехавшими в конце мая в Нижний. На душе было смутно. Будущее меня не радовало.

Единственным утешением служило то, что с нами решила ехать одна из моих любимых учительниц — Анна Дмитриевна. Она была очень хорошенькая и симпатичная. Безумно влюбленная в нашего победителя сердец, Георгия, решилась даже на такой шаг, как переезд в незнакомый город, где у нее никакой работы не предвиделось, и даже не заручившись обещанием моего брата жениться на ней. Несколько легкомысленно, как находила моя мать. Мне же это очень импонировало. Со свойственной мне экспансивностью я стала ее просто обожать и злиться на Георгия, что он недостаточно ценит такие приносимые ради него жертвы. Он же, как всегда, был весел и принимал, как должное, подобное проявление любви к своей особе.

Путешествие было скорее приятным. Помещались мы все в полученном Георгием товарном вагоне и с утра до вечера сидели перед широко открытой дверью вагона, любуясь весенней русской природой. В пути Георгий был чрезвычайно нежен к Анне. Я сменила гнев на милость и уже мечтала о возможной свадьбе в Симбирске, что меня примиряло с нашим переездом.

СИМБИРСК

Симбирск красиво раскинулся на берегах Волги и в полном смысле этого слова, утопал в зелени. Все цвело. Мы все с интересом всматривались в очертания города и окрестных сел и деревень. Единственный человек в нашем вагоне, не разделявший наших восторгов, была старуха кухарка, которая, потеряв место у своих бывших «господ» в Лукоянове, попросила мать взять ее с собой, если даже не к нам, то хоть помочь ей устроиться в большем, чем Лукоянов, городе. Но эта Марфуша, не имея никакого представления о географии России, почему-то считала, что если Симбирск — родина Ленина, то он должен быть, по меньшей мере, как Петроград, в котором она раньше жила и который обожала. Ее недоумение и разочарование при приближении к Симбирску было велико. Завидя его издали, она сообразила, что никакого сравнения с Петроградом быть не может и ей придется опять «прозябать» почти что в провинции, которую она ненавидела всеми силами души. Ее рассуждения и возмущение потешали всех нас, и мы старательно убеждали ее, что в провинции, особенно на Волге, теперь жить гораздо лучше, спокойнее и сытнее. Все эти слова никакого впечатления на нее не производили.

В Симбирске жила сестра моего отца с внуком. Мой дядя и двоюродный брат (друг моего детства) ушли с Белой армией. Родители маленького Арсения (внука тети) тоже покинули Россию со старшим сыном и жили за границей. Арсения временно оставили у бабушки в Симбирске, где он так и застрял из-за невозможности переправить его к родителям. Тетя Ада нашла нам квартиру поблизости от ее бывшего дома, в котором теперь она занимала две комнаты, что считалось большой роскошью.

Мать моя, с юных лет находившаяся в дружбе с тетей, была особенно рада тому обстоятельству, что, кроме меня и Георгия, у нее будет по соседству большой друг.

Так как мы приехали в начале июня, то до 1-го сентября я была свободна от школьных занятий и занялась изучением города и окрестностей, которые меня очень интересовали, ибо Симбирск был родиной одного из моих любимых русских писателей — Гончарова. В своем романе «Обрыв» он описал очень красивое место недалеко от

города. Осмотр «Гончаровского обрыва» был первым занимательным событием в моей «симбирской эпопее».

В то же время моя мать усиленно искала работу и вскоре устроилась машинисткой в одном железнодорожном учреждении, помещавшемся на нашей улице.

Брат разъезжал по служебным делам, а, будучи в Симбирске, помогал Анне с ее устройством на новом месте. К счастью, она тоже скоро получила работу. Думаю, что в ее случае главную роль сыграла ее чрезвычайно привлекательная внешность.

Моя жизнь протекала в прогулках, доставлявших мне большое удовольствие, и в утомительных и несносных походах на базар со знаменитой кухаркой Марфушей, которая, за ненахождением пока другого места, поселилась у нас.

Эти походы вскоре превратились для меня в настоящую муку. Не говоря уже о том, что с нашими ограниченными средствами было очень трудно приобретать все необходимое, самое главное заключалось в невозможном характере этой Марфуши.

Она возненавидела Симбирск, роптала на свою судьбу, занесшую ее в такую даль от любимого ею Петрограда. Беспрерывно бранила во весь голос и «на все корки» советскую власть — причину всех ее несчастий, как она считала.

При матери и Георгии она не решалась очень расходиться, но мое присутствие ее словно еще более вдохновляло, ибо я не могла запретить ей так себя вести и поневоле являлась молчаливой слушательницей ее ярых нападок. Абсолютно все, пока мы шли на базар, вызывало ее возмущение. Если извозчик хлестал кнутом лошадь — вина советской власти, позволяющей истязать животных. Если попадались навстречу жалкие, бездомные собаки — опять-таки советская власть виновата — довела страну до такого голода. Марфуша обожала животных и считала, что забота о них входит в прямую обязанность правителей города.

Иначе, как «иродами», она не называла всех тех, кто имел какое-либо отношение к администрации города. Все у нее были большевиками, коммунистами проклятыми, извергами. Всем она жаловалась, кто только ни встречался на пути. Часто она просто останавливалась по дороге на базар и начинала изливать свою злобу на кого придется. Мои попытки увести ее вперед успеха не имели. Видя только мой ужас, она кричала еще больше, как бы желая показать свою независимость и храбрость. В результате эти походы занимали не меньше двух–трех часов. На самом базаре она тоже не торопилась найти то, что нам было нужно, и уйти поскорее, а наоборот, часто даже собирала вокруг себя сочувствующую толпу и тогда уже не знала границ.

До сих пор не понимаю, как все-таки попадающиеся изредка милиционеры не арестовали буйную старушку. Видимо, тогда еще на

таких старых крикуш не обращали внимания. Достаточно было дел с молодыми и более опасными.

Возвращаясь домой, я умоляла мать не посылать меня больше на базар, но хитрая старуха уверяла, что она не может справиться одна, ибо города еще не знает и я ей необходима. Переспорить ее не удавалось. Мать делала ей внушение, та, казалось, внимательно слушала, чтобы на следующий день начать все сначала.

Спасли меня подошедшая осень и начавшиеся занятия в средней школе. Наши походы на базар прекратились. Марфуша стала делать закупки самостоятельно и, казалось, несколько успокоилась.

Но раз все-таки ее привел разгневанный милиционер. Не удовлетворившись обычной бранью с пожеланиями всем коммунистам провалиться «в преисподню» (ее любимое выражение), на этот раз она остановилась около дома, где когда-то жил Ленин с семьей, и начала призывать прохожих в свидетели, что вот этот « антихрист» виновник того, что в стране бедствия, что на базарах «хоть шаром покати», что люди мрут от голода, тифа и начавшейся холеры. Ее окружили и многие сочувствовали. Так как ее «громовая речь» затянулась, то, в конце концов, привлекла внимание «блюстителя порядка», который, не взирая на ее сопротивление, все же скрутил ей руки и привел домой. На ее счастье, парень оказался довольно миролюбивым (а может быть, и ему-то самому было тошно от советской власти), но он ограничился только замечанием хозяину нашей квартиры, чтобы не пускали старуху на улицу, так как если попадется еще, то не миновать ей тюрьмы за ее антисоветские выпады.

Матери все это было крайне неприятно, и при первой возможности она устроила Марфушу в одну семью, которая уезжала в Петроград и обещала сдать ее бывшим хозяевам.

Мы вздохнули с облегчением и, хотя мне приходилось теперь до занятий одной бегать на рынок, я была счастлива и делала это гораздо быстрее.

Эпидемия холеры, продолжавшаяся все лето, к осени пошла на убыль, никого из нас не затронув.

Школа принесла мне много разных развлечений, новых знакомств, друзей и подруг. Георгий вечно куда-то уезжал. Когда бывал в Симбирске, то навещал милую Анну, но уже чувствовалось, что прежней любви между ними нет. Постоянство у моего брата отсутствовало.

Мать продолжала служить и, казалось, жизнью в Симбирске была довольна.

Весна опять принесла перемены.

Георгия перевели в Оренбург. Ехать за ним не было никакого смысла. Вернулся из Сибири мой двоюродный брат Павел, четырнадцатилетний мальчик, похоронив там отца. Поход Колчака

закончился полной неудачей. В доме тети одновременно поселились радость и горе. Сын вернулся, муж погиб.

В это время мама получила через Швейцарию длинное письмо от отца. Он подробно описывал все перипетии, пережитые им и Павлом. Добравшись до юга, они примкнули к армии Врангеля, сражавшейся на стороне белых. Павлу было поручено командование сотней Дагестанского полка, отца приняли младшим офицером. Война не прекращалась. Красные наступали. Отчаянные сражения на Крымском перешейке стоили Павлу жизни. Он был тяжело ранен в позвоночник и, если бы остался жив, то был бы навеки инвалидом. В ужасных мучениях он скончался. Его смогли похоронить со всеми воинскими почестями. За гробом, покрытым алым башлыком, вели лошадь Павла, а далее следовали офицеры и всадники во главе с командиром Амилахвари.

Отец описывал свое полное отчаяние, потеряв любимого сына, ничего не зная о нас и видя неминуемое поражение Белой армии.

Спустя две недели после похорон Павла он вместе с обоими братьями (Сергеем и Николаем) эмигрировал в Турцию, а оттуда попал в Париж. Теперь жил в Париже у одного французского графа (Де-Трасси), который когда-то, в былые времена, приезжал на охоту в Оброчное. Теперь же в память прошлого приютил беглецов.

С помощью этого же графа через швейцарский Красный Крест ему удалось найти нас.

По получении этого письма мы долго горевали. Мне особенно было жаль мою мать, которая теперь потеряла третьего из своих пятерых детей. Я долго не могла свыкнуться с мыслью, что Павла больше нет. Так как я его не видела мертвым, как это было с Васей, то мне казалось, что он еще должен вернуться.

Через некоторое время после папиного письма я сидела в нашей комнате при открытом окне и вдруг увидела, как с улицы залетела огромная пестрая красивая птица — попугай. Это было таким необычным явлением что я сидела, боясь пошевельнуться, чтобы ее не спугнуть. Но попугай не намерен был улетать и расположился у нас, как дома.

Русские суеверны. Залетевшая птица означает душу умершего близкого человека, которая будто бы дает таким образом о себе знать.

Я не сомневалась, что мать будет не менее меня поражена визитом нежданного гостя. Радости он ей тоже не доставит. Все же выгонять попугая мне было жаль. Он забавно заговорил, но понять его было трудно. Я закрыла окно и пошла посоветоваться с соседями. Все прибежали смотреть, даже принесли нашедшуюся у кого-то клетку. Советовали дать объявление в газетах, а пока подержать его в надежде, что хозяева откликнутся и заберут.

Действительно, дня через два пришла девочка лет восьми с матерью. Оказывается, девочка была безутешна от исчезновения принадлежавшей

ей птицы и пришла в неописуемую радость, прочтя наше объявление в газете. Мать рассказывала, что попугай живет у них уже несколько лет и никогда до сих пор не было случая, чтобы он вылетел из квартиры.

Некоторое время после этого я находилась под впечатлением странного «посетителя», но скоро забыла. Осенью того же года тетя получила письмо от одного из братьев, извещавшего о кончине моего отца в Париже летом текущего года. Тетя, очень суеверная, напомнила нам об июльском госте.

На этом втором письме из-за границы вся связь с родственниками оборвалась на долгие годы.

Этот же год в Симбирске остался в памяти одним приятным происшествием. Американцы организовали помощь голодающим на Волге. В Симбирске открылось новое учреждение АРА. Туда стали брать на работу всех знающих английский язык и умевших печатать на машинке. А, кроме того, те, у кого были родственники за границей, стали получать через американскую миссию как продуктовые, так и вещевые посылки. Нам прислали родственники из Голландии. Одна из маминых сестер была замужем за русским консулом в Гааге еще при царском правительстве. Дядя давно умер, но голландские власти оставили семью жить в том же доме, где когда-то помещалась контора консула. Родственники разыскивали мать через швейцарский Красный Крест и, получив наш адрес, внесли в Голландии какую-то сумму для выдачи соответствующего количества продуктов.

Получив вызов АРА, мама послала меня одну, предполагая, что будет маленькая посылка, которую я легко донесу домой .

Распределяющий вещи и продукты американец через переводчика расспросил меня о нашем материальном положении и снабдил меня таким количеством вещей и продуктов, что я не в состоянии была и половину забрать с собой. Попросив разрешения оставить все пока у них, я побежала в центр города, где всегда около магазинов, собора и театра дежурили нищие. Пришлось нанять двоих, пообещав им часть получаемых мною богатств.

Чего-чего только не было в приготовленных милым американцем пакетах: сахар, жиры, кофе, мука, сгущенное молоко и, что меня особенно обрадовало, 2 отреза на пальто (для матери и меня) и материал для платьев. С торжеством вернулась домой, щедро наградив двух моих провожатых давно ими невиданными продуктами.

Одновременно с помощью нуждающемуся населению Симбирска американцы стали снабжать и школы. Прекратились наши обеды из селедки и сушеной трески, появилось молоко в порошке и банках, всевозможные консервы и белый хлеб.

Этой же осенью нашу школу реорганизовали в Педагогический техникум, и занятия стали вечерними. Это дало мне возможность искать работу. Вскоре с помощью отца моей школьной подруги я была

принята конторщицей в Губфинотдел. Зарплата была минимальная. Полученную за первый месяц я истратила на пять аршин ситца, из которого моя мать сшила мне платье. Благодаря американской помощи я в это время стала обладательницей трех туалетов, что считалось невероятным богатством.

К тому времени инфляция достигла громадных размеров.

Главными поставщиками товаров по «черным ценам» или на «обмен» служили татары. Между прочим, моя тетка доверилась одному татарину и отдала ему на хранение целую коробку драгоценностей, считая, что у него они будут в большей безопасности, чем у нее. Обратно она их никогда не получила. Татарин сказал, что их у него забрали. Возможно, что это правда, кто мог проверить? Во всяком случае, тетя с внуком Арсением и подростком сыном Павлом осталась ни с чем. Хорошо еще, что кто-то вразумил ее не отдавать всех вещей, а купить корову. Вот теперь эта корова выручала. В то же время она усиленно хлопотала об отправке внука к родителям во Францию. Красный Крест в Швейцарии занимался подобными делами. Сына же ее удалось устроить курьером в то учреждение, где работала мама.

В ту же зиму я заразилась тяжелейшей формой кори от маленького Арсения, которого я обожала и с которым проводила все свободное время, играя в солдатики. Мальчик поправился быстро, в его возрасте это заболевание считалось не очень серьезным, но мне уже было шестнадцать лет, и я еле-еле поправилась, пролежав в постели в абсолютной темноте (боялись за мои глаза) больше трех недель. Весной неожиданно получили известие, что Георгий женился. Жена его — Зоя, двадцати двух лет, прехорошенькая блондинка, о чем мы могли судить по присланной фотографии. Георгий извещал, что скоро с женой приедет к нам.

Меня это новое обстоятельство — женитьба брата — очень радовало. С нетерпением ожидала приезда невестки. Мать же была настроена весьма скептически: «Кто она? Как ее фамилия? Ничего не пишет. Откуда только он ее выкопал?» Я никак не могла понять, какое значение имеет ее бывшая фамилия, если она теперь жена Георгия и будет носить его имя. Мать возмущалась, как я, по ее выражению, «особетилась». Ведь фамилии в старой России играли большую роль. Совершенно неприемлемым казалось, чтобы сын женился на какой-нибудь Птицыной, Пузановой, Собачкиной... Мать даже жаловалась моим подругам, которые так же, как и я, ничего не понимали. Не решаясь спросить ее, почему она так волнуется, подруги потом донимали меня, чтобы я им объяснила, как это моя мать, еще не зная Зою, уже как будто недовольна выбором брата.

Вот когда впервые между мною и матерью, которую я обожала, возникли первые недоразумения, вызванные совершенно противопо-

ложными взглядами на действительность. Она была воплощением старой России, а я уже — советским продуктом.

Вскоре приехали наши «молодые». Георгий был, по-видимому, очень счастлив, шутил со всеми, подтрунивал над матерью, что бывшая фамилия его жены — Мышкина, и, если вспомнить «Идиота» Достоевского, то фамилия эта не только дворянская, но даже княжеская. Зоя потешалась вовсю, ибо прекрасно знала, что к князьям никакого отношения не имела. Она оказалась действительно прехорошенькой, изящной и хрупкой, но с «благородством» ее происхождения матери моей пришлось смириться. Зоя была дочерью оренбургского мастерового и уборщицы того учреждения, где служил Георгий.

Георгий уже был штатским, война с Белой армией закончилась, и прошла необходимость в закупке лошадей для фронта. Он был гораздо более доволен своим настоящим положением, так как теперь был свободен в выборе как работы, так и местожительства. Оренбург нравился Зое, Георгий же больше стремился на Волгу.

В Симбирске он не смог найти подходящего для себя занятия и стал мечтать о переезде в Нижний Новгород, где было больше возможностей устроиться на хорошую работу. Нижний больше Симбирска и был знаменит своей ярмаркой, привлекавшей людей из всех городов и местечек Советского Союза. На ярмарке шла оживленная торговля и открывались всевозможные новые учреждения.

В Ярмарочный комитет тоже набирали много служащих.

Опять наш непоседа Георгий смущал мой покой вопросом нового переезда. За эти три года, проведенные в Симбирске, я очень привыкла к этому красивому городу, расположенному на правом высоком берегу Волги. В Симбирске было много садов, великолепная набережная Волги, носящая название «Венец», который не уступал по красоте нижегородскому «Откосу». С «Венца» открывался прекрасный вид на другой, низкий берег Волги, утопающий в зелени. Посередине Волги тут и там виднелись маленькие островки, куда в летние месяцы жители города переправлялись на многочисленных лодках и устраивали на этих островах пикники. Что мы тоже часто проделывали с моими многочисленными друзьями. Было два театра, в одном из которых я даже начала выступать в организованном одним из моих друзей любительском кружке. Это доставляло мне истинное наслаждение. Играла я обычно комических старух, что, благодаря соответствующему гриму и костюму, давало мне больше уверенности. Никто из знакомых в публике меня не узнавал. Спектакли наши пользовались большим успехом, и посещаемость превосходила все ожидания. Когда зал гремел от хохота над моей комичной фигурой и измененным до неузнаваемости голосом, я чувствовала себя настоящей артисткой и радовалась совершенно неожиданно избранной карьере.

И вдруг все должно теперь рухнуть.

Кроме того, конечно, уже завелись романы не только с гимназистами и реалистами, но и с коллегами по сцене, которые были постарше и представляли собой больше интереса для молоденькой девочки. Я была безумно влюблена в нашего режиссера, двадцатишестилетнего молодого человека, который мне уже казался довольно солидным, чуть ли не пожилым человеком. Особенно же, когда я узнала его прошлое, а именно пребывание в Белой армии, с которой он несколько лет назад покинул Симбирск, чтобы вернуться теперь овеянным ореолом таинственности, ибо за ним следили. Как ненадежный элемент, он ежемесячно должен был регистрироваться в отделении милиции. Это все придавало ему особый интерес и разжигало любопытство девушек моего возраста. Быть «избранницей» такого незаурядного человека страшно мне льстило. Мать моя относилась к нему вполне благосклонно, главным образом потому, что он служил в Белой Армии, к которой склонялись все ее симпатии. Ей было очень тяжело примириться с фактом, что Георгий был призван в Красную Армию и, хотя не был в действующей, все же являлся противником родного отца и брата, воевавших вместе с белыми.

Итак, Слава (имя моего друга) был фаворитом матери и моим большим увлечением.

Разлука предстояла и с ним, если планы Георгия победят мое сопротивление и мать решится на новый переезд.

Пока что ни к какому решению не приходили.

Мать сильно колебалась. В Симбирске мы обе служили, а я даже получила первое повышение, заняв должность помощника делопроизводителя. За мои театральные выступления я получала гонорар, правда небольшой, но очень льстивший моему самолюбию. Жить мне казалось очень весело, и советская власть не мешала...

Георгий, видя наше холодное отношение к планам переезда, решил двинуться пока с Зоей и посмотреть, что можно ожидать в Нижнем Новгороде.

Неожиданное происшествие перевернуло все.

Однажды ночью я проснулась от какого-то странного запаха в нашей квартире. Разбудив мать, вышла в коридор и, к своему ужасу, увидела, что весь конец его объят пламенем. Хотя огонь был еще сравнительно далеко, но в нашу комнату уже тянуло дымом. Первым моим импульсом (кстати очень неудачным) было открыть окно на улицу и кричать о помощи. Телефонов в доме не было, и дать знать пожарной команде не представлялось возможным. Разве только услышат соседи или случайно задержавшиеся прохожие, на что я и надеялась.

Но... от волнения я не закрыла ни окна, ни двери в коридор, вследствие чего возникла сильная тяга и дым заполнил квартиру, вплоть до нашей комнаты. Схватив первые попавшиеся вещи мы выскочили через парадное крыльцо на улицу. Георгий с женой жили у

знакомых и ничего до утра о пожаре не знали. К утру же, несмотря на помощь подоспевших пожарных, дом наполовину сгорел, а наша комната, хоть и осталась цела, но была настолько пропитана дымом, что почти все вещи пришлось бросить. Жить в этой квартире не представлялось возможным, найти же новую было нелегко.

Это обстоятельство сыграло роль решающего фактора в нашем немедленном переезде в Нижний Новгород.

Со свойственным русским суеверием пришли к заключению, что такова наша судьба!

НИЖНИЙ НОВГОРОД

В Симбирске на пристани стояла семья огорченной тети, она сама и мой друг Слава, ошеломленный и убитый моим неожиданным отъездом. Пароход давно отплыл от берега, а я все еще была на палубе и ревела в три ручья. Казалось, что жизни пришел конец. Никакие уговоры матери, Зои и Георгия не действовали. Убедившись в бесплодности своих попыток успокоить меня и увести в каюту, они, по-видимому, решили, что время лечит все раны, особенно же любовные драмы семнадцатилетней девочки, и ушли спать.

Я же так и не двинулась с места и только, когда на рассвете появились любопытные уборщики палубы, решила ретироваться и скрыть от их взглядов свое покрасневшее и опухшее от слез лицо.

За три дня путешествия я, хотя еще продолжала грустить, но, часто выходя на палубу, стала любоваться прелестными видами волжских берегов. Первоначальное отчаяние меня покинуло. Природа всегда производила на меня сильное впечатление, а Волга в начале июня да еще в дивную погоду представляет собой незабываемое зрелище.

Нижний Новгород — город моего раннего детства.

С первых же дней эти детские воспоминания охватили меня. Мы остановились в старой гостинице, где всегда раньше останавливались, когда случалось посещать Нижний, и где мы с мамой жили весной 1917-го года, когда меня привозили держать экзамены в нижегородскую гимназию.

На другой же день пошла бродить по городу. Вот дом, где родилась и жила ло семилетнего возраста, теперь в нем загс — регистрация браков гражданского состояния. Иду дальше — здание бывшего Нижегородского дворянского института, где учились братья. Теперь в нем отделение Педагогического института. Вот и Кремль, где жила семья дяди, с детьми которого я была очень дружна. Дядя служил секретарем канцелярии губернатора. Теперь в Кремле городское управление.

Многое переменилось за эти годы, но все же все такое близкое, родное.

А вот и моя любимая Волга! — широкая красавица Волга с прекрасными зелеными берегами, она — все та же. Долго стояла на берегу и не могла оторваться от представившейся мне дивной картины.

Так же, как и в Симбирске, противоположный берег пологий и сплошь покрыт зеленью садов. Кое-где раскинулись деревни, а посередине Волги островки. Медленно проплывает громадный пароход.

Каково ни будет наше будущее, а все же хорошо вернуться в родной город.

В первый же вечер Георгий привел к нам жившего теперь в Нижнем Новгороде своего друга по службе в Красной Армии Сергея Скрябина, который когда-то навестил нас вместе с ним в Лукоянове. Скрябин пообещал посодействовать Георгию в подыскании работы.

Нам надо было тоже срочно устраивать нашу жизнь. Мы с матерью записались на Биржу труда, без которой нельзя было никуда поступить. Георгий отправился прежде всего в Жилотдел. Надо было стать на учет, чтобы получить квартиру. Потерпел фиаско. На учет не брали, пока у кого-нибудь из членов семьи не будет постоянной работы. Попытки Георгия в смысле работы для него самого успехом не увенчались. Ярмарка открывалась только в начале августа, теперь же был июнь — время самое неудачное для поисков службы.

В результате первой устроилась, совершенно неожиданно, я. Мой приятель раннего детства, сын маминой подруги, узнав о моей «артистической» карьере в Симбирске, решил поставить пьесу на торфоразработках, где он сам жил, недалеко от Нижнего. Я, конечно, согласилась принять участие в этом спектакле, устраиваемом в клубе для рабочих. Во главе предприятия стоял толстый, средних лет директор, который настолько пленился моей игрой, что по окончании спектакля захотел познакомиться. Расспросив меня, что я делаю в Нижнем Новгороде, откуда приехала и прочее и узнав, что я ищу работу, велел на другой же день ехать с ним в городское управление Нижнего Новгорода, где обещал познакомить меня с нужными людьми.

С этого дня начался в моей жизни тот «блат», который играет первостепенную роль в Советском Союзе с первых же дней появления советской власти и по сей день.

Не прошло и трех дней, как я уже получила место в нижегородском архивном управлении в качестве конторщицы. Что было особенно важно, что в том же здании, где помещался архив, нам с мамой была предоставлена комната, правда довольно странной формы, в виде треугольника, к тому же в очень запущенном состоянии, но все же это была комната, где можно было через некоторое время поселиться.

Мать моя на время ремонта была приглашена приятельницей в Горбатовку, как раз на те торфоразработки, где я подвизалась на сцене и познакомилась с директором, сыгравшим такую роль в нашей судьбе.

Георгий же, отчаявшись найти что-либо подходящее для себя и находясь под сильным влиянием Зои, решил вернуться в Оренбург.

Меня сразу же захватила жизнь на новом месте и масса новых впечатлений. Мать восстанавливала старые знакомства и связи. Ведь

она прожила в Нижнем Новгороде лучшую пору своей жизни, в обшей сложности двадцать лет.

Старые друзья уговорили ее не искать службы в советских учреждениях, где предпочитали молодежь, а заняться шитьем. До сего времени она шила только на меня, но, как я уже упоминала в начале моих записок, мои туалеты в детстве славились своим изяществом. Теперь был большой недостаток в хороших портнихах. Женщины опять начали хорошо одеваться. Времена военного коммунизма, когда высшей роскошью были обтрепанные военные шинели (с обязательной бахромой внизу) и ватные брюки (даже для девушек), отошли в вечность.

Советская власть уже твердо установилась, недостатки военного коммунизма стали забываться.

Мать послушалась и, бросив бесплодные поиски службы, пока еще сидела в деревне в ожидании окончания ремонта нашего будущего помещения. Поиски рабочих и присмотр за ними были поручены мне.

Я не оправдала возложенных на меня надежд. Первый же рабочий, начавший белить комнату, потребовал у меня уплату вперед (мы договорились, что я дам ему меховой воротник, ибо за деньги, теряющие свою ценность, никто работать не хотел). Я с полным доверием отдала ему бобровый воротник, который мать еще не успела обменять на продукты и берегла на всякий, как говорится, «пожарный случай».

Получив это богатое вознаграждение, сей субъект больше не явился. Я не решалась сообщить матери о подобной истории, в которую по легкомыслию попала, постаравшись исправить недоделанное им. Один из моих новых сослуживцев, которому я пожаловалась на такое надувательство, проявил ко мне жалость и докончил начатую работу безвозмездно.

Пока комната ремонтировалась, я жила у соседки — сторожихи архива, в том же доме.

Мои сослуживцы, за исключением того молодого человека, который помог мне с ремонтом, были все весьма почтенного возраста. Относились ко мне прекрасно. Их, видимо, радовало, что на их горизонте появилось молодое существо, развлекавшее их в перерывы, которые теперь затягивались на более продолжительное время. Говоря по правде, вообще-то в архивном управлении почти никакой работы не было. Всех служащих устроил директор этого «богоугодного» учреждения, престарелый бывший помещик Приклонский. Ему каким-то образом удалось войти в доверие нижегородских властей, и они никакого внимания на набранный им штат служащих не обращали.

Когда все было закончено с нашей квартирой, я вызвала из деревни мать. Она приехала и нашла, что я прекрасно выполнила возложенное на меня поручение. Нашла, что наше новое жилище даже весьма уютно. Этим уютом я была обязана директору, который разрешил мне

взять необходимую мебель из склада бывшего дворянского собрания. Я выбрала несколько столиков, две небольшие шифоньерки и два кресла. Кровати пожертвовали знакомые. Что меня очень смущало, что все эти вещи, за исключением кроватей, конечно, были позолочены и совсем не подходили к довольно убогому виду нашей комнаты... Других же вещей на складе не было. Все это являлось «остатками прежнего величия».

Из нашей комнаты дверь вела в темный коридор, по которому почему-то постоянно бегали поросята, принадлежавшие соседке-сторожихе. Она их держала в чулане, в противоположной части этого длинного, темного коридора. Они оттуда часто вырывались и с хрюканьем неслись вдоль нашей комнаты, попадая под ноги посещающих меня молодых людей, с которыми я уже успела познакомиться за короткое пребывание в Нижнем. Сначала они шарахались в стороны, принимая поросят за крыс. Потом смирились с этим странным явлением и продолжали заходить за мною в кино, театр или на вечера в соседний университет. Меня присутствие поросят смущало только первое время. К чему только не приучишься, живя в нашем советском государстве! Все-таки поросята лучше, чем крысы. Сторожиха вывела крыс сразу же, имея в виду приобретение и разведение свиней, дабы избежать подобного сожительства.

Слава Богу, что это произошло до нас. Я всегда испытывала невероятный ужас при виде крыс. Во время голода в Симбирске они рыскали даже по учреждениям и, за ненахождением съестного, уничтожали бумагу.

К этому времени относится появление у нас «каменной бабы», как мы с мамой ее прозвали. Пришла она в первый раз с просьбой сшить ей платье. Мать огорчилась, что ее первая клиентка такого нерасполагающего вида. Какое платье могло хорошо сидеть на совершенно квадратной, толстой и очень некрасивой женщине? Но что делать? Нельзя было сразу отказать, когда еще другой клиентуры не было. Мать принялась за работу и, к всеобщему изумлению, на толстой Агафье платье выглядело даже довольно прилично. Клиентка была в восторге и усиленно вертелась перед золоченым зеркалом, дополнительно выпрошенным мною у нашего директора для «профессиональных» занятий матери.

С этого дня «каменная баба» зачастила, увлекшись мечтой выдать замуж и меня и мать. Почему ей пришла эта идея — неизвестно. Мы нисколько не жаловались на наше «холостяцкое» положение, а как раз наоборот жилось нам в это время вполне привольно. Матери было пятьдесят с небольшим, она была еще очень красива, но о замужестве и не думала, я же была настолько молода, что мне и в голову не приходило связать себя с кем бы то ни было. Как мы ни убеждали Агафью оставить нас в покое, она не унималась и почти каждый день, как настоящая

сваха, являлась с новым предложением. Где-то она познакомилась с одним вдовцом, лет 45, кстати весьма непривлекательной наружности и с большим самомнением. Родом он был из Нижнего Новгорода, из очень известной до революции семьи местных купцов. Нам тоже изредка приходилось встречаться с ним в домах общих знакомых, но к себе ни мать, ни тем более я его не приглашали. Велико же было наше изумление, когда раз вечером, открыв на стук дверь, мы увидели сначала физиономию Агафьи, а за ней элегантно одетого, любезно раскланивающегося Башкирцева.

Я как раз собиралась в кино с сыном моего начальника, красивым студентом двадцати двух лет, и вдруг эта неожиданная задержка. Однако по намекам Агафьи можно было понять, что этого господина она привела в расчете на мою мать, а не на меня. Воспользовавшись удобным моментом, я выскочила из комнаты. Я не была уверена, как воспримет мать мое сегодняшнее свидание и еще не успела переговорить с ней. В замешательстве никто не заметил моего исчезновения.

Мне пришлось прождать «моего героя» минут десять на холодной лестнице, но вернуться домой я не решалась. Проведя прекрасно вечер сначала в кино, а затем в маленьком ресторанчике с одним из самых интересных людей Нижнего Новгорода, я в чудном настроении вернулась домой и была совершенно огорошена потоком обидных слов, сказанных мне матерью. Оказывается, она догадалась, куда я исчезла, и нашла, что, во-первых, совсем неприлично удирать, не говоря ни слова, когда к нам к тому же еще пришли гости, во-вторых же (и это самое главное!), что такой красивый молодой человек, каким был Петя Приклонский, совсем мне не пара. Он слыл победителем сердец всех барышень Нижнего Новгорода и своим легкомыслием будто бы причинил некоторым много огорчений. Мама была детально информирована все той же Агафьей, которая всюду и везде бывала и пронюхивала даже то, что другим и в голову не приходило. За мной она всегда вела усиленную слежку, о которой я раньше не догадывалась.

Я, конечно, сразу же возненавидела эту сводницу и попросила мать, чтобы она как-нибудь отвадила ее от нашего дома. Пожурив меня, мать вскоре успокоилась и со смехом стала рассказывать о нелепом визите сегодняшнего вечера, который затянулся чуть ли не до моего прихода. Так же, как и мне, этот господин был ей неприятен, и она была возмущена наглостью приведшей его Агафьи.

После этого инцидента, мы стали очень холодно принимать эту навязчивую особу, и она, почувствовав наше настроение, к великому моему счастью, почти что прекратила свои посещения и уже не старалась больше водить нам «женихов».

Все начало моего увлечения Петей было как-то испорчено бесконечными мамиными протестами. После этого вечера он заходил

еще несколько раз, но из нашего «романа» ничего толком не вышло.

Мой симбирский друг, Слава, писал мне очень часто, но мою мать, да и меня тоже, приводил в отчаяние его почерк. Я в жизни не видела, ни до, ни после, такого отвратительного, можно сказать, некультурного почерка. И вместе с тем с претензией на что-то. Больше всего я боялась, что кто-нибудь увидит адресованный мне конверт. Сначала мать молчала, но раз все-таки не выдержала и сказала мне то, о чем я уже неоднократно думала и огорчалась.

С этого времени я уже не хотела с ним переписываться и все реже и реже отвечала на его письма. По-видимому, он понял, что со мной что-то происходит. Может быть, подумал, что я влюбилась в другого и... замолчал тоже.

Итак, моя симбирская любовь, казавшаяся мне «вечной», закончилась по прошествии шести месяцев.

21-го января 1924 года, когда по обыкновению я пришла на работу в контору архива, директор попросил нас всех пройти в его кабинет и сообщил нам о смерти Ленина. На многих из моих сослуживцев это известие произвело сильное впечатление. Ленину все же верили и боялись худших перемен.

С работы нас всех освободили. Был объявлен день траура.

Весна принесла большие волнения и переживания. На место милого старого директора назначили бывшего начальника милиции из одного из сибирских городов. Новый начальник, рябой, огромного роста, безобразной внешности, как настоящий полицейский, произвел полную чистку нашего учреждения. Он повсюду собирал сведения, за всеми шпионил, вызывал на допросы и, в результате, всех разогнал. Меня в том числе. Любимым выражением его было: «Здесь старым режимом пахнет». И вот на основании этого старого режима происходил полный разгром. Для меня самым ужасным было то, что мы должны были освободить свою комнату. Получить что-либо в Нижнем было почти невозможно. Старые дома приходили в упадок и не чинились, новые не строились. Населения же было много, и оно все росло. Многие из деревень стремились на фабрики и заводы, а Нижний — город индустриальный. Я бегала каждый день в жилищный отдел, стояла в длинных очередях, но никакого толку не добивалась. А грозный начальник, в свою очередь, каждый день являлся к нам и требовал немедленного выселения. Положение становилось безвыходным.

Помог опять мой друг детства, Алексей, познакомивший меня с директором торфоразработок в первые дни нашего приезда. На этот раз дело было несколько другого рода. Он знал одну женщину, бывшую ссыльную при царском режиме. Эта женщина провела год ссылки в Сибири одновременно с новым секретарем губисполкома, назначенным в Нижний Новгород.

Вот к нему-то они меня и направили.

Пришла я в назначенный день — ни свет, ни заря. Помещение было еще закрыто. Села на бульваре на одну из скамеек и с большим волнением стала ждать назначенного часа. Когда в девять часов меня впустили в кабинет товарища Бурова, весь мой страх как рукой сняло. Он показался мне очень простым и симпатичным. Я высказала свою просьбу, а он еще с полчаса задержал меня расспросами. Расстались мы друзьями, и в руках у меня была записка в жилищный отдел на право получения жилой площади.

В тот же день на дворе архива стояла подвода, в которую мои молодые друзья грузили наше несложное имущество. Бывший же начальник милиции, занявший под свою квартиру лучшее помещение архива, стоял у окна со своей молодой женой и хмуро поглядывал на веселую группу, со смехом и шутками перевозившую меня на новую квартиру.

Моя мать была уже на Тихвинской, где мы получили две крошечные комнатки, в которых она себя чувствовала счастливой и свободной от постоянного надзора рябого тирана.

Сколько еще раз после этого апрельского утра я приходила к Бурову в губисполком, и он никогда не отказывал мне в просьбах. Так, через него же я получила во временное пользование пищущую машинку, на которой стала учиться печатать, что имело для меня громадное значение в смысле получения работы. Через него же получила скромную, но солидную (уже больше не позолоченную) мебель. Все мои кресла, шифоньерки и зеркало начальник милиции отобрал в свое пользование.

Теперь я больше не унывала. У меня был верный и сильный защитник. Всякие там начальники милиции не представляли для меня больше никакой опасности.

Женщина, давшая мне рекомендательное письмо к нему, рассказала, что в ссылке, в 1912 -м году, Буров, тогда еще двадцатидвухлетний юноша, помогал всем и каждому, кто нуждался в помощи. Все ссыльные любили его, и даже царская охранка более благосклонно относилась нему, чем к другим.

А он был ярым революционером, убежденным большевиком.

Главное достоинство его заключалось в том, что он был справедлив и не терпел людей, подобных новому начальнику архива, который громил всех и вся только для того, чтобы самому обогатиться за счет других.

Обстановка квартиры Бурова (в бывшем губернаторском доме) была самой примитивной. Жена — красивая, скромная женщина. Когда я приходила, он ее звал и говорил: «Смотри, Катя, сегодня будет у нас хороший день, голубоглазая пришла». Он считал, по-видимому, что я приношу ему счастье.

(Велико было мое изумление и радость, когда спустя почти двадцать лет я, беженка из Ленинграда, с двумя детьми, попала в Нижний Новгород по дороге на Кавказ, куда нас эвакуировали, и, получив рекомендательное письмо от члена Ленсовета, прошла к начальнику облисполкома и узнала в нем милые мне черты моего друга юности — товарища Бурова.

И он узнал меня, узнал, несмотря на двадцать промелькнувших лет, несмотря на худобу и появившиеся на лице морщинки — следы тяжелых переживаний в осажденном Ленинграде.

Но об этом после, а пока еще мне семнадцать лет, а Бурову немного больше тридцати).

В Нижнем мы прожили до 1925-го года. Много было борьбы и трудных моментов как для матери, так и для меня. Но одно сознание, что когда самим не удается справиться со всеми обстоятельствами и препятствиями, вставшими на нашем пути, можно пойти на бульвар, сесть на скамеечку и подождать, когда откроются железные двери во двор губисполкома, спасало меня. За этими дверьми находился мой могущественный друг, который всегда был готов протянуть руку помощи.

Трудно было с работой. Только поступишь куда-нибудь, вдруг сокращение штатов, тебя, последнюю из поступивших, увольняют. Ходишь на Биржу труда, получаешь гроши по безработице. Пришлось переменить несколько мест. К счастью, при помощи машинки, полученной через Бурова, научилась хорошо печатать и сдала экзамен на машинистку. Стало легче устраиваться. В это время в Советском Союзе процветала новая экономическая политика, установленная Лениным. Жить стало много лучше. Открывались частные магазины, появились ремесленники: сапожники, портные. Совсем невероятным явлением казались частные булочные с прекрасными калачами и другими произведениями кулинарного искусства, от которых глаз совсем отвык. Базары были завалены продуктами. Открывались и разные увеселительные заведения. Просто не верилось, что живем в Советском Союзе, как будто возвратилось прошлое. Весной 1924-го года нас стал часто посещать Сергей Скрябин, товарищ брата Георгия, которого он привел к нам в первый вечер нашего приезда в Нижний Новгород. С моим другом детства, Алексеем, переехавшим из Горбатовки тоже в Нижний, и с Сергеем мы часто ходили в театр и кино. Мать благосклонно относилась к такому «триумвирату». С ее старыми, строгими взглядами отпускать девушку вдвоем с молодым человеком казалось совершенно невозможным. Алексей в данном случае являлся чем-то вроде моего «Шаперон».

Незаметно промелькнул год с нашего переезда в Нижний Новгород. Еще весной Сергей сделал мне предложение и, хотя я совсем не стремилась связать себя браком, все же, поддавшись уговорам матери, дала согласие и мы зарегистрировались в октябре. Мать была очень

довольна, находя Сергея вполне подходящим для меня мужем. Ей импонировали как его возраст (он был на семь лет старше меня), так и его положительность. Мои многочисленные увлечения волновали ее, и она всегда находила сказать что-нибудь против каждого из моих избранников.

Регистрировались мы в доме Кунцевича, на Ошаре, где мы когда-то жили (теперь в этом доме загс, как я уже упоминала). Забавнее всего, что регистрация проводилась как раз в моей бывшей детской комнате.

Венчались двумя неделями позже в полуосвещенной Тихвинской церкви вечером, при закрытых дверях. Среди приглашенных были только четыре шафера и самые близкие родственники. С моей стороны мама и Зоя. Георгий, к сожалению, не смог приехать к этому дню, но обещал в ближайшее время. Зою он пока оставлял у нас. Она заняла мою комнату и поддерживала компанию моей оставшейся в одиночестве матери. Разлуку со мной мать переживала тяжело, несмотря на то, что я оставалась в том же городе, за несколько кварталов от нашей квартиры. Мы с мужем жили в одной комнате, да и ту нашли с большим трудом. Квартирный вопрос в Нижнем Новгороде стал просто критическим. С начала нэпа наехало такое множество людей, что некоторые из новоприбывших, подобно беспризорникам больших городов, ночевали на вокзалах, в парках (в теплую погоду) и в наскоро построенных бараках на окраинах города.

Еще за три месяца до свадьбы в тот год я поступила на ярмарку, чтобы подработать на самое необходимое «приданое». На свадьбу мне дали три свободных дня, и уже с понедельника я опять сидела за машинкой в ярмарочном бюро. Перемена заключалась лишь в том, что вечерами каждый день за мной приезжал муж, сопровождая меня домой. Это было большим утешением для матери, которая всегда страшно волновалась, если я возвращалась с работы одна. Ярмарка была на противоположном берегу Волги, и путешествие занимало много времени. К свадьбе оброченские крестьяне прислали мне целый сундук с разными весьма необходимыми вещами. Многие эти вещи мать узнала. Они были проданы с аукциона спустя несколько месяцев после погрома имения. Купившие их крестьяне тщательно хранили все несколько лет, чтобы теперь сделать мне такой драгоценный подарок.

Весь ноябрь и половину декабря ярмарочный комитет продолжал работать, чтобы подвести итоги торговли и сдать отчет.

Только в первых числах января я была опять свободной и стала на учет Биржи труда. Георгий провел у нас Рождество и Новый год, после которого, забрав Зою, уехал обратно в Оренбург.

После их отъезда мама рассказала мне, что с Зоей не все ладно, она нездорова и хотя всячески скрывала это, мать была уверена, что у нее туберкулез — такая распространенная в Советском Союзе болезнь. По-видимому, юность Зои прошла в очень тяжелых условиях. Родители

зарабатывали мало и были обременены большой семьей. Кроме Зои, было еще пять младших братьев и сестер. Брак с Георгием вытащил ее из нищеты, но подорванное годами здоровье было трудно восстановить. Я тоже замечала, что Зоя кашляла часто и у нее появлялись красные пятна на щеках. Когда я ее спрашивала, она говорила, что простудилась по дороге к нам из Оренбурга.

Мать моя прониклась большой симпатией и жалостью к этой тоненькой, слабенькой, золотоглавой невестке с большущими серыми глазами на маленьком, худеньком личике. Зоя была тихой и ласковой со всеми, начиная с обожаемого ею Георгия. Ни в коем случае она не могла вызвать антипатии, настолько она была приветлива и мила. Я ее очень полюбила, и ее болезнь меня огорчала и волновала.

Первые месяцы моей замужней жизни были омрачены этим печальным обстоятельством, свалившимся на голову брата и его жены.

БАЛ-МАСКАРАД

В феврале городским управлением был устроен громадный вечер-бал. В десяти киосках жены крупных административных работников города должны были продавать различные вещи — безделушки, цветы и сладости — в пользу строительства нашего города.

С января месяца того года я посещала курсы стенографии.

Моей соседкой в классе оказалась жена Лазаря Кагановича (сам Каганович в это время заведовал нижегородским промторгом). Мы с ней очень подружились и помогали друг другу овладеть «сей наукой», которая давала прекрасные возможности устраиваться на разную работу.

Когда возникли разговоры об устраивавшемся «базаре», Кагановичи предложили и меня включить в число участниц и поручить мне один киоск. Я была польщена и очень довольна. Единственно, чего я боялась, что мой киоск заработает меньше других и это будет отнесено за счет моего неумения вести подобные дела. Поэтому я заранее сообщила всем моим друзьям, что буду продавать на костюмированном балу и уговорила всех запастись билетами. Моя золовка, сестра мужа, сшила мне прелестный костюм из белого шелка с вытканными по нему золотистыми апельсинами.

Когда я поместилась в приготовленном уже и красиво разукрашенном киоске, я стала рассматривать всех других продавщиц и приуныла, убедившись, что попала совсем не в свою среду и что все эти жены высокопоставленных лиц города несомненно будут иметь больший успех, чем я, но уже с первых минут начала торговли убедилась, что русская пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» абсолютно верна. Все те молодые люди, с которыми я встречалась до моего замужества, коллеги по работе, студенты курсов, где я занималась и, наконец, сам Буров безостановочно заполняли мой киоск, выбирая те или иные вещи. Скоро я забыла о существовании других киосков и не интересовалась тем, как и где идет торговля. Я видела, что касса моя все растет, и радовалась, что друзья меня так поддержали и не дали мне опозориться.

Итог превзошел все мои ожидания.

Мне кажется, что только одна Каганович искренне радовалась моему успеху, другие же «дамы» города искоса поглядывали в мою сторону.

На другой день получила благодарность от городского управления за великолепно выполненную мною «работу». Наибольший доход этого вечера принес мой киоск. Я была чрезвычайно довольна и горда.

Вскоре после вечера, доставившего мне так много удовольствия, я совсем разболелась и, не зная в чем дело, пошла к домашнему врачу, дяде Ване, как мы его все звали. Осмотрев меня, доктор сказал, что я была в ожидании ребенка. (Этот доктор впоследствии сыграл большую роль в нашей жизни. Когда, эвакуировавшись из Ленинграда во время блокады, мы задержались по дороге на Кавказ в Нижнем, я навестила нашего старого друга. В то время он занимал очень видное положение в городе. Это он дал мне несколько рекомендательных писем к лицам, от которых зависела наша судьба. В первую же очередь от него я получила письмо к начальнику городского управления, моему старому другу — товарищу Бурову).

Конец февраля и март прошли в беспрерывном недомогании.

Еще в январе Биржа труда дала мне направление на рыбный комбинат, где я и продолжала работать. Кроме того, по вечерам посещала курсы стенографии. Все это меня утомляло и раздражало. Бросить же ни того, ни другого не хотела.

Характер мой определенно портился. Мать и муж настаивали на том, чтобы я ушла с работы, но я твердо стояла на своем, доказывая им, что мне необходимо зарабатывать, ибо на один оклад в Советском Союзе существовать слишком трудно.

В апреле получили известие от Георгия, что Зоя тяжело больна туберкулезом, и он отвез ее в Москву. В то время там был известный профессор, славившийся лечением всех легочных заболеваний. Зою положили в больницу. Хотя мы и могли ожидать подобной развязки, но все же печальное известие нас очень огорчило. Мы знали, что Георгий, принимая во внимание его работу, не сможет долго оставаться в Москве и, таким образом, больная Зоя будет там в одиночестве. Вспомнили об одной московской родственнице, которая не служила и не была обременена семьей. В тот же день дозвонились до нее и просили помочь Георгию и поддержать Зою. Мама решила тоже, окончив некоторые срочные работы, уехать в Москву и остаться там столько, сколько этого потребует состояние Зои. Она этого сделать не успела. Через две недели пришла телеграмма, что Зоя скончалась.

ЛЕТО В ОБРОЧНОМ

В мае мужу пришла идея отправить меня с матерью в деревню, а именно в Оброчное, где в своем доме жила моя няня. Мне эта перспектива понравилась. Курсы стенографии закрылись на лето, а от работы на рыбном комбинате пришлось отказаться. Я знала, что, если буду хорошо себя чувствовать, смогу опять поступить на ярмарку, которая открывалась первого августа.

Думала я, что никогда больше не вернусь в Оброчное, а вот вышло иначе. Я с радостью отнеслась к предложению мужа, и уже в начале июня мы добрались до Оброчного.

Няня рассказала нам, каким преследованиям она подвергалась в первые годы после революции за то, что служила у помещиков и будто бы спрятала принадлежавшие нам вещи, которые у нее тщетно искали. Няня ничего не брала у нас на хранение, но этому не верили и засадили ее в тюрьму, где ей пришлось отсидеть два месяца. Ее племянник, видный коммунист, вернувшись с фронта, вступился за нее и выручил из тюрьмы. В ужасных условиях, господствовавших тогда в домах заключения, она, как и наш Георгий, схватила сыпной тиф и еле-еле от него оправилась. За эти годы она потеряла старика отца и жила с матерью, занимаясь своим несложным хозяйством и довольно большим фруктовым садом. Няню относили к зажиточным крестьянам, ибо у нее была корова, теленок, двое поросят и куры. Вася, племянник, был ее верной и постоянной защитой, и теперь она жила совсем спокойно, даже не побоялась пригласить нас на это лето.

Много грусти и горечи пережила я во время пребывания в любимой мною деревне. Пожалуй, не очень-то хорошо придумал муж послать меня именно теперь в разоренное революцией наше родовое гнездо, с которым было связано столько воспоминаний счастливого детства. Меня тянуло походить по парку, где каждое место, каждое дерево было знакомо. Садилась на скамейку против дома и воображала, что все по-прежнему, что мы живем в этом белом доме с колоннами, с балконами вокруг, с асфальтовым подъездом и цветником.

Но эти фантазии сразу уступали место реальному.

Дом как-то весь почернел, балконы в некоторых местах были сломаны и имели жалкий вид, а любимый моей матерью цветник производил гнетущее впечатление своей запущенностью и отсутствием

привычных цветов. Только крапива, да лопухи разрослись повсюду. А меня все-таки тянуло дальше и дальше. Хотелось попасть в дом, в мою комнату. Совхоз занял в то время весь дом. Я рискнула попросить разрешения пройти по дому, сказав, кто я. Сидевшая в конторе девушка обошлась со мной приветливо, и мы вместе осмотрели дом моего детства. В моей комнате на полу лежали груды книг. Она предложила мне выбрать то, что я хочу. Взяла несколько своих любимых книжек, прошла еще по другим комнатам, в которых или помещались какие-то склады, или они стояли совсем пустыми. Нашей прежней мебели не было и следа. Девушка объяснила, что все было продано с торгов. Я вспомнила, что одна из учительниц деревни Баево купила на этих торгах (вроде аукциона) мамину сапфировую брошку и привезла ее нам в Лукоянов. Девушка, мой гид по когда-то принадлежавшему нам дому, видимо, понимала мое настроение и ничем не нарушала молчания, когда я не задавала вопросов, погруженная в свои невеселые мысли.

Я поблагодарила ее и пошла бродить по парку. Часть имения, принадлежавшая бабушке, произвела особенно гнетущее впечатление. На месте сгоревшего еще в самом начале дома рос сплошной бурьян. Было трудно определить, где именно стоял дом, если бы я точно не помнила. Вскоре я вернулась в деревню и дала себе слово больше в усадьбу не ходить и не бередить старых ран. Воспоминаниям надо положить конец и жить настоящим.

В июле приехал в отпуск муж, а по прошествии двух недель мы вместе вернулись в Нижний Новгород, где я собиралась опять с 1-го августа поступить на работу в ярмарком. Меня приняли, думаю, не заметив моей беременности. Меня это очень устраивало, так как проработав два месяца на ярмарке, я могла рассчитывать получить декретный четырехмесячный отпуск с оплатой содержания. Рождение ребенка предполагалось в ноябре.

Вскоре по приезде домой мать получила письмо от своего брата из Ленинграда, который настоятельно звал нас переехать к нему, предлагая занять две комнаты в его большой квартире. Его уже давно уплотнили, три комнаты были заняты чужими людьми, и ему приятнее было уступить эти две нам, нежели посторонним. Дочь его вышла недавно замуж и переехала, а сын-артист работал в Москве. Их комнаты подлежали заселению.

10-го октября я ушла в отпуск, а уже 15-го мы подъезжали к Ленинграду. Мне вспомнился наш приезд в Петербург в 1912 году, когда отец был выбран в Государственную Думу и мне так отчаянно не хотелось покидать любимый Нижний Новгород. На этот раз было совсем иначе. В Нижнем мы так и не смогли получить хорошую квартиру и жили по комнатам. За месяц до нашего отъезда родители мужа предложили нам освободившиеся у них комнаты дочери, переселившейся на Кавказ. Жить в одной квартире с моей матерью и родителями

мужа, я считала совсем неприемлемым. Тем более, что наша семья должна была в скором времени увеличиться еще на одного человека.

Это все вело бы только к разным недоразумениям и неполадкам. Избегая разговоров на эту тему с моей свекровью, которая любила, чтобы все поступали согласно ее желанию, мы упирали главным образом на то, что у мужа очень плохая работа (он заведовал канцелярией одного местного учреждения), кроме того, он хотел поступить в Ленинградский университет или техникум, чтобы приобрести хорошую специальность. В Ленинграде для всего этого открывалось гораздо больше возможностей, чем в Нижнем.

Без особенных неприятностей нам удалось закончить все дела и двинуться в дорогу. По пути остановились с утра до вечера в Москве у брата Георгия, который, потеряв весной бедную Зою, уже успел жениться на Вере — очень самоуверенной, довольно красивой и решительной особе. Она настояла на переезде в Москву, где Георгию посчастливилось найти хорошее место работы. О Зое говорить избегали. Эта натянутость всем была тяжела. Радужного впечатления этот визит не оставил.

ЛЕНИНГРАД

На вокзале в Ленинграде встречала тетя Людмила, жена маминого брата. Дядя был не совсем здоров и поэтому не смог приехать.

Нам предоставили две хороших комнаты, и мы довольно уютно разместились в них. Кроме дяди с тетей, в этой квартире жили еще две семьи. Кухня и ванная на 10 человек, а с нами, в скором времени, на все 14. Особенно это нас не удивило, ибо условия в Советском Союзе всюду были одинаковыми: отсутствие жилой площади, скученность в коммунальных квартирах, ведущая неоспоримо к разным распрям и недоразумениям.

Итак, с квартирой устроились более или менее неплохо, а вот со службой оказалось не так просто. Надежды, что в Ленинграде гораздо больше возможностей, чем в Нижнем, исчезли. У мужа не было настоящей специальности. Мы столкнулись с большими трудностями. На Бирже труда было полно безработных. Дядя посоветовал мужу немедленно поступить на курсы бухгалтеров, вместо университета, о котором он мечтал. Все счетные работники были в большом спросе. Курсы всего шестимесячные. Университет же или техникум — дело затяжного характера.

Я получала очень хороший оклад, находясь в декретном отпуске, и муж мог не спеша подыскивать какую-либо работу, в то же время занимаясь на курсах. Большой удачей было, что я служила на ярмарке, так как там зарплата была очень высокой, что давало мне право теперь получать хорошие деньги.

25-го октября вечером мы пошли погулять на Невский проспект, где всегда царило большое оживление. Гуляя, столкнулись с молодой парой, которая с удивлением и радостью приветствовала мужа. Оказалось, что это был его старый знакомый, с которым в Нижнем он вместе работал в первые годы после революции. Пошли расспросы. Узнав, что муж ищет службу, инженер Арановский предложил завтра же приехать к нему на текстильную фабрику, где он является техническим директором и может устроить мужа пока счетоводом, а, когда Сергей закончит курсы, то переведет в бухгалтеры.

Полные надежд, мы вернулись домой. Спустя два часа меня увезли в больницу, клинику Отто, на Васильевском острове. Муж, проведя ночь в приемной, в шесть часов утра узнал, что я благополучно родила

сына. В счастливейшем настроении заехал домой сообщить эту радостную новость, а оттуда прямым путем отправился на фабрику к Арановскому. Последний не обманул его ожиданий. В то же утро муж был зачислен в штат. В 12 часов, в белом халате, как у нас полагалось, он появился у меня в палате, чтобы повидать сына и сообщить о своем назначении.

Жизнь в Ленинграде в 1925–26 гг. носила вполне мирный характер. Благодаря господству нэпа не было затруднений с продовольствием, и жители города после перенесенных мрачных лет военного коммунизма ожили, и им казалось, что наступил земной рай.

Тетя рассказывала о недавних годах, которые они провели в Ленинграде, отправив детей в дальнюю деревню. Тетка с другими «мешочниками» ездила за продуктами в обмен на всевозможные вещи домашнего обихода. Поезда ходили плохо, об отоплении их не было и речи. Народ висел на буферах, лестницах и крышах, как грозди винограда. Многих сбрасывали более сильные, и они летели под откос. Люди зверели от голода и не считались ни с чем. Некоторые, обессилев, сами срывались, и их постигала та же участь. С обеих сторон железнодорожной насыпи виднелись никем не погребенные трупы горожан, пускавшихся в такие рискованные путешествия, чтобы спасти от голода себя и своих близких. Тетка моя — сильная, энергичная женщина, делала все ради обожаемого мужа, который тогда был настолько слаб и нетрудоспособен, что ни в чем не мог ей помочь. Дети их не принимали в делах родителей никакого участия, ибо вначале, как я уже сказала, жили в деревне, а, вернувшись, занялись своей жизнью. Двоюродная сестра восемнадцати лет выскочила замуж против желания матери. Сын же, очень удачно подвизавшийся на сцене, выбрал себе эту карьеру и в скором времени подписал контракт с одной провинциальной труппой и покинул Ленинград. Эти обстоятельства заставили тетю и дядю выписать нас. Дядя, бывший в большой дружбе со своей сестрой (моей матерью), надеялся, по-видимому, что она внесет некоторое равновесие в его семейные отношения с женой. Дело в том,что, оправившись от голода последних лет, он ожил, помолодев на десять лет. Ему удалось устроиться на службу в Александринский театр, где представлялись возможности волочиться за актрисами и всячески развлекаться.

Тетя, страшно ревнивая, страдала от его похождений и тоже рассчитывала на поддержку моей матери для усмирения легкомысленного дядюшки. Все эти события в семье тети и дяди напоминали мне так великолепно описанную Толстым ситуацию в семье Стивы Облонского после содеянных им грешков и приезд Анны Карениной в роли мироносицы.

Уж не знаю, оправдались ли надежды наших родственников на миролюбивую политику матери, но за наше девятимесячное пребыва-

ние на Херсонской (улица, где была их квартира) особенных драм не было, если не считать легких стычек, вечно вызываемых ее ревностью. На нашей жизни это не отражалось. Кажется, что тогда главным беспокойством для всех был мой сын, взявший манеру кричать каждую ночь и будить весь дом.

Это последнее обстоятельство заставило меня и мужа искать отдельную квартиру, дабы не испортить совсем родственных отношений.

Несколько недель мы тщетно искали всюду какого-нибудь пристанища, чтобы как можно скорее выбраться с Херсонской. Найти было почти невозможно, и мы уже теряли надежду, как, совсем неожиданно, через одну комиссионершу я узнала, что на Фурштадтской (теперь Петра Лаврова) «бывшая» домовладелица под большим секретом продает за 200 рублей две больших комнаты. Мы с мужем отправились туда, познакомились со старушкой–владелицей квартиры и, хотя подобные продажи были совершенно незаконными, пообещали ей совершить эту сделку. Когда вернулись домой и рассказали матери об этой возможности, то узнали, что дом N 42, в который мы собирались переселиться, принадлежал когда-то родителям моей матери и был ими продан этой старушке, владевшей им до самой революции. Теперь же, лишенная всяких средств, она еще живет в той квартире, где 30 лет тому назад скончалась моя бабушка (мать матери).

Все это было совершенно невероятным совпадением, и мы, конечно, решили, что сама судьба нас туда направила.

Думаю, что родственников наше решение очень обрадовало. Они охотно помогали нам в переселении.

(С июня 1926-го года мы обосновались в доме N 42 по улице Петра Лаврова, где и прожили до эвакуации из Ленинграда во время второй мировой войны. Моя же двоюродная сестра, переселившаяся к нам во время блокады, живет в этой квартире и по сие время, что мне известно из изредка получаемых мною и очень коротких писем... Подробно писать она, видимо, опасается и никогда не сообщает мне о своих детях и молодых родственниках. Письма ограничиваются упоминаниями о смерти того или другого старого знакомого, описанием болезней тоже разных престарелых людей и... сообщениями о погоде).

В мае муж закончил свои курсы, кстати, блестяще выдержав экзамены, и сразу же получил повышение, т.е. стал бухгалтером на той же текстильной фабрике под начальством Арановского.

Я устроилась на службу временно заменять уходящих в отпуск машинисток. Учреждение, где я работала, находилось на Невском. Мне было очень приятно ходить туда пешком вдоль Летнего сада, по Марсову полю. Всегда вспоминала, как, бывало, в детстве гуляла с няней по этим местам. В Ленинграде никогда не бывает очень жарко. Июнь был прекрасным в этом году, и мне эти походы на службу доставляли большое удовольствие. Зато моя мать всегда с нетерпением ожидала

моего возвращения, чтобы сбыть мне на руки неспокойного сына. Она с ним за целый день очень уставала.

Прошло лето, наступила осень, и закончилась моя служба.

Осенью никто не стремился в отпуск, так что и заменять мне было некого.

Отправилась на Биржу труда и стала ее регулярно посещать. Как правило, люди разных профессий собирались на Биржу труда с утра и сдавали в окошечко служащему, который занимался вызовами на работу, свои документы, по большей части профсоюзные билеты. Затем садились на скамейках в ожидании того, что окошко откроется и назовут твою фамилию. Это значило, что есть запрос на твою специальность.

Конечно, не я одна была там машинисткой, но вызывали тех, кто дольше состоял на учете Биржи. Первые две недели я ходила безрезультатно, проводя там по нескольку часов. Но вот однажды вызвали и меня и предложили работу в военной охране завода «Большевик». Что мне было делать? Если отказаться, то я опять попаду в самый конец длинной очереди, согласиться же, значит ездить каждый день, шесть дней в неделю, на дальнюю окраину Ленинграда. Завод «Большевик», бывший Обуховский, находился уже не в городе, а в настоящей деревне. Трамвай туда от Октябрьского вокзала ходил около часу, а до Октябрьского мне надо было идти пешком 20 минут или ловить трамвай на углу Лиговки, где он замедлял ход, вскакивать на ходу и тогда уже ехать без пересадки. (На самом Октябрьском вокзале всегда уже ждала толпа рабочих и служащих и трамвай брали с боем).

Надвигалась зима. Служащий биржи предупредил меня, что работа на заводе начинается в 8 утра и до 5-ти, по субботам до 2-х.

Я просто не знала, что мне делать. Советоваться тоже было не с кем, так как все в очереди только и ждали того, что я откажусь и кто-нибудь захватит требование. Все были изведены бесплодным хождением и ожиданием. Быть безработным было весьма тяжело. Пособие по безработице было настолько мизерно, что жить на это не представлялось возможным. Решаться надо было скорее, и я дала свое согласие.

Приехала домой в полном унынии. Знала, что и мать не обрадуется. Ей придется с утра до ночи возиться с ребенком, готовить и закупать продукты. До позднего вечера все совещались, как лучше поступить, не отказаться ли все-таки завтра? Но страх, что за этот отказ меня снимут с учета Биржи труда, этот вечный страх, который сопутствовал нам всю жизнь в Советском Союзе, сделал свое дело. Я не отказалась, а поехала на этот завод, на котором проработала четыре года.

Нелегкий это был период моей жизни. Ежедневное вставание в 5 часов утра, когда весь дом еще спит. В половине седьмого надо было выходить. В Ленинграде в зимние месяцы по-настоящему светает только после десяти часов. Когда добиралась до завода, был еще полный

мрак. На доске в проходной вешала номер, и не вздумай опоздать! Ровно в 8 доска запиралась и тебя направляли к заведующему личным составом, что уже не предвещало ничего хорошего. На мое счастье, за 4 года работы я ни разу по собственной вине не опоздала. Дважды трамваи останавливались за отсутствием тока, тогда не я одна, а целая толпа рабочих и служащих появлялась с часовым опозданием. За это наказания не несли. Но вот подруга моя, работавшая в отделе хозяйства завода и любившая утром поспать, опоздала трижды. Ее не только уволили, но еще ей пришлось отсидеть в тюрьме, как «злостной прогульщице».

Помню, в первые годы моей работы я вообще потеряла сон. Не могла заснуть с вечера от мысли, что в пять часов я должна встать. Это так меня волновало, что я ничего с собой не могла поделать. В то время в Ленинграде нельзя было купить будильника, и, конечно, в аптеках не было снотворных пилюль.

В этот же период моей жизни я впервые столкнулась с НКВД, этим наводящим на всех ужас учреждением.

В те времена комендантом завода и начальником военной охраны был некий Поляков — толстый, курносый мужчина лет 35. По обыкновению он всех разносил, употребляя самые нецензурные выражения. В таких случаях даже проявлял несвойственную ему деликатность и выпроваживал женщин (меня и уборщицу) из помещения охраны в коридор, где мы терпеливо ожидали конца его экзекуций (ибо одним криком он не ограничивался).

Вот из-за этого Полякова, имевшего в жизни две страсти — разносить подчиненных и устраивать оргии с девицами, — меня вызвали в НКВД.

Комендантом он уже был несколько лет, и все сходило ему с рук: и необузданная ругань и еще более необузданное беспутство. Видимо, заслуги его перед партией и правительством (он был из сподвижников знаменитого Чапаева) были велики. Все шло, как по струнке. Военная охрана, находившаяся в его подчинении, перед ним трепетала, девицы же, наполовину из страха, а наполовину из любви к приключениям, тоже не выходили из повиновения.

В конце концов все же кто-то решил осадить зарвавшегося, и на него донесли. Я узнала об этом после того, как сама попала на допрос в НКВД. Вначале же я только заметила перемену как во внешности, так и в поведении нашего буйного коменданта. Он как-то притих, перестал устраивать еженедельные разносы с изгнанием женщин из помещения, стал ограничиваться незначительными выговорами, да и то больше в письменной форме, чего раньше никогда не делал. Мы с уборщицей, тетей Евой, делились впечатлениями и решили, что Поляков серьезно заболел. Он стал чаще куда-то исчезать, поручая мне, если позвонит директор завода, сказать, что он на правом берегу Невы, где у нас было сосредоточено все хозяйство завода.

И вот однажды получаю повестку. Явиться надлежит в такое-то время в народный комиссариат внутренних дел на Литейный проспект. Не зная еще причины этого вызова, я несколько взволновалась. Старалась себя успокоить тем, что у нас аресты таким «благородным» путем не происходят. Все мы великолепно знали, что с первых же дней революции арестовывали, ворвавшись ночью в квартиру, стянув, можно сказать, с постели несчастную жертву.

В повестке значилось «конфиденциально», так что ни с сослуживцами, ни с домашними я не поделилась, оставив только перед уходом под подушкой записку мужу. Не вернись я к ночи, он бы нашел ее и узнал в чем дело.

В назначенный час с повесткой в руке я стояла у входа в здание НКВД. Дежурный позвонил кому-то, и через короткий промежуток времени молодой военный пришел за мной. Не разговаривая, повел меня по показавшимися мне бесконечными коридорам. Доведя до какой-то двери, велел сесть на скамеечку и ждать, когда меня вызовут. Вся храбрость моя исчезла, и уверенность, что таким путем не арестовывают, постепенно уступила место чувству страха. Я больше не надеялась вернуться домой.

Чем дольше я сидела, тем больше росло чувство полной беспомощности и ужаса перед всемогущими органами безопасности. Когда меня, наконец, вызвали в кабинет к следователю, думаю, на мне лица не было, ибо, взглянув пристально на меня, он даже усмехнулся и сказал: «Ну, чего дрожишь, как осина? Аль перепугалась? Садись, рассказывай, только смотри не ври».

С первых же слов я поняла, в чем дело. Об оргиях Полякова стало известно слишком широкому кругу лиц, и начальство перестало покрывать его деятельность. НКВД, по-видимому, повело тщательное расследование. Я была вызвана как одна из свидетельниц.

Следователь спрашивал, кого я знала из многочисленных любовниц коменданта и не приглашал ли он меня тоже принять участие в его оргиях. Интересовался также вообще характером и различными замашками Полякова. Я старалась отвечать откровенно, и он, видимо, не имея никаких обвинений против меня, скоро меня отпустил. Я вздохнула свободно, выйдя опять в сопровождении молодого энкаведиста в коридор. Яркий свет в лицо в кабинете следователя действовал угнетающе. Когда я была уже около будки охраны, я даже от радости поблагодарила моего молчаливого спутника и бросилась чуть ли не бегом домой. Было еще рано, и моя мать удивилась, что меня так удачно отпустили с работы домой. Это было 13-ое февраля — как раз день моего рождения.

Полякова убрали. Я его больше никогда не видела. На его место назначили молодого симпатичного коменданта, тоже члена партии с 1918-го года, Клюшина. Этот вел себя совершенно иначе, чем Поляков.

Кончилось дикое оранье на подчиненных, таинственные исчезновения, так сказать, на правый берег Невы, исчезла эта атмосфера напряженности, в которой раньше приходилось работать. Много позже наша уборщица рассказала мне, что ее вызывали не один раз по делу Полякова. Она как старшая, более опытная и долго служившая под его начальством, знала, конечно, больше, чем я. На допросах она рассказала все совершенно откровенно и не покрыла грязной деятельности коменданта.

В этот период у нас с мужем было уже много знакомых в Ленинграде. Несмотря на трудности жизни, эти знакомые, да и мы любили приглашать друг к другу и веселиться. До моего поступления на завод собирались довольно часто и танцевали. Обычно эти вечера устраивались накануне дней отдыха. В то время это еще были воскресенья. Но после моего поступления на завод «Большевик» меня перестали интересовать эти, казавшиеся раньше всегда такими веселыми, собрания. Я до такой степени уставала за неделю бессонных ночей и дальней дороги на завод, что предпочитала по субботам выспаться как следует, ложась в постель с радостным сознанием, что на следующий день можно поспать хотя бы до девяти-десяти часов.

Этот период запомнился мне еще одним мероприятием советской власти — «выколачиванием золота». Стали арестовывать дантистов и бывших торговцев, подозреваемых в обладании крупными золотыми запасами. Сажали без разбора на двадцать четыре часа и больше в зависимости от того, когда признаются и отдадут требуемое. Это были совсем особенные аресты: сажали в невероянно натопленные помещения, в которых было трудно дышать. Очень редкие выдерживали более суток и отдавали абсолютно все, что еще удалось всеми правдами и неправдами сохранить.

Тех, кого подозревали, что не все отдали, сажали вторично. Сидевшие в этих банях рассказывали, что эту пытку невозможно вынести. В камерах не было ни кроватей, ни стульев. Все должны были стоять. При безумной жаре, обливаясь потом, арестованные стояли, прижавшись друг к другу, не имея возможности пошевелить рукой,— такая была теснота. Обвинений никаких не предъявлялось, кроме одного — обладания золотом, которое полагалось сдавать добровольно государству. Помню, что в этот период я перестала носить обручальное кольцо, ибо мой начальник, комендант завода Поляков, неоднократно намекал мне, что это «буржуазные предрассудки» носить обручальное кольцо и что гораздо благороднее было бы с моей стороны сдать его государству, нуждающемуся в золоте для восстановления своего хозяйства, потерпевшего так много от врагов народа — Белой армии.

Мне пришлось его обмануть, сказав, что я сдала, чтобы только как-нибудь отвязаться. На самом же деле, конечно, запрятала его подальше.

С трудом дождалась двухнедельного отпуска, когда мать, муж, наш маленький сын и я смогли уехать в Нижний Новгород. Там еще жили родители мужа, и мы хотели навестить их и показать нашего наследника.

По пути остановились в Москве, где нам удалось встретиться с двоюродной сестрой Ольгой, на руках которой в Крыму скончался брат Павел. Ольга рассказала нам, каким образом они встретились и познакомились.

В то время часть Белой армии была сосредоточена в Крыму. Там же, в Симферополе, жила Ольга с матерью и сестрой. Жизнь у всего населения была крайне тяжелой. Чтобы просуществовать, моя тетка решила открыть столовую. Дочери ей помогали. Очень скоро все молодые офицеры стали завсегдатаями этого заведения и сообщили брату, что там не только можно хорошо питаться ,но и познакомиться с прелестными молодыми девушками.

Павел не замедлил туда пойти и, пока ожидал появления хозяек, стал рассматривать портреты на стенах. К своему чрезвычайному удивлению, увидел портрет своей матери. Выяснилось, что он попал в семью брата мамы. Хорошенькие барышни были его двоюродными сестрами.

Вскоре между Павлом и Ольгой разгорелась такая любовь, что он стал ее женихом и они строили планы счастливого будущего после окончания гражданской войны и победы Белой армии над большевиками.

Мечтам их не суждено было сбыться. При защите Крымского перешейка Павел был смертельно ранен и умер на ее руках.

Возвращаясь, остановились опять в Москве у Георгия. Вера была в ожидании ребенка. Георгий, всегда мечтавший о детях, очень за ней ухаживал. Мы провели всего один день в Москве и вернулись в Ленинград. Это был конец июля.

В сентябре получили извещение от Георгия о рождении дочери, Елены.

Вернувшись на работу узнала неприятную новость — ввели шестидневку. Хотя день отдыха был теперь каждые 5 дней, вместо прежних 6-ти, но зато у нас с мужем перестали совпадать свободные дни. То же происходило и у наших знакомых. Собираться вместе стало еще трудней. Обязательно кому-нибудь на другой день приходилось работать. Наши встречи свелись к государственным дням отдыха: 1-ое мая, 7-ое ноября, Новый год. О Рождестве уже никто не говорил и если устраивали елку для детей, то старательно запрятывали ее, чтобы ни соседи, ни управдом не заметили. Боялись доносов, что празднуем церковные праздники. Помню один год, я где-то все-таки добыла елку и поставила ее в нашей спальне, за постелями. В тот же день управдому (у нас была женщина, заведующая домом) понадобилось позвонить по

телефону. Аппаратов в доме почти не было. Муж же, как казначей ЖАКТ'а (жилищное акционерное кооперативное товарищество), имел право на телефон, и, конечно, управдом мог пользоваться тоже. Пришлось срочно уложить маму в постель, объявив, что она больна, и провести управдома другой дверью, подальше от спрятанной елки, которая, как на грех, упоительно пахла хвоей. На какие только фокусы не приходилось идти, чтобы иметь возможность жить и не быть преследуемыми!

В 1930 году нашу семью постигло несчастье — скончалась трехлетняя дочка Георгия и Веры. Вера писала, что Георгий в полном отчаянии, потеряв единственного любимого ребенка. Мы увиделись только в 1933 году, когда они посетили нас в Ленинграде с маленьким сыном. Георгий к этому времени страшно изменился, нашли мы его постаревшим и бесконечно грустным. Еще в 1932 году они покинули Москву и жили теперь в Омске.

Первого декабря 1934 года был убит Киров. В это время я не работала на «Большевике», а удачно устроилась в Гипроцветмете (Государственный институт по проектированию заводов цветных металлов). Это учреждение было только что организовано и помещалось в боковой части музея Александра Третьего, с выходом на канал Грибоедова, почти рядом с церковью «На Крови».

В этот памятный день в нашем учреждении был большой митинг, на котором, конечно, все должны были присутствовать. Говорили об измене, о подлых провокаторах, о контрреволюционерах, которые продолжали везде, где только могут, пролезать и бороться с Советской властью. Настроение у всех было крайне подавленное, ожидали всевозможных репрессий. Вряд ли все останется без значительных перемен.

Предчувствие беды не обмануло.

Через несколько дней после убийства партийный комитет объявил у нас чистку.

Эта «чистка» заключалась в том, что на общем собрании всех служащих и рабочих тот или иной сотрудник, подлежащий в этот день проверке, должен был рассказать всю свою подноготную не только о себе, но и о родителях, дедушках и бабушках. Конечно, каждый старался представить себя истинным пролетарием, не имевшим никогда никакой собственности, учившимся на «медные гроши» отца-рабочего или матери-уборщицы. Иногда все сходило благополучно. Порой же, как это было на одном из наших собраний, одному молодому человеку, рассказавшему о своем нищенском детстве, кто-то (по-видимому, из той же деревни) задал вопрос о будто бы принадлежавшем его семье кирпичном двухэтажном доме, лучшем в этой деревне (каменные дома были редкостью в наших деревнях и, по обыкновению, принадлежали так называемым «кулакам» — зажиточным крестьянам).

Молодой человек страшно растерялся, ибо он только что назвал свой дом избой, крытой соломой. Ему не дали выпутаться из неприятной ситуации и на другой же день уволили за ложь, допущенную на коммунистическом собрании. Кстати, он сам был в партии, но после этого случая недолго в ней оставался.

Спустя несколько лет я его встретила на улице, но почти не узнала. Боялась даже расспрашивать, что с ним случилось после этого злосчастного собрания.

Кроме учреждений, начались чистки в учебных заведениях. Знакомые студенты рассказывали, что все происходило в том же порядке, даже более торжественно, чем у нас в Гипроцветмете. Например, подруга, учившаяся в первом педагогическом институте иностранных языков рассказывала, что у них устроили нечто вроде трибуны, на которую вставал тот, кому чинился допрос. Таким образом он стоял перед всем залом и должен был отчитываться за всю свою жизнь. Опять-таки, если что-либо не совпадало с полученными ранее сведениями или показаниями свидетелей, то его или ее «вычищали» из профсоюза университета.

Совершенно не знаю, что именно спасло меня, но на «чистку» я так и не была вызвана. Может быть, потому, что была «маленькая сошка» и никто на меня не доносил.

Кроме чисток, в этот страшный декабрь начались почти поголовные аресты. Всех хватали, кто был почему-либо подозрителен НКВД.

Одним из первых был арестован наш сосед по квартире — молодой человек, лет 27, служивший в одном из многочисленных вновь открытых учреждений, прилежно работавший с утра до 5, а по возвращению готовивший матери (нетрудоспособной) и себе обед. Все вечера он проводил дома. Знали все его, как тихого, скромного юношу, бесконечно преданного инвалиду-матери.

Когда однажды в два часа ночи раздался резкий, продолжительный звонок в нашей квартире, все проснулись с одним чувством и с одним вопросом на устах: «За кем пришли?» Уже до этого дня слышали о нескольких арестах среди знакомых. Боясь, что, может быть, за мужем, я решила сама пойти открыть дверь. Вошли двое энкаведистов и смущенный и перепуганный старый дворник. Последний показал им сразу же на дверь, ведущую в комнаты соседа Павлова. От моего сердца отлегло. На этот раз не к нам! И жаль милых соседей, но все же «своя рубашка ближе к телу», говорит русская пословица.

Обыск продолжался до утра. Конечно, никто в квартире не ложился спать. Ждали, чем все кончится. Утром один из обыскивавших пришел к нам и попросил разрешения воспользоваться нашим телефоном. После этого разговора Павлова увезли.

Телефон, как я уже упоминала, висел в нашей комнате. За несколько дней до этого обыска и ареста Павлова перепуганная начавшимися

репрессиями, я решила купить большой портрет Молотова (тогда министра иностранных дел) и повесила на той же стене, где был телефон, среди семейных фотографий. Даже рамку купила такую же: синюю, бархатную. Муж, вернувшись с работы и увидев портрет своего однофамильца (Молотов, как известно — Скрябин), спросил меня, что это должно значить, почему я повесила этот портрет в кругу семейных фотографий. У нас вообще портреты вождей не водились, и это неожиданное явление поразило мужа. Я сказала, что, по-моему, это может быть известной защитой. Муж отнесся весьма критически к моему поступку, но спорить не стал.

Вскоре он пришел к заключению, что, возможно, я и была права. Всем, кто пользовался нашим телефоном, этот портрет не мог не бросаться в глаза. Спрашивать не спрашивали, а все-таки сомнение, по-видимому, закрадывалось. Так как в большинстве случаев приходила женщина-управдом, которая, конечно, должна была докладывать куда следует о всех жильцах дома, думаю, что она не преминула упомянуть о портрете Молотова в окружении членов нашей семьи! Во всяком случае аресты продолжались, целые поезда с заключенными отходили каждый день от Ленинграда в направлении на восток, а мужа не трогали. Он часто говорил мне: «Знаешь, становится просто неловко встречаться со знакомыми женщинами, мужей которых арестовали и сослали. Что они могут подумать обо мне?» Ему казалось, что он остался один и его заподозрят в том, что он состоит на службе НКВД и является осведомителем.

Отправили в Казахстан Павлова. Как ни странно, его предварительно выпустили на несколько дней с обязательством явиться в определенный день вместе с матерью. Подобный случай был необычен. Мы ломали голову над этой странной высылкой и, наконец, пришли к заключению, что при всем желании следователи не могли ему ничего приписать, а все-таки сочли лучшим от подобных элементов (он был из дворян, чего уже было достаточно) освободиться.

Больше мы никогда ни его, ни старушки матери не видели. Она-то уже наверное не пережила условий ссылки.

Всю весну 1935-го года мы жили под непрерывным страхом. Был арестован лучший друг мужа, недавно только награжденный одной из высших наград за строительство военных сооружений вблизи Кронштадта. Он был инженер, и никаких «грехов» за собою не знал, кроме разве одного — совершенно неприемлемой для Советского Союза фамилии — Геринг! Сослали его, а вскоре и жену — красивую, молодую женщину, занимавшуюся исключительно флиртами и романами, а отнюдь не политикой.

В нашу квартиру, в половину, занимаемую раньше Павловыми, вселили семью коммуниста, ответственного политического работника с женой и матерью. Теперь в квартире надо было очень остерегаться

и не говорить ничего лишнего. При том, что кухня была общая на все четыре семьи, живущие в квартире, это было не очень легко. Я особенно боялась за мать, которая никак не могла смириться с разными постановлениями Советского государства и часто выражала вслух свое неудовольствие. Я умоляла ее молчать, если она не хочет погубить нас. Она обещала, но все-таки неприятная история разразилась. Мама считала, что всюду в квартире должны висеть иконы и, не удовлетворившись тем, что устроила в своей комнате целый иконостас, она повесила икону и в углу кухни. Новый жилец моментально заметил эти «антикоммунистические» мероприятия и вызвал мужа. До меня доносился резкий возмущенный голос Семенова, который требовал, чтобы муж немедленно снял эти «картинки» (как он выразился) и, если теще (т.е. моей матери) угодно, то она может наши комнаты завесить ими, но пусть не старается портить комнат общего пользования, т. е. кухню, ванную и коридор.

Мужу все это было крайне неприятно и по окончании объяснения с Семеновым он вошел к матери и сделал ей серьезное внушение.

Между прочим, у них с матерью были всегда самые идеальные отношения, так что я в первый раз услышала по ее адресу такой недовольный тон.

Теперь в моей комнате, которая прилегала к комнате соседей, мы боялись громко разговаривать, считая, что нас могут подслушать. Однажды придя с работы, я застала у нас жену брата мужа. Первым браком она была за известным московским богачом — Рябушинским и сохранила с тех пор брильянты еще никогда не виданной мною величины. Она их тщательно запрятывала и только раз показала нам, чтобы похвастаться, какие она раньше получала подарки. Теперь, когда волна арестов все еще не затихла, ей пришло в голову, что самое лучшее дать эти вещи на хранение моей матери, к которой она относилась с полным доверием и уважением. Кроме этих огромных, величиной с птичье яйцо, брильянтов, она принесла еще несколько замечательных драгоценностей. Мать моя ужаснулась при виде этих богатств и умоляла ее взять все обратно. Почему-то Любовь (имя моей невестки) особенно боялась предстоящей ночи и все-таки, несмотря на протесты матери, настояла на своем, оставив все вещи у нас.

Как ни странно, но ее предчувствие оправдалось — в эту ночь был арестован ее муж.

Дня через два она опять появилась у нас и забрала все, что ей принадлежало. Мне пришлось настоятельно просить ее об этом, ибо мать от волнения перестала ложиться спать и носилась все время с принесенными вещами, ища для них более надежное место. Я просто боялась за ее здоровье и категорически потребовала, чтобы Любовь нашла бы других, которые согласились бы хранить ее сокровища.

Что она в дальнейшем сделала со своими брильянтами, узнать не пришлось. Впоследствии моя племянница, жившая в то время у нее, рассказывала, что Любовь вшила их в свое меховое пальто, сделав нечто наподобие пуговиц. Спустя месяц после ареста мужа и она была арестована. Мы ее больше так и не видели. Забрали ее в этом самом меховом пальто, содержащем в себе такие небывалые ценности. Может быть, никому никогда так и не пришло в голову срезать и распороть эти пуговицы.

Громаднейший капитал пропал где-то в лагерях Сибири.

К лету 1935-го года после тысячей арестов и ссылок как-то все успокоилось. Больше не уходили запломбированные поезда, не метались по улицам «черные вороны», как население называло автомобили, забиравшие арестованных. Казалось мне, что и состав населения Ленинграда изменился. Особенно чувствовалось это в Филармонии, где обычно давались концерты наших знаменитостей того времени, вроде певцов Печковского и Сливинского, а также пианистов Оборина и Софроницкого. Мы всегда посещали эти концерты, получая бесплатные билеты с фабрики мужа. Рабочие мало интересовались подобными развлечениями и предпочитали ходить в оперетку или в Александринский театр, где шли современные пьесы.

Как-то этой же весной к нам заехала дочь композитора Скрябина, Елена. Она предложила вместе снять на лето дачу. Мы все очень любили эту милую молодую женщину и охотно согласились. Поехали осматривать дачи поблизости от Луги. Попался симпатичный домик в два этажа на станции Разлив, который мы и не замедлили снять. Внизу поселились мы: мать, я, мой десятилетний сын Дима и муж, проводивший там только конец недели. Верх заняли супруги Софроницкие (Елена была замужем за пианистом Софроницким, кстати, лучшим исполнителем произведений Скрябина) с сыном Сашей.

Это лето оставило самое приятное воспоминание. После всего пережитого прошлой зимой все стремились отдохнуть в простой деревне, вдали от города и постараться забыть весь этот кошмар обысков и арестов.

Помню, очаровательный Софроницкий привлек в Разлив всех поклонниц своего таланта. Как-то стало известно, где он проводит лето, и каждый день стали появляться все новые и новые особы женского пола в поисках дач. Наверное, такому наплыву «дачной клиентуры» радовались местные хозяйки, но на жену Софроницкого это производило весьма неприятное впечатление. Никуда нельзя было с ним показаться, так как тотчас же встречались какие-то женские фигуры, от юных девиц до безобразных старух, которые стремились если не завести разговор, то хоть поздороваться. Самому Софроницкому, по-моему, такое поклонение очень нравилось, и он ничего не имел против прогулок по деревне, любезно отвечая на приветствия этих женщин.

Как все нервные люди, он боялся грозы. Грозы же в это лето были очень частым явлением. Тогда он забирался в угол, между стеной и шкафом для посуды. Сидел там до тех пор, пока гроза не проходила. Если же непогода была затяжной, и раскаты грома не прекращались, мы варили для него какао, которое он очень любил, и приносили ему в его угол.

Вообще же он был премилым и интереснейшим человеком. Рассказывал о своей музыкальной карьере, о поездках за границу, где он особенно много играл Скрябина, не пользовавшегося в то время большим успехом в Советском Союзе. Жена его говорила, что и за границей с ним происходили всевозможные инциденты. Часто перед самым концертом он вдруг отказывался выступать, ложился в постель и объявлял себя больным. По-видимому, жене, которая его сопровождала в заграничных поездках, бывало с ним нелегко. Все же они составляли очаровательную пару, и мы все были очень огорчены, когда, изведенная наплывом поклонниц, Елена решила покинуть дачу и, забрав сына, в один печальный для нас день уехала.

Софроницкий был тоже весьма огорчен таким решением жены, но все же остался в одиночестве наверху нашей дачи. Вот только когда разражалась ночью июльская гроза, он требовал, чтобы кто-либо из нас перебирался наверх и караулил его сон.

Пришлось установить дежурства, и даже сам хозяин дома согласился помогать нам в этом деле. Он преклонялся перед такой знаменитостью, поселившейся у него. Кажется все село только и говорило о его постояльце, и это хозяину очень импонировало.

Все же долго в одиночестве Софроницкий не выдержал, несмотря на все наши старания ублаготворить его. Уже в начале августа он уехал в город.

Мы оставались на даче до начала занятий сына, т.е. до 1-го сентября. Когда мы вернулись в Ленинград, я знала, что ожидаю ребенка.

Стояла прекрасная осень. Особенно красиво было в парках Павловска и Пушкина. Я ушла с работы из Гипроцветмета по собственному желанию, так как это учреждение перевели на Васильевский остров. Езда на службу стала занимать не меньше времени, чем, бывало, на завод «Большевик». Я поступила в одну мастерскую, дававшую заказы на дом. Стала вышивать украинские блузки, носовые платки, скатерти и прочие вещи, которые продавались во вновь открывшемся кустарном магазине на Невском проспекте. Это занятие мне очень нравилось, тем более, что я могла больше времени проводить дома и помогать матери.

Как будто все шло довольно хорошо и жизнь была более или менее спокойной, как вдруг, словно гром среди ясного неба, получаем письмо от жены Георгия, что он арестован. В Омск, как я упоминала, они переехали в 1932-ом году. Георгий получил очень хорошую службу

юриста в одном из строительных учреждений Омска. Совсем еще недавно он писал, что вскоре с женой и сыном приедут провести у нас отпуск. И вдруг такая неожиданность. Конечно, все разволновались, особенно мать. Что можно предпринять в таком случае? Всем нам было хорошо известно, особенно пережившим прошлую зиму, что никакие хлопоты ни к чему не приведут. Все подобные процессы стали проходить при закрытых дверях, специальные «тройки» немилосердно всех осуждали на ссылку и расстрел.

Начались опять дни тревог, сопровождаемые чувством полной беспомощности, что особенно всегда угнетало.

Вера писала часто, но письма ее успокоения не приносили. Ей так же, как и нам, было совершенно неизвестно, в чем могли обвинить Георгия.

Она обегала все возможные инстанции и в результате потеряла всякую надежду спасти мужа. Мы послали кое-какие оставшиеся еще золотые вещи с просьбой обменять их в Торгсине и хотя бы снабдить Георгия, если будут принимать, съестными припасами. Знали, как отвратительно кормят в тюрьмах и, конечно, боялись за его здоровье.

Так прошло несколько месяцев, в течение которых, в связи с процессом Зиновьева, Каменева и других, все трепетали за свою жизнь и жизнь близких.

Весной Вера сообщила, что Георгий расстрелян.

В начале апреля прискорбное известие о гибели брата, а 13-го мая рождение моего сына, названного в честь погибшего тоже Георгием. Радость и горе одновременно заняли место в нашей семье. Мать моя была настолько безутешна, узнав о расстреле брата, что мы не на шутку испугались за нее. Итак уже достаточно испытаний пало на ее долю за последние двадцать лет. Только появление в доме маленького существа, настоятельно требовавшего к себе ее внимания, до известной степени рассеяло ее горе и наполнило жизнь новыми заботами и интересами.

Малыш был прелестным мальчиком, здоровым и спокойным. В июне мы переехали в Пушкин, где около парка сняли квартиру на лето. Мы все любили этот милый городок с его замечательными дворцами, парками, озерами. А к тому же он был проникнут поэзией прошлого.

Когда я бродила по аллеям парка или подходила к зданию лицея, мне всегда казалось, что вот сейчас увижу тень любимого поэта, проведшего здесь свою юность.

В Пушкине, в заботах о новом члене семьи, который приносил нам немало радостей, в картинах того прошлого, которое всем, особенно моей матери, было так дорого, мы отдыхали от напряженности ленинградской жизни. Здесь мы были одни в квартире, там же боялись сказать лишнее слово, старались ничем не задеть авторитетную женщину — мать Семенова, которая стала господствовать над всеми в нашей коммунальной квартире. Кстати, надо сказать правду, что она

довольно дружелюбно относилась к нам, особенно после появления на свет маленького Георгия. Когда мы крестили его на дому (в церкви даже священник не рекомендовал этого делать), то эта Степанида Ивановна не только не рассказала о происшедшем сыну, а, наоборот, единственная в квартире всеми мерами помогала нам. Оказалось, что она была верующей и тщательно скрывала это от сына и невестки. Ей доставило большое удовольствие присутствовать на крестинах и все устраивать. Даже купель она где-то достала. Во время богослужения истово крестилась и помогала неопытной крестной матери поддерживать мальчика. Мама все это наблюдала. Мы с мужем, по нашим правилам православной церкви, не имели права присутствовать при таинстве крещения.

Летом в парках Пушкина шли съемки будущего фильма из жизни поэта. Режиссер, заметив как-то Диму, обратил на него внимание и предложил сниматься для необходимой ему группы лицеистов. Дима прибежал домой в неописуемом восторге. То, что он будет одним из толпы, его мало трогало. Главное, что он будет фигурировать в фильме о Пушкине. На другой день последовало разочарование, режиссер нашел мальчика старше и более подходящего. Дима был страшно огорчен.

Прошли июль и август, и опять 1-го сентября мы водворились в нашу городскую квартиру. Муж, перенесший летом тяжелую ангину, отразившуюся на сердце (стал развиваться сильный ревматизм), получил путевку в санаторий на Кавказ. Я опять приступила к прерванной на лето работе в мастерской.

Осень и зима не принесли ничего нового. Казалось, что волна арестов несколько затихла. Увы! Это было не так. Опять пришлось пережить неприятные минуты.

Как-то в середине марта пришла к нам взволнованная Арановская и сообщила, что ночью был арестован ее муж, квартира опечатана, а ей с двумя сыновьями — мальчиками 17 и 7 лет — разрешили жить в передней и кухне. О таком странном аресте слышать еще не приходилось. Обычно вся семья или арестовывалась тоже или ее оставляли жить в прежней квартире. Переселение же в темную переднюю казалось весьма необычным.

Конечно, единственное, что в таком случае мы могли сделать, это выразить ей сочувствие и постараться подать надежду, что скоро все выяснится и Ивана Петровича наверняка выпустят (сами абсолютно не верили этим утешениям). Арановский, как я уже говорила раньше, был директором текстильной фабрики, инженер по образованию. В чем было дело? Ни о каком «вредительстве» на фабрике не было и речи. Никто ничего не знал, и трудно было делать предположения. Муж, его ставленник, конечно, тоже не был спокоен за себя и очень жалел прекрасного человека и его беспомощную семью.

Арест Арановского вызвал опять большие волнения среди знакомых, избежавших пока что преследований со стороны властей. К нам приехал прямой начальник мужа, главный бухгалтер фабрики, Левицкий. Близкий друг Арановского, о чем вся фабрика великолепно знала, он теперь не имел покоя ни днем, ни ночью. Его уже вызывали в специальную часть и расспрашивали о прошлом не только самого Арановского, но и о всех его родственниках. Левицкий об этих людях, живущих в провинции, не имел ни малейшего представления и отвечал настолько сумбурно, что вызвал еще большие подозрения начальника спецчасти. Теперь он приезжал к нам советоваться, как исправить положение. Жена его, подруга по гимназии жены Арановского, навещала и поддерживала ее, как только могла. Так как, по-видимому, за квартирой следили, то Левицкие ждали со дня на день ареста. Порвать же все сношения с Арановскими ему и его жене мешала глубокая порядочность и честность. Старшего мальчика выбросили из техникума, не дав никаких объяснений. Он попробовал устроиться на какуюлибо работу, но всюду получал отказ, когда дело доходило до анкеты, в которой он был обязан указать про отца. Мальчик был в таком отчаянии, что не вставал с постели и не выходил из дому. Мать боялась, что он способен покончить с собой.

Между тем в правительственных кругах произошли перемены. Сместили Ягоду, долголетнего начальника НКВД, на его место был назначен Ежов.

ЕЖОВЩИНА

От одной знакомой, родители которой были домовладельцами в старом Петербурге, узнали, что одно время у них работал дворником отец Ежова. Сын, мальчишка-подросток в то время, отличался отвратительным характером, наводящим ужас на детей этого дома. Любимым занятием его было истязать животных и гоняться за малолетними детишками, чтобы причинить им какой-либо вред. Дети, и маленькие, и постарше, бросались врассыпную при его появлении. Та же знакомая уверяла меня, что он даже был подвергнут психиатрическому лечению.

Вот кто у нас теперь «вершитель всех судеб», пользующийся неограниченным доверием Сталина. Что-то будет теперь с « враждебными советской власти элементами», случайно уцелевшими в Ленинграде?

Это время, с осени 1937-го года, вошло в историю под названием «ежовщина».

Я пришла к заключению, что мне необходимо получить какую-либо специальность, которая в случае чего поможет содержать семью. Пошла в институт иностранных языков и подала заявление о принятии меня в число студентов.

По проверке всех моих симбирских документов (один год я там проучилась в практическом Институте народного образования), я была зачислена на первый курс без экзамена. Это для меня играло очень большую роль, ибо после такого промежутка мне было бы не под силу подготовиться к экзаменам по всем предметам, включая математику, физику и так далее.

С сентября я уже начала посещать институт. Занятия происходили в вечернюю смену, днем же я продолжала работать в мастерской.

Подошел ноябрь, все ждали праздников. Жена Арановского, не растерявшись от всех посыпавшихся на ее голову испытаний, поступила на курсы парикмахеров и, благополучно окончив их, получила место.

Сына же, Юрия, в конце концов взяли чернорабочим. Оставался один Леня, ходивший в школу. Они продолжали жить в передней и кухне. Комнаты стояли опечатанными. Почему им не разрешалось ими пользоваться, понять было невозможно. Ведь никто вселен не был. Но о таких вещах спрашивать было не у кого — все равно ответа не получишь. Так это и оставалось одной из загадок советской власти...

Передачи мужу у нее принимали, значит пока что его не выслали и не расстреляли.

(Перед самым началом второй мировой войны Арановского выпустили, и на несколько дней он приехал в Ленинград повидаться с семьей и попробовать устроиться на работу. На работу его никуда не приняли, так как он получил «минус пять», т. е. не имел права жить в пяти больших городах Советского Союза: Ленинграде, Москве, Киеве, Харькове и Одессе. Он принужден был уехать в маленький провинциальный городок, где у него были знакомые.

Арановского было трудно узнать. Раньше всегда энергичный, бодрый и веселый, способный инженер, не боявшийся мероприятий Советской власти, пролетарского происхождения, что давало ему тоже некоторое преимущество перед «классовыми врагами», он был доволен своим положением и никогда, нигде не критиковал советский режим. Вернувшись из ссылки, был жалким, на смерть перепуганным человеком, боявшимся произнести лишнее слово и все время с опаской оглядывающимся по сторонам. Разговаривать с ним было просто мучительно, даже близкие не знали, как к нему подойти. Физически этот сорокапятилетний мужчина выглядел седым, сгорбленным стариком.

Трудно себе представить, что арест и ссылка могли сделать с человеком!).

7-го ноября, в самый большой советский праздник, я пошла навестить очень близкую мне семью — мать и сына, с которыми была уже несколько лет хорошо знакома. Мать открыла мне дверь. Сразу бросилось в глаза, что она была сама не своя. Шепотом, с перекошенным от страха лицом, сообщила, что ночью увели сына. Зная уже обо всем, что творилось вокруг, она никакой надежды на его спасение не питала. Тем более, что муж ее и старший сын давно эмигрировали во Францию, и это, несомненно, было известно комиссариату внутренних дел. Особенно теперь, когда во главе стоял такой страшный тип, как Ежов. Успокоить ее я ничем не могла. Мы с ней убрали книги и вещи, разбросанные по всему полу производившими обыск агентами НКВД. Как мне сказала мать арестованного, они ничего предосудительного не нашли и ничего не забрали, сына же все-таки увели. Обыски теперь — это простая проформа. (Этот молодой человек — Бек-Суфиев, никогда больше домой не вернулся. Много лет спустя от его брата, встреченного мною в Париже, узнала, что арестованный во время ежовщины его младший брат попал в самые страшные лагеря, на Колыму, и там умер от воспаления мозга).

В нашей квартире были новые жильцы. Степанида Ивановна с сыном и невесткой получили новую, гораздо более поместительную квартиру. Опять перемена. Боялись, конечно, худшего. Квартира Павловых была на учете партийного комитета, и никого другого, как партийного работника, ожидать было нельзя. Действительно, въехала семья из пяти человек: муж, жена, двое детей и мать жены. Муж — ком-

мунист, занимал довольно видный пост. Жена училась в университете, дети были на руках матери — маленькой, болезненной старушки, являвшейся противоположностью воинственной Степаниды, к которой после крестин нашего Георгия мы даже чувствовали расположение.

С новыми жильцами еще не знали, как себя вести. Я опять умоляла мать быть осторожнее и не вступать ни в какие разговоры. Молодых родителей никогда не было дома, старушка была занята по горло хозяйством и детьми. Самое большое несчастье представляла собой дочь — девчонка лет 7, которая влезала непрошенная в чужие комнаты и, что хуже всего, воровала. Жаловаться на нее боялись, а вместе с тем каждый день у того или другого из жильцов что-либо пропадало. Особенно страдала старушка-эстонка, так как ее комната, отделенная простой ширмой от помещения новых жильцов, была излюбленной «ареной деятельности» маленькой воровки. Старушка потихоньку жаловалась только нам, но никто никаких мер не принимал.

Прошел еще год. Моим большим утешением были занятия в институте, которые шли очень успешно. Мне дали приличную стипендию как «отличнице», и я могла бросить работу и отдаться полностью учебе.

Мужа на текстильной фабрике «вычистили» как человека непролетарского происхождения. На его счастье за него вступилась женщина — директор всего текстильного комбината, Колонтырская, очень влиятельный, старый член партии. Она-то и настояла на его переводе в комбинат. Таким образом, муж только выиграл. Колонтырской же бояться было нечего. Ее положение, по-видимому, было весьма прочным.

Спустя месяц после перехода мужа в главное управление Колонтырская пригласила нас к себе в ложу Мариинского театра. Во время антракта муж ушел курить, а мы прогуливались по фойе, когда к нам подошел какой-то мужчина довольно неопределенного возраста и, на мой взгляд, неинтересной наружности.

Она нас познакомила. Фамилия этого человека — Косыгин — ничего мне не говорила, а внешность просто не понравилась. Поэтому я не принимала никакого участия в их разговорах и просто скучала.

Антракт, как нарочно, тянулся без конца, и я искала глазами мужа, чтобы как-нибудь избавиться от глупого положения, в которое попала.

К сожалению, муж был в курилке, этажом ниже и, видимо, не торопился присоединиться к нам. Когда, наконец, антракт кончился, муж подошел к нам, любезно поздоровавшись с Косыгиным, спросил меня шепотом, знаю ли я, с кем меня познакомили. На его вопрос, изведенная длительным скучнейшим антрактом в обществе незнакомого человека, я недовольно пробормотала: «Какой-то абсолютно непривлекательный субъект, мне совсем не понравился, я только не знала, как бы мне улизнуть, а ты еще пропал со своим куреньем».

Колонтырская все еще продолжала, видимо, интересный для нее разговор с нашим спутником и не обращала на нас с мужем внимания.

«Будь осторожна в твоих суждениях, — остановил меня муж, — ты себе и представить не можешь, какую молниеносную карьеру делает этот человек и кем он еще может быть». Работая давно в текстильной промышленности, муж хорошо знал Косыгина и, считая его крайне способным и умным, следил за его успехами и быстро растущей популярностью. Он уже тогда был уверен, что в ближайшее время Косыгин будет играть одну из первых ролей в советском правительстве.

На меня слова мужа никакого впечатления не произвели. Политикой я не очень-то интересовалась и кем суждено быть этому Косыгину — мне было абсолютно все равно.

Время ежовщины было, пожалуй, самым жутким периодом послереволюционных лет. Каждый день узнавали о каком-нибудь новом акте ежовского террора. Боялись абсолютно всех и вся, в каждом человеке подозревали шпиона НКВД.

В день моего рождения, как это всегда у нас было заведено, решила все же устроить вечеринку и пригласить своих близких друзей и знакомых. Среди приглашенных была и приятельница детства — Марина Толбузина. Так как всегда женщин бывало больше, чем мужчин (громадное большинство мужчин нашего круга находились или по тюрьмам или в ссылке), то я спросила Марину, не знает ли она кого-нибудь симпатичного и интересного, чтобы нашим женщинам не было скучно на вечере. Она посоветовала одного ее знакомого. Список гостей был составлен, и по просьбе дяди я отнесла его ему на одобрение. Прочитав внимательно до конца, он заметил: «А вот этих двух ты напрасно приглашаешь», как раз один из них, Тучков, был тот молодой человек, которого посоветовала Марина, другой же — очень веселый и милый, с которым нам приходилось встречаться в разных домах. На мой удивленный вопрос дядя ответил: «Из-за Тучкова пострадали все еще оставшиеся лицеисты, а другой донес на нескольких знакомых, что всем известно!».

Считая, что дядюшка стал настоящим паникером, я не изменила своего списка.

Вечер прошел. Никто не скучал. Конечно подвыпили, языки развязались, сыпались анекдоты, которые в другое время не рассказывали бы. Все казались такими милыми и веселыми, что и в голову не могло прийти, что кто-нибудь среди нас может быть доносчиком.

Вскоре после этого вечера был арестован молодой инженер Станкевич, бывший, кстати сказать, весьма «левого» направления и пользовавшийся доверием и расположением своего начальства. За ним последовал арест хорошего приятеля мужа, который каким-то образом оставался на воле. Когда я рассказала об этом дяде, он внушительно ответил: «Я же тебе говорил, а ты не слушала».

Жить становилось все страшнее и страшнее.

Как всегда, мы провели лето на пригородной даче, а в сентябре вернулись в Ленинград.

Однажды ночью, как несколько лет назад, когда навсегда из нашего поля зрения исчез милый, скромный Павлов, раздался опять пронзительный звонок. Я уже больше не сомневалась в том, что пришел черед моего мужа, несмотря на все ухищрения, правдами и неправдами пока спасавшегося. Кто на этот раз открыл дверь — не помню. Слишком взволнованная неминуемым арестом мужа, я осталась в нашей комнате и напряженно прислушивалась к шагам по коридору. Муж, бледный, как полотно, стоял около меня, волнуясь не меньше. Мать и дети, к счастью, не просыпались.

Тяжелые шаги нескольких человек прошли мимо. Не понимая в чем дело, я выглянула в коридор. Не веря своим ушам и глазам, я убедилась, что обыск идет в комнатах коммуниста и крупного партийного работника Куракина.

Обыск продолжался до утра. Опять, как в случае с Павловым, попросили разрешения позвонить от нас по телефону и вызвали необходимый транспорт. Увели арестованного, а жена его Любовь с рыданиями ворвалась к нам, изливая свое горе и возмущение. Раньше она нас чуждалась, чувствуя свое превосходство, но теперь положение изменилось, и преимущество было на нашей стороне. Ее муж, ответственный партийный работник, был арестован наравне со всеми «врагами народа», а мой муж — беспартийный, да к тому же непролетарского происхождения, оставался на свободе. По-видимому, у нее появилось подозрение о «таинственных» связях с Москвой и нашим, теперь казалось неоспоримым, родством с Молотовым.

Примириться с таким, казавшимся ей несправедливым, арестом мужа Любовь никак не могла. Она бросила университет, с утра до ночи бегала по разным инстанциям, стучась во все двери, стараясь добиться, на каком основании арестован ее муж, член партии с первых революционных лет, занимавший все время ответственные посты. Но, как и всем другим, ответа не давали. Несколько раз от нас она звонила даже в Москву, надеясь все-таки добиться правды. Раньше, когда ей приходилось слышать об аресте того или иного человека, обычно она авторитетно заявляла: «Ошибок быть не может, наверняка замешан в чем-нибудь». Теперь же, когда наши две старушки — бывшая домовладелица и эстонка Каролина, терпевшие столько времени как ее самоуверенность, так и воровство ее дочери, напоминали ей эти слова, она отвечала: «Век живи, век учись» или «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»; уж вот эта вторая пословица действительно хорошо применима к нашему Советскому государству. Кто мог быть уверен, что он будет исключением? Для Любови это разочарование в обожаемом ею советском режиме было особенно тяжело.

Как-то я подымалась по лестнице в нашем институте и была поражена пустым пространством на том месте, где висел огромный портрет Ежова. По институту распространился слух, что Ежов снят с работы, и его заменил Берия, близкий друг Сталина. Надежды на то, что будет

лучше, было мало. Одно утешение только, что не сумасшедший будет руководить НКВД.

Наступил новый 1939-й год. Если у кого и теплились еще надежды на освобождение близких в связи с переменой в верхах, то они постепенно исчезали. Никого не выпускали, а наоборот, аресты продолжались, и «черные вороны» по-прежнему носились по темным улицам ночного Ленинграда.

Куракина узнала, что мужа выслали и с присущей ей энергией выхлопотала себе пропуск на свидание с ним в отдаленном сибирском лагере. Оставив детей на попечение матери, в феврале уехала.

Когда же недели через две вернулась обратно, измученная тяжелым путешествием и мрачная от всего виденного, то разочарованию ее во всем, чему она верила и перед чем преклонялась, не было предела. К сожалению, так всегда бывает — пока не переживешь на собственной судьбе, сочувствие к бедам других только поверхностное. У Куракиных же оно вообще отсутствовало, так как они до сих пор считали, что советская власть во всем поступает правильно, а вредители и враги народа только подрывают ее основы. Когда же этим врагом народа оказался ее собственный муж, так же, как и она, верный сподвижник Советского государства, то она даже перестала скрывать свои антисоветские настроения.

В том же феврале месяце 1939-го года в Ленинград с семьей служащего немецкого посольства, где она теперь преподавала русский язык, приехала из Москвы двоюродная сестра Ольга. Я была поражена ее чрезвычайно элегантным видом. Остановились они в гостинице «Европейская», куда я, преодолев страх, пошла, чтобы полюбоваться ее заграничным гардеробом и познакомиться с ее покровителями.

Соприкосновение с этим новым для меня миром было полно привлекательности. Ольга, увидав мое восторженное настроение, предложила привезти своих приятелей к нам. Это предложение напугало меня не на шутку. Я умоляла ее не делать ничего подобного, ибо представила себе, в каком ужасе будут все, как моя семья, так и знакомые. Все знали прекрасно, какая опасность грозит тем, кто принимает у себя иностранцев.

Ольга смеялась над моими страхами и уверяла, что мы все преувеличиваем, кстати рассказала, что она уже несколько лет преподает в разных посольствах и консульствах русский язык и ничего и никого не боится.

Ее самоуверенность была напрасной. Через месяц приблизительно после посещения Ленинграда она была арестована и сослана в Сибирь. Только заступничество секретаря немецкого посольства, которому она тоже давала уроки, спасло ее от гибели в сибирских лагерях. После заключения соглашения между Советским Союзом и Германией, ему удалось добиться ее возвращения в Москву, где мы с ней опять встретились осенью 1940-го года.

После отъезда Ольги, в марте того же года, я сидела одна в нашей с мужем комнате и готовилась к очередному занятию по политграмоте, как вдруг раздался телефонный звонок. Незнакомый голос спросил сначала, кто говорит, а затем попросил позвать к телефону брата Георгия... Пораженная этим, я ответила, что Георгий никогда здесь не жил и что теперь его даже нет в живых.

Незнакомец выразил удивление и огорчение кончиной брата, сообщив мне, что они вместе сидели в тюрьме в Омске и были в большой дружбе.

Спросил, жива ли мать Георгия и попросил позвать ее.

Растерявшись от такой неожиданности, я даже не подумала спросить его имя и фамилию.

Мать, в еще большем волнении, чем я, принялась расспрашивать о тюремном заключении Георгия, о том, за что он был осужден и правда ли, что он расстрелян.

Незнакомец стал утверждать, что Георгий был, так сказать, накануне освобождения, что никакой вины за ним не было и что он его в последний раз видел полтора года тому назад.

Из его слов выходило, что наши сведения о гибели брата были ложными.

Дальше он рассказал матери, что от Георгия же получил наш адрес и телефон в Ленинграде.

Разговор затянулся. Мать продолжала спрашивать о здоровье и моральном состоянии сына. Так же, как и я, она не сообразила даже спросить фамилию и адрес этого человека.

К концу разговора незнакомец, удостоверившись в правильности нашего адреса, пообещал матери в ближайшие дни зайти и еще подробнее все рассказать.

Этого обещания он не сдержал.

Промелькнуло лето 1939-го года, не принеся ничего нового в нашу жизнь. 21-го августа был заключен договор между гитлеровской Германией и Советским Союзом. Хотя бы опасность войны, о которой некоторые упорно говорили, сошла на задний план.

Я продолжала заниматься. Это был мой последний год в институте, и весной должны были быть государственные экзамены, наполнявшие страхом все студенческие сердца. Об этих экзаменах много говорили, и все особенно трепетали перед Возжиным, профессором политических наук. Он был грозой всего института. В этом году многих лишили стипендий, особенно тех, кто неважно занимался политической экономией, конституцией РСФСР и историей партии.

Мне пока везло. Я была у Возжина на хорошем счету. Старательно записывала его лекции, а дома все свободное время посвящала изучению истории партии. Не пропускала ни одного собрания, занималась общественной работой. Хотела показать себя активисткой, чтобы только получить необходимый мне диплом.

В ноябре вспыхнула война с Финляндией. До последней минуты никто из нас ничего подобного не подозревал.

Почти с первых же дней появились очереди за продуктами и стал ощущаться недостаток то в том, то в другом. Чтобы получить масло, бежали в очередь чуть ли не в 3 часа утра. За последние годы продовольственное положение как-то стабилизировалось, теперь же сразу начались во всем перебои.

В городе царило полное затемнение. Многие обзавелись маленькими светящимися фонариками, в виде пуговиц, которые укреплялись на пальто.

Часто слышалась стрельба из дальнобойных орудий. Темное ноябрьское небо освещалось ракетами.

В институте занятия были вечерними, дневных смен не было. Приходилось идти в полном мраке, чуть не ощупью, остерегаясь главным образом маленьких хулиганов, которые, как крысы, шныряли по улицам, стараясь чем-нибудь поживиться у редких прохожих.

Я перестала брать с собой сумку, а в портфеле носила только учебники. Все окна в институте были завешаны синей плотной бумагой. Расходы на электричество старались сократить, и поэтому в классах и коридорах горели маловаттные лампочки, при которых было трудно заниматься. Мы все покорно переносили лишения и неприятности в надежде на скорое окончание войны.

Время было крайне напряженным. Новый год никто не праздновал. Как-то в начале января, когда я опять сидела одна в своей комнате, зазвонил телефон. Незнакомый голос спросил мужа, который еще не вернулся с работы. После моего ответа и вопроса, кто со мной говорит, незнакомый субъект, не назвав себя, сказал, что позвонит еще раз сегодня вечером.

Этот незнакомый глухой голос смутно напомнил мне тот, который ровно год назад смутил нас с матерью рассказами о дружбе с братом.

Я повесила трубку с тяжелым, неприятным чувством. Кто мог звонить, не называя себя и не оставив никакого поручения, кроме предупреждения, что позвонит в тот же вечер еще раз?

Муж вернулся через полчаса после подозрительного звонка.

Когда я ему рассказала о телефонном вызове, он, как мне показалось, переменился в лице, но небрежно ответил, что это, по всей вероятности, кто-либо из членов ЖАКТ'а, которые никогда не находят нужным назвать себя.

Это его объяснение мне показалось совсем неубедительным. Видимо, он старался меня успокоить, сам же был взволнован не меньше меня. Спустя полчаса раздался опять звонок. На этот раз муж подошел сам. Я прислушивалась к его односложным ответам и сразу заметила его изменившееся лицо.

Разговор продолжался недолго, он что-то записал и, видя мой недоумевающий взгляд, сказал: «Я же тебе говорил, что это звонили из

ЖАКТ'а. Все по поводу собрания, которое назначено на завтра. Милиция составила акт о плохом затемнении нашего дома».

Мне не оставалось ничего другого, как поверить этому объяснению.

С этого дня над нами нависла страшная угроза, которую муж, оказывается, давно ожидал.

Телефонные звонки стали регулярно повторяться.

Я уже великолепно знала этот неприятный, глухой голос.

Никогда не спрашивая имени, я только передавала мужу то, что сказал незнакомец. Обычно бывало все то же самое: он говорил, что позвонит вторично в таком-то часу.

С мужем на эту тему я старалась не говорить и не расспрашивать, ибо он всегда отделывался ничего не значащими ответами.

К поздним возвращениям мужа с работы, особенно в начале каждого года, когда подавались годовые отчеты, мы все привыкли и не беспокоились, но теперь была уже весна, все отчеты давно закончились, а служебные задержки регулярно продолжались, особенно на другой день после телефонных вызовов «безымянным» субъектом.

Я долго терпела. Наконец, когда муж пришел особенно поздно с каким-то изможденным, совершенно больным видом и в повышенно-нервном настроении, я не выдержала. Стала умолять его разделить со мной причину его исчезновений и отчаянного состояния, которое бросалось в глаза.

После разговора с ним, я узнала то, о чем втайне догадывалась. НКВД взялось за мужа, чтобы сделать из него осведомителя. Поручали ему круг наших близких друзей и знакомых. Всеми средствами и силами он старался доказать свою полную неприспособленность к подобной деятельности, ссылаясь, как на отсутствие широкого круга знакомых, так и на безумную занятость по службе. Но... подобные отговорки на них мало действовали, и его не оставляли в покое до начала второй мировой войны, когда они занялись, по-видимому, еще более важными вопросами. Мы с мужем, как ни парадоксально это звучит, в первый раз после длительного страдания вздохнули с облегчением.

Все же войны боялись меньше, чем НКВД.

Только в марте 1940-го года война с Финляндией закончилась позорным для Советского Союза миром. Финляндия яростно сражалась все месяцы, любыми средствами уничтожая советских бойцов. Везде и всюду были заложены мины, даже в детских постелях под видом спящих детей. Красноармейцы, заходя в финские дома захваченной деревни, не знали откуда ожидать опасности. Деревни обычно пустовали, но какой-нибудь старик на печи, ребенок в люльке или мальчишка на дереве мог представлять смертельную опасность.

За свою маленькую страну сражались все «от мала до велика», всеми методами и средствами. Чего-чего только не рассказывали вернувшиеся домой бойцы.

Брат мужа, один из немногих выпущенных из тюрьмы до начала войны, был призван в Красную Армию и провел всю кампанию в

Финляндии. Командному составу (к которому он принадлежал) выделяли специальные светлые полушубки, отличавшиеся от обмундирования простых красноармейцев. Финские снайперы с деревьев, с крыш домов и других возвышений целились именно в командный состав и, будучи прекрасными стрелками, многих таким образом уложили. Положение Советского Союза было неутешительным, и наше правительство охотно согласилось на предложенное перемирие, чтобы не жертвовать своим командным составом, который и так уже тяжело пострадал от процесса над Тухачевским и другими командирами Красной Армии в 1937-м году.

Для населения конец войны был большим облегчением. Загорелись всюду огни, оживился город, продовольственное положение улучшилось. У нас воцарилось временное спокойствие, между тем как весь Запад был охвачен все разраставшимся пожаром войны.

Узнали о капитуляции Парижа, о победоносных войнах Гитлера, но за себя были спокойны, зная о дружбе между нашими государствами и твердо веря, что эта дружба останется неприкосновенной.

В мае мне удалось блестяще окончить экзамены, отличившись особенно в политических науках и вызвав бурное одобрение Возжина, ставившего меня в пример другим. Из-за этого обстоятельства чуть не произошел разрыв с моим единственным однокурсником мужского пола, Милорадовичем, который считал, что только мужчины могут хорошо знать политику и что женщина ни в коем случае не может занять первого места. Выданный мне аттестат комиссии «с отличием» поверг моего коллегу в крайнее возмущение, и он даже несколько дней не хотел со мной разговаривать. Мне это было очень неприятно, так как я совсем не хотела вызывать зависть и выделяться, а главное я была очень благодарна этому Милорадовичу. В первый год моего поступления в институт он очень помог мне перескочить через один курс, чтобы не терять так много времени на учение, ибо мне уже было за тридцать, и я стремилась, как можно скорее стать на ноги. Я была поручена ему в то время в виде «общественной нагрузки», и он охотно уделял мне несколько часов в неделю, чтобы заниматься со мной всеми предметами, и особенно политическими, в которых он был весьма силен. Теперь история с экзаменами свела его на второстепенное положение, и он не на шутку обиделся. Хотя мне и удалось до некоторой степени наладить наши отношения, но окончательный мир был восстановлен только после начавшейся в 1941-м году войны с Германией. Мы были с ним одинаковых политических убеждений, и оба в то время надеялись, что война освободит нас от длившегося столько лет террора.

В июне мы переехали на дачу на кирпичный завод, где текстильный комбинат снял целый дом для своих сотрудников. В это лето мы близко сошлись с Холмянскими (он был техническим директором комбината), о трагической судьбе которых я рассказала в моей книге о блокаде Ленинграда. Тогда еще никто не предвидел того, что случится через год, и мы все дружно и весело проводили лето в приятной

компании и красивой местности. В тот год было невероятное количество грибов, и мы почти ежедневно всем домом отправлялись в лес в высоких сапогах и рабочих комбинезонах, так как кругом было много болот.

Общими любимцами были мой маленький Георгий и Додик Холмянский, красивый студент лет 20. Я даже подсмеивалась над моей матерью, которой уже было за 70, что Додик — ее последняя любовь. Кстати, она даже не отрицала этого и впоследствии, когда во время второй мировой войны этот очаровательный молодой человек со своей частью попал в окружение, что для него, как еврея, представляло неминуемую гибель, моя мать остро переживала за него.

Я очень дружила с Холмянской — красивой, веселой сорокалетней женщиной.

В конце августа мы с мужем и нашим старшим сыном поехали на неделю в Москву к Софроницким. Елена Александровна жила постоянно в Москве с прелестной трехлетней дочерью Роксаной. Муж же Елены, пианист Софроницкий, о котором я уже рассказывала, с сыном Сашей имел свою квартиру в Ленинграде. Супруги не были разведены, но жили порознь, навещая друг друга.

В этот год мы хотели осмотреть знаменитую московскую выставку, о которой так много говорили, и впервые познакомиться с московским метро. То и другое произвело большое впечатление. За один день выставку невозможно было осмотреть, и мы ездили ежедневно, восхищаясь прекрасно оборудованными павильонами и обилием всевозможных вещей и продуктов, от которых глаз давно отвык. Видимо, здесь, как везде и всюду, была знаменитая «показуха» — поразить иностранцев, посещавших выставку.

Раз я направилась одна походить по улицам Москвы. Выйдя на Никитскую, которая кишела народом, услышала пронзительные свистки милиционеров. В мгновенье ока шумная улица опустела. Не понимая еще в чем дело, я продолжала идти по тротуару, когда налетевший на меня милиционер грубо схватил за руку и втолкнул в какую-то подворотню. Там уже стояло несколько человек, подобных мне пешеходов. Удивленная всем происходившим, я спросила, не война ли опять? Стоявший рядом со мной человек молча указал мне на ряд машин, быстро мчавшихся по Никитской. Их было шесть, все черные, совершенно одинаковые лимузины. Не бывая в Москве и в первый раз попав в такую историю, я попросила у соседа разъяснений. Оглядываясь по сторонам, со всеми предосторожностями, он мне шепнул, что в одной из этих машин едет Сталин и, когда он проезжает по улицам, не только мостовая, но и тротуары должны быть свободны от народа.

В этот приезд мы навестили и двоюродную сестру Ольгу, вернувшуюся из Сибири и рассказавшую нам всевозможные истории, пережитые ею в тюрьме и ссылке. На ее счастье, друг и ученик ее, господин фон Вальтер, был настолько влиятелен и энергичен, что смог извлечь ее из этого ада.

В тяжелых лагерных условиях одно обстоятельство, до известной степени, помогло ей. Она была способнейшей рассказчицей, что было случайно обнаружено окружавшими ее убийцами, ворами и проститутками. Сначала они приняли ее «в штыки». Красивая, элегантная молодая женщина вызывала у них чувство лютой ненависти. Благодаря своей связи с иностранцами, Ольга в Москве выделялась своей одеждой, привозимой ей учениками — служащими всевозможных посольств — из-за границы. Захваченная врасплох непредвиденным арестом, она так и покинула свою московскую квартиру в котиковой шубке и туфлях на высоких каблуках. Этот несоответствующий обстановке костюм привлек к ней внимание всех этих заключенных и вызвал бурю возмущения среди окружавших ее женщин.

Ольга потеряла всякую надежду остаться в живых в этих страшных условиях ссылки. Но вот однажды вечером одна из самых отчаянных арестанток, преследовавшая ее на каждом шагу, спросила, может ли Ольга рассказать что-либо из своей жизни, дабы скоротать долгий зимний вечер.

Успех был полный. Все эти грубые, грязные, изможденные каторжным трудом женщины, не прерывая, слушали рассказы из другого, незнакомого им мира. Ольга перерассказала им все, не только из своей собственной жизни, но и из жизни друзей и знакомых, из произведений всех известных ей авторов. Настроение по отношению к ней всех этих подонков общества (в камере было только несколько осужденных, подобно Ольге, по 58-й статье, остальные же все были бытовиками — преступным элементом) изменилось на 100%.

Женщины стали ей помогать, чем только могли в течение дня, а вечерами окружали ее в полутемном бараке и жадно слушали до часа отбоя, когда охрана врывалась в помещение и криком и угрозами требовала полной тишины.

Ольга опасалась одного, чтобы запас ее историй не иссяк, тогда не ждать бы ей пощады от этой орды.

Вскоре до нее стали доходить пакеты, посылаемые друзьями, наличие в этих посылках папирос и других редкостей, в дополнение к ее рассказам, поддерживало ее авторитет среди ссыльных.

Так она пережила этот год и вернулась в Москву, где стараниями ее друга ей была приготовлена небольшая, но, главное, отдельная квартира.

(С этим ее другом, бывшим секретарем немецкого посольства в Москве, а впоследствии послом, мне удалось встретиться 25 лет спустя в Бонне. О нем я узнала из книги Г. Солсбери «900 дней» о блокаде Ленинграда. Так как бывший секретарь посольства после войны был назначен послом в Советский Союз от Западной Германии, то Солсбери, работая над книгой о блокаде, познакомился с ним и упомянул об этом в одном примечании своего произведения. Списавшись с Солсбери, я узнала, о ком идет речь, и, будучи в Германии, встретилась в Бонне с господином фон Вальтером. Вот тогда он мне рассказал как о своих хлопотах по спасению Ольги и переговорах по этому

поводу с высшими представителями Советского Союза, так и забавный случай, характеризующий Ольгу. По возвращении из ссылки, в тот же день она отправилась к парикмахеру. В том виде, в котором она вернулась, она не хотела показаться тому, кому была обязана своим спасением).

К началу занятий, в сентябре, мы были в Ленинграде. Окончивших институты и университеты посылали на разные работы, в некоторых случаях даже в отдаленные сибирские города. Весь наш выпуск был вызван в Педагогический институт. Я тоже получила распределение в Уфу. На первых порах я совсем растерялась. Возражать было трудно, ибо я все годы получала стипендию, а стипендиаты должны отработать эту государственную помощь и принять любое назначение. Что было делать? Муж работает в Ленинграде, и не могло быть и речи о его переводе в провинцию. В те времена в Советском Союзе менять по собственному желанию место работы не полагалось. Дети, мать — все в Ленинграде, а я должна была ехать в полную неизвестность и жить в разлуке с близкими. Ломала голову, как выйти из создавшегося положения. Снова выручила Колонтырская. Муж рассказал ей о той катастрофе, которая нас ожидала, и она предложила зачислить меня на текстильный комбинат, дав мне на руки требование, которое я могла предъявить комиссии. Ее имя сыграло магическое действие. Что она там написала в закрытом конверте, который я передала, не знаю, но в тот же день я была освобождена, к глубокой зависти моих коллег, из которых кое-кто попал в самые дальние города и местечки Сибири. Впоследствии же оказалось, что многим из них судьба улыбнулась, заслав их так далеко от попавшего в блокаду Ленинграда. Им не пришлось пережить ни страшного голода, ни бомбардировок и обстрелов, которые пали на нашу долю, и многие из них выписали свои семьи за Урал, благодаря чему все были спасены.

Это же могло случиться со мной и моими близкими.

Единственно, тогда я бы до сих пор оставалась гражданкой Советского Союза и никогда бы не познала свободы, которая является самым главным и лучшим в жизни человека.

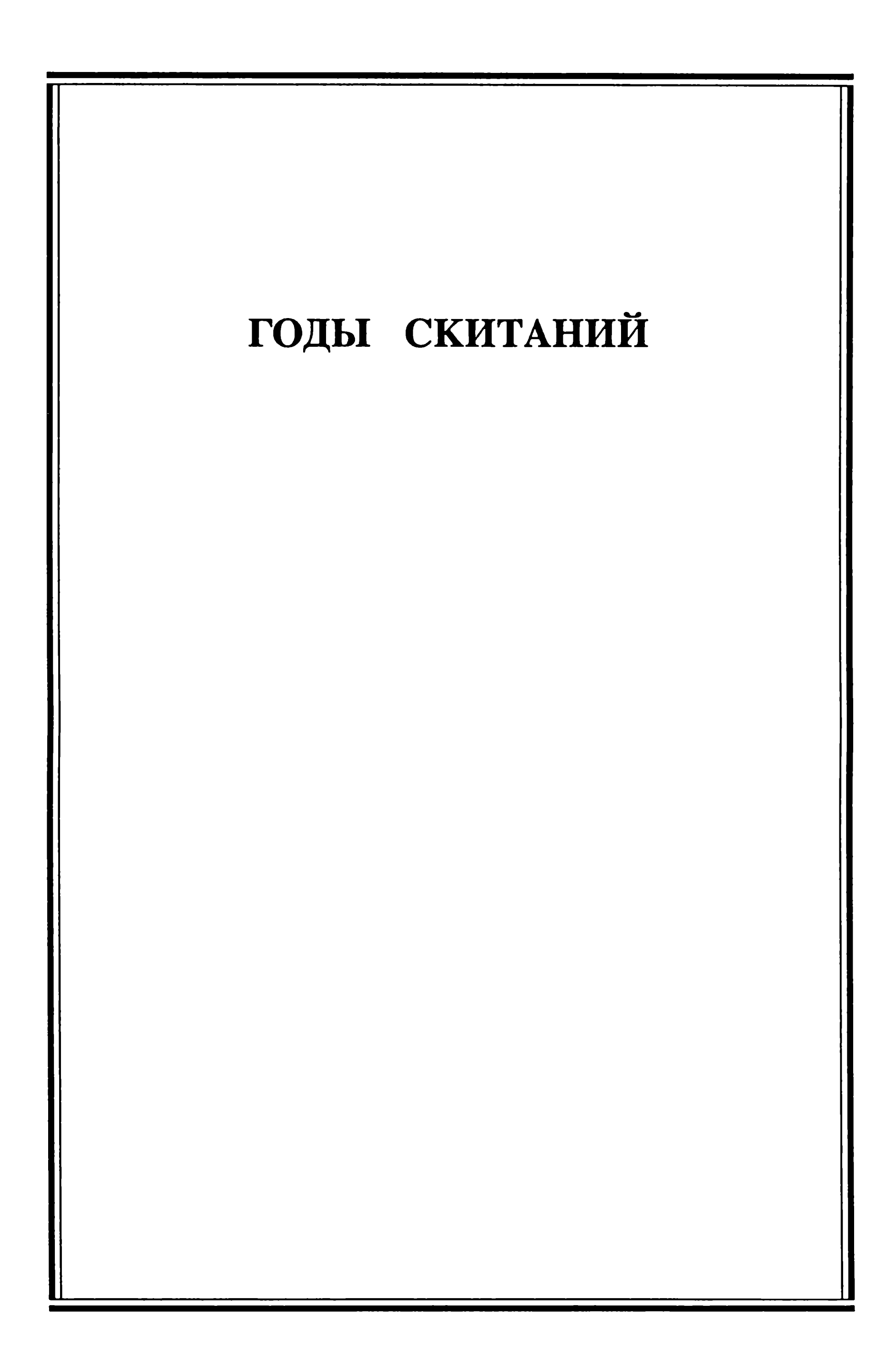
В мае 1941 года муж получил назначение в занятую Советами Нарву. Все мы с радостью и надеждой попасть в бывшую «заграницу» ждали решения этого вопроса.

За неделю до 22-го июня наши паспорта были переданы по назначению, и отъезд являлся только вопросом дней.

Суждено было иначе.

22-го июня 1941 года Германия без объявления войны напала на Советский Союз.

Красная Армия, обезглавленная чистками, процессами и расстрелами 1936-го и последующих лет, вступила в войну с сильным противником — гитлеровской Германией, что перевернуло и всю нашу жизнь.



ГОДЫ СКИТАНИЙ

Печатается по тексту книги,
изданной издательством
«Пять континентов» (Париж, 1975)

ОТ АВТОРА

Памяти сына Юрия.

26 октября 1963 года

Сегодня — день рождения старшего сына; сегодня же миновало ровно три месяца, как я потеряла второго сына — он погиб 26 июля*. Жизнь и смерть. Радость и горе. Они идут рядом. Над этим я и задумалась после сегодняшнего традиционного ужина. Так пришла мысль извлечь из вороха всевозможных давних бумаг — писем, лекций, черновиков — старую тетрадь, вывезенную когда-то из Ленинграда еще в виде маленьких заметок. Свыше двадцати лет я не брала ее в руки. Хранила, как документ о пережитом, которое неизгладимо в памяти.

Это — мой дневник. Торопливые, неотшлифованные записи, сделанные в первые месяцы войны и блокады города. В то время я заносила на листочки бумаги личные впечатления, переживания, случайные наблюдения; некоторые факты — частицы жизни, похожей на страшный сон. Но больше и чаще касалась узкого круга близких людей. Прежде всего своей семьи. Сегодня я смотрела на эти записи по-иному. При всем своем несовершенстве, они показались мне в какой-то мере повестью о жизни и смерти, о невозвратных потерях, о редких неожиданных радостях.

Задумав поделиться этими воспоминаниями с неизвестым читателем, я решила оставить дневник в его первоначальном виде. Только дописала несколько незаконченных когда-то строк, изменила два-три имени.

---

* Юрий (Георгий) погиб во время землетрясения в Скоппе в 1963 г.

ЛЕНИНГРАД

(22 июня 1941 года — 6 февраля 1942 года)

Воскресенье, 22 июня 1941 года

Утро было спокойное, ясное, обещавшее прекрасный день. Вместе с моей приятельницей Ириной , я собралась отправиться в Пушкин навестить больного юношу, Андрюшу Навроцкого, больного туберкулезом и прикованнанного к постели уже в течение нескольких лет. Мой старший сын Дима,со своим неразлучным другом Сережей, жившем в том же доме, что и мы, готовился к давно запроектированной экскурсии в Петергоф. Мальчики там еще никогда не были, а сегодня в Петергофе открытие фонтанов.

Было мирно и радостно на душе. В распахнутые окна вливались потоки солнца, утренняя свежесть. За дверью послышались шаги моего пятилетнего сына Юрия, стремящегося ко мне, и шепот няни, старающейся его удержать, чтобы дать мне возможность, ради праздника, поспать подольше. У меня была срочная работа на машинке, которую я обязалась закончить к сегодняшнему дню, так что я поторопилась встать и засесть за работу. Надо было освободиться к условленному времени поездки.

Около девяти часов раздался телефонный звонок.

Звонил муж с работы. Голос его был необычен. Всегда выдержанный и спокойный, на этот раз он казался чем-то очень взволнованным. Ничего не объяснял, попросил никуда не уезжать и задержать Диму. Но Дима уже уехал. От предупреждения мужа родилась неясная тревога, но все же я была очень далека от мысли, что может произойти какая-то катастрофа.

В двенацать часов мы с мамой услышали по радио речь Молотова. Вот оно что — война! Германия уже бомбила города Советского Союза. Речь Молотова прерывиста, словно ему не хватает дыхания. Неуместными кажутся его бодрящие призывы. И сразу возникло ощущение: что-то огромное надвинулось и душит. После передачи выбежала на улицу. Город в смятении. Люди торопливо обмениваются словами, наполняют магазины, скупают все, что попадается под руку. Бессмысленно мечутся по улицам. Многие устремляются в сберкассы за своими сбережениями. Эта волна захватила и меня. Я тоже попыталась получить рубли, которые числились на сберегательной книжке. Но оказалось, что поздно: в кассе денег не стало, выдачи прекратились. Народ шумел, требовал. А июньский день пылал, жара невыносимая. Кому-то делалось дурно, кто-то отчаянно бранился. В течение целого дня настроение было тревожным, напряженным. Только к вечеру все странно утихло. Будто притаилось перед грозой .

23 июня, 10 часов утра

Провела бессонную ночь. Легла рано, в одиннадцать, но заснуть не пришлось. Слишком напряжены нервы. Беспокойные мысли лезут в голову. Что-то с нами будет! Казалось, что Германия нас задавит и все мы погибнем. Еще вечером позвонил муж и сказал, что домой ночевать не придет — его оставили дежурить на фабрике. Это было особенно неприятно в такое тревожное время. С трудом удалось заснуть во втором часу ночи, как вскоре была разбужена оглушительной стрельбой. Ничего не могла понять. Казалось, что уже бомбят Ленинград и все вокруг рушится. Вскочив с постели побежала будить всех в квартире. К моему крайнему изумлению, все спокойно спали. Потревоженные мною, все собрались в передней, как в наиболее безопасном месте — там нет окон и потому стрельба казалась глуше. Ораторствовала наша соседка по квартире, Любовь Куракина, муж которой, в прошлом партиец, сидел уже два года по обвинению в контрреволюции. Хотя коммунистические настроения Куракиной после ареста мужа и пошатнулись, но в эту ночь под грохот зениток она забыла все обиды. Убежденно твердила о непобедимости советской России. Уверенность Куракиной действовала в какой-то степени успокоительно, хотя и не верилось вполне тому, о чем она говорила. На высоком сундуке сидела бывшая домовладелица Анастасия Владимировна и саркастически улыбалась. Она не скрывала своей ненависти к советской власти и видела в войне и победе немцев единственное спасение. Хотя я во многом разделяю ее взгляды, но в эту минуту ее улыбка безумно меня раздражает. Хочется верить, несмотря ни на что, что Россия не будет уничтожена, а в то же время сознаешь, что только эта война является реальной возможностью для освобождения от террористического режима.

А стрельба все не прекращалась. Часа три палили зенитки, огромное количество которых установлено в самом Ленинграде и вокруг него. Казалось конца не будет, но к утру опять все погрузилось в тишину. Когда мы разошлись по своим комнатам, было совсем светло и о сне не могло быть и речи. Солнце вставало на безоблачном небе, и опять все продвещало чудный летний день — второй день войны.

23 июня, вечер

День прошел сравнительно тихо. Приезжал усталый после дежурства муж. Старался ободрить, поднять общее подавленное настроение. Я ездила в кассу Александринского театра продать билеты, взятые нами 2 недели тому назад на «Дворянское гнездо», пьесу по одноименному роману Тургенева. Я давно мечтала

посмотреть эту постановку, которую все так расхваливали, но перспектива сидеть в театре, ожидая повторения канонады, не привлекала меня совсем. Пропало все настроение и казалось невозможным жить нормальной жизнью.

24 июня

Сегодня произошло «великое переселение народов». К нам явилась вся семья Тарновских. Их квартира вблизи Путиловского завода, и они опасаются, что этот промышленный район будет подвергнут бомбардировке раньше других. Пришлось потесниться. Одну из наших четырех комнат отдала молодым Тарновским — Юрию с женой, а мать поселилась в моей комнате на кушетке. Теснота, даже по нашим советским условиям, невероятная. Мать моя ворчит, но я довольна. В опасное время лучше быть окруженной людьми. Вероятно недаром говорят, что «на миру и смерть красна».

25 июня

Муж теперь редко бывает дома. Его все время задерживают на фабрике. Лишь пятый день войны, а обычная жизнь уже нарушена. Все окна затемнены. Шторы из плотной синей бумаги отделяют нас от знакомого города, от улицы, проходящей за стенами дома. Не раздаются, как бывало, голоса детей, обычно игравших на нашем бульваре. Все попрятались по квартирам, затихли. Все напряженно ждут чего-то. Все интересы сосредоточиваются вокруг самых близких, вокруг родных, семьи. Младшие дети в нашей квартире: Юра и его друг Витя, целыми днями играют в войну. Только ни тот, ни другой не желает изображать из себя немцев. Эта роль поручается нашей няне. В результате она всегда побеждена, а мальчики наполняют дом победными криками. До них серьезность нашего положения еще не доходит. Другое дело — Дима. Он слушает все передачи, совещается с друзьями по школе, приносит нам все новости.

26 июня

Вчера вечером пришлось пережить большие волнения. Я была уже в постели, когда наша соседка, Любовь, ворвалась ко мне в комнату с диким воплем: «Немедленно прячьте Юру»! Торопясь, она сообщила последнюю новость: отдан приказ вывезти всех детей из Ленинграда, матерям не разрешено сопровождать, посылают детей в Бологое, Старую Руссу и тому подобные места. А там еще более опасно, так как немцы наступают с невероятной быстротой и бомбят. Я так испугалась, что о сне нечего было и думать. Сердце колотилось, мысли все перепутались, не знала, что возможно

предпринять, на что решиться. Расстаться с Юриком, да еще в такое тревожное время для меня такой ужас, что я готова пойти на все. Решила, что буду сопротивляться всеми силами и мальчика не отдам. Всю ночь меня преследовали кошмары. Чудилось: Юрия вырывают из рук, я тяну его обратно, а сил больше нет, как это часто бывает во сне, чувствую, что не могу больше бороться.

27 июня

После мучительной ночи провели беспокойный день. Трудно было прийти к какому-нибудь решению, чтобы спасти Юру от насильственной эвакуации. Совещалась с соседями, у которых тоже маленькие дети, звонила друзьям. Никто не находил ответа на тревожный вопрос. К счастью, еще не было канонады и можно было выходить из дому. Вечером жуткая тишина повисла над городом. В час ночи резкий настойчивый звонок. Кто жил в Советском Союзе, знает, что значит такой, особенно длинный, ночной звонок, от которого останавливается сердце. Так звонят, когда приходят с обыском или ордером на арест. Мелькнула мысль, что, возможно, и за Юрой. На этот раз оказалось другое — повестка военного комиссариата. Ее мы ожидали. Хотя во время финской кампании муж не был призван, но теперь положение иное. Всем была понятна опасность и объем настоящей войны. Финская казалась по сравнению с этой игрушкой.

28 июня

Сегодня опять новое волнение. Началось все с телефонного звонка моей приятельницы Холмянской, жены технического директора фабрики, на которой работает мой муж. Она предлагает вместе с детским садом фабрики выехать и вывезти детей в направлении Москвы. В дальнейшем можно жить в том месте, которое изберут для сада, и там же работать в роли воспитательницы. Холмянская сообщает, что она со своим сынишкой, тоже Юрой, едет. Она убеждает меня не раздумывать, так как, по ее мнению, это для меня единственная возможность остаться с Димой и Юриком. Кроме того, она уверена, что жителей Ленинграда ждут весьма тяжелые испытания. Я поехала на фабрику. Директор повторил слова Холмянской и включил меня в число служащих этой организации. На первый взгляд все складывается удачно, но одновременно возникает весьма серьезный вопрос. Дело в том, что детей я могу взять с собой, а мою мать и старушку няню — нельзя. Вернулась с этим известием домой. Мать моя разрыдалась, пугается мысли, что таким образом мы расстанемся навсегда. Няня подавлена, но молчит. Я словно между двух огней. С одной стороны, прекрасно понимаю,

что нужно спасать детей, а с другой — жаль беспомощных старушек. Разве можно оставить их на произвол судьбы?

Мне просто не верится, что в Ленинграде может быть голод. Ведь нам все время твердят о громадных запасах продовольствия, которых якобы хватит на много лет. Что же касается угроз бомбежки Ленинграда, то ведь опять же мы все время слышим о сверхмощной противовоздушной обороне, о том, что город не может быть подвергнут обстрелу. Если хоть наполовину это правда, то зачем куда-то бежать?

29 июня

Сегодня приходила двоюродная сестра Марина. Она устрашена войной. Готова лететь без оглядки куда угодно. Сначала хотела отправить своего десятилетнего сынишку со школой, в которой он учится, потом выяснилось, что эвакуируют Эрмитаж, где она работает, и что она может взять сына с собой. Меня она называет сумасшедшей за то, что я еще раздумываю и не еду с детским садом фабрики. В результате всех этих разговоров, я уложила кое-какие вещи, взяла немного еды на дорогу и стала ждать что будет. Мои старушки, которые были вчера так ошеломлены известием о возможности уехать мне с детьми, а им остаться в Ленинграде, теперь решились на жертву. Они стали уговаривать меня обязательно эвакуироваться, чтобы спасти детей.

Но решать пришлось не нам. Раздался телефонный звонок. Рыдающим голосом Холмянская сообщает, что все рухнуло. Работницы фабрики взбунтовались, чуть не разнесли фабричный комитет, когда узнали, что с детским садом отправляют, так сказать, фабричную интеллигенцию. В общем поездка не состоится. Я не могла скрыть радости: мой мучительный вопрос разрешился обстоятельствами, от меня не зависящими. Теперь не надо бросать старушек, не надо ехать на совершенно новую для меня работу воспитательницы в незнакомое место. Как-то сразу легче стало на сердце.

30 июня

Однако детей усиленно эвакуируют. Почти все знакомые отправили своих малышей и подростков. Марина уехала со своим Олегом в Ярославскую область. Другая двоюродная сестра, Ляля, отправила своих детей с какой-то организацией, а соседка моя, Любовь, поехала за своими детьми в Белоруссию, где уже второй месяц дети находились в деревне, в семье домработницы. Когда она доберется туда при существующем транспорте — не могу представить. Теперь частным лицам передвигаться почти невозможно. Хорошо, что Любовь женщина весьма энергичная. За эти годы, после ареста мужа, жизнь ее была настолько тяжелой, что ее не пугают никакие препятствия, а

в данном случае еще большую роль играют чувства матери. Она поставила себе цель — разыскать детей, и, я надеюсь, она их разыщет. Сегодня зашла к одной знакомой, Елизавете Сергеевне, со слезами отправляла она свою трехлетнюю дочку. Ее еле уговорили на этот шаг муж и родители. Муж работает в НКВД, и там есть детский сад для всех сотрудников, имеющих детей. По-видимому, условия созданы хорошие, но для матери это все не играет роли, самое главное в том, что надо расставаться в такое страшное время.

Зенитки не стреляют. Неужели правда, что Ленинграду не угрожают воздушные налеты?

1 июля

Потрясена страшной новостью. Арестовали мою подругу и сослуживицу Бельскую. В чем дело? Одна из многочисленных загадок. Конечно, никто ничего не объясняет: пришли ночью, сделали обыск, ничего не взяли, ничего не нашли, а ее увели. Знаю о неприязненном отношении к ней декана нашего института. Ходили разговоры, что отцом ее внебрачной дочки был французский инженер, временно проживавший в Ленинграде и работавший на алюминиевом комбинате. По окончании своей командировки француз этот уехал из Советского Союза и, насколько я знаю, даже не помогал ей содержать ребенка. Все же подозрение, что у нее связь с заграницей, по-видимому, лежало на ней. Враждебное отношение декана могло тоже сыграть свою роль. Причин для ареста достаточно. Меня очень тревожат мысли о ее судьбе. Мне известно положение ее семьи: брат мобилизован в первые же дни, сестра больна туберкулезом, кроме того, у нее старушка мать и трехлетняя дочь. Я навестила их и провела там полчаса. А у меня дома решили, что и меня арестовали.

2 июля

Тревожное ленинградское настроение до такой степени надоело, что я предприняла совершенно неожиданное решение: поехала в Тярлево и сняла дачу. В этом году все дачи свободны, выбирай любую. В прошлые годы я и не пыталась бы этого сделать, так как в Тярлеве цены на дачи весьма высокие и все снимается уже с января. Теперь картина другая — дачи пустуют, а хозяева прямо зазывают к себе и идут на все уступки, чтобы только не потерять заработок нынешнего года.

3 июля

Вчера же и переехали с самым минимальным количеством вещей. Сегодня мы все с наслаждением отдыхаем. Кругом полная тишина. Природа очень красива. Как будто и войны нет.

5 июля

Сегодня летали самолеты. Преимущественно немецкие. Люди еще не привыкли к войне, относятся к ней легкомысленно. Во время налетов не прячутся в подвалы, а как раз наоборот — высыпают на улицу. Нас тоже захватила эта атмосфера, и мы наблюдали воздушные бои, не думая об опасности.

Известия в газетах все тревожнее. Города один за другим переходят в руки немцев. Мимо нас громыхают бесконечные поезда с женщинами и подростками, мобилизованными на рытье окопов. Муж остался в Ленинграде. Его никуда не отправляют, но он должен закончить специальные курсы. Разрешают навещать. Буду ездить раз в неделю в Ленинград. Надо тоже следить за развитием событий, а то здесь мы отрезаны от всего мира.

8 июля

Пишу, вернувшись из Ленинграда. Навещала мужа, зашла к себе на квартиру. Все виденное и слышанное безрадостно. Люди продолжают метаться. Каждому кажется, что район, в котором он живет, самый опасный, а у знакомых спокойнее. В нашу квартиру переехали дядюшка с тетушкой. Все по той же причине — наша квартира будто надежнее. Заняли комнату Юры. Я, конечно, разрешила. Сейчас мы не живем в городе, а если даже и вернемся, то о комфорте думать не приходится.

Каждый день новые тревожные вести. То уверяют, что немцы обязательно пустят газы (это меня пугает больше всего), то идут слухи, что через месяц Ленинград будет занят. Но чаще говорят о том, что скоро наступит голод, так как крупные продовольственные запасы, о которых твердили газеты, — очередная ложь.

На рытье окопов людей посылают тысячами, десятками тысяч. Все учреждения превратились в мобилизационные пункты: служащих, пришедших на работу, обычно организуют в бригады и отправляют в прифронтовую полосу. Едут барышни в сарафанчиках и босоножках, им даже не разрешают поехать домой переодеться и взять хотя бы самое необходимое. Неизвестно, велика ли от них польза, ведь вся эта городская молодежь даже с лопатами обращаться не умеет, не говоря уже о ломах, которыми приходится пользоваться, так как почва в одних местах глинистая, в других от засухи твердая, как камень. Условия тяжелые: ночуют где придется, часто под открытым небом. Немцы сбрасывают бомбы или осыпают пулеметным огнем. Молодая Тарновская, которая живет в нашей квартире, попала в число этих жертв. Она была очень легко одета, когда ее забрали со службы. Кроме легкого сарафанчика и тапочек на ней ничего не было. Погода же переменилась, полил дождь, надо было продолжать

работать, хотя она уже еле таскала ноги. Теперь лежит с очень высокой температурой и, вероятно, слегла надолго.

Вчера же вернулся из концентрационного лагеря Куракин, муж нашей соседки по квартире. Два года она хлопотала, добиваясь пересмотра дела, но все было безуспешно. Теперь война помогла — его выпустили. Вначале Любовь была на седьмом небе, не верила, что он вернулся. Но первый порыв прошел, и между ними установились очень странные отношения. Он — просто страшен. Подавлен, пуглив, боится рот раскрыть. Она потихоньку от него нашептывает мне, что он там перенес. Рассказывает, что его сильно и многократно били, требуя каких-то признаний в несовершенных им преступлениях. У него сломано ребро, на одно ухо не слышит.

Еще Любовь рассказывала мне о своих приключениях. Ведь она на этих днях вернулась из Белоруссии, куда ездила за детьми. Пробралась в самое пекло. Соседняя деревня была уже в руках немцев. Говорит, что видела немцев в нескольких шагах от себя. Ничего страшного в них не нашла: люди, как люди и даже отнеслись к ней сочувственно и предупредили, чтобы лучше легла за камень, так как в это время шла перестрелка. Больше всего пугало ее то, что с ней был ее партийный билет, предусмотрительно запрятанный в чулок. Была уверена, что, если найдут билет, то ей не сдобровать. Все завершилось вполне благополучно. Детей она нашла, часть пути ехала с ними на поезде, часть на грузовике, а в некоторых местах шла пешком. Вопреки всем трудностям детей привезла живыми и невредимыми.

10 июля

Получила вызов из Ленинграда. Помчалась туда. Наше домоуправление предлагает ехать с транспортом на Волгу, до Горького. Я отказываюсь. Женщина—управдом настаивает, пугая страшными картинами будущего. Несмотря на свою принадлежность к партии, не скрывает от меня своих настроений и ужаса перед надвигающейся с такой быстротой немецкой армией. Угнетенная этими разговорами, обещаю дать ей ответ в тот же вечер, а сама бегу посоветоваться с друзьями. Встречаю Холмянскую. Оказывается, она все—таки была послана в район Бологого с группой фабричных детей. Увы! и эта попытка эвакуироваться, как и многие другие, не привела ни к чему. Над ними все время летали самолеты, бомбили беспощадно, перепуганные дети кричали и плакали, просились домой к родителям. Многие матери теперь получили право взять отпуск и ехать за детьми. Обезумевшие женщины наполняют вокзалы и поезда, рвутся навстречу наступающей вражеской армии, чтобы успеть спасти детей.

В тот же вечер сообщаю управдому свое решение пока остаться. О детях слышу на каждом шагу. Мне кажется, что в таком страшном

потрясении, как война, мысль о детях самая беспокойная, самая острая, доводящая до потери рассудка. Двоюродная сестра Людмила в эти дни отправилась в прифронтовую полосу, под Старую Руссу, куда две недели назад отправила детей. Сегодня утром появился муж Елизаветы Сергеевны, ездивший за своей дочкой. Хорошо ему! Будучи ответственным работником НКВД, он пользуется автомобилем, что позволило ему объехать несколько сел и деревень. Все же он еле разыскал девочку. Привез ее чуть ли не в одной рубашке. Однако далеко не всем ленинградцам выпадает на долю такое счастье — найти своих детей, отправленных на летний отдых или эвакуированных предусмотрительными властями от надвигающейся немецкой опасности.

14 июля

В Тярлеве я иногда забываю, что идет война, что она так близко. Почти рядом. Успокаивающе действует сама природа, благодатные летние дни. Сегодня лежала на берегу озера. Синее небо, синее озеро, зеленая рампа берегов. И тишина. Не слышно голосов, в аллеях никого не встретишь. Только где-то вдали, сквозь зелень, серебрятся стены дворцов. Можно забыть о том, что творится на беспокойной земле. Но не совсем: порой долетают разноголосые гудки тревог, возвращают к действительности.

18 июля

Сегодня введены карточки на хлеб, масло и другие продукты. Норма хлеба — 400 граммов на день, масла — 600 граммов на месяц. Еще не страшно, жить можно. Открыты специальные коммерческие магазины, которые полны продуктами. Но цены очень высокие. Например, килограмм сахара стоит семнадцать рублей и все в том же духе. Народ заходит, смотрит на цены и выходит из магазина, ничего не купив. Весь вопрос в деньгах. Их очень мало у людей, и редко кто откладывает на черный день. Впрочем, если у некоторых и были крупные сбережения, то воспользоваться ими невозможно: с первого дня войны вышло распоряжение не выдавать более двухсот рублей в месяц. А на эти деньги при удесятеренных ценах многого не купишь.

Мне думается, что эти магазины имеют значение скорее психологическое, чем практическое. Когда видишь витрину с продуктами, то меньше доверяешь разговорам о предстоящем голоде. А мысли о нем пугают, страшат. Мы помним годы, предшествовавшие нэпу, когда самым лакомым блюдом в Петрограде была конина, жареная на касторовом масле. Мы помним голод тридцать третьего года, когда на черноземной Украине вымирали целые села.

Свои опасения я высказала Ирине Левицкой. Но она меня подняла на смех: «Да если даже что-либо подобное случиться, то у тебя

ведь сотни друзей в Ленинграде — с миру по нитке, голому рубашка. Уж твои-то дети будут обеспечены и нечего быть пессимисткой».

Дай Бог!

1 августа

Почти две недели не раскрывала эту тетрадь: апатия. Не хочеться писать все о том же и о том же. А просвета нет. Какой уж там просвет, когда тучи сгущаются! Вести из города все тревожнее. Говорят о стремительном наступлении немцев. Они рвутся к Ленинграду. Мы решили сидеть на даче, пока не возьмут Лугу, а когда возьмут — придется возвращаться в городскую квартиру.

2 августа

За три часа пребывания в Ленинграде наслушаешься столько, что надолго последний покой потеряешь. Прежде всего разговоры о новой эвакуации. Теперь вместе с детьми разрешили ехать и матерям. Однако напуганные первой неудачной эвакуацией, матери не хотят ехать, ссылаются на всякие болезни, дающие отсрочку. У нас управляет домом женщина, близко принимающая к сердцу материнское горе. Она усиленно уговаривает меня оставить Ленинград. Моя мать не хочет двигаться, я же просто не знаю, на что решиться. Пугает еще то, что по дорогам свирепствуют эпидемии тифа, холеры и разных желудочных заболеваний. Это помимо того, что эвакуационные поезда подвергаются обстрелам и бомбежкам с воздуха. Выехала семья директора фабрики, на которой до мобилизации работал муж, вскоре пришло известие, что старший сын, мальчик четырнадцати лет, умер от брюшного тифа. Холмянская решила больше никуда не уезжать. Ее муж пошел добровольцем в армию. Старшего сына, двадцатилетнего студента, мобилизовали. Она осталась одна с семилетним Юрой. Рассказывала, что, когда Додик уходил, она умоляла его не сдаваться в плен, так как, по слухам, немцы уничтожают евреев поголовно.

Мне стало жутко, когда я представила себе эту картину: мать умоляет сына покончить с собой. Неужели немцы уничтожают всех подряд только потому, что они евреи? Не могу допустить подобной мысли. Но Холмянская убеждена. Она умоляет меня спрятать, в случае беды, ее младшего сынишку и выдать его за родственника. Конечно, я обещала.

Моего мужа, видимо, оставят в Ленинграде. Холмянский хочет взять его в свою часть. Но муж отказывается хлопотать о своем переводе. Он — убежденный фаталист. Не желает ничего предпринимать, верен своему принципу: «Будет так, как должно быть».

За несколько минут до моего отъезда из Ленинграда, позвонил Холмянский. Очевидно из самых лучших побуждений решил сделать

меня соучастницей своих планов относительно мужа. Холмянский спросил меня, знаю ли я о предложении моему мужу.

— Да, знаю.

— Вы должны его убедить. Вы должны обязательно это сделать.

— Понимаю и очень благодарю вас. Но вы же знаете Сергея, он неизлечимый фаталист.

— Вот почему я и звоню. Убедите его. Поймите, что это необходимо. Ведь это в сегодняшних условиях чрезвычайно важно. Поймите еще — с каждым днем будет хуже и труднее ...

На протяжении, пожалуй, десяти минут он настойчиво убеждал меня воздействовать на мужа, доказывая преимущества, которые связаны с переходом мужа на штабную работу.

4 августа

Только сейчас, поздним вечером, когда делаю эту запись, до сознания доходит, каким длинным и тяжелым был минувший день. Кажется, что сегодня впервые за полтора месяца я по-настоящему начинаю понимать войну. Сразу же по приезде в Ленинград узнала, что Холмянский убит. Все утро пробегала с его женой, чтобы получить достоверные сведения о его гибели. Бедная Фаина невменяема. Видя ее отчаяние и вспоминая человека, с которым мы были так дружны, я тоже не могу сдержать слезы. В конце концов, узнали подробности. Холмянский со своим заместителем (именно на эту должность прочили моего мужа) ехал в автомобиле где-то за городской чертой. Их стали обстреливать немецкие самолеты. Они бросились из автомобиля под уклон железнодорожной насыпи. В это время бомба попала прямо в полотно, и взлетевшими в воздух рельсами оба были убиты.

Мы вернулись с Фаиной в пустую квартиру. Спустя некоторое время раздался звонок. Я пошла открыть дверь и увидела студентку, подругу старшего сына Холмянских. Бледная и взволнованная, она сообщила мне, что Додик с его частью попал в окружение. Мы оторопело смотрели друг на друга, не зная что же нам делать, как сказать это матери. Решили пока молчать. Может быть, хоть это ошибка.

Двенадцать часов ночи. Над озером взошла ущербная луна. Она мертвецки бледная.

5 августа

Бомбардировок пока не было. Заезжал Володя, муж Марины. Он важен и горд своим назначением — офицер действующей армии. Он большой патриот и предан Советской власти. Вооружен до зубов. Авторитетно уверяет, что Ленинграду никакая опасность не грозит: противовоздушная оборона великолепна, ни один самолет не будет допущен. Так ли это?

Знакомые завидуют, что мы относительно спокойно живем на даче.

7 августа

Развилась шпиономания. Каждый день то тут, то там ловят шпионов. Шпионами, как правило, оказываются мирные советские граждане, случайно чем-нибудь возбудившие подозрения уж очень усердных блюстителей порядка. Бедный мой Дима стал жертвой подобного усердия. Его высокий рост, светлые волосы и, главное, очки, по-видимому, вызвали подозрение постового милиционера. Мы шли с Димой на вокзал, и я забежала в один магазин, он же остался ждать меня на улице. Выйдя через несколько минут, я увидела милиционера, требующего чего-то у перепуганного на смерть Димы. Я поспешила к ним. Милиционер уже собрался вести мальчика в милицию для выяснения личности, так как у Димы не оказалось никаких документов. Пришлось убеждать его и доказывать, что у Димы не может быть никакого паспорта, ибо ему всего 15 лет. В подтверждение своих слов вытащила все документы и военный аттестат мужа, который теперь всегда ношу с собой. Удалось убедить, что Дима мой сын, а не немецкий шпион. Отпустил. Теперь надо быть осторожнее, Диме одному опасно показываться на улицах.

12 августа

Сегодня оставили дачу. Уехали последними. Все, кто еще рисковал пользоваться в этом году дачным отдыхом, раньше перебрались в город. Говорят, что вот-вот оставят Лугу. А после Луги до Ленинграда — рукой подать. Волнуюсь за Диму. В пятнадцать лет его могут от править на рытье окопов.

Немцы летают и целый день обстреливают из пулеметов. Какой смысл в этих окопах? Только губят людей.

13 августа

Эвакуация продолжается, многие уезжают. Перебрасывают целиком крупные заводы со всем персоналом. Теперь меня угнетает то, что я решила оставаться в городе. Магазины уже далеко не так полны. Раскупают все, даже дорогие продукты. Может быть, действительно лучше было уехать?

15 августа

Как бы в ответ на мой мучительный вопрос сегодня получила повестку на обязательный выезд из Ленинграда. Разрешается взять всю семью. Направление можно выбирать самой. Могу выбрать Горький или Кавказ. И опять колеблюсь...

Ведь, если война идет такими стремительными темпами, то, наверно, скоро кончится. Зачем же срываться с насиженного места? Может быть, целесообразнее переждать в своей квартире. Что делать?

17 августа

Все же пошла к доктору. Получила отсрочку до 23 августа. Ведь мне нужно выиграть время, чтобы еще обдумать положение. Теперь в запасе шесть дней, могу спокойно решать, что предпринять.

19 августа

Все свободное время трачу на беготню по добыче продуктов. Очень трудно доставать их. Даже в коммерческих магазинах. Масла, например, можно купить только сто граммов. Я все-таки хочу сделать кое-какие запасы. Поэтому ежедневно приходится стоять в нескольких очередях. Нас навестила племянница мужа, Таня, со своей маленькой дочкой. Таня достала где-то в очереди печенья, поделилась с нами. Дети мирно играли, на миг казалось, что война с ее ужасами далеко.

20 августа

Каждый день эшелоны эвакуируемых уходят на восток. Заходил прощаться мой бывший сослуживец Мартынов. Он уезжает с Ворошиловским заводом куда-то на Урал. Уезжают театры. Мариинский отправлен в Пермь.

Все это усиливает тревогу, сомнения все растут. Может быть, я делаю непоправимую ошибку, беря на себя ответственность за жизнь детей и всей семьи. Надо, наконец, на что-то решиться.

23 августа

Ночью ушел последний транспорт. Сегодня дорога уже отрезана. Ленинтрад окружен, и мы попали в ловушку. Что я натворила своей нерешительностью!

25 августа

Горячка по закупке продуктов достигла невероятно высокого градуса. Все исчезает. Случайно узнаешь, например, что на Петроградской стороне что-то выдается, — летишь туда. Оттуда — за Нарвскую заставу. Потом — на Васильевский остров. Скупаешь все, что попадется. Но ничего существенного, питательного достать невозможно. Магазины почти пусты. Всюду громадные очереди. Мгновенно создается толпа, если в коммерческом магазине появляется сахар или масло. Сегодня встретила мать Ирины, она шепотом

сообщила, что повсюду разбросаны листовки, в которых говорится о необходимости запастись продуктами только на две недели, а затем город будет захвачен немцами. Многие этому верят.

28 августа

С утра до вечера в очередях. Ничего нового. Находимся в напряженном ожидании.

1 сентября

Сегодня закрыли все коммерческие магазины. Нормы продуктов по карточкам снова снижены. Необходимо добывать припасы другими путями. Многие ездят в окрестности, свободные от немцев, собирают там картофель и овощи на полях, оставленных населением.

5 сентября

Вернулись в доисторическую эру: жизнь свелась к одному — поискам пищи. Подсчитала свои продовольственные ресурсы. Выходит, что моих запасов еле-еле хватит на месяц. Может быть, позднее положение изменится. А на какую перемену надеюсь, сама не знаю. Теперь вплотную подходим к самому страшному голоду. Завтра собираемся с Любочкой Тарновской поехать за город менять папиросы и водку, полученные нами в ларьке, на улице, напротив дома.

7 сентября

Утром сидела с Юриком на бульваре: к нам подсел бывший мой однокурсник, Милорадович. Без предисловий завел разговор о том, как он счастлив, что немцы уже стоят под городом, что их — несметная сила, что город будет сдан не сегодня — завтра. Хвалил меня, что я не уехала. «А это на всякий случай, — показывает мне маленький револьвер, — если ожидания меня обманут».

Я не знала, как реагировать на его слова. Мы привыкли не доверять людям. А таких, вроде него, теперь много. С нетерпением ждут немцев как спасителей.

Когда вернулась домой, застала у нас моего старенького дядю, доктора из города Пушкина. По совету знакомых он несколько дней тому назад приехал в Ленинград, как в более безопасное место, где легче можно пережить вторжение немцев Но, осмотревшись, он решил отправиться домой. Поезда уже не ходят, единственный способ передвижения — пешком. Мы его уговариваем не рисковать, но он остается непреклонным: «Пусть умру у себя дома». А через несколь-

ко минут после его ухода загудела тревога, начали палить зенитки*, вдалеке слышались разрывы бомб.

8 сентября

Сегодня нам рассказали, что несколько немецких самолетов все-таки прорвались к городу и бомбы были сброшены на Старо-Невском. Разрушены дома. Это сообщение произвело сильное и весьма неприятное впечатление, ибо поколебалась уверенность, что Ленинград так хорошо защищен, как нас стараются убедить. Стало ясно, какая гроза нависла над нами.

В городе усиленно говорят о листовках, которые сбрасывают немцы. Их находят в больших количествах. Содержание листовок — ультиматум: если до 9 сентября город не будет сдан, начнется массовая бомбежка.

9 сентября

Вчера в пять часов вечера мы стояли на балконе: моя мать, тетка и я. Обсуждали наше безвыходное положение. Вдруг наше внимание привлекли светящиеся высоко в небе точки, которые быстро летели прямо на нас. Не успели мы их разглядеть, как загудела тревога. Пришлось спуститься в подвал. Видимо, это были разведчики, так как вскоре снова загудели сирены, а затем посыпались бомбы, стали рушиться дома. Несмотря на весь грохот, Юрик спал крепким сном. Мне жалко было его будить. Все равно надежного убежища у нас в доме нет, в подвале не менее опасно, чем в квартире. Однако грохот всё возрастал, налетали все новые эскадрильи, бомбы сыпались беспрерывно, зенитки разрывались — настоящее пекло. Вот-вот рухнет наш дом. Не выдержала — схватила спящего Юрика на руки и побежала в подвал. Там полно народу, особенно детей. Они громко плачут, прижимаются к обезумевшим матерям. При каждом новом взрыве женщины, из которых многие были коммунистками, судорожно крестятся, шепчут молитвы. В эти минуты антирелигиозная пропаганда забыта.

Бомбежке, казалось, не будет конца. Сегодня узнали, что очень пострадал наш район, много разрушений. На нашей короткой улице превратились в руины четыре больших дома, стоявших рядом. Видела и соседние пострадавшие улицы. Некоторые картины мне навсегда врезались в память. Вот дом, разрушенный почти до основания. Но одна стена, оклеенная васильковыми обоями, уцелела. Даже кар-

* Летом 1965 года в советских газетах была заметка, что в Пушкине умер старый русский доктор; по имени и фамилии я узнала своего дядю. Покинув нашу квартиру в Ленинграде 7 сентября 1941 года, он, по-видимому, благополучно добрался до Пушкина и прожил там еще 24 года.

тина на ней висит, не покосившись. От другого бывшего дома над грудой кирпича, цемента, балок остался целый угол одной из верхних квартир. В углу икона, на полу детские игрушки, повсюду разбросанные, будто дети только что играли. Дальше — наполовину засыпанная обломками комната, но у стены кровать со взбитыми подушками и лампа. Случайно уцелевшие домашние вещи, открытые взору прохожих, — словно немые обличители того, что кто—то чужой, безжалостный, ворвался в личную жизнь людей и варварски ее изуродовал.

12 сентября

Пишу через полчаса после нового налета. Не знаю, сколько времени все продолжалось, но через несколько минут после отбоя узнали, что пострадал огромный госпиталь в нескольких кварталах от нас. Его только вчера открыли, а сегодня перевезли туда раненых. Говорят, что бомбардировщики пикировали именно на это здание. Оно моментально запылало. Большинство раненых погибло, их не успели спасти.

А нам все время говорили, что Ленинград недоступен, что налетов не будет. Вот и недоступен! Противовоздушная оборона оказалась мыльным пузырем. Гарантия безопасности — пустая фраза.

12 сентября, вечером

Узнали о самом ужасном следствии сегодняшней бомбежки: погибли Бадаевские склады. Там были сосредоточены все продовольственные ресурсы города. Не странно ли, что все запасы находились именно в этих, всему городу известных складах? Конечно, немцы на этот счет были прекрасно осведомлены. Уничтожение Бадаевских складов грозит неминуемым голодом. Весь город затянут облаками дыма, пахнет горящей ветчиной, жженым сахаром.

15 сентября

Гибель Бадаевских складов уже сказывается. Дневная норма хлеба снижена до 250 граммов. Так как, кроме хлеба, почти ничего нет, то это снижение весьма ощутимо. Я еще пытаюсь добывать картошку и овощи по окрестным селам взамен на вещи. До чего мучительны эти обмены! Вчера ходила целый день. У меня были папиросы, сапоги мужа и дамские чулки. Чувствуешь себя жалкой попрошайкой. Всюду надо уговаривать, буквально умолять. Крестьяне уже завалены прекрасными вещами, они и разговаривать не хотят. За короткий срок вернулся страшный 1918 год. Тогда горожане, как нищие, выпрашивали в деревнях картофель и муку в обмен на ковры, меха, кольца, серьги и прочие ценные вещи. Измученная до последней степени, я наконец обменяла весь свой товар на пуд картошки и два

литра молока. Не знаю, как долго я смогу заниматься подобной добычей.

20 сентября

С каждым днем все труднее. Вопрос питания — главный и единственный. Даже ежедневные бомбежки не производят сильного впечатления — к ним привыкли. Все заняты только одной мыслью: где бы достать что-либо съедобное, чтобы не умереть с голоду. Самый ходкий предмет обмена — спирт. Правда, хорошего спирта уже не достать. Иногда в соседний ларек привозят какую-то отвратительную вонючую жидкость, но весьма крепкую. За этим напитком стоят длиннющие очереди. Я то же стараюсь не пропустить ни одного такого счастливого случая, терпеливо стою в бесконечном хвосте. В одной деревне нашла пьяницу—старуху, которая за эту дрянь готова дать изрядное количество картошки. Счастье, что еще водятся такие старухи.

25 сентября

Сегодня забежала к нам взволнованная Ирина и сообщила печальное известие. Марина Толбузина, моя приятельница с раннего детства, погибла. Оказывается, Марина с группой сослуживцев и со своей неразлучной домработницей Тоней была отправлена на рытье окопов в окрестности Ленинграда. Проработав определенный срок, вся группа возвращалась по шоссе, когда с ними поравнялась красноармейская машина. Марина, изнемогавшая от усталости, попросила подвезти ее и Тоню. Шофер согласился. Машина обогнала шедшую группу, но не успела еще скрыться за поворотом, как на глазах у всех взлетела в воздух. Все это сопровождалось грохотом и дымом, заслонившим автомобиль. Когда окопники поравнялись с местом происшествия, то не нашли и следов пассажиров. Задерживаться было невозможно, так как начинался сильный обстрел этого участка шоссе.

Вот то, что нам пришлось услышать. Погоревали о Марине — красивой, молодой, полной жизни женщине, так безвременно погибшей... и опять вернулись к нашим повседневным заботам о спасении собственной жизни*.

---

* Впоследствии оказалось, что Марина, хотя и вылетела из машины, наскочившей, по-видимому, на мину, но не погибла, как все предполагали. Каким-то образом она очутилась в придорожной канаве, где и пролежала без сознания, очнулась, когда один из немцев стал вытирать кровь и грязь с ее разбитого лица; приняв его за милиционера, она что-то спросила его по-русски. Каково же было ее изумление, когда она услышала немецкую речь! После долгих скитаний и всевозможных передряг Марина в 1953 году попала в Америку, где и живет теперь.

28 сентября

Пошли упорные слухи, что норму хлеба еще сбавят. Это уже катастрофа. В августе мне удалось купить несколько фунтов настоящего кофе. Теперь это наше спасение: выпьешь утром несколько чашек и почти целый день чувствуешь себя бодрой. Появился татарин, который раньше скупал старые вещи. Принес четыре плитки шоколада и продал их за деньги. Совершенно невероятное событие в наши дни, потому что деньги теперь уже ничего не стоят, единственной платой могут быть только вещи. Правда, за эти плитки он взял сто двадцать рублей — месячное жалованье уборщицы. Все же считаю покупку большой удачей, сложила плитки в мешок, который беру с собой во время тревоги в подвал на тот случай, если тревога будет продолжаться всю ночь.

30 сентября

Пишу эти строки, лежа в кровати. Вчера почувствовала ужасную слабость и решила прекратить всю свою деятельность и лечь, чтобы хоть немножко отдохнуть. Только что заходила Холмянская. Кто-то ей сказал, что я плохо себя чувствую, и она испугалась, что я слегла совсем от голода. Таких случаев теперь много: ложатся и уже больше нет сил встать. Холмянская с рыданиями бросилась мне на шею и умоляла подняться и продолжать вести нормальный образ жизни. Принесла мне громадный пакет всевозможной еды. Я не верила своим глазам, когда разворачивала и хлеб, и сахар, и жиры. Обещала ей, что завтра встану. Только бы сегодня дали выспаться!

2 октября

Новая норма хлеба: 125 граммов для служащих и иждивенцев, 250 граммов для рабочих. Наша порция (125 граммов) — небольшой ломтик, как для бутерброда. Теперь мы начали делить хлеб между всеми домочадцами — каждый хочет распорядиться порцией по-своему. Например, моя мать старается разделить свой кусок на три приема. Я съедаю всю порцию сразу утром за кофе: по крайней мере хотя бы в начале дня у меня хватает сил стоять в очередях или доставать что-нибудь путем обмена. Во второй половине дня я уже теряю силы, только лежу.

Сегодня зашла к одной подруге и узнала, что ночью умер ее муж. Когда спросила отчего, она ответила очень просто: умер с голоду. Лег вечером спать, она думала, что он заснул, а утром посмотрела — он мертвый. Неужели всех нас это ожидает?

Никаких изменений на фронте нет. Немцы окружили город. Бомбят каждый день с немецкой аккуратностью ровно в семь часов вече-

ра. Вероятно, хотят нас взять измором. Моментально после сигнала тревоги сыплются бомбы. Наша оборона даже предупредить не может. Хотя подвал отнюдь не защита, но стадное чувство гонит нас вниз.

6 октября

Население нашей квартиры все растет. Переехали дети двоюродной сестры Ляли. Вселились в комнату, занимаемую моей теткой и ее мужем. Размер комн двенадцать метров. Как они там все будут жить? Воздуха не хвати сех. Теперь об этом, правда, никто не думает. Люди, как живот в минуту опасности льнут друг к другу, повторяют: «в тесноте, да в обиде». Ляля тоже, кажется, на днях переезжает к нам. С начала войны она жила отдельно от детей: сама целый день на работе, а дети находились у подруги, которая не служит. Но на днях в этот дом попала бомба. Дети, к счастью, были в подвале. Их еле спасли, так как лопнули трубы и весь подвал был затоплен.

Сегодня явился опять татарин. Принес килограмм конины в обмен на бутылку красного вина, которая у нас случайно осталась от лучших времен.

8 октября

Буквально на глазах люди звереют. Кто бы подумал, что Ирина Левицкая, еще недавно такая спокойная, красивая женщина, способна бить своего мужа, которого всегда обожала? И за что? За то, что он все время хочет есть, никогда не может насытиться. Он только и ждет, когда она что-нибудь достанет. Она не успеет войти в квартиру, как он бросается на еду. Конечно, она и сама голодная. А голодному человеку трудно лишиться последнего куска.*

У нас в квартире самое удручающее впечатление производит семья Куракиных. Он, вернувшийся из ссылки, изможденный годами тюрьмы, уже начинает опухать, просто страшен. От прежней любви его жены уже ничего не осталось. Она все время раздражена, ссорится. Дети плачут, просят есть и получают подзатыльники.

Однако Куракины не исключение: почти все люди стали другими в результате голода, блокады, безвыходного положения.**

---

* Ирина не погибла во время осады. Изнуренную до последней степени, в мае 1942 года мой муж устроил ее в больницу. Несколько месяцев она была на краю гибели, но молодой организм все-таки победил. Ирина поправилась, и в 1944 году, когда моим мужем было получено ложное известие о моей и мальчиков гибели, она вышла за него замуж.

** Относительно Куракиных знаю, что им удалось эвакуироваться несколькими днями позже меня. Их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Меня поражает мой муж. Он выделяется среди людей, потерявших человеческий образ. Выделяется уже тем, что не изменился в своих отношениях к окружающим. Питание военных тоже далеко не блестяще. На завтрак им дают чашку жидкой каши. И он ее не ест, приносит нашему Юре. У него одна забота — поддержать кого только можно. Часто появляется дома по вечерам во время тревог, боится, что я не уйду в подвал. Он прав: я не верю в спасительность нашего подвала, но в таких случаях, для успокоения мужа, забираю мальчиков и со всеми домочадцами тащусь в подвал. В последнее время там приходится сидеть чуть ли не ежедневно с семи часов вечера до двенадцати ночи. Немцы не делают передышки и затягивают бомбежку на несколько часов. Зато, когда ложишься спать, не так сильно чувствуешь голод. Поэтому часто стараюсь избежать этих походов в подвал и лечь в постель пораньше. Если удается заснуть, то вижу во сне стол, полный всевозможных закусок, ешь все эти вкусные вещи и просыпаться не хочется. А когда откроешь глаза, опять эта мрачная действительность и ноющее чувство голода.

Выдержим ли? Главное и единственное желание — не потерять детей, не видеть их гибель.

12 октября

Кончился картофель. Запасы крупы иссякли раньше. В кооперативах по карточкам получить ничего нельзя. Но очереди колоссальные, когда появляется в продаже что-нибудь съедобное, даже малостоящее. Сильные выталкивают слабых. Женщинам почти невозможно попасть в двери магазинов. Иногда приходится занимать очередь в четыре часа утра. Муж предложил мне устроить пропуск в военную столовую, где можно получать обеды вместо сухих продуктов, полагающихся по карточкам. Для нашей семьи это выходит восемь тарелок супа и четыре тарелки каши на десять дней. Конечно, это лучше, чем ничего.

18 октября

Вот уже несколько дней у меня добавочное занятие — ходить за едой. Трудно рассчитать так, чтобы талонов хватило на декаду. Дома суп, принесенный из столовой, приходится разбавлять водой. Беру два бидона и отправляюсь в далекое путешествие со стоянием в очереди по несколько часов. Теперь в деревню не поедешь. Эти экскурсии утратили смысл — крестьяне окончательно прекратили обмен. Сами опасаются остаться ни с чем.

26 октября

Сегодня день рождения Димы. Людмила, работающая в столовой, принесла ему в подарок немного дичи. Вот это было пиршество!

28 октября

Умер муж Ирины Левицкой. Она даже не огорчена.

1 ноября

Так ежедневно — около семи часов вечера воют сирены. Моя мать спешит пообедать к шести часам. Потом собирает самые необходимые вещи и сидит в пальто, наготове. Уверяет, что это ей напоминает сборы к пасхальной заутрени. С первым сигналом тревоги перебираемся вниз. Соседи перетаскивают с креслом больного дядюшку, со стоном плетутся старухи. Особенно стонет наша бывшая домовладелица, которая с нетерпением ждет немцев. Потом сыплются бомбы, разрушается прелестный, лучший город нашей страны.

3 ноября

Почти все мужчины стали нетрудоспособными, многие уже слегли. Давно не поднимается с постели наш дворник, дворы вообще перестали приводить в порядок. Повсюду сплошная мерзость запустения. Почти каждый день сообщают, что умер тот или иной знакомый. В нашем доме уже умерло несколько человек. Мы ждем выдачи каких-либо продуктов к Октябрьской годовщине. Об этом много говорят. Надеются на масло, вино, сладости.

6 ноября

Тарновская встала сегодня в четыре часа утра. С помощью сына и энергичной невестки ворвалась в кооператив.* Получила себе и нам масло. Просто невероятное событие! Не дает покоя желание съесть все сразу, но надо как-то растянуть. Юра Тарновский с 20 октября устроил фиктивно моего Диму к себе в мастерскую. Хотя мастерская находится еще в периоде организации, но Дима уже считается рабочим и получает вместо 125 граммов хлеба — 250. Это очень важно для Димы. Он всегда обладал завидным аппетитом, и когда перешли на голодный паек, то быстро сдал. Меня приводит в отчаяние его полнейшая апатия. Он перестал чем-либо интересоваться, читать, даже разговаривать. Трудно поверить — даже к бомбежкам он относится равнодушно. Единственно, что может вывести

* Из всей семьи Тарновских уцелела одна Любочка — жена Юрия. Мать Юрия, Зоя Михайловна, умерла в январе, в Ленинграде. Где-то ей удалось получить мяса (неизвестно какого). Она варила суп и довольно много съела его. Вскоре слегла. У нее обнаружилась дистрофия. Через несколько дней она скончалась. Вскоре и сын ее, Юра, тоже слег. Любочка, воспользовавшись возможностью эвакуироваться с другими студентами, покинула Юру и уехала в Ярославль, к матери. Обо всем этом я узнала из письма Любочки, полученного мною летом 1942 года, на Кавказе.

его из равновесия, это — еда. Целый день он голоден, шарит по шкафам, ищет съедобное. Ничего не найдя, начинает жевать кофейную гущу или эту ужасную дуранду (жмыхи), которую раньше ели только коровы. Дуранду теперь ест весь Ленинград. За нее отдают что угодно: чулки, обувь, отрезы материи. Отнесешь на рынок какую-либо ценную вещь и получаешь взамен кусок этого вещества, такого жесткого, что не толькооткусить, но и топором не отрубить. Начинаешь строгать, как кусок дерева. Получается что-то вроде опилок. И вот из них пекут лепешки. На вкус они ужасны, а после того, как съешь, начинается изжога. Хлеб выдается тоже малосъедобный: муки в нем самый минимальный процент, а больше жмыхов и почему-то целлулоид и еще какая-то неизвестная, невообразимая смесь. В результате такого состава, хлеб сырой и тяжелый. И все-таки люди готовы из-за него перегрызть друг другу горло. Утром по дороге из булочной, тщательно прячешь его: было немало случаев, когда на улице хлеб отнимали.

7 ноября

Как мы и предполагали, в Октябрьскую годовщину немцы бомбили интенсивнее и беспощаднее, чем обычно. Особенно отличались они вчера вечером: налетели тучи самолетов, воздух гудел от множества машин. В сотый и тысячный раз задаешь себе вопрос: где же наша противовоздушная оборона? Почему не видно советских истребителей? Немцы летают, как дома, а наши зенитки палят впустую, только усиливают шум.

Сегодня с помощью Тарновской старалась вернуть к жизни нашего Диму. Зоя Михайловна энергична и не теряет своего оптимизма. Она твердо верит, что война скоро кончится, что Ленинград все же будет взят немцами. Надо потерпеть еще некоторое время. Она старалась все это внушить Диме, даже сердилась и кричала на него. Потом начала умолять подтянуться ради меня, более бодро относиться ко всем лишениям. Как могла, я поддерживала ее, но на Диму это все не произвело никакого впечатления.

Теперь умирают так просто: сначала перестают интересоваться чем бы то ни было, потом ложатся в постель и больше не встают. Я особенно боюсь этой апатии у Димы. Его нельзя узнать. Еще в конце августа и в сентябре он носился по всему городу, выискивал продукты, интересовался военными сводками, встречался с мальчишками-товарищами. Теперь он — форменный старик, вечно мерзнущий. Целыми днями он сидит в ватнике у печки, бледный, со страшной синевой под глазами. Если так будет продолжаться, он погибнет. Делаю все возможное, чтобы его лучше кормить, но всего этого слишком мало. Вот наш жилец, Юра Тарновский, например, ходит каждый день в одну столовую, где съедает по шесть-семь тарелок дрож-

жевого супа, который можно получить без карточек. Трудно себе представить это «лакомое» блюдо голодного Ленинграда: дрожжи и вода. После еды люди распухают, а в смысле питательности эта еда — ничто, нуль калорийности. Но я хотела бы, чтобы и мой Дима, по примеру Тарновского, охотился за этим супом, — может быть, хоть это выводило бы его из состояния страшного безразличия.

10 ноября

Нас просто засыпают зажигательными бомбами. Раньше дежурили на крыше все мальчики нашего дома: Сережа, друг Димы, сам Дима, сын артистки с третьего этажа — бойкий, здоровый мальчик, и многие другие в возрасте от 12 до 16 лет. Теперь почти все слегли. С бомбами борются женщины, которые оказались самыми выносливыми. Вчера загорелся наш дровяной сарай. Удалось отстоять. Единственной жертвой этого пожара оказался наш матрас, вынесенный туда за отсутствием места в нашей перенаселенной квартире. Хорошо еще что не сгорели дрова, которые нам накануне привезли.

12 ноября

Заходила к одной знакомой , и она меня угощала новым кулинарным изобретением — желе из кожаных ремней. Рецепт изготовления таков: вывариваются ремни из свиной кожи и приготовляется нечто вроде холодца. Эту гадость описать невозможно! Цвет желтоватый, запах отвратительный. При всем моем голоде я не могла проглотить даже одной ложки, давилась. Мои знакомые удивлялись моему отвращению, сами они все время этим питаются. Говорят, что эта масса в больших количествах продается на рынке. Но я на рынок не хожу: менять абсолютно нечего. То, что я могу предложить, не интересует покупателей. А рынки завалены прекрасными вещами: материя высокого качества, отрезы на костюмы и пальто, дорогие платья, меха. Только за подобные вещи можно получить хлеб и постное масло. Уже не по слухам, а по достоверным источникам, то есть по сведениям из райотделов милиции, известно, что на рынке появилось много колбасы, холодца и тому подобного, изготовленного из человеческого мяса. Рассудок допускает даже эту страшную возможность: люди дошли до предела и способны на все. Муж меня уже предупредил, чтобы я не пускала Юрочку на прогулки далеко от дома и даже с няней. Первыми начали исчезать дети.

15 ноября

Смерть хозяйничает в городе. Люди умирают и умирают. Сегодня, когда я проходила по улице, передо мной шел человек. Он еле передвигал ноги. Обгоняя его, я невольно обратила внимание на жут-

кое синее лицо. Подумала про себя: наверное скоро умрет. Тут действительно можно было сказать, что на лице человека лежала печать смерти. Через несколько шагов я обернулась, остановилась, следила за ним. Он опустился на тумбу, глаза закатились, потом он медленно стал сползать на землю. Когда я подошла к нему, он был уже мертв. Люди от голода настолько ослабели, что не сопротивляются смерти. Умирают так, как будто засыпают. А окружающие полуживые люди не обращают на них никакого внимания. Смерть стала явлением, наблюдаемым на каждом шагу. К ней привыкли, появилось полное равнодушие: ведь не сегодня—завтра такая участь ожидает каждого. Когда утром выходишь из дому, натыкаешься на трупы, лежащие в подворотне, на улице. Трупы долго лежат, так как некому их убирать.

20 ноября

Муж договорился с начальником госпиталя на Петроградской стороне, чтобы Диму приняли курьером. Дима будет получать там завтрак, состоящий из мясного супа. Это очень важно. Может быть, работа спасет Диму. Будет отвлекать его. Главное же это то, что он будет получать добавочную еду. Я больше не имею возможности дать ему что-либо после утреннего завтрака. Наше «меню» сошло на утренний кофе с порцией хлеба, выдаваемого на день, и в шесть часов вечера мы съедаем суп, который я приношу из столовой. Врачи уверяют, что, если брать два раза в неделю ванну и выпивать в день до трех стаканов жидкости, то можно прожить несколько месяцев. Я очень сомневаюсь в этом. Может быть, такой рецепт имеет смысл, если все время лежать, но мне, например, приходится без конца бегать, чтобы добыть то минимальное, что поддерживает жизнь. За одним хлебом стоишь в очереди часами. Часто нужно обегать несколько булочных, так как бывают перебои. Водопроводные трубы лопаются, и за водой приходится ходить на Неву. Все это требует от нас, жителей Ленинграда, напряжения сил. С одними дровами какая история! Ведь некому помочь, когда их, наконец, доставят и сбросят во дворе. Все эти заботы — пилить, рубить, переносить в сарай и в квартиру,—- все это лежит на женщинах. У нас эту тяжелую работу выполняют двое: няня, которая еще держится на ногах, и маленький Юрик, ослабевший менее других. Вот они вдвоем пилят, колют и перетаскивают по одному тяжелые, промерзшие поленья. Юрик вместе с няней даже убирает двор, так как дворник слег и, по-видимому, безнадежно. Таким образом, пятилетний мальчик работает как взрослый.

24 ноября

Дима окончательно отказался ходить в подвал во время налетов. Он возвращается с работы настолько усталым, что не может двигать-

ся. Сразу после еды ложится в постель и просит, чтобы его не тревожили. Что-то с его работой не клеится, получается не так, как предполагалось: в госпиталь приходится ходить очень далеко, его посылают как курьера в разные концы города, а трамваи часто не ходят. Наконец, обижают его и с обедом: заведующая буфетом всячески старается не выдать положенной тарелки супа. Только тогда, когда он приходит вместе с сыном начальника госпиталя, то получает все, вплоть до котлеты. Недаром сын этого начальника такой краснощекий и упитанный, даже не верится, что он ленинградский житель.

26 ноября

Неожиданно в дверь постучал совершенно незнакомый красноармеец и дал ведро кислой капусты, которую нес со всеми предосторожностями. Конечно, это событие, но есть капусту придется без хлеба и картошки — ни того, ни другого нет.

Смертность растет. Говорят, что ежедневно умирает до трех тысяч человек. Думаю, что это не преувеличение — город буквально завален трупами. Родственники или знакомые везут хоронить покойников на маленьких салазках, связывая по два, даже по три трупа. Можно встретитъ порой и большие сани, на которых покойники уложены, как дрова, и прикрыты сверху парусиной. Из-под парусины торчат голые синие ноги — убеждаетесь, что это не дрова.

Смерть видишь каждый день так близко, что перестаешь реагировать на нее. Исчезло чувство жалости. Все стало безразличным. Главное же, — непроходящее сознание того, что вряд ли мы избежим общей участи, рано или поздно и нас вывезут таким же способом и свалят в общую яму. Хоронить каждого покойника отдельно уже нет никакой возможности — гробов не хватает. Если родственники хотят хоронить по всем правилам, то должны ждать, когда освободится гроб, то есть когда донесут до могилы «предыдущего» покойника, вынут из гроба, засыплют землей, а гроб передадут в очередь.

29 ноября

Нежданно-негаданно появилась моя бывшая домработница Маруся. Пришла с караваем хлеба и объемистым кульком пшена. Марусю не узнать. Совсем не та босоногая неряха, какой я ее знала. На ней беличий жакет, нарядное шелковое платье, дорогой пуховый платок. А ко всему этому — цветущий вид. Словно она приехала с курорта. Никак не похожа на обитательницу голодного, окруженного врагами города. Спрашиваю: откуда все это! Оказывается, дело обстоит довольно просто. Она работает на продовольственном складе, заведующий складом в нее влюблен. Когда уходящих с работы обыскивают,

то Марусю осматривают только для вида, и она выносит под своей меховой кофточкой по нескольку килограммов масла, кульки с крупой и рисом, консервы. Однажды, говорит, ей удалось даже протащить несколько кур. Все это она приносит домой, а вечером начальство приходит к ней ужинать и развлекаться. Сначала Маруся жила в общежитии, но ее бригадирша, учтя все выгоды совместного житья, пригласила Марусю жить в свою квартиру. Теперь эта бригадирша пользуется богатой Марусиной жатвой, прикармливает даже своих родственников и знакомых. Как видно, это очень оборотистая особа. Она полностью завладела глупой и добродушной Марусей и в виде особой милости порой обменивает продукты на различные вещи. Так улучшился гардероб Маруси, которая в восторге от этих обменов и мало интересуется тем, куда идет ее богатая добыча. Все это в очень наивной форме Маруся рассказывает мне, добавляя, что теперь она постарается, чтобы мои дети не голодали.

Сейчас, когда я пишу это, то думаю о том, что творится в нашем несчастном, обреченном городе: умирают тысячи людей ежедневно, а какие-то отдельные люди в этих условиях имеют богатейшую выгоду. Правда, во время посещения Маруси мне эти мысли не приходили в голову. Больше того, я умоляла ее не забывать нас, предлагала ей любые вещи, какие только могут ее заинтересовать.

1 декабря

Наш любимый дворник совсем плох. Сегодня отнесла ему тарелку каши, которая сварена из пшена, полученного от Маруси. Он не может нахвалиться Юрой. Так и говорит: «Могу спокойно болеть, за меня Юрочка все сделает».

6 декабря

Ночью пришлось пережить нечто такое, чего до сих пор не было. Я легла спать около десяти часов вечера. Выключила радио, как это обычно делаю, чтобы не слышать гудков тревоги, потому что в последнее время чувствую, как силы начинают покидать меня. Я не в состоянии проводить вечера и часть ночи на стуле в подвале, качаясь от сна. Из-за этого у нас уже было несколько неприятных разговоров с двоюродной сестрой Людмилой, которая живет у нас и спит в соседней с моей комнате. Она боится проспать тревогу. При первых сигналах она мчится в подвал, забирая обоих детей. Вчера она не заметила моего маневра и улеглась спать. В одиннадцать я проснулась от страшного грома и треска. Решила, что дом рушится и мы все гибнем под развалинами. Порыв ветра сорвал занавески. Со стен посыпались картины и портреты. На улице были слышны чьи-то крики о помощи. Я вскочила с постели, схватила спящего Юрика, готова была бежать с ним куда угодно, не сознавая даже куда можно

бежать. Очутилась в коридоре. Там царило полное смятение. Люди бегают, кричат, плачут — ничего нельзя понять. Через несколько минут выяснилось, что бомба попала в соседний дом, во всем квартале выбиты окна, вырваны рамы и двери. Много убитых и раненых. Все трудоспособные люди из нашего дома побежали оказать помощь пострадавшим. У нас внизу, в подвале, оборудовали нечто вроде пункта первой помощи. Вносили стонущих раненых людей. Были собраны дети со всего квартала. Они кричали и плакали. А сигналы все продолжались, бомбы сыпались без конца. Только в два часа ночи мы вернулись в свою квартиру. Она стала неузнаваемой. По всему фасаду были выбиты окна, пол засыпан осколками стекла, холод такой, как на улице, спать негде. Еле устроились на кухне и в коридоре. До утра не сомкнули глаз. Ко всем невзгодам прибавилась еще одна — полная тьма. О том, чтобы вставить стекла, нечего было и мечтать — уже давно Ленинград забит фанерой. А мороз жестокий, дрова все вышли. Как сможем обогреть свою квартиру? Ведь единственное, что у нас оставалось, — это уютные комнаты. Теперь лишились и этого. А что еще суждено пережить?

7 декабря

До чего больно смотреть на стариков и старушек, живущих в нашей квартире. Бывшая домовладелица, Анастасия Владимировна, которая критически улыбалась в первую ночь войны, теперь медленно умирает. Хотя она все же полна надежды, что переживет эти страшные дни. Больше всего она боится, что нам удастся тем или иным путем эвакуироваться, а она останется одна. Ведь пока мы здесь, она получает свою тарелку супа. Я приношу ей и микроскопическую порцию хлеба, за которым стою в очереди. Таким образом старушка может существовать. Если мы уедем, — ей конец. Несмотря на свое казалось бы обреченное положение, она все же не хочет умирать. Она ждет конца войны, то есть победы Германии.

Есть у нас и другая старушка — эстонка Каролина. Когда-то она служила в качестве экономки у одного русского князя. Теперь она получает пожизненную пенсию от бывшего управляющего этой бывшей княжеской семьи. Пенсия дала ей возможность безбедно существовать на протяжении всех послереволюционных лет. Кроме этой пенсии, она получает еще советскую — четырнадцать рублей в месяц. Этих рублей хватает на оплату комнаты и электричества. Но благодаря заграничной помощи у старушки достаточно денег. На днях, узнав, что на рынке можно достать хлеб «по-черному» (600 рублей килограмм), она попросила, чтобы ей достали его. После того как я исполнила ее просьбу, произошла трагедия: хлеб был нарезан ломтиками и положен на плиту, чтобы получились гренки, а девчонка-соседка несколько ломтиков стащила. Горе старухи трудно пере-

дать словами. Целый день она лежит на кухонном столе (в ее комнате тоже выбиты окна), беспрерывно стонет, все время говорит о пропавших ломтиках хлеба. Вероятно, если бы у нее умер самый близкий человек, она страдала бы не так сильно.

10 декабря

На нашей кухне творится нечто непостижимое. Четыре хозяйки на одной плите стараются что-то готовить: варят жмыхи, пекут из них лепешки, разогревают суп, принесенный из столовых, спорят, все время стонут и твердят об еде. Тут же дети, которых невозможно выпроводить из теплой кухни. Особенное, общее раздражение вызывает старшая дочь Куракиной, которая и раньше была на руку нечиста, а теперь тем паче все время норовит стащить что-либо у соседей. Хозяйки боятся отойти на шаг от приготовляемой жалкой еды. Электричество потухло. В кухне полутьма, в которой трудно уследить за действиями «хищников» вроде Куракиной.

15 декабря

Дима взял больничный лист. Он уже не в силах ходить на свою работу. Вчера муж случайно встретил его на улице. Мальчик падал в сугробы, с трудом подымался и падал опять. Хорошо, что он встретил отца, который взял его под руку и дотащил до дому. А то, пожалуй, один и не добрался бы, умер бы, как умирают тысячи ежедневно на улицах Ленинграда. Я тоже больше всего боюсь присесть на улице, хотя порой буквально падаю от усталости.

Уговорила Диму пойти в больницу. Он вернулся в ужасном состоянии. Больница полна мертвецов. Трупы лежат на полу, на лестницах, во всех проходах. Дима не мог переступить через них, поспешил вернуться домой.

16 декабря

Дима слег окончательно. Лежит и молчит, уткнувшись головой в подушку. Теперь он не встает для поисков какой-нибудь еды в шкафах и буфете. Может быть, еще и потому, что уверен в полном отсутствии съедобного. А может быть, потому, что больше нет сил. Я с ужасом смотрю на него. Боюсь, что он погибнет. Как же ему вынести голод, — ведь он такой высокий, худой, невероятно жалкий. Мальчика не узнать. Еще недавно он был жизнерадостным, бегал в школу, прекрасно учился, всем интересовался.

17 декабря

Прекратились тревоги и налеты. Говорят, из-за холодов. Однако настроение не улучшается. Голод и смертность растут с каждым днем. Вчера вечером Ляля вернулась очень взволнованная. Было уже тем-

но, когда она возвращалась со службы. Она торопилась. И вдруг к ней бросилась женщина, повисла на ее руке. Людмила сначала не могла понять, в чем дело, но женщина заплетающимся языком объяснила, что от страшной слабости она дальше не может идти и просит ей помочь. Людмила ответила, что у нее самой едва хватает сил добраться домой. Но женщина не отставала, уцепилась, как клещ. Все старания освободиться от нее не приводили ни к чему. Женщина, держась за Людмилу, тянула в сторону, противоположную от нашей квартиры. В конце концов все же Людмиле удалось вырваться. Спотыкаясь в сугробах, она бросилась бежать. Когда я открыла ей дверь, на нее было страшно смотреть. Бледная, с глазами, полными ужаса, она еле переводила дыхание. Рассказывая происшедшее с ней, она все время повторяла: «Она умрет, она сегодня же умрет!». Я догадывалась о двух противоречивых чувствах, которые боролись в ней: радость, что удалось вырваться, что она жива — и тягостные мысли о женщине, которую ей пришлось бросить на произвол судьбы, и даже на верную смерть, в эту холодную декабрьскую ночь.

26 декабря

Умерла наша соседка, старушка Каролина. Не помогли ей сбережения, которые откладывала она из княжеской пенсии. Перед смертью мы общими усилиями перетащили ее из кухни, где она лежала на столе, устроили ее в комнате с окнами, забитыми фанерой. Укутанная платками, шалями и одеялами, старушка пролежала еще сутки. Непрерывно бормотала какие-то эстонские молитвы или, может быть, проклятия. Мне становилось страшно, когда я заходила ее проведать. Нужно было сделать невероятное усилие над собой, чтобы войти в эту мрачную комнату, подойти к кровати, проверить, живет ли еще это существо, уже потерявшее человеческий облик.

Вчера вечером мне удалось по карточкам получить кильки. Так как у меня была и карточка Каролины, то я решила попробовать покормить ее. Трудно представить, с какой жадностью она, уже полутруп, поглощала еду. Даже жутко было смотреть, как она запихивала в рот эти кильки. А через час она скончалась.

27 декабря

Уже два дня мертвая Каролина лежит на своей постели, — хоронить некому. Как ни старались вызвать ее родственников, они не приходят. Милиция и домоуправление не успевают убирать покойников. Что же будет дальше с нашим городом, если смертность будет все расти? Люди стоят в очередях угрюмо и молча. Не слышно даже обычной перебранки. Все ослабели, отупели, устали настолько, что стали совершенно равнодушными ко всему, что может с ними случиться.

28 декабря

Сегодня на рассвете меня разбудил вопль соседки Куракиной : «Скорей вставайте, бегите за хлебом, прибавка!». Об этой долгожданной прибавке уже много говорили, но никто не верил. Оказывается, все же прибавили: иждивенцы будут получать двести граммов, рабочие — триста пятьдесят. Но теперь уже очень многих это спасти не сможет.

1 января 1942 года

Вчера мы встретили Новый год. Трудно представить себе более мрачную встречу. От предпраздничной выдачи у нас ничего не осталось. Да и сама выдача была крайне бедной. Нам выдали по бутылке красного вина и по маленькому пакетику конфет. Решили не ждать традиционных двенадцати часов — легли спать в десять. Спим мы в комнате с выбитыми окнами. На ночь не раздеваемся, а наоборот, надеваем на себя все, что только можно. Я, например, сплю в меховой куртке, в большом платке и в валенках, а сверху еще покрываюсь одеялами. Рядом кроватка Юрочки. У него виден только носик, прислушиваюсь к его дыханию, проверяю — жив ли он.

Около двенадцати проснулась от какого-то шороха. Увидела мужа: он сидел за столом, в шинели, перед ним одиноко горела свечка. Сгорбленный, усталый, он глядел в одну точку. Сердце могло разорваться от жалости к нему и к нам, и ко всем другим, попавшим в страшную мышеловку. Перед мужем на столе лежали три черных солдатских сухаря. Это — принесенное им новогоднее угощение. Захотел этот вечер провести в семье. Ведь существует же поверье: с кем встретишь Новый год, с тем на весь год и останешься... В эту ночь я так и не заснула. Мысли лезли в голову и не давали покоя. Обидно и нелепо казалось умереть от голода, а надежд на благополучный исход уже не было. Силы покидают нас с каждым днем.

3 января

По пути в столовую зашла к моей хорошей знакомой и одновременно портнихе Надежде Ивановне. Несколько дней тому назад она была у нас и, видя состояние Димы, пыталась всячески ободрить его, сулила близкие и хорошие перемены: «Подтянись, Дима, скоро будет лучше, хлеба еще прибавят, откроется дорога. Слышал, наверное, как бьются за Тихвин. Тогда из Ленинграда будет путь открыт». Дима тупо молчал. Он больше никому и ничему не верит. Но бодрый тон и уверенность Надежды Ивановны на меня подействовали. Я решила сегодня зайти к ней, чтобы немножко поднять свое настроение. Это так важно — услышать ободряющее слово! Когда я позвонила, мне открыла дверь старшая сестра. Она молча ввела меня в столовую и

показалась мне как-будто ненормальной. На столе стояли два гроба. В одном лежала моя милая и такая бодрая Надежда Ивановна, а в другом — ее младшая сестра, которую я тоже всего лишь несколько дней тому назад видела здоровой.

6 января

Сегодня навестила наших больших друзей, Левицких. Как только увидела отца своей подруги Ирины, сердце сжалось недобрым предчувствием: по всему видно, что он ближайший кандидат на тот свет. Долго не продержится. Так постепенно уходят все, с кем мы провели нашу юность, с кем связаны лучшими воспоминаниями многих лет. И вот я вижу этого Николая Георгиевича, у которого нет больше сил двигаться, который уже не способен что-либо делать, а жена его сердится, заставляет куда-то идти, добывать дрова. Эта картина была настолько тяжелой, что я поспешила уйти. Узнала, что на днях умерла сестра Николая Георгиевича. Нам об этом никто даже своевременно не сообщил. Впрочем, не было в этом и смысла, все равно на кладбище никто не пойдет: нет сил, а кроме того, стоят лютые морозы.*

7 января

Примерно час тому назад заходил приятель мужа, Петр Яковлевич Иванов. Этот всегда веселый энергичный молодой человек изменился до неузнаваемости: худой, бледный и какой-то странный. Точно голод превращает всех людей в ненормальных. Оказывается, он пришел узнать, существует ли еще большой серый кот, который принадлежал одной артистке, живущей в нашем доме. Он еще надеялся, что кот не съеден, так как знал, как эта артистка его обожала. Мне пришлось его разочаровать: ни одного живого существа, кроме людей, еле передвигающих ноги, в нашем доме не осталось. Все животные съедены либо обитателями нашего дома, либо энергичными соседями. И начало этому положил сын именно этой артистки. Он особенно изощрялся в охоте на птиц, переловил каких можно было, а потом перешел на собак и кошек. Я уверена, что он не помиловал любимца матери, тем более, что это был очень большой и жирный кот. Теперь в Ленинграде нельзя встретить ни кошки, ни собаки. Мы, надо сказать, до сих пор не лакомились этими животными. Не потому, что не хотели, а потому, что не имели возможности их поймать.

Вчера на улице встретила нашего хорошего друга Федора Михайловича. Тоже поразилась его видом. Ходит с палкой, имеет вид

* Мое предчуствие не обмануло меня. Николай Георгиевич скончался в феврале, через несколько дней после нашего отъезда.

древнего старика, а ему, пожалуй, еще нет сорока лет. Рассказал, что по просьбе Ирины Левицкой отыскал где-то кошку и отнес им. Трудно себе представить, что Ирина, которая еще совсем недавно посмеивалась над страхами наступающего голода и уверяла, что в Ленинграде всегда найдутся люди, которые помогут и накормят, теперь позарилась на кошку. Конечно, Ирина в свое время не принимала во внимание того, что голодать могут все поголовно. Исключение представляют только лишь большие начальники и те случайные лица, которые работают в различных складах и в распределителях. Оказывается, Федя сохранил остаток своих сил лишь потому, что знакомый татарин продает ему хлеб по шестьсот рублей за фунт. Чтобы располагать такими огромными деньгами, Федя постепенно распродает замечательную коллекцию картин, оставленную ему в наследство отцом. «Черные цены» растут.

8 января

Прошло почти две недели со дня смерти Каролины, а она все еще лежит на своей кровати — ее никто не хоронит. Благодаря свирепым морозам и тому, что все окна выбиты, труп Каролины не разлагается. Однако до каких пор это может продолжаться?

Диму, наконец, удалось устроить в госпиталь. Муж приложил все старания и с большим трудом добился того, что Дима помещен в лазарет для раненых бойцов. Так как теперь средств передвижения уже не существует, то мне пришлось вести мальчика на Петроградскую сторону под руку. Эта дорога была сплошным кошмаром: Дима еле передвигал своими опухшими ногами, всей тяжестью наваливался на меня. Он настолько плохо выглядит, что даже привыкшие уже ко всему ленинградцы постоянно на нас оглядывались. Лицо у Димы сине-черное, опухшее, глаза неживые. Шли мы целых три часа. Конечно, в госпитале было еще много всяких осложнений. Свободной постели не нашлось, пришлось положить Диму в коридоре. Кроме того, понадобилось заполнить множество всяких анкет. Очень опасаюсь, что Диме не поправить своего здоровья. Зашла в комнату заведующего госпиталем Ешкелева. С ним вместе живет сын, здоровый цветущий мальчишка, который, несмотря на поздний час, был еще в кровати и уплетал бутерброды с ветчиной и сыром. Не поверила своим глазам, но это было так. Ведь мы уже забыли, как выглядят сыр и ветчина. Его отец, смутившись моим пораженным видом, сочинил историю о том, как мальчик чуть не погиб — потеряв свою хлебную карточку и не желая признаться в этом, он будто бы ничего не ел на протяжении двух недель. Я подумала о несчастных раненых и больных, лежащих в коридорах госпиталя, о людях, у которых этот начальник, пользуясь своим положением, отбирает питание для своего здорового сына. А ведь это делается кругом. Тот,кто стоит у власти

или может распоряжаться продовольствием, вовсю пользуется своим привилегированным положением. Им-то нет никакого дела до того, что люди гибнут, как мухи. И сама-то я хороша: выражаю сочувствие его сыну, потому что от отца-начальника теперь зависит жизнь Димы.

13 января

Наконец-то похоронили Каролину. Наша энергичная управляющая домом разыскала какую-то племянницу покойной, подействовала на нее соответствующим образом, и эта племянница явилась уже с гробом и увезла старушку. Обитатели нашей квартиры обрадовались — покойница вывезена. Сегодня, когда шла из столовой, поразилась тем, что буквально на каждом шагу встречала детские салазки с покойниками. Этих несчастных жертв голода везут на кладбище и на больших санях, где помещается несколько трупов. Из-под каких-то холстин торчат голые ноги. Покойникам обувь не нужна. Подумать только, что есть люди, которые извлекают выгоду даже в эти страшные дни. Ведь с самого начала бомбежек появились мастера, которые занимаются воровством в разбитых домах и раздеванием трупов. Они сыты и процветают. Кстати, такие элементы имеются и в нашем доме. В прошлом это была бедная семья. Но с первых дней войны глава этой семьи поступил на работу по раскопкам. Теперь их не узнать: одеты в шелка, меха и каждый день сыты.

15 января

Знакомые устроили меня в одну швейную мастерскую, это дает первую категорию в смысле пайка. Правда, мастерская почти не работает, нет света и топлива, но карточки все же выдают. Таким образом я получаю немного больше хлеба, а теперь каждая крошка на счету.

16 января

Сегодня была в амбулатории, пришла в ужас от того, что там увидела. Амбулатория полна рабочими и служащими, которые так обессилели, что продолжать работу не могут, но, боясь причисления к прогульщикам, приходят за больничными листками — бюллетенями. Придя в амбулаторию, многие из них умирают в очереди к врачам. Пол в этом учреждении в полном смысле слова устлан мертвыми и умирающими. Их не успевают забирать.

18 января

Никогда не думала, что посещение Димы в госпитале потребует столько усилий. Это просто подвиг. Простояв несколько часов в очередях и принеся обед, я должна сразу же отправиться в госпиталь.

Иной раз кажется, что силы оставляют меня совершенно. Да и Дима меня мало радует. Он не поправляется. Бледный и опухший, он лежит еще в коридоре. Никакого интереса к жизни не проявляет. Сегодня он с безразличным видом рассказал мне о том, что в госпиталь вчера привезли двух молодых солдат, больных дистрофией, эти мальчики через несколько часов скончались. Значит, армия тоже голодает.

Дима весь покрыт нарывами. Один из нарывов вскрыли, но рана не затягивается — организм невероятно ослаб. В госпитале почти не делают операций, — ткани не срастаются. Еще хорошо, что в госпитале, где лежит Дима, нет эпидемии дизентерии. В других лазаретах от этой болезни страдают почти все поголовно.

19 января

Знающие люди говорят, что воздушные налеты прекратились потому, что от страшных морозов горючее в самолетах застывает. Между тем наши посты, несмотря на полное изнеможение людей, продолжают существовать. Отчетливо вспоминается недавнее время, когда чуть ли не поголовно всех мобилизовывали на борьбу с «зажигалками». Люди стояли на крышах и должны были чуть ли не голыми руками хватать зажигательные бомбы и бросать их в ящик с песком. А песок от тысячеградусного жара кипел, как каша. Теперь зажигалки не сыплются, но дежурные сидят в ожидании сигнала. Седовласые старики, худые, как щепки, нацепившие на себя все, что можно, закутанные в платки и шали, сидят внизу в коридоре: а вдруг тревога.

Пришло на память, как на даче в Тярлеве мой Юрик увлекался игрой в войну. Достал где-то красноармейскую пилотку и щеголял в ней, хотя она закрывала ему уши. Война выводит на первую линию общества военных — это закон. Впрочем, за это полугодие советская армия как будто не оправдала тех надежд, какие на нее возлагались.

20 января

Была у Димы, застала его за обедом. Оказывается, в этом госпитале он все-таки кое-что получает. Утром — жидкий пшенный суп и 15 граммов сала. На день выдается 300 граммов хлеба. В двенадцать часов — опять суп, а порой и второе блюдо вроде жидкой каши с какой-то подливкой. И вечером дают тарелку такой же жидкости. Все же едят три раза в день. Конечно, еда малопитательная, поправиться от нее невозможно, но помогает протянуть жизнь. Вид у Димы не улучшается. Прежняя апатия. Страшусь мысли, что вернуть его к жизни не удастся.

Возвращаясь из госпиталя, брела по парку Петроградской стороны. На какие-то минуты оторвалась от действительности. Вспомнила прошлое. Конечно, трудности нашей жизни в Советском Союзе были

чрезмерны. Постоянная борьба за кусок хлеба. А хуже всего — гнет, страх. Постоянный страх за себя и за близких. Однако все же бывали хорошие, счастливые минуты. Мне думается, что тут настройщиком был главным образом родной и любимый город. Вспоминаю, сколько раз я восхищалась им. Особенно в конце апреля или в начале мая, когда под закатным солнцем сияли купола Исаакия, шпиль Петропавловской крепости, голубой купол мечети. Любила я свой город и зимой: на невском льду — снежный покров, сады и парки сияют инеем, морозный воздух пахнет яблоком-антоновкой. Сегодня тоже чудесный зимний вечер. Та же Нева, те же парки. Только сердце сжимается от мучительной тоски, от сознания полной безвыходности нашего положения, от неверия ничему и никому.

Грустно добрела до дому. Темнота, холод, умирающая коптилка освещает кухню. А вокруг этого слабого огонька все обитатели квартиры — голодные, злые, вот-вот вспыхнет ссора. Мало человеческого осталось в людях.

24 января

Новая беда — пожары. Каждый день что-нибудь пылает. Сегодня, когда шла к Диме, видела толпу вокруг дома, который сильно и быстро разгорался на моих глазах. Людей стояло много, но никто и не пытался тушить. Казалось, они любовались зрелищем. Через три часа, когда возвращалась, вместо дома была груда дымящихся балок. Иначе и не могло быть. Чем и как тушить? Воды нет, пожарные команды не в состоянии справиться с пожарами, у жителей нет силы и желания бороться с огнем. Громадные дома пылают, сгорают до тла. Говорят, что пожары возникают от печурок, трубы которых выходят прямо в окна. Конечно, устройство примитивное, немудрено, что все, доступное огню, воспламеняется.

Нас регулярно обстреливает дальнобойная немецкая артиллерия. Снаряды разрушают дома и целые кварталы. Идешь по улице и беспрерывно слышишь нарастающий свист. Выработалась привычка: жмешься к той стороне улицы, откуда идет обстрел. А вчера пришлось идти по Фонтанке, когда стреляли вдоль реки. Как по одной, так и по другой стороне улицы опасно. Снаряды летели над головой, разрывались то тут, то там. Казалось, что уже ко всему привыкли, а все же под обстрелом трудно сохранить спокойствие.

Никогда не допускала мысли, что могу быть такой равнодушной к смерти. Я любила, можно сказать, обожала жизнь, радовалась ее малейшему проявлению. Знакомые считали меня оптимисткой. А сегодня сомневаюсь в том, что мы останемся в живых, но никакого отчаяния от этой возможной гибели не испытываю.

Опять пошли разговоры об эвакуации. Многие пробираются пешком по Ладожскому озеру. Чаще всего на это решаются подростки,

стремящиеся спастись. Многие погибают на озере. Изнуренные организмы не выдерживают страшного холода.

25 января

Участились перебои в выдаче хлеба. Очереди стоят чуть ли не с четырех часов утра, а к девяти хлеба нет. Сегодня мне пришлось простоять полсуток — с шести утра до шести вечера, — и только тогда я получила паек. Вместе со мной этот день простояла Варя, домработница моей тети. Когда мы вышли из булочной, Варя попросила разрешения опереться на мою руку, сама уже не могла идти. Я довела ее до дому. Она легла на корзине, стоящей на кухне, где было теплее.

26 января

Умерла Варя. Там же, на кухне, на корзине, где приткнулась вчера вечером. Как и когда это произошло, никто не знает. Вышли утром на кухню, удивились, что она так долго спит. Стали будить, а она уже холодная. Мимо корзины ходят дети, задевают труп. Решили перетащить Варю в комнату Каролины на ту кровать, где две недели пролежал труп старухи. Переносили Варю все жильцы сообща, потому что все обессилены. Моя мать шла впереди с огарком, освещала коридор, остальные несли покойницу: кто за плечи, кто за голову, кто за ноги. Теперь в доме столько смертей, что наша женщина-управдом совсем сбилась с ног. Первая и главная забота о хлебной карточке. В недавнем прошлом ее полагалось немедленно отобрать, чтобы на покойника не получали хлеб. В каждой семье, где кто-либо умирал, старались скрыть хоть на несколько дней смерть, чтобы попользоваться лишней хлебной карточкой. Теперь вышло специальное постановление: родственники покойного могут не сдавать карточки в течение десяти дней, так как этот добавочный паек предназначается на похороны. Ведь могилу никто не соглашается рыть за деньги. Обычно родственники уплачивают хлебом только за рытье общей могилы, что обходится гораздо дешевле, и, таким образом, за счет покойника можно подкормить себя и семью. На любые уловки идут люди, чтобы протянуть земное существование.

27 января

Сегодня хлеба нет — во всех булочных не было выпечки. И надо же случиться, что в такой тяжелый день произошел счастливый случай: словно по чьему-то велению явилась Маруся. За отрез на платье, шифоновую блузку и какие-то мелочи она принесла четыре килограмма рису. Сварили большую кастрюлю рисовой каши. У Маруси желание приобрести золотые часы. Досадно, что у меня их нет. Ма-

руся подарила мне свою рабочую карточку на продукты. Но, к сожалению, этот подарок реализовать нельзя: в кооперативах ничего нет, а в нашей столовой по рабочей карточке ничего не отпускают — к столовой прикреплены только иждивенцы военных. При попытке использовать карточку можно только налететь на большие неприятности. Получение обеда в нашей столовой забирает у меня половину дня. Это, кажется, самые мрачные часы сегодняшней нашей жизни.

28 января

Пришла Марианна Засецкая. Раньше такая всегда веселая, оживленная, хорошенькая. Посмотрела на нее и глазам своим не поверила. Стала какая-то маленькая, словно вся сжалась. Лицо — комочек серо-желтого цвета. Села к печке, там теплее. Я только что принесла хлеб и резала его на равные части, чтобы раздать всем членам семьи. «Дай кусочек», — просит жалким голосом. И дать не хочется и отказать невозможно. Протягиваю тонкий кусок, жадно выхватывает из рук и сразу начинает есть. Страшно думать до чего дошли люди! Хуже зверей. Я быстро убираю хлеб, чтобы не попросила еще. Обогревшись, начинает рассказывать. Все та же история. Она, мать и пятнадцатилетняя дочь, Катенька, переселились из района Мариинского театра недалеко от нас, на Пески, будто бы здесь спокойнее. Мать умерла и похоронена в общей могиле. Катенька слегла. Рассказывает все это Марианна тем же апатичным голосом, не слышится ноток страдания о потере матери, болезни единственной любимой дочери.

29 января

Слухи о возможной эвакуации все усиливаются. Этих разговоров терпеть не может мой дядя, который настолько слаб, что не надеется выжить, если его даже и увезут из Ленинграда. Действительно, дорогу ему не перенести. Тут, окруженный заботами жены, он еще может держаться.

Сегодня после обеда прошел слух, что Тихвин освобожден. Значит открылся путь на Вологду. Новые шансы на спасение.

30 января

Около четырех часов дня, когда дядя задремал, тетя открыла форточку и пошла на кухню. Она решила оставить его в покое — пусть поспит. Через полчаса, когда она вернулась, он уже был мертвый. Так и застыл в спокойной своей обычной позе. Перенесли его в холодную комнату. Тетя, обожавшая его всю жизнь, ведет себя, как все теперь ведут, — даже не плачет. Часов в шесть вечера с работы пришла Людмила. Я вышла открыть ей дверь и сообщила печальную

новость о смерти ее отца. Людмила горько разрыдалась, и только тогда как будто что-то дошло до сознания тети. Она упала в объятия дочери и долго вся сотрясалась от рыданий. Легче было видеть это, прорвавшееся наружу горе, чем ту страшную окаменелость, которую приходится наблюдать все время у всех ленинградцев.

2 февраля

По дороге из госпиталя зашла к одной знакомой, которую не видела несколько месяцев. Была поражена тем, что увидела: на столе огромный кусок масла, приблизительно с фунт, на сковороде шипят оладьи, а сынишка знакомой отказывается есть приготовленную ему гречневую кашу — она ему не нравится. Выяснилось то, что обычно выясняется в таких случаях: близкие родственники знакомой служат в кооперативе. Воруют и не знают нужды.

3 февраля

Мой малыш Юрий начинает покрываться нарывами. Почти на каждом пальце по нарыву. Пробовали вскрыть, но появляются новые. Мальчик начал хуже выглядеть. Главное, и у него появились признаки апатии, которой я боюсь больше всего. До последних дней он был единственным в доме бодрым и веселым. Копался во дворе, убирал снег, расчищал дорожки, колол дрова, а теперь тоже жмется к печке. Меня охватывает страшная тревога: старшего сына теряю в больнице, грозит опасность и малышу.

Врачи говорят, что за эту зиму вымерло очень много мужчин, к весне не выдержат женщины. Ведь женщины в общем выносливее, у них больший запас подкожного жира. Однако и они стали сдавать. Я сама замечаю, что у меня одна щека толще другой, тело превратилось в скелет, на руках синие жилы, ноги опухли, передвигаюсь с большим трудом. Если слягу, вся семья погибнет. Кто будет приносить те ломтики хлеба, которые полагаются по карточке?

4 февраля

Вчера поздно вечером раздался стук в парадную дверь. Меня спросил человек в полушубке с какими-то знаками различия на петлицах. Оказывается, он пришел за документами для эвакуации. Пока я разыскивала необходимые бумаги, он ходил за мной и светил карманным фонарем. Поневоле обратила внимание на его полное, холеное лицо. Словно человек из другого мира, случайно попавший на нашу планету. А между тем он тоже ленинградец, переживающий осаду. В сотый раз думаешь о том, насколько разным может быть положение у людей, пользующихся какой-то властью или возможностями, и людей рядовых, у которых, кроме хлебной карточки, больше ничего нет.

Посетитель забрал наши документы и уехал. Заявил, что завтра мы должны эвакуироваться.

5 февраля

Кончился день безумных хлопот. Окончательная укладка вещей завершилась в полной темноте. Не знаю, что взяла, что забыла. Мы устали так, что еле двигаемся. Мать моя, исхудалая и страшная, с признаками смерти на лице, тоже целый день копошилась, что-то складывала, связывала, собиралась, словно на дачу. Муж ездил в госпиталь за Димой. Я надеялась увидеть мальчика хоть сколько-нибудь поправившимся и страшно ошиблась: несколько дней назад у Димы началась дизентерия (это тяжелое желудочное заболевание в настоящее время свирепствует в нашем голодном городе). И несмотря на крайнюю слабость Димы, главный врач госпиталя все же советовал его увезти, так как в Ленинграде очень мало надежд на поправку. С помощью шофера муж принес Диму на руках в нашу квартиру.

Итак, завтра уезжаем. Вот наш состав: семидесятичетырехлетняя мать моя, ослабевшая настолько, что в ней еле держится душа, шестидесятипятилетняя няня с опухшими ногами и тоже подкошенная голодной зимой, тяжелобольной Дима, который сам передвигаться не может, маленький Юра, покрытый нарывами, и я. Я — единственная мало-мальски трудоспособная. Но тоже уже начала опухать и особенно сдала за последние дни. Будущее меня пугает. Куда мы доедем и где сможем устроиться? Тетя, которая после похорон дяди тоже должна эвакуироваться с дочерью и внуками, глядя на меня, тяжело вздыхает. Понимаю, что она очень сомневается в благополучном исходе нашей поездки. Ну что же — увидим. Делать нечего. Другого исхода нет.

Сегодня приходили прощаться знакомые. Встречусь ли я когда-нибудь с ними? На Ирину, крестную мать Юрочки, которая была так уверена, что голодать не придется, страшно смотреть. Она вся распухла, ее недавно красивое лицо превратилось в прозрачную маску. Голод невероятно меняет внешность людей. Все ленинградцы теперь какие-то иссиня-черные, бескровные, опухшие. Если бы для какого-нибудь фильма «ужасов» по требованию кинорежиссера загримировали бы действующих лиц под умирающих голодной смертью, то вряд ли получились бы такие уроды. Кроме Ирины, поражает меня и другая приятельница, Женя, которая еще несколько месяцев назад была изящной и красивой женщиной. Ничего не осталось от ее прежнего облика. Она всегда мало ела, а теперь провалившимися голодными глазами смотрит на каждый кусок. Еле добрались и Ирина Братус с мужем. Еще недавно здоровые веселые спортсмены, они

превратились в стариков. На счастье, у меня остался овес, который на днях принес муж и которого уже не стоило брать с собой. Из этого овса я устроила последнее угощение своим ленинградским друзьям. Надо было видеть, с какою жадностью глаза всех присутствующих устремились на большую кастрюлю, полную дымящейся жидкости. Я вспомнила, что ровно год назад, 13 февраля, в день моего рождения, все эти люди собрались у меня к традиционному ужину. Сколько было вкусных блюд и разнообразных вин! А после ужина танцевали до утра. И это было всего год назад! Теперь же похоже, что собрались привидения.

ИСХОД

(6 февраля — 2 мая 1942 года)

11 февраля

Вчера в десять часов утра высадились на платформе Череповца. Было холодно, валил снег, куда идти — неизвестно. Отвела маму в ближайший амбулаторный пункт.

Итак, Ленинград остался позади.

Но сначала надо восстановить в памяти эти дни. Шестого февраля я проснулась очень рано, было еще совсем темно. Почти с самого начала войны я просыпалась с чувством безнадежности и тоски, но в этот день впервые ощутила чувство надежды и даже радости. Сначала побежала в булочную получить хлеб на дорогу. Вернувшись, зашла по обыкновению в комнату Анастасии Владимировны, которой приносила ее хлебный паек. Хотя в комнате был полный мрак, взглянув в лицо старушки, я поняла, что она мертва. Вспомнила, как она боялась, что мы уедем. Вчера, узнав, что мы эвакуируемся, она пришла в полное отчаяние. По-видимому, этого последнего удара не выдержала. В самом деле, кто бы стал ей носить эти крохи, которые поддерживали жизнь в слабом теле? Кому нужен полутруп, если кругом умирают молодые, здоровые. Может быть, одинокая старушка осознала все это, и сил для сопротивления у нее больше не стало.

Чтобы не задерживать машины, вещи надо было перетаскивать на рассвете: отъезд назначен на восемь часов.Ясное морозное утро. Перед нашим домом блестят на солнце заиндевевшие деревья. В синем небе ни единого облачка. Я любила такие дни, когда мороз пощипывает щеки, а солнце и снег слепят глаза. Но теперь было не до того. С трудом усаживаются в машину старушки. Трудно уложить Диму. В автомобиле уже находится одна семья: мать какого-то военного, его жена и ребенок. Еще нужно заехать в госпиталь, где собрались остальные эвакуирующиеся. Всего три машины для тридцати человек. У госпиталя ждали долго, не менее трех часов — запоздала семья заведующего госпиталем. Окружающие говорили, что там не успели уложить многочисленные вещи. Наконец, появилась полнотелая, цветущая дама, элегантно и тепло одетая. С ней две упитанные девочки, примерно двенадцати-тринадцати лет. Кроме них, еще какая-то девочка со своей гувернанткой. Для подобных семей строгих правил эвакуации не существует. Это только простым смертным не разрешается брать с собой знакомых и друзей. Начали размещаться в машины, почему-то без конца менялись местами, пересаживались. В

кузов нашей машины втиснули какие-то громадные баки, в результате чего нельзя было повернуться. Оказалось, что в баках был бензин. Воздух стал сразу необычайно тяжелым. Разумеется, начальство выбрало себе самую лучшую машину, а наша, которая имела какой-то дефект, должна была двигаться между двумя другими. Хотя я мало интересовалась окружающим, но, помимо воли, обратила внимание на то, что семьи работников госпиталя выглядели прекрасно. В нашу машину попали еще первая жена заведующего госпиталем, скромного вида женщина лет тридцати пяти, и толстый мальчишка, их сын. Рядом с Димой он казался особенно румяным и цветущим, Дима же выглядел умирающим. Попали они к нам случайно, ибо полнотелая супруга Ешкелева не пожелала их присутствия в избранной ею машине. Третья же уже была набита до отказу.

Наконец, все готово. Последние приветствия. Вижу, как следом за машинами, напрягая последние силы, бегут мой муж и молодой военный, семья которого едет с нами. Вскоре мы теряем их из виду.*

Мелькают кварталы города, с которыми связаны все лучшие годы жизни. Проехали Знаменскую, выезжаем на Кирочную, бросаем последний взгляд на наш дом. Вот и Таврический сад, где я бегала еще ребенком. Дальше Педагогический институт, где училась. Промелькнул Смольный, потом знакомый пригород, дачные места, куда часто ездили по воскресеньям в битком набитых поездах.

А Дима все тяжелее опирается на меня. Ему плохо. Даю ему глотками вино, которое в последнюю минуту мне передал муж, стараюсь ободрить, уговариваю: скоро вырвемся из кольца, поедем на юг, куда он так стремился. Он поправится, будет опять учиться, будем все иметь. Все это я говорю ему, а сама ничему не верю.

Подъехали к Ладожскому озеру, и тут начинаются наши страдания. В автомобиле что-то ломается, машина дальше не идет, нас все обгоняют. Та машина, которая должна была следовать за нами и, в случае нужды, оказать помощь, обгоняет нас, и мы остаемся одни среди безграничного снежного поля. Шофер и его помощник мучаются с ремонтом. Становится все холоднее. Мимо нас непрерывным потоком идут машины, никто не останавливается, у всех единственное желание: как можно скорее переправиться через такое опасное место, как Ладожское озеро, которое подвергается беспрерывным бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Начинаются сумерки. От других машин и следа не осталось. А мы проедем пять минут, и снова остановка. Начинаем сильно мерзнуть. Чтобы затопить печур-

* Это было моим последним свиданием с мужем. Узнала после, что он искал нас, получив одно из моих многочисленных писем. Он не погиб от бомб и обстрелов, хотя вынес до конца блокаду. Умер же он в 1946 году от заражения крови. В то время в Советской России пенициллина не было. Эти сведения я получила от двоюродной сестры, живущей в Париже и переписывавшейся со старушкой матерью.

ку приходится вытаскивать баки с бензином, а то может произойти взрыв. Все это сложно, тяжело, мучительно.

Только в десять часов вечера дотянулись до противоположного берега. Надеялись, что нас там ждут две другие машины. Но их не было. Положение еще более усложнилось, так как никто не знал, на какой станции будет погрузка, где нам искать людей, ответственных за эвакуацию. Шоферы устроились на ночлег в какой-то избе, а нам пришлось в скрюченных позах провести ночь в машине. Это была бесконечная, томительная ночь. Наконец рассвело. Тут я решила взять в свои руки инициативу: настояла на том, чтобы машина шла в Войбокало, где находился госпиталь, к начальнику которого у меня была записка. Только двинулись в путь, началась тревога. Летали немецкие самолеты, стреляли зенитки. Через несколько километров нас встретили две машины, с которыми выехали из Ленинграда. Заведующий госпиталем осыпает нас упреками за то, что мы отстали. А на другой день я случайно узнала, что начальство всю ночь кутило, получив продукты на весь транспорт. Конечно, их мало трогало, что наша машина сломалась и что в ней находится умирающий мальчик. Единственное мероприятие, которое провел встретивший нас начальник госпиталя, заключалось в том, что он забрал из нашей машины своего цветущего сына. Но тут я уже не выдержала: почему в неисправной машине оставляют больного Диму? Меня поддержали попутчики. В результате Дима был взят на другую машину с тем, чтобы довезти его до Войбокало и устроить там в госпиталь. Позднее я увидела этот госпиталь: десяток палаток, разбросанных на снежном поле. Диму пришлось оставить в палатке, потому что его положение еще более ухудшилось. Наскоро попрощавшись с ним, отдала ему его паспорт. Начальник госпиталя, сопровождавший теперь нашу машину, торопил, нельзя было медлить, ибо наш поезд должен был отойти от станции через несколько минут.

Вот я со своими старушками и Юриком в вагоне. Но там ни одного свободного места. Уселись на своих чемоданах. Но кроме этих неудобств, были мучения другого порядка. Утром жена начальника и ее девочки достали жареных кур, шоколад, сгущенное молоко. При виде этого изобилия давно невиданной еды Юрику сделалось дурно. Мое горло схватили спазмы, но не от голода. К обеденному времени эта семья проявила «деликатность»: свой угол она занавесила, и мы уже не видели, как люди ели кур, пирожки и масло. Трудно оставаться спокойной от возмущения, от обиды, но кому сказать? Надо молчать. Впрочем, к этому уже привыкли за многие годы.

Ночная поездка хуже дневной. Руки отекли. Всю ночь надо было держать Юрика на коленях. Никому из соседей не пришло в голову хоть временно уступить место. Мама и няня тоже измучились. А ко всему этому стуки молотком в дверь на каждой остановке. Не знаю

кто — железнодорожники или санитары — оглушительно стучат в стены теплушки и кричат: «Есть у вас мертвые? Давайте их сюда!».

12 февраля

Вчера не успела дописать — клонило ко сну. Сегодня тоже ноги подкашиваются. Весь день проводишь в беготне и хлопотах. Напрасно я думала, что достаточно выбраться из блокады и жить станет легче. Приходишь к убеждению, что во всей стране одинаково: голод, нищета, болезни и смерть. Главное — ничего нет. Будто за полгода люди съели все запасы. Юрик допытывается: «У них тоже все склады сгорели? А кто их поджигал?». Я не нахожу ответа не только на его вопросы, но и на свои собственные.

Лучше продолжу рассказ о нашем путешествии.

Поезд тащился медленно, часами стоял на станциях и полустанках. На этих стоянках в бесконечных очередях выдавали по справкам обед и хлеб. Обед — суп и каша. Правда, в первый день выдали немного колбасы. Однако мои спутники умудрились стянуть у меня колбасу. Сидя всю ночь с Юриком на руках, я не имела возможности следить за своими вещами. В пути начались желудочные заболевания. Вероятно потому, что люди получили хоть немного еды, от которой совершенно отвыкли.

Поразительно: большинство пассажиров нашего вагона — представители интеллигенции, но вели себя самым бессердечным образом. На одной остановке няня вышла из вагона, задержалась и подошла в момент отправления поезда. Некоторые попутчики вынуждены были помочь ей взобраться в теплушку. И этот ничтожный факт привел к тому, что буквально все присутствующие набросились на меня с бранью за то, что я не слежу за своими старушками. У меня не было сил, чтобы как-нибудь противостоять этой орде злобных людей. Больше всех кричали те, кто имел в чемоданах продукты.

На четвертый день я решила высадиться в первом попавшемся городе, лишь бы прекратилась мучительная поездка. Мы подъезжали к Череповцу. Там у меня ни родных, ни знакомых. Но среди попутчиков была некая Гаврилова, которую я немного знала по Ленинграду и которая рассказала, что в Череповце у нее много друзей, она поговорит с ними и они помогут найти какое-нибудь пристанище. Я понимала, что сделать остановку крайне необходимо: маму дальше везти невозможно, она слабела с каждым часом, теряла последние силы от бессонных ночей. Кроме того, меня мучила мысль о Диме — отсюда, из Череповца, быть может, удастся съездить к нему в госпиталь.

Итак, мы на платформе череповецкого вокзала. Вокруг нас высокие сугробы. Над головой висит серое небо. Сыплется снег. От мороза прерывается дыхание. Я очень обрадовалась, когда можно было

оставить маму в переполненном больными амбулаторном пункте. Ведь я так боялась, что мать не перенесет страшной дороги и что на какой нибудь остановке на очередной вопрос: «Есть у вас мертвые?» попутчики скажут о маме. Отвратительный амбулаторный пункт в эту минуту казался спасением. Гаврилова отправилась на поиски в город. Мы стояли вокруг своих вещей. К нам подходили местные жители, выражали свое удивление, что мы высадились в Череповце. И тут же рассказывали, что в этом городе и его окрестностях свирепствует голод. Наконец, появилась Гаврилова. Сообщила, что нашла какую-то комнату. Отправились по темным узким улицам окраины. Хозяева этого жилища встретили нас угрюмо. Оказалось, что здесь больше всего боятся ленинградцев, потому что все они больные и голодные. На какую-либо помощь со стороны местных властей нечего было и надеяться. Так и наши хозяева, у которых кладовая была полна продуктов, вряд ли пошли бы в чем-либо навстречу. Я думаю об условности таких понятий, как «свои люди» и «чужие люди». Сейчас я больше всего боюсь, что Юрик вдруг не выдержит и попросит у хозяев есть.

15 февраля

Остановка в Череповце нас не устроила. Продовольственное положение здесь очень тяжелое. Население получает по 400 граммов хлеба и больше ничего. Правда, для местных жителей это еще не трагедия, потому что они имеют свои огороды, в какой-то мере обеспечены картошкой и овощами. Нам же, приезжим, существовать тут весьма трудно. Тем более, что эвакуированных в Череповце довольно много. Они задержались здесь проездом, как и мы, зачастую из-за болезни кого-нибудь из членов своей семьи. Главный начальник, ведающий делами беженцев, кратко и грубо заявил мне, чтобы я поскорее уезжала: проезжающим не отпускается хлеба больше чем на три дня. Прописаться в Череповце, при отсутствии родственников, нет никакой возможности.

16 февраля

С утра до ночи бегаю, стучусь во все двери. Первым делом надо получить разрешение на проживание в Череповце хотя бы на две недели, чтобы за это время хоть немного поправилась мама и смогла бы вместе с нами ехать на Кавказ. Второй моей задачей является получение разрешения на проезд в Войбокало за Димой. Я все же надеюсь, что ему стало лучше. Но все мои попытки ни к чему не привели: всюду отказ. Даже на кратковременное проживание в Череповце разрешения не дают: в городе много сбилось людей. Начальник НКВД, к которому я обратилась за пропуском для поездки в Войбокало, категорически заявил, что гражданскому насе-

лению ни под каким видом не разрешается ездить в прифронтовую полосу.

17 февраля

Забрала маму из амбулатории. Она слабеет с каждым часом. Няня тоже еле передвигает ноги. Кормить их нечем. Все советуют устроить их в больницу. Ходила к врачу, вызвала его на дом, обещал навестить завтра. Посмотрим, что он посоветует.

18 февраля

Сегодня старушек забрали в больницу. Правда, это только одно название — больница. В жизни не видела подобного лечебного заведения: невероятная грязь, постельное белье отсутствует, запах невыносимый, никакого ухода за больными нет.

Вчера вечером, возвращаясь из городской столовой, где за супом и кофе простояли почти весь день, мы с Юрием заблудились. Наш путъ лежит мимо церкви и кладбища, пройдя которое мы выходим на пустырь, потом опять начинаются улицы пригорода, на одной из которых мы живем. Очевидно я потеряла направление. Шли мы долго, никаких признаков улиц. Юрик устал, ноги проваливаются в сугробы, он все время спрашивает меня: где же мы? Тут я не на шутку заволновалась. Вокруг — ни одной души, не у кого узнать, где мы находимся. Сворачивали то направо, то налево, бродили больше двух часов, пока, наконец, не встретили одну старушку, указавшую нам направление. Получилось, как в страшной сказке, читанной в детстве: идет горемычный человек по неведомой земле, вокруг лес, да звери, над ним усеянное звездами небо; остановится он, подымет глаза к звездам, помолится и опять бредет. Голодный, вымирающий Ленинград оставлен. Вдвоем с маленьким Юриком мы затеряны в чужом городе. Не дают покоя постоянные думы о судьбе Димы и заботы о больных старушках. А ко всему этому издевательское, бездушное отношение людей, в руках которых сегодня наша судьба. Тех людей, от которых зависит хлебный паек, тарелка супа, угол, в котором можно приткнуться. Бывают минуты, когда хочется сложить руки, ни о чем не думать — будь что будет. Но человек устроен иначе: при всех бедах и несчастьях остаток сил он использует для того, чтобы ухватиться за соломинку. Главным стимулом для меня являются дети.

20 февраля

Ежедневно навещаю старушек — маму и няню. В больницу каждый день подвозят новых, полуживых ленинградцев, снятых с поездов. Каждое утро у двери больницы стоят широкие крестьянские

сани, куда складывают покойников. Трупы везут прямо в поле, хоронят в общей могиле, без гробов, без отпевания. Сегодня около входа в больницу я увидела молодую женщину, лет двадцати. Она сидела на снегу, к щекам ее примерзли слезы. Оказалось, что ночью у нее умер муж, такой же студент, как и она. Они женаты были меньше года, изголодались в Ленинграде, удалось вместе эвакуироваться. По дороге их сняли с поезда, отправили в эту больницу. Мужа, как особенно истощенного, оставили на лечение — и вот он умер. Потом там же я встретила молодую чету: он инженер, она студентка. Их тоже сняли с поезда, как обессилевших. Надеются окрепнуть и двинуться дальше.

21 февраля

Когда я прихожу в больницу, мама и няня первым долгом рассказывают о том, что произошло за истекшую ночь. Сегодня они сообщили, что скончались молодые супруги, на которых вчера я обратила внимание — инженер и его жена, студентка. Умерли они почти одновременнно. А еще ночью скончались четыре студентки, которых доставили в больницу очень поздно вечером. Мест не было, их положили на полу, в коридоре, а к рассвету они стали четырьмя трупами.

А матери моей все хуже и хуже. Она выпила слишком много молока, а в ее состоянии — это гибель: опасное заболевание желудка. Именно от такого заболевания примерно месяц тому назад умерла Зоя Михайловна Тарновская.

Обратила внимание на одну особенность: в больнице полно больных, большинство которых интеллигентные люди — инженеры, педагоги, студенты, а между тем никого из них не интересует, что происходит на фронтах. Может быть, постоянные думы о своей судьбе или голодное отупение приводит к потере интереса ко всему, происходящему за порогом больницы.

23 февраля

Уже не было даже слабых надежд на какую бы то ни было помощь. Казалось, мы с Юриком находимся в безлюдной снежной пустыне, и вдруг я открыла оазис. Бегая из одного учреждения в другое, случайно попала в эвакопункт. В комнате сидели трое: молодой врач, второй врач женщина и молоденькая девушка за пишущей машинкой. К моему изумлению, эти люди встретили меня очень приветливо. Расспросили, обещали помочь в розысках Димы, взяли письмо для него, а в случае, если Димы в госпитале уже нет, узнать, куда его отправили и где он может находиться в данное время. Конечно, многого сделать они не могли, тем более, что существуют строгие по-

ложения в отношении обеспечения беженцев и их дальнейшего передвижения. Но тем не менее стало легче на душе от приветливого слова, от искренней сердечной заботы.

На базаре, кроме клюквы, больше ничего нет. Покупаю клюкву, и мы едим ее вместе с печеной картошкой. Отношу это угощение и старушкам в больницу, так как больничная еда никуда не годится. Картофель удалось получить от одной крестьянки в обмен на отрез шерстяной материи.

25 февраля

Без конца пишу письма всем знакомым, адреса которых сохранились у меня. Посылаю телеграммы. Никаких ответов не получаю. Точно в бездонный колодец все бросаю. Чувствую себя отрезанной от мира. Думаю, что Робинзон Крузо был счастливым человеком: он твердо знал, что находится на необитаемом острове, что надо полагаться только на свои руки. А мы ведь среди людей.

Все хлопочу о возможности добраться до Вологды — надеюсь найти там Диму в одном из госпиталей. Мама в таком состоянии, что везти ее дальше невозможно. Врач утешает тем, что сердце у нее хорошее, но я все же боюсь, что ей не поправиться. На днях уходил транспорт на Кавказ. Умоляли начальника по беженским делам устроить нас, но он отказал, заявив, что это транспорт особого назначения. Потом стороной я узнала, что транспорт был предназначен для работников НКВД и ушел только наполовину заполненным. Впрочем, я уже привыкла к такой обиде, свыклась с сознанием, что даже во время страшного бедствия в нашей стране людей делят на «избранных» и на «парий».

26 февраля

Бездушное отношение к нам лиц, от которых зависит дальнейшая отправка, в некотором смысле имеет положительный результат: благодаря этим отказам и пребыванию моих старушек в больнице, я, хотя и с перерывами, получаю продление карточек на хлеб. Вот уже две недели я в Череповце. Хоть и с трудом, но мы с Юрой перебиваемся. За это время успела присмотреться к жизни города. Бог знает что в нем творится. Большие руководители, оказывается, регулярно, раз в неделю, а то и чаще устраивают пиры. Чего только нет на этих вечерах! И все это из фонда, выделенного голодающим ленинградцам. Город маленький, все, что в нем происходит, моментально известно. Я все это узнала от одной девицы, которая живет вместе с Гавриловой. Девица пользуется симпатией начальника горторга, присутствует на вечерах, которые он устраивает. Говорит, что на таких вечеринках еды всякой полно, а вино рекою льется.

26 февраля, ночью

Проснулась от какого-то непонятного беспокойства. Сон пропал. Зажгла лампу. Даже обычные тяжелые мысли не столько мучают, как неизвестное предчувствие. Очень неспокойно на душе. Хорошо, что Юра крепко спит. Не пошевельнулся, пока я пишу.

27 февраля

Пришла в больницу раньше, чем обычно — до десяти. Нашла маму мертвой. Она скончалась под утро. Няня, кровать которой стоит рядом, рассказала, что мама умерла спокойно. Но, очевидно, няня пыталась меня утешить, потому что другая соседка не скрыла от меня, что мама перед смертью страшно металась. И это, несомненно, так и было: у мамы скрючены руки, рот перекошен. Вообще она так изменилась, что, глядя на нее, не верится, что это моя мать, в прошлом такая красивая. Долго стояла у постели. Мучили угрызения совести, что не могла спасти ее и, может быть, не скрасила последних дней ее жизни. Ведь я вся была поглощена заботами о насущном хлебе, о спасении детей и слишком мало уделяла ей внимания. Даже похоронить ее не могу — не найти людей, которые согласились бы копать отдельную могилу. Да и гробов нет. Всех свозят в общую могилу. Эти могилы так и называются — «ленинградскими». Их много зарыто — молодых и старых, мужчин, женщин и детей, оставивших Ленинград, но не спасшихся от голодной смерти. Пока я стояла, пришли за мамой. Равнодушные люди забирают трупы, сваливают их в общую кучу. Около больницы меня ждет Юрочка, играет в снегу. Его щеки за эти две недели порозовели. Только он возвращает меня к сознанию, к мысли, что еще надо жить, что еще есть цель существования, что надо бороться, не сдаваться смерти, поглощающей столько жертв.

28 февраля

Остается одно: дождаться, пока няня выйдет из больницы (а няне стало лучше) и немедленно уехать отсюда. Уехать подальше от этого места, где свалилось на голову столько горя и бед.

А кроме горя и бед, еще много унижений. Чего стоит вымаливание карточек на хлеб. Даже врагу не пожелаю пережить то, что мне пришлось пережить за эти недели в Череповце. Еще счастье, что одна из сотрудниц городского управления приняла участие в моем безнадежном положении и продолжает выписывать мне талоны на хлеб и обеды. Она же каждый раз, когда я прихожу, уговаривает меня, как можно скорее уехать. Я понимаю ее: кроме участия, еще действует страх, ведь ей придется плохо, если начальство узнает об ее поступке.

3 марта

Вернулась из больницы няня. Но еще очень слаба, еле двигается. Ума не приложу, как мне придется везти ее дальше. От Димы известий нет. Получила из госпиталя в Войбокало справку, что Дима включен в число эвакуируемых. Больных вывезли на восток, но куда именно, выяснить не удалось. В эвакопункте узнала еще, что особенно слабых размещали по дороге в разных госпиталях. При той организации, которая существует в больницах и госпиталях, найти кого-либо не представляется возможным. Остается только надежда, что, если мальчик окреп, то, может быть, как-нибудь доберется до Иваново-Вознесенска, а там есть знакомые. Авось, поддержат.

5 марта

Все хожу на вокзал, делаю попытки уехать с транспортами, идущими из Ленинграда. Однако надежд почти никаких. Все эти транспорты необычайно переполнены, в Череповце посадки нет. А уезжать надо обязательно. И немедленно. Ведь вопрос о хлёбном пайке стал вопросом жизни. Если эта милая девушка прекратит выписку талонов, а это она вправе сделать каждый день, то погибнем голодной смертью здесь, в этом Череповце. Решительно ничего купить или достать здесь нельзя. Имея хлеб, я могу выменять его на молоко, которое так необходимо Юре. Обедов я уже давно не получаю. Только хлеб и спасает. На днях ходила вместе с Гавриловой в деревню, верст за десять. Надеялась обменять на продукты некоторые вещи. Вернулись ни с чем. Крестьяне гонят прочь, им ничего не нужно. Тем более, что раньше они уже достали все, что угодно: ковры, мебель, всевозможные ткани. После этих унижений дала себе слово больше никогда не ходить. Слишком обидно чувствовать себя нищей, выпрашивающей кусок хлеба.

7 марта

Хоть чуточку становится теплее на душе, когда встретишь какое-нибудь маленькое участие. Наш суровый хозяин немного оттаял — приглашает по вечерам к самовару. Конечно, можно рассчитывать только на кипяток, но и то слава Богу. Вдвойне теплее — от кипятка и сочувствия.

10 марта

Пришла телеграмма от тети из Сибири. Я ей сообщила о смерти мамы. Тетя спрашивает, чем она может мне помочь. А чем можно помочь, когда она в Сибири, а мы в Череповце? Пробовала отыскать одного старого знакомого, который был приятелем мужа. Знаю, что

он теперь занимает большой пост. Нашла его. Просила о помощи. Но вот именно помощи он оказать не может. Или не желает.

12 марта

Сегодня пошла на почту опять отправлять телеграммы во все стороны. Почему-то решила спросить «до востребования». Каково же было мое изумление, когда мне дают маленькое письмецо Димы. Оказывается, Дима уже не в полевом госпитале, где я его оставила, а в 3-м по счету, в Тихвине. От меня он так и не получил ни одного письма. Волнуясь о нас и о своей судьбе, он писал во все города, которые могли быть на моем пути. Череповец я как-то упоминала, как возможный пункт, где мы могли бы задержаться до весны. Письмо Димы было отчаянным: «Мама, где ты? Что с тобой ? Я не знаю, что делать, меня каждый день могут выписать, хотя я еще очень слаб. Куда я денусь? Без вещей, без денег, без эвакуационной справки на хлеб?» Все письмо было в этом духе. Послала ему деньги телеграфом, письмо и телеграмму. Затем опять бросилась по всем учреждениям, чтобы, на основании письма, постараться получить разрешение поехать за ним в Тихвин, который был в двух часах езды от Череповца. Всюду получила отказ. Тихвин — направление к фронту, полоса запрета, въезда нет.

15 марта

Будь что будет — решила уезжать. Сегодня же. Конечно, нет никаких перспектив на такую возможность. Но что делать? Возьму Юрика и няню, отправлюсь с ними на вокзал. Больше оставаться здесь нельзя. В хлебе отказали окончательно. И на прописку нечего было рассчитывать — я уже все испробовала. Если до Димы дошло хоть одно из моих писем и он узнает, что я в Череповце, то наверняка приедет сюда. Я умоляла врачей из эвакопункта, чтобы они оказали ему помощь, если он вдруг появится.

17 марта

Передо мной — зеркальное окно. За окном плывет сосновый лес. Я смотрю на этот лес, на сугробы, небо и не верю, что это действительность. Я сижу за столом, на котором стоит пишущая машинка, моя машинка, вывезенная из Ленинграда, и на которой я теперь должна работать. Но я еще не свыклась с мыслью, что все это произошло на самом деле, а не приснилось. Но надо все по порядку. Как я и решила, тогда же, пятнадцатого марта, расплатилась со своими хозяевами. Достала сани, на которые погрузила наши вещи. Мы брели за санями по снегу: няня, Юрочка и я. Потом нас догнала Гаврилова — в последнюю минуту она решила двинуться вместе с

нами. Так мы и прибыли на железнодорожную станцию. Там нам сказали, что ни одного состава из Ленинграда не ожидается — сильная метель, занесло дорогу. Но мы остались на вокзале, расположились кое-как на своих вещах. Просидели до десяти вечера. И вдруг, неожиданно пришел, будто вынырнул из метели, эвакуационный поезд. Я умоляла начальника поезда взять нас. Он отнесся сочувственно, но предупредил, что весь состав забит школярами-ремесленниками, которые дезорганизованы до последнего предела. Они могут разворовать вещи, способны отобрать у нас жалкие остатки еды. В общем он стал меня уговаривать дождаться следующего дня. Делать было нечего.

Решили вернуться в город, чтобы переночевать, а на следующий день начинать все сначала. Так и сделали: пришли к знакомым Гавриловой, спали вповалку на холодном полу, а утром — снова на вокзал. Еще когда подходили к станции увидели, что на путях стоят два состава. Один санитарный — чистенькие, новые, большие вагоны с наглухо закрытыми дверьми. Второй — с эвакуированными, грязными и изможденными людьми. Оказалось, что один вагон, теплушка, в этом составе был предоставлен для пассажиров из Череповца. Вот в него и надо было грузиться. А вокруг огромная толпа. Женщины с тюками, с сундуками, узлами, детскими колясками и прочим скарбом лезли в вагон. Дрались, орали, напирали друг на друга. Не знаю откуда хватило силы протолкаться и все-таки втиснуть свои вещи и втиснуться самим. Няню кто-то ударил сундуком по голове. Несчастная почти без сознания. Юрик в ужасе стал кричать и плакать. Именно он завопил, чтобы высадиться из этого ужасного вагона. И я не выдержала. Стала выбрасывать наши вещи из вагона на платформу. Вслед за вещами протиснулись и мы. С нами Гаврилова. Она разъярилась до крайности. Решила, что я окончательно сошла с ума. Однако в вагоне тоже не осталась. И вот мы опять столпились на платформе. Гаврилова настойчиво требовала, чтобы я отправилась к начальнику вокзала. Но я ничего не соображала. Не знаю как, но я начала рассказывать о своем горе красноармейцам из санитарного поезда, которые стояли рядом. И вот один из них, пожилой, усатый солдат, стал расспрашивать, где был оставлен Дима. И тут он сказал, что в поезде есть один мальчик в очках, что ему на вид, примерно, лет пятнадцать, только он очень слаб. Тогда у меня мелькнула безумная надежда — а вдруг это Дима. Я побежала к вагону, на который указывал красноармеец. Юрик, уцепившись за мою руку, бежал тоже. Опередив нас, усатый солдат вскочил в вагон. Я стояла у подножки ни жива, ни мертва. Может быть, прошла минута, не больше, как в дверях показался Дима: бледный, опухший, слабый до крайности, но живой. Ему помогли спуститься по ступенькам вагона, и я уже обнимала его. А он валился на снег — ноги не держали. Веро-

ятно, эта сцена растрогала окружающих. Толпа вокруг нас росла. Я бросилась благодарить бойца, который привел нас к этому вагону. Он же дал совет: «Обратитесь к начальнику поезда. Еще несколько минут будем стоять». Если бы он не посоветовал, мне бы в голову не пришло просить о посадке в этот сияющий, состоящий из салон-вагонов поезд. Я смотрела на эти салоны, как на что-то недосягаемое. Итак, я поднялась в штабной вагон. Мне удалось сразу найти главного врача. Сбиваясь на каждом слове, я рассказала ему свои мытарства. «Подождите одну минуту», — сказал он и быстро куда-то ушел. Действительно, через минуту-две он вернулся и предложил немедленно грузиться в санитарный поезд. Я бросилась назад, позвала няню, попросила людей, стоявших на платформе, помочь с погрузкой. Тут и Гаврилова мгновенно переменилась. Куда девалось ее озлобление. Только мы успели подхватить свои узлы и чемоданы, поезд двинулся.

Я чуть-чуть пришла в себя лишь тогда, когда уселась у широкого зеркального окна, того самого окна, у которого сейчас пишу. Я видела, как удаляется от нас Череповец. Сколько выстрадать пришлось в этом городе, где мы прожили месяц и шесть дней. Ведь эти дни могли показаться вечностью. Трудно с чем-либо сравнить радостное сознание облегчения, что мы покидаем это злосчастное место. И одновременно тоска сжимает сердце от мысли, что здесь в общей могиле похоронена мама.

18 марта

Сегодняшнее утро богато счастливыми минутами. Прежде всего мы хорошо выспались, впервые после многих тревожных дней и ночей. Я пошла к начальнику поезда, чтобы узнать, до какого места он позволит ехать. Когда он узнал, что ближайший большой пункт, Вологда, меня не устраивает, то разрешил ехать дальше: «Можем довезти вас до Байкала». Чтобы оформить наше положение в поезде, он предложил мне работать машинисткой. Тем более, что моя машинка была со мной. Спустя полчаса, я уже сидела в канцелярии штаба и предо мной лежали какие-то сводки — их надо напечатать. Мои опухшие пальцы не попадают на клавиши — последний раз я печатала месяцев пять назад. Надеюсь, что опухоль спадет, пальцы станут поворотливей. Главное, кажется, кончились унижения, выпрашивание куска хлеба. Ведь тут я по самому настоящему приказу служащая поездного штаба. Да и Юрик впервые в жизни оформлен по всем правилам, для того, чтобы ему был гарантирован паек, он включен в число санитаров, правда, без указания возраста. А возраст его всего-навсего неполных шесть лет.

Значит, мы спасены. Когда я пишу эти строки, поезд миновал Вологду, едем дальше, в Пермь. Мелькают занесенные снегом поля,

леса деревни. Поезд уносит нас все дальше. Позади бомбежки, обстрел, голод, мрак, смерть.

19 марта

Итак, мы теперь служащие санитарного поезда и едем, по-видимому, в Сибирь. Дима рассказал мне свои приключения в Череповце. Он все же получил одно из моих многочисленных писем и узнал о нашем с Юриком местонахождении. Он это передал начальнику госпиталя, который и решил отправить его с первым санитарным поездом, идущим в глубь страны, с тем, чтобы выпустить в Череповце. Санитарный поезд пришел в Череповец поздно вечером. Поблагодарив начальника поезда и распрощавшись с командой (от Тихвина до Череповца они ехали четыре дня, так что все уже были осведомлены о присутствии в их эшелоне мальчика, разыскивающего свою семью), Дима двинулся по имеющемуся у него адресу. Каково же было его разочарование, когда он узнал от моих хозяев, что я с Юриком и няней в тот же день утром выехала из Череповца. Хозяин передал ему те деньги и вещи, которые я оставила на всякий случай для передачи Диме, и он грустно побрел обратно на вокзал. На его счастье, поезд еще не ушел, и начальник, Дмитрий Александрович Казаков, согласился опять взять его и довезти подальше в тыл, хотя бы до Вологды. А в это самое время мы были еще в Череповце, но, не желая беспокоить моих хозяев, с которыми я уже рассчиталась и распростилась, ночевали все вместе у хозяйки Гавриловой и, уйдя утром на станцию, ничего не знали о том, что произошло. То, что мы встретились, было спасением Димы. Он был настолько еще слаб, что один никогда бы не смог преодолеть всех трудностей. Ни в один военный лазарет его бы не приняли, так как он не был военным.

Начальник поезда вызвал меня и спросил о моих планах. Я показала ему свою эвакуационную справку с назначением в Пятигорск. Этот же поезд шел в Сибирь. Дмитрий Александрович задумался, не зная, как лучше поступить с нами. Пока что решили, что доедем до Вологды, а там видно будет. Все-таки подальше в глубь страны.

Едем очень медленно. На каждой станции продолжительные остановки. Я этому бесконечно рада, так как боюсь опять остаться без крыши и без питания с мальчиками и няней, которая тоже еще очень слаба. Дима, Юрик и я получаем пайки, которые так велики, что мы их съесть не можем и делимся с няней и Гавриловой. Юрочку я почти не вижу, так как он целые дни проводит среди раненых. Все его полюбили и с удовольствием с ним разговаривают и развлекаются, а он уже знает их всех по именам и считает своими друзьями. Моя работа заключается в том, что я с утра печатаю военные сводки для комиссара поезда. Это не занимает больше двух-трех часов в день. Сначала комиссар довольно неодобрительно посматривал на

мою работу, так как пальцы в первые минуты отказывались повиноваться; они скорее похожи на какие-то деревянные обрубки, чем на часть человеческого тела, но уже через час мне удалось приноровиться, и он смягчился. Своим видом этот комиссар может напугать любого: высокий, толстый, с рябым лицом, красноватыми волосами и маленькими проницательными глазками под нависшими бровями. Он, да еще представитель НКВД, молодой бойкий малый, даже красивый, но неприветливый, с холодными серыми глазами, внушают мне некоторый страх. Остальная же команда поезда, особенно начальник и заведующий хозяйством, приняли нас, как своих близких. Диму начальник поезда перевел из вагона раненых красноармейцев в вагон обслуживающего персонала, в котором спим и мы с Юриком. Это было очень любезно с его стороны, а мне очень удобно, так как я теперь хожу сама на кухню за обедом для всех нас. Повар оказался пресимпатичнейшим украинцем, которого, видимо, тронула наша судьба, и он мне всеми средствами помогает подкармливать Диму.

20 марта

Нам разрешено продолжать путешествие с санитарным поездом и после Вологды. Комиссар, которого я так первые дни боялась, дал хороший отзыв о моей работе уполномоченному НКВД, и ему мы, видимо, своим присутствием не мешаем, он нас даже не замечает, так как всецело занят своим романом с хорошенькой медсестрой. Думаю, что это она влияет на него благотворно, так как она очень привязалась к Юрику, напоминающему ей ее маленького брата, и все свободные от службы и любви часы она таскает Юрия по вагонам с ранеными, забавляется с ним и всегда в хорошем настроении. От чего иной раз зависит судьба человека!

Благодаря этому новому решению начальства оставить нас в поезде до Сибири, я меняю свои планы и думаю, что самое лучшее — нам всем поехать к двоюродному брату в Сибирь, куда он эвакуировался из Москвы несколько месяцев тому назад и устроился по своей специальности в театре. Главную роль в этом решении играет желание не расставаться с командой санитарного поезда. Отношение к нам всех этих людей настолько отличается от всего того, с чем пришлось столкнуться за время наших скитаний, что я просто боюсь их потерять.

22 марта

Сегодня, проснувшись рано утром, я услышала переговоры двух молодых сестер, спавших в том же отделении, что и мы с Юрием. Они говорили о каком-то новом распоряжении, полученном накану-

не вечером. Направление поезда изменено. Вместо Сибири, мы едем на север, в Соликамск. Будто бы там должны выгрузить всех раненых (значит, и нас), и поезд налегке двинется опять на фронт за новым грузом. Я сразу же пошла к начальнику узнать лично от него о перемене маршрута и о нашей судьбе в связи с этим. Дмитрий Александрович подтвердил услышанный мною разговор. В Соликамске он действительно должен разгрузить весь поезд, остаться должна только одна команда. Я ему сказала, что у меня нет ни одной души знакомой в этом городе, что меня пугает перспектива очутиться опять с детьми и старушкой в таком отдаленном, северном и холодном городе в полной неизвестности. Переговорив с комиссаром, начальник пообещал мне довезти нас обратно до Перми, а потом уже решать дальнейшее. Это был великолепный выход из положения. Во-первых, еще не меньше недели мы могли оставаться в санитарном поезде, а это в настоящих условиях уже очень много. Кроме того, через этот промежуток времени мы опять будем на главной магистрали, идущей в Сибирь и на Кавказ. На дальнейшее пребывание в санитарном поезде больше надежды не было, так как после сдачи раненых им было предписано немедленно двигаться к Ленинграду. Доктор Казаков объявил мне, что санитарные поезда тоже подвергаются обстрелам и бомбежкам. Им уже неоднократно приходилось выбрасываться из поезда и прятаться от бомб в ближайших к полотну железной дороги канавах, лесах, а иногда просто лежать в открытом поле. «Нельзя вам рисковать тем, что ваши дети будут убиты на ваших глазах», — привел он самый убедительный для меня аргумент, повлиявший на мое решение.

23 марта

Едем мимо Урала на север. Сижу часами около громадного окна штабного вагона, где теперь устроено мое бюро и любуюсь необычайно красивой, суровой северной природой России. Много слышала раньше о красотах Приуралья, но видеть пришлось впервые. Завтра должны быть в Соликамске. Юрик уже грустит, что придется расставаться со всеми его приятелями, ранеными. Вчера вечером офицер хозяйственной части, очень славный человек, который невероятно балует Юру, разрешил ему изображать дежурного по поезду. Надо было видеть гордость Юрика, ушедшего до ушей в большую офицерскую фуражку, с кобурой от револьвера на поясе и с невероятно серьезным видом марширующего по коридору штабного вагона. Все начальство, включая комиссара и начальника поезда, наблюдали эту картину, сдерживая улыбки, чем еще более способствовали уверенности Юры, что он действительно настоящий дежурный при исполнении своих служебных обязанностей.

24 марта

Все утро выгружали раненых. За это время — восемь дней пути все так сжились, что расставание было крайне тяжелым. Мы, окрепшие и как бы переродившиеся в этой благоприятной для нас обстановке, тоже реагировали иначе, чем два месяца назад в голодном Ленинграде, когда равнодушно переступали через трупы. Окаменелость и безразличие, свойственные всем ленинградцам этого периода, исчезли. Юрик просто рыдал, когда уносили на носилках всех его друзей. Мне тоже было весьма грустно. Хорошо знаю, что эти мальчики далеко не последние. Сколько еще жертв будет принесено этой войне?

26 марта

Едем обратно пустым эшелоном: команда, да нас пять человек. Дима так поправился за это время, что его не узнать. Точно на курорте побывал. Поезд по-прежнему часто стоит на станциях. Такое впечатление, что никто не торопится. Откровенно сказать, меня это удивляет, ведь всем известно, какой у нас недостаток в транспорте. На остановках нам разрешают уходить в лес, в близлежащие деревни. Команда почти каждый день занимается всевозможными военными упражнениями. Юрика они берут с собой, к великому его удовольствию. Возвращается с этих занятий он таким румяным, свежим и здоровым, что трудно представить, что это тот же ребенок, который еще так недавно, бледный и апатичный, переставал уже реагировать на жизнь.

27 марта

Сегодня совершили поход в деревню и обменяли там на разные вещи целую ногу телятины. Здесь крестьяне не избалованы так, как под Ленинградом, и очень падки на всякие носильные вещи, в которых чувствуется большой недостаток. В эти морозы (теперь больше 40°), многие даже не могут выйти на улицу, так как нет теплой обуви и одежды. Так что пара валенок здесь на вес золота. По возвращении в поезд телятина была передана повару, и он нам устроил настоящий пир, прибавив еще к жаркому соответствующий гарнир в виде картошки и овощей. Вся команда была приглашена.

В нашем купе три девушки в чине лейтенантов, они целыми днями теперь играют на гитарах и поют песни.

Путешествуем весело. Вот только с моей старушкой произошел такой казус, что представитель НКВД чуть ее не высадил. Она решила гадать на картах. Конечно, вся молодежь команды обступила ее в большом оживлении и не заметили проходящего Данилова. Последний рассердился невероятно и пригрозил, что снимет с поезда. Бед-

ная старушка перепугалась до смерти, запрятала свои карты и сидит ни жива, ни мертва. Особенно ей неприятно, что она лишилась всех тех богатых преподношений, которыми оделяли ее восторженные поклонницы ее таланта. Наши девушки тоже взгрустнули, не слыша больше предсказаний о таинственном трефовом короле и предстоящем свидании или о ревнивой сопернице и победе над нею.

1 апреля

Поезд опять подходит к Перми. Я рассказала начальнику, что у меня здесь недалеко двоюродная сестра с сыном, эвакуированные с Эрмитажем из Ленинграда в начале войны. Он мне предложил их разыскать. Поезд застрянет в Перми на несколько дней. Очень хотелось бы повидаться и поговорить с Мариной, а может быть даже остаться с ней, но все-таки пересилило желание не покидать поезд и наших друзей, с которыми так хорошо провели больше двух недель. Сегодня Дмитрий Александрович высказал мне, что он и его сослуживцы не возражают, если мы останемся в поезде еще некоторое время, несмотря даже на возможность неприятностей со стороны инспекций, которые изредка наведываются в подобные поезда. Все же он считает, что самый важный вопрос тот, о котором он мне говорил раньше, — опасность бомбежек и обстрела. У меня еще другие сомнения: нужно помочь няне добраться до ее родины — Горьковской области, где она мечтает прожить до конца войны. Беспокоит меня и вопрос, что делать с Юрием. Окруженный всеобщей любовью и вниманием, он совсем от рук отбился. Бывают случаи, что поезд трогается, а его нет в вагоне. Не спрашивая никого, он вылезает из вагона на остановках. Для ребенка такая жизнь на колесах совершенно ненормальна. И, наконец, станции и железнодорожные пути ужасно загрязнены. Ведь идут непрерывные эшелоны товарных поездов, набитых эвакуируемыми, уборных в поездах, конечно, нет, и все совершается прямо на путях, между вагонами, убирать же некому. При таком холоде это не опасно, а что будет, когда наступит весна? Доктор Казаков предвидит сплошные болезни.

6 апреля

Всю дорогу от Перми до Кирова промучилась сомнениями. Страшно было покинуть санитарный поезд и всех этих отзывчивых людей, помогших нам в такую трудную минуту. Два дня тому назад утром я стояла в штабе и изучала карту, когда подошел Дмитрий Александрович и сказал: «Видно, вас все еще тянет на Кавказ, а я бы советовал ехать в Сибирь, там все же будет безопаснее, поезжайте к моей семье (он был из Красноярска), они вас примут, помогут».

Какое-то чувство мне подсказывает, что он прав. Не раз приходилось слышать, что люди в Сибири особенные, гостеприимные, как

нигде. Страна была всегда богатой, и люди там большого размаха, не мелочные. Да кроме того, у меня набралось много писем, как от Дмитрия Александровича, так и от других служащих поезда к родным и знакомым. Этот поезд формировался в Красноярске, и многие из команды были уроженцами Сибири. Мысли о Кавказе мешали принять это благоразумное решение. Фронт от Пятигорска был так далек, что как-то даже странно было думать об опасности. Главное же, что нас всех, а особенно Диму привлекало, — солнце и тепло юга. Не видно было конца зимы. С октября мерзли в Ленинграде, вначале от недостатка топлива, а с декабря, когда все окна были выбиты и заделаны фанерой, и топливо не помогло бы — все равно жили, как на улице. В Череповце во время нашего пятинедельного пребывания тоже стояли сильные морозы. Теперь перспектива ехать в Сибирь, где ещё не скоро наступит лето, пугала всех. Мучительно колебалась. Решение было принято как-то сразу, сегодня утром. Быстро сложили немногочисленные вещи, бывшие с нами, более крупный багаж был не распакован. Команда помогла нам перенести все вещи на другие пути, по которым должен был идти поезд на Горький. Через Горький лежал наш путь на Кавказ. Пришлось наскоро распроститься с нашими друзьями, которые не могли долго задерживаться, ибо их отпустили только на полчаса.

Когда поезд подошел, стало ясно, что нам не пробиться через густую толпу, стоявшую на платформе, на лестницах в вагоны, в проходах, на буферах. Люди сидели и лежали на крышах вагонов, гроздьями обвисали весь поезд. Видя наше замешательство и даже отчаяние, какие-то услужливые люди подхватили наши чемоданы и старались протолкнуть нас, но в эту минуту поезд тронулся, нас оттолкнули, а часть вещей осталась в поезде. На наше счастье заведующий хозяйством санитарного поезда, Новоселов, лучший приятель Юры, возвращался из Кирова, где у него жила сестра, с которой он провел весь этот день и должен был нагнать санитарный поезд позднее вечером. Он взял инициативу в свои руки, помог нам сдать багаж на хранение (камера хранения багажа была настолько переполнена, что от гражданских лиц вещи уже давно не принимались и весь народ сидел на своих вещах на привокзальной площади под дождем и снегом). После этого он устроил нас в большую светлую комнату над помещением вокзала, где могли ночевать только семьи командного состава. Пробирались мы в эту комнату с невероятным трудом через лежащих вплотную людей, которыми был заполнен весь вокзальный зал и которые еще были счастливцами в сравнении с народом, проводившим ночь на дворе. Мы случайно оказались «в первом кругу» людей нашей страны, где так много кричат о равноправии. Это положение «избранных» было крайне приятным, особенно когда я увиде-

ла застланные чистым бельем кровати и когда, подойдя к окну и открыв занавеску, посмотрела, что делается на площади.

С апрельского неба вперемежку с дождем падал снег.

8 апреля

Вчера в десять часов вечера мы благополучно прибыли в Горький. Отъезд из Кирова был нелегким. Зная уже, как трудно влезть в поезд, я заранее наняла двух здоровых красноармейцев (еще, вероятно, не побывавших на Ленинградском фронте!), которые ехали в том же направлении, что и мы, и у которых, к счастью, не было вещей. Они охотно согласились нам помочь. Растолкав локтями толпившихся у дверей вагона людей, они с молниеносной быстротой протолкнули нас и наши вещи внутрь, так что мы пришли в себя уже на полу переполненного вагона. Во всяком случае, на этот раз все были вместе: няня, Гаврилова, Дима, Юрик и я, а с нами наш еще более теперь немногочисленный багаж. Все сидели на полу, да и то тесно сжавшись, так как мест свободных не было, даже в сетках для багажа примостились люди. Юрика тотчас же забрал какой-то военный с бесконечным количеством орденов на груди и так и не отпускал его всю дорогу до Горького, уступив ему даже уголочек своей скамейки, где устроил ему нечто вроде постели. Хотя вагон был переполнен до отказу, от духоты трудно было дышать и все члены затекали от скорченного, неудобного сидения на полу, я была так счастлива, как никогда раньше, когда, бывало, в мирное время международный вагон уносил меня из Ленинграда на приморский курорт в Крым или на Кавказ. Как все в жизни относительно!

В десять часов вечера на следующие сутки подъезжаем к Горькому. И здесь пахнет войной. Вокзал затемнен до такой степени, что ни зги не видно. Начинается процедура сдачи наших вещей в камеру хранения. К моему удивлению, здесь это происходит много легче, чем в Кирове. Видимо, меньше беженцев. Ко мне подходит какой-то человек в штатском и предлагает провести в комнату «матери и ребенка». Я иду за ним и нахожу, что здесь несравненно лучше, чем на Кировском вокзале, где люди спят и сидят на полу. Со мной Юрик, Гаврилова же с Димой и няней заняты перетаскиванием вещей. В то время как няня осталась караулить последнюю партию вещей, сторож в темноте, царящей повсюду, закрыл калитку, выходящую на перрон. Перепуганная старушка начинает звать на помощь. Дима в ужасе мечется по другую сторону чугунной решетки. Прибегает ко мне, чуть не плача. Оставляю с ним Юрочку, а сама иду к начальнику станции, который хоть и обругал меня, но все-таки дал распоряжение открыть калитку. Наконец, мы все благополучно собрались в комнате матери и ребенка и стали обсуждать наши дальнейшие действия. Пятигорск, куда мы стремились, был еще очень далек, и как

туда добраться? Я вспомнила, что в Горьком когда-то жила моя большая приятельница юности, Вера. Возможно, что она никуда не переехала. С начала войны я не получала от нее никаких известий. Надо было найти телефон, в существовании которого я была далеко не уверена. Уже почти шесть месяцев, как телефон был нечто, отошедшее в вечность. Была радостно изумлена, когда не только телефон, но и телефонная книга оказалась в моем распоряжении. Веру нашла очень легко, она даже жила на той же самой квартире, как семнадцать лет назад. Пригласила всех к себе. Не надеясь найти в такой поздний час какой-либо транспорт, мы двинулись пешком. От вокзала это было километров пять. Счастливая случайность — на площади стоит пустой трамвай. Должен совершить последний рейс в центр города, куда нам и нужно. Вылезаем у Черного Пруда, место знакомое мне еще с детства, где детьми катались на коньках. Город за те семнадцать лет, что я в нем не жила, очень изменился, а полное затемнение способствовало еще более тому, что все казалось каким-то чужим и странным. Много снегу. По-видимому, тоже некому убирать, как и в других городах. Посреди улицы — узкая тропинка между сугробами. Бредем гуськом. Вся эта картина создает какое-то впечатление нереальности. К тому же усталость и все пережитые волнения. Мне начинает казаться, что я сплю и мне снится сон. Иногда во сне бывает такое ощущение, кажется, что ты уже была здесь, шла этой дорогой, видела эти места, город, дома, но в то же время не можешь отдать себе ясный отчет и вспомнить, когда и где это было. Не можешь найти то, к чему стремишься, и плутаешь, плутаешь без цели. Я высказываю эти мысли вслух и ужасно пугаю ими Юру. Он начинает плакать. Наконец все-таки добираемся до дома, где живет Вера с дочерью Наташей. Значит, опять посчастливилось, есть кров над головой.

11 апреля

На другой же день по приезде мы с Димой отправляемся к одному доктору, который раньше лечил всю нашу семью, а теперь оказался «большим» человеком, членом горсовета и весьма влиятельным лицом в городе. Важное положение не изменило его характера, он остался тем же милым дядей Сашей, как мы его звали раньше. Принял нас удивительно сердечно и сразу же дал несколько рекомендательных писем к разным ответственным лицам города. Его имя оказало магическое действие. Не пришлось стоять в длинной очереди перед дверью горкома партии. Я передала служащему, проверявшему документы, письмо дяди Саши. По привычке приготовилась долго ждать. Оказалось, что имя доктора Иванова заключало в себе большую силу. Служащий горкома растолкал народ, стоящий впереди меня, и любезно пригласил следовать за ним. Провел прямо в кабинет того,

перед кем трепетал весь город. Это был кабинет секретаря Горьковского горкома партии. Через каких-нибудь десять минут я уже выходила с тремя справками на руках: две из них означали специальные пайки, а одна была дана на выезд из Горького особым транспортом, идущим в направлении Кавказа.

13 апреля

Полученное нами продовольствие по справкам горкома привело в восторг и полное недоумение Веру и Наташу. В Горьком тоже господствовал голод. Выдачи продуктов по карточкам с первых же дней войны были очень ограничены. Часто нельзя было получить того минимума, который причитался жителям Горького. Вечно что-нибудь отсутствовало. Продовольствия, выданного нам в двух распределителях, хватило бы на несколько семей. Главное же заключалось в том, что в этих пайках были и такие продукты, которых жители не видели уже с самого начала войны. Везде одно и тоже. Только на этот раз по какой-то счастливой случайности мы попали в число привилегированных.

15 апреля

Сегодня я предприняла разные ходы в отношении нашей отправки. Так как на нашей эвакуационной справке стоит место назначения Пятигорск, то горьковское начальство, несмотря даже на рекомендации дяди Саши, не будет очень осчастливлено нашим долгим присутствием в голодном городе. Не могу забыть пребывания в Череповце и вечного вымаливания продуктовых карточек. Кроме того, война в Горьком очень чувствуется. Довольно часто бывают перебои с хлебом. Жители бегают из одной лавки в другую и возвращаются с пустыми руками. Конечно, не голодают так, как в Ленинграде, ибо деревня все же снабжает молоком и овощами. Цены на эти продукты, правда, недоступны для среднего обывателя: литр молока 60 рублей, кило моркови тоже 60, масло 700 рублей кило, и все в этом роде. У меня с собой четыре тысячи рублей, это даже меньше, чем на шесть килограммов масла.

Затемнение постоянно напоминает о грозящей опасности. Изредка пролетают самолеты, по-видимому, вражеские, зенитки стреляют, кое-где падают бомбы. Все время идут разговоры о быстром продвижении немцев, о взятии все новых городов и населенных пунктов. Даже говорят о том, что Горькому может грозить опасность вторжения немцев. Последнее, думаю, выдумки паникеров. Все же надо хлопотать об отъезде. Спаслись из Ленинграда и опять все сначала переживать в Горьком, это уже совсем дико. Тем более, что какая-то реальная возможность отъезда предвидится.

18 апреля

Уезжать из Горького мне очень не хочется. Под покровительством дяди Саши живется прекрасно. Продовольствия сколько хочешь. Все удивительно хорошо относятся, стараются во всем помочь. Из любопытства я заглянула в одно из еще не переданных по назначению писем, данных мне дядей Сашей, чтобы понять причину такого непривычного и исключительного к нам отношения со стороны «сильных мира сего». Прочтя же, смеялась до слез. Дядя Саша, зная хорошо нравы наших властителей, великодушно произвел моего мужа в начальники всего ленинградского военного транспорта, когда он был всего только начальником транспорта эвакуационного пункта, которых в Ленинграде, конечно, не один. К счастью, горьковское начальство или не разобралось или не хотело разобраться, ибо эта справка была подписана членом горсовета доктором Ивановым, имеющим в Горьком такой вес, что невозможно даже усомниться в правоте его слов.

20 апреля

Вера умоляет меня не уезжать из Горького, а одна крупная местная организация советует ехать в Сибирь с особым транспортом, идущим на озеро Байкал. Я опять колеблюсь и не знаю, на что решиться. Оба предложения заманчивы. Байкал же так далеко, что туда уж никак не докатиться войне. Опять мои сомнения разрешаются помимо меня. Телефонный звонок, и начальник Горьковского эвакуационного пункта, к которому у меня тоже было рекомендательное письмо от дяди Саши, сообщает, что сегодня же уходит поезд на юг, и три вагона по направлению Минеральных Вод. Для нас всех есть места. Укладываемся в страшной спешке. Продовольственные запасы оставляем Вере, кроме хлеба, который надо взять с собой, чтобы не попасть в затруднительное положение. Мы привыкли ценить хлеб дороже золота. Даже такая роскошь, как такси, проезжает мимо, мы его останавливаем и благополучно добираемся до вокзала, где на путях уже стоят вагоны специального транспорта на Кавказ. В вагонах на Минеральные Воды уже ждут люди, такие, как мы, эвакуированные из Ленинграда и задержавшиеся по разным причинам в Горьком. Устраиваемся опять в товарных, но на этот раз довольно прилично оборудованных вагонах. Второй этаж представляют собой деревянные настилы, на которых вполне можно спать. Посередине — печурка для приготовления еды. Так как в каждом вагоне не больше двадцати человек, то места вполне достаточно. Публика, на первый взгляд, производит приятное впечатление. Не видно лиц, подобных тем, с которыми пришлось совершать путешествие из Ленинграда до Череповца. Чудный весенний вечер. Солнце заходит. В ожи-

дании отъезда мы стоим с Верой на берегу разлившейся Оки и вспоминаем юность, проведенную вместе в Горьком. Здесь все для меня такое близкое и родное. Вера тоже волжанка, только она из Саратова. Она вышла замуж за моего друга детства и с ним переехала в Горький. В тот же год и я вышла замуж, и наши дети родились почти одновременно. Нас связывало многое, а теперь надо было расстаться в такое тревожное время и кто знает, надолго ли?

23 апреля

Старушка няня захотела слезть с поезда на станции Оброчное, где у нее живут родственники и откуда она сама родом. Путешествие в неизвестность, на Кавказ, после всего пережитого и перенесенного ею, казалось особенно страшным. Ведь я сама ехала туда, не зная даже, жива ли сестра мужа, жившая раньше в Пятигорске. Ответа на мою телеграмму с запросом из Череповца я так никогда и не получила. Взять на себя ответственность и уговаривать няню продолжать с нами путешествие в неизвестность я не могла, и мы расстались, тоже не зная, встретимся ли когда-нибудь.*

Расставание с няней обострилось еще грустью воспоминаний. Мы проезжали мимо бывшего имения моего отца. Колонны белого дома, просвечивающие среди еще голых деревьев, большой старый парк вокруг, въездные ворота, широкая аллея, ведущая к подъезду — все это, как сон, промелькнуло перед глазами, вызвав в памяти бесчисленные картины прошлого, детства, которое в памяти каждого человека остается светлым пятном.

25 апреля

Жизнь не дает времени предаваться воспоминаниям и грустить. Сегодня наш вагонный уполномоченный принес тревожное известие. Наше направление было Поворино — Сталинград, но железнодорожное начальство, перепутав, по-видимому, свернуло наш транспорт на станцию Лиски, откуда дорога шла на Ростов. Мы стали обсуждать создавшееся положение и поняли всю оплошность, допущенную железнодорожниками: эта дорога проходила недалеко от линии фронта и, что было самым главным, на ней не было эвакопунктов, снабжающих нас, беженцев, продовольствием.

---

* Ни с Верой, ни с няней не пришлось больше встретиться. Относительно Веры я узнала всего несколько лет тому назад, что она пережила войну и живет теперь в Москве с замужней дочерью Наташей, мужем дочери и внуком. Няня умерла через год, то есть в 1943 году. По-видимому, истощенный ленинградским голодом организм не поправился, и у нее не хватило сил преодолеть еще многие затруднения, порожденные войной. Она умерла у себя на родине среди своих односельчан и родных.

27 апреля

Завезли нас на станцию Лиски и предали забвению. Стоим на 13-м пути, кругом ни души, вблизи какие-то полуразбитые составы, отдельные вагоны, полная мерзость запустения. Положение становится угрожающим. Запасы продуктов у всех обитателей нашего вагона уже несколько дней не пополняются. Даже воды трудно добыть. На наше счастье, мы получили так много хлеба перед отъездом из Горького, что не только сыты, но еще делимся с одной женщиной, у которой двое детей и весь взятый в дорогу хлеб вышел. Если это положение затянется, то опять будем голодать. Дима просто в ужасе. Больше всех возможных опасностей, он боится повторения ленинградского голода. Он считает, что наш уполномоченный по вагону недостаточно энергичен. Веря в меня, он убеждает всех поручить хлопоты с отправкой мне. В результате все действительно решили, что женщине в таком положении легче чего-нибудь добиться, и выбрали меня представительницей нашего маленького транспорта из трех вагонов. Со мной двинулись все женщины и дети. По дороге, чтобы ободрить их, я напомнила, что революцию в Петрограде в 1917 году делали женщины, изведенные очередями и вышедшие на улицу с плакатами и требованиями «хлеба».

В первой же инстанции, в горсовете, потерпели полное фиаско. Заведующий горсоветом, к которому мы всей оравой проникли, остался непоколебимым, наша делегация никакого впечатления на него не произвела, несмотря на все наши просьбы, он повторял все то же самое: «У меня здесь эвакопунктов нет. Кто должен давать вам хлеб? Не могу же я уделить вам из норм, полученных на население города, тогда они будут голодать». Стараясь употребить все свое красноречие, я доказывала, что из годичных запасов можно же выделить на двадцать человек, чтобы не дать людям, вырвавшимся из блокады, умереть с голоду на станции Лиски. Ничего не помогло. Представитель власти, кстати весьма цветущего вида, упорно стоял на своем и уже начал раздражаться нашими просьбами. Вид измученных женщин и детей совершенно его не трогал. Глядя на его тупую красную физиономию, я подумала, что, наверное, он немало присваивает этих, оберегаемых им запасов. Конечно, сказать что-либо подобное не осмелилась, боясь испортить еще более наше положение и чувствуя себя ответственной за наш транспорт. Да и двадцать пять лет советской власти приучили нас всех к молчанию. Так, не солоно хлебавши, мы покинули первый пункт наших надежд. Второй инстанцией было НКВД, где нам все же удалось разжалобить молодого дежурного, который извлек откуда-то талоны на обед. Это уже было большим достижением. Правда, на получение целого обеда для каждого человека из нашего транспорта этих талонов хватить не могло, но мы все-таки разделили так, что каждый что-то получил. Теперь

оставалось добиться самого главного — немедленной отправки наших трех кавказских вагонов. Об этом надо было договориться с начальником станции. Железнодорожники оказались самыми сговорчивыми и отзывчивыми людьми. Кроме того, им было совершенно ясно, что с нашим транспортом произошло какое-то очередное недоразумение и кто-то из дежурных по нерадению отправил наш состав на дальний запасный путь, где он мог простоять еще очень долго, если бы мы не всполошились и не пошли хлопотать. Выразившись очень резко по адресу своих коллег, допустивших такую ошибку, они нам пообещали немедленно отправить наши вагоны дальше на Ростов. Мы вернулись с этой радостной вестью к ожидавшим нас в вагоне старикам и инвалидам, которые не могли принять участия в нашем походе. Действительно, через полчаса вагоны задвигались, нас прицепили к какому-то составу, и мы покинули злосчастную станцию Лиски.

29 апреля

Приближаемся к Ростову. Весна в полном разгаре. Дверь теплушки закрывается только на ночь. Погода дивная. Перед нами мелькают поля, луга, деревни, все это залито весенним солнцем. Как-то становится легче жить, и опять появляются надежды на лучшее будущее. Юрик занимает место перед настежь открытой дверью с раннего утра и до позднего вечера. Он очень любознателен и все его интересует. На станциях стали появляться крестьяне, меняющие различные продукты питания на вещи. Деньги совсем не в ходу. Где поезд останавливается, там сразу же образуется целый базар. Женщины нашего вагона распаковывают свой багаж и рады получить в обмен на вещи всевозможную еду. Яйца, молоко, масло и другие свежие деревенские продукты дороже всех драгоценностей. Трудно передать словами счастье обитателей нашего вагона, которым теперь больше не угрожает голод.

Как все в жизни относительно! Могла ли я думать еще год назад, что обладание двухфунтовым запасом масла и несколькими десятками яиц, наполнит меня таким беспредельным блаженством!

1 мая

Проехали Ростов и вздохнули совсем свободно. Это уже линия, по которой много эвакуируемых, на каждой станции специальные пункты, где выдают по справкам обед и хлеб. Главное же, теперь стоит чудесная весенняя погода, кругом сплошное море белых цветов яблонь и других фруктовых деревьев. Тепло, как летом, а мы еще одеты по-зимнему. Только что проехали Армавир, где по случаю Первого мая получили великолепный обед: суп, котлеты с картофелем и на сладкое компот.

2 мая

Подъезжаем к Минеральным Водам. Гаврилова, которая весь путь от Череповца проделала с нами, порой целые ночи не давая мне спать своими опасениями, что нас послали таким опасным путем невдалеке от фронтовой линии, теперь опять волнуется, не спит ночами, без конца вздыхает. Настоящие волнения и другого рода: она не может решить, продолжать ли ей путь с нами или ехать в Баку к родным мужа. Я ее не уговариваю. Во-первых, сама еду в полную неизвестность, а во-вторых, как у нас говорится, «в беде познаются люди» — и вот именно в беде пришлось хорошо ее познать. Пусть уж лучше устраивает свою судьбу самостоятельно или с помощью родственников. К счастью, она решила ехать в Баку. Сейчас три часа дня. Через час мы будем в Минеральных Водах, а там пересадка на Пятигорск. Что-то нас ожидает там?

ПЯТИГОРСК

(3 мая — 9 августа 1942 г.)

3 мая

Тепло распростившись со всеми пассажирами нашего вагона, с которыми тесно сжились за эти две недели пути, и довольно холодно с Гавриловой, мы высадились на перроне Минеральных Вод. Вскоре подошел поезд, идущий в Кисловодск. Кое-как, с помощью бывших на перроне людей, угадавших в нас эвакуированных ленинградцев (оказывается, в то время на Кавказ прибыл уже не один эшелон из Ленинграда), мы разместились в поезде, показавшемся нам сказочно-чудесным после тех, на которых пришлось путешествовать по выезде из Ленинграда. Все казалось таким невероятным, точно во сне. Публика вокруг нас сидела веселая, приветливая, одетая по-летнему. Вагоны блестели чистотой, а за окнами мелькали прелестные виды кавказских предгорий. В начале мая трава еще свежая, зеленая, а цветы создавали впечатление сплошного пестрого ковра. В наших зимних пальто — мальчики к тому же в военных ушанках, подаренных им еще в санитарном поезде их друзьями, с которыми они не хотели расставаться, — мы представляли собой довольно странную картину. Южане — народ экспансивный, свое сострадание и симпатию они выражают бурно, расспрашивая нас обо всем пережитом, о войне, о блокаде, голоде. Ахают, охают, дают советы. Постепенно страх неизвестности уступает чувству уверенности в том, что, если и не найдем сестры мужа, то среди этого народа не пропадем. В Пятигорске всем вагоном помогают нам вылезти, вытащить наши вещи и напутствуют разными добрыми пожеланиями.

Поезд отходит. Мы стоим на перроне и ищем глазами какого-либо возницу, чтобы довезти по имеющемуся у меня адресу наши вещи. Жарко. Солнце невыносимо печет. Снять всю теплую одежду и нести ее кажется еще тяжелее. Наконец, какой-то добродетель присылает нам человека с тачкой, на которую кладем все вещи, а наверх шубы и пальто, и отправляемся в новый поход. Весь город в цвету. От одуряющего запаха кружится голова. В первый раз за все девять месяцев с начала войны чувствую себя настолько плохо, что боюсь потерять сознание. Бреду, держась за повозку с вещами, а перед глазами так и летают какие-то черные бабочки и мешают видеть дорогу. Мальчики бодро шагают, радуясь весне, солнцу и дивной природе. Главное же тому, что цель путешествия достигнута. Я не делюсь с ними моими сомнениями о возможном отсутствии Ляли, сестры мужа. Сама же успокаиваю себя той мыслью, что, если никого не

найдем, то расположимся на бульваре и будем ждать, что будет. Как говорит наша пословица: «свет не без добрых людей». Подходим к дому — улица Кочуры, 34. В окнах — никого. Вход через сад. И здесь все в полном цвету и благоухает. Заворачиваем за угол и приближаемся к крыльцу. На ступеньках, греясь на солнце, сидит знакомая фигура — племянница мужа, Таня, которую мы в последний раз видели в Ленинграде шесть месяцев тому назад.

5 мая

Мать мужа, сестра и ее дети приняли нас с искренней радостью и поселили в своей квартире, несмотря на то что жили очень тесно: семь человек в трех комнатах. С нами — стало десять. Ляля не хотела слушать о возможности поискать нам квартиру, да и, по правде говоря, это было почти недосягаемо. С квартирами дело обстояло всегда не особенно хорошо, а теперь с массой эвакуируемых из Ленинграда и других мест, опасных в военном отношении, стало совсем плохо. Узнаем, что в Пятигорск высланы почти все высшие учебные заведения Ленинграда: горный институт, педагогический, экономический и прочие. Значит, Кавказ не считается опасным в военном отношении местом. Это успокаивает и нас.

Крупным событием вчерашнего дня был наш с Юрой и Димой поход на базар. Юра был в совершенном упоении от такого количества продуктов: горы масла, сала, яблок, орехов, зелени. Настоящий базар мирного времени. Только цены-то не «мирные». Все же, по сравнению даже с Горьким, гораздо ниже. Масло можно купить за 150 рублей кило, молоко за 10–12 рублей литр, мясо за 70 рублей килограмм. Покупаю все, что попадается, к невероятному восторгу Юры. Дима как старший и, зная мои ограниченные средства, держится скромно, но не может отвести глаз от давно невиданных богатств.

Там же на базаре сталкиваемся с артистами Радловского театра; среди них наш знакомый Болховский, которого мы не видели с довоенного времени. Театр уже несколько месяцев эвакуирован из Ленинграда, и артисты с увлечением рассказывают нам о прекрасной жизни в Пятигорске.

8 июня

Давно не писала. Все дни были заняты оформлением нашей жизни на новом месте. Ведь все не так просто, как кажется. Врачебная комиссия признала меня временным инвалидом. Ленинградский голод сделал свое дело, и я оказалась нетрудоспособной. Буду получать пенсию в размере 200 рублей в месяц. Кроме того, получаю по военному аттестату мужа — 500 рублей. Ляля зарабатывает в швейной мастерской 800 рублей в месяц, что считается, по здешним понятиям, прекрасным окладом, но, конечно, жить на эти деньги невозмож-

но. Зарплата ее мужа — 300 рублей, дочка Верочка еще учится. Из Киева, занятого немцами, бежал сын Коля с женой. Из Ленинграда приехала племянница Таня. Живется им весьма туго. Старушка бабушка ведет хозяйство, получая от дочери ежедневно 330 рублей на расходы. На эти деньги можно купить щавель и картошку. Из этих продуктов часами варит на керосинке суп, который является единственным блюдом на обед. Покупать на базаре другие продукты по черным ценам они не в состоянии, а по карточкам выдачи ничтожные. Вижу, что и здесь будет нелегко. Вчера я прикрепилась к ленинградской столовой, помещающейся в здании вокзала. Кормят там очень хорошо. Кроме столовой, для нас, ленинградцев, существует еще магазин, на который с завистью смотрят все местные жители, как мы в былые времена смотрели на ТОРГСИНЫ, где можно было покупать только на валюту или на золотые и серебряные вещи. В ленинградском магазине мы получили хороший паек, включающий в себя даже сахар, которого местные жители уже давно не видели. Восторг бабушки, когда я отдала ей половину, был неописуем. Для детей получила еще конфет. Ленинградцы здесь на особом положении.

9 июня

Так как моих финансов тоже не может хватить на нашу жизнь, то подумываю о службе. Пошла в одно учреждение, где ищут машинистку, оказалось, что платят 350 рублей в месяц, иными словами немного больше чем на два кило масла. Служба займет у меня все время, и от пенсии тогда надо отказаться. Да еще врачебную комиссию придется убедить признать меня трудоспособной. А разница всего в 150 рублях. Как говорится: «Овчинка выделки не стоит».

Как-то обратила внимание, что весь угол в комнате Ляли завален какими-то свертками и кусками материи. Спросила ее. Оказывается, ей разрешается брать в мастерской все остатки, если они меньше какого-то определенного размера. За время ее работы в мастерских НКВД накопилась целая куча, которую не на что утилизировать, только придает всей комнате неряшливый вид. Мне пришла идея шить из этих кусков детские платья, фартучки и другие детские вещи. Продавать их можно на базаре, это не преследуется. В пятигорских магазинах никакой мануфактуры уже давно достать нельзя. Швейная же мастерская, в которой работает Ляля, принадлежит НКВД, и жены служащих этого привилегированного заведения могут покупать в закрытых распределителях. Сначала моя идея показалась всем довольно фантастической, но все же решили попробовать. Вся молодежь засела за работу. Всех лучше шьет Таня, обладающая к тому же хорошим вкусом, Зина — жена Коли, и Вера — сестра, помогают. Я шью отвратительно, но под руководством Тани тоже что-то «тво-

рю». Надеюсь, что и мои «произведения искусства» кого-нибудь привлекут.

10 июня

Невероятный успех. Дима и наша веселая и энергичная соседка Дина распродали всю нашу продукцию за два часа. Я этого не знала раньше, но, оказывается, в Пятигорске и до войны было очень трудно с материями и одеждой, привозили изредка из больших городских центров, и сразу же все раскупалось. С началом же войны все абсолютно исчезло. Дима с гордостью принес за один базарный день половину месячной зарплаты Ляли.

15 июня

Наша работа кипит вовсю. Когда Ляля увидела, что гора хлама постепенно превращается в тысячи рублей, то и она повеселела. За эти почти шесть недель, что мы здесь, мы как-то даже забыли думать о войне, занятые всевозможными материальными заботами нашего устройства. По радио никаких тревожных известий не передают; некоторые пункты взяты, другие отбиты. Впечатление, что как-будто все стабилизируется. Может быть, скоро войне конец?

16 июня

Сегодня узнала, что наш Ленинградский педагогический институт, в котором я училась, тоже переехал в Пятигорск. Пошла в канцелярию и там узнала приятную новость, что с осени будут нужны педагоги. Стала на учет и с 1 сентября могу рассчитывать на работу по специальности. Молодежь отправляют на полевые работы, но Диму врачи забраковали. Он еще не оправился после последствий дистрофии.

20 июня

Наконец, стала получать письма от родственников. Сплошной стон. Тетя, жившая в нашей квартире в Ленинграде и эвакуировавшаяся с Людмилой и детьми к своему сыну в Сибирь, пишет, что променяла большую часть своих вещей на продукты и все же жить очень трудно. Двоюродная сестра устроилась в железнодорожный буфет, но на то, что зарабатывает, может прокормить только одну себя. Тетя с детьми должна жить одним обменом. На сколько же времени может хватить то небольшое количество вещей, которые им удалось захватить с собой из Ленинграда? Мой двоюродный брат, Вася, артист, пользовавшийся большим успехом до войны и очень хорошо зарабатывавший, теперь в таком трудном положении, что вынужден был продать свои золотые часы. Рынки же в Сибири завалены пре-

красными вещами, так как там масса эвакуированных из разных городов европейской России, и все вынуждены заниматься главным образом обменом. Двоюродная сестра Марина, которой удалось эвакуироваться в Пермь, где я собиралась ее посетить, сойдя с санитарного поезда, пишет, что и сначала-то их кормили плохо, а теперь дошло до предела, и она просит меня помочь ей устроиться в Пятигорске.

25 июня

Наконец-то списалась с мужем. Он нас совсем потерял из виду. В конце марта ему удалось устроить командировку в Тихвин, где в начале марта был Дима, и он об этом случайно узнал от одного из своих сослуживцев. Приехав туда, он Диму уже не застал. Дима был эвакуирован в тыл. Он начал искать его по всем госпиталям, но никаких точных указаний, кроме того, что Диму вывезли, он получить не мог. Одно из моих писем все-таки дошло до него, и он, после неудачи в Тихвине, двинулся в Череповец в надежде найти нас там. И здесь узнал лишь одно, что выехали, но куда именно — никто не мог ответить на этот вопрос. Мои хозяева уверяли, что мы уехали в Сибирь к двоюродному брату, а в эвакопункте убеждали его, что мы должны быть по дороге на Кавказ. Он стал писать по всем адресам, но больше двух месяцев находился в полном неведении. Почта в прифронтовой полосе работала плохо, и все мои письма до него не доходили. Наконец, он получил телеграмму от тети из Сибири, которая сообщила ему, что я работаю в санпоезде и дети со мной. Он ожил. Но дальше связь опять была потеряна. Письма в Сибирь шли лучше, и я все время писала тете. Узнав, что мы благополучно добрались до Пятигорска, тетя известила об этом мужа. И вот вчера я получила от него длинное письмо с описанием всех мытарств, пережитых им в поисках нас. Он пишет, что теперь воспрянул духом окончательно, так как знает, что мы в безопасности, и ему будет легче переносить все физические лишения, связанные с блокадой. Из письма можно было судить, что положение в Ленинграде все еще очень напряженное: частые обстрелы и бомбардировки. С питанием тоже тяжело, люди настолько ослабели за страшную зиму, что все зти незначительные прибавки хлеба мало помогают, а других продуктов по-прежнему почти что нет. Он завел себе огород в гараже и посадил там семена редиски, моркови и других овощей. Надеется, что это отчасти поддержит его в течение лета. Между прочим, пишет, что на рынке появился щавель по 1000 рублей за килограмм и те, кто располагает такими деньгами, покупают и счастливы, что могут питаться такими необходимыми витаминами, а не дурандой и клеем. Сообщает мне разные сведения о друзьях и знакомых. Неко-

торым удалось эвакуироваться, другие, как, например, моя приятельница Ирина, лежат в больнице. Мужу удалось устроить ее и еще двух молодых женщин, сестер большого друга. Больница — для всех спасение. Там все-таки кормят немного лучше и регулярно несколько раз в день. Попасть туда очень трудно, нужно иметь связи. Необходимость же в больнице для всех одинакова. Пишет, что с весны сильно увеличилась смертность женщин, которые до сих пор как-то лучше держались.

28 июня

Дошло до меня еще одно письмо из Ленинграда — от жены технического директора комбината, где работал до войны мой муж. Она пишет, что ленинградцы съели всю траву и листья с деревьев. Население заметно убавилось. Эвакуация и смерть забрала больше половины. Весной многих эвакуировали водным путем, но главным образом народ вымер от голода.

Жизнь в Пятигорске вся построена на «блате». Все и вся можно получить по знакомству. Взятки во всех видах и размерах процветают. Особенно это наблюдается среди эвакуированных. Ленинградцы так долго жили под страхом голодной смерти, что они особенно боятся возможного повторения этой опасности. Выдаваемые пайки сокращаются. И вначале-то эти пресловутые пайки только изголодавшимся вконец людям могли казаться грандиозными, на самом же деле выражались они в каких-нибудь двух фунтах сахара в месяц, в небольшом количестве жиров и конфет. Теперь же выдают и того меньше. Ни при каких условиях этого не может хватить на месяц. Очень помогает столовая, но и о ее закрытии идут разговоры. Эвакуированных же, не только из Ленинграда, но и из других городов, все прибавляется.

На днях и со мной произошел один случай, весьма меня обрадовавший. Каждый день я покупаю хлеб в одном ларьке, где продает молоденькая, очень миленькая продавщица. Особенной любезностью она не отличалась, да и разговаривать-то было некогда. Очереди за хлебом стали и здесь явлением нередким. Третьего дня, случайно, я пришла раньше времени, хлеб еще не привезли, народу не было, и мы с ней разговорились. Как бы мимоходом она заметила: «У вас хорошие духи, принесите мне, я вам и белого хлеба смогу отпускать». Белый хлеб был большой редкостью, его выдавали только по специальным талонам «высокопоставленным» лицам. Боясь провокации, я не принесла. На следующий день, улучив момент, девушка опять спросила меня. Сегодня я решилась, отлила духов и отнесла ей. Получила двойную порцию хлеба, да еще белого! Везде все то же самое.

30 июня

Продолжаю получать двойную порцию, и никаких угрызений совести нет. По-видимому, она урезывает у кого-то из «сильных мира сего», которые настолько хорошо снабжены, что и внимания на это не обращают, нам же теперь хватает на всю семью. Ляля тоже получает от своих клиенток всевозможные подарки. По одним этим подаркам можно судить, как хорошо им живется. На днях она принесла большой кусок свинины. Все были в восторге при виде такого количества мяса. Случайно при этом присутствовала Лялина падчерица, дочь ее мужа, Ивана. Последняя уговорила Лялю замариновать это сокровище по какому-то особому, ей известному, рецепту. Ляля, находясь под сильным ее влиянием, согласилась. Но через несколько дней, когда они открыли посуду со свининой, то убедились, что все было покрыто червями. Возмущение Лялиных детей и матери было неописуемо. Но тут возникла новая проблема — скрыть случившееся от голодных соседей. Ночью пришлось вырыть глубокую яму в углу сада и «похоронить» там остатки свинины.

Население Пятигорска определенно голодает. Единственно, что их спасает, — это маленькие приусадебные участки, где они сажают всевозможные овощи. Те, у кого есть родственники в деревнях, снабжаются еще фруктами и молочными продуктами, но это исключения. На рынке цены настолько высоки, что жителям они совершенно недоступны. Выдачи по карточкам минимальны, о них и говорить не приходится.

Сегодня, проходя по рынку, опять встретила Болховского. Раньше в Ленинграде мы даже не были очень близко знакомы, но теперь радуюсь ему, как старому другу. Всех ленинградцев как-то особенно сблизило все пережитое нами, и слово «ленинградец» для нас обозначает многое. Болховский пригласил нас сегодня на свое выступление в летнем театре, в Цветнике, где он выступает с художественным чтением «Анны Карениной». Решили пойти с Таней и Димой. Немного странным кажется, что можно еще жить нормальной жизнью, даже ходить в театр, встречать людей, с которыми можно говорить не только о «хлебе насущном».

3 июля

Из газет много не узнаешь, но слухи ползут со всех сторон, что немцы опять начали наступление. По радио передают о невероятных зверствах, чинимых немцами на занятой территории. Когда всего наслушаешься, опять сердце сжимается, как год тому назад, в Ленинграде. Неужели возможно, что враг дойдет до Кавказа, и мы опять очутимся в ловушке? Начинаю раскаиваться, что, когда было возможно, не уехала в Сибирь.

Жизнь все же берет свое. Забываем о слухах и радуемся прекрасной летней погоде и красотам Пятигорска и его окрестностей. Всюду встречаем ленинградцев: в столовой, в магазине, на рынке, на улицах. Со многими перезнакомились, подружились. Встретила и старых знакомых — преподавателей и студентов нашего института. Ведем почти нормальную, довоенную жизнь. Ходим в кино, театр. Ездили с Таней в Ессентуки к «знаменитой» гадалке. Эта женщина эвакуировалась из Харькова в самом начале войны с мужем и сыном. По дороге попали под обстрел — мужа убило снарядом, у нее отняли обе ноги, но она выжила. Сына, уже из Ессентуков, забрали в армию, она же осталась на попечении сердобольных соседей. Занялась гаданьем. Клиентура у нее громадная, в это тревожное время каждый надеется на какое-то чудо. Власти города ее не преследуют за подобное ремесло. По-видимому, смотрят сквозь пальцы. Посещение это произвело самое мрачное впечатление. Нет предела человеческому горю. По сравнению с ней то, что произошло с нами, кажется совсем не так ужасно, как раньше казалось. Из всего того, что она мне говорила, запомнилось одно: в скором времени предстоит опять очень длинное путешествие и не надо колебаться, необходимо уехать. И в более далеком будущем все видела у меня какие-то дороги, не только по земле, но и водой. Неужели теперь всю жизнь придется скитаться? Глупо, конечно, верить всем этим предсказаниям, но я уже вижу нас, удирающих от наступающей немецкой армии через Каспийское море в степи Казахстана... Таню больше всего интересует судьба ее маленькой дочки, оставшейся в Ленинграде, которую обещала следующим транспортом привезти в Пятигорск мать Тани. Когда Таня покидала Ленинград, был жестокий мороз, и мать ее убедила оставить пока девочку, будучи уверенной, что ей удастся тоже эвакуироваться несколькими днями позже. Все вышло не так. За морозами последовала оттепель, и дорога через Ладогу была закрыта. Когда открылось сообщение водой, возникли какие-то новые затруднения. В результате Таня разъединена с матерью и четырехлетней дочкой.

10 июля

Усиленным темпом забирают молодежь на рытье окопов. Плохой знак. Милочку, дочь нашей соседки, отправили сегодня со школой, где она учится. Мать волнуется. Недавно погиб муж на войне, а теперь такое беспокойство с девочкой. Осталась одна в доме с мальчиком, Виктором. Мальчишка — хулиган невозможный и теперь предоставлен самому себе, так как мать уходит в восемь часов на работу в госпиталь и возвращается в пять часов вечера. Витя гоняет целыми днями по улицам и вовлекает во все выдумки Юрия. Иногда удерут куда-нибудь, так что и найти невозможно. Для меня это тоже беско-

нечное волнение. В Лялиной семье тоже не все благополучно. Младший сын, восемнадцатилетний Митя, призван в армию, и уже несколько месяцев о нем нет никаких вестей. Дочь Ольга недавно вышла замуж за одного молодого лейтенанта, с которым она познакомилась, работая в госпитале, где он лежал раненый. Он пока в отпуске у родителей, и она с ним, но вскоре будет опять отправлен на фронт. Старший сын, Коля, полуинвалид, в детстве у него был паралич, и его освободили от военной службы, теперь он работает в Пятигорске, но на самом минимальном заработке, и должен содержать жену, Зину. Их первый ребенок умер зимой, которая была очень тяжелой для пятигорцев: не хватало топлива (ведь лесов близко нет, а с транспортом дело обстоит плохо) и ощущался большой недостаток в продуктах. У Зины исчезло молоко, искусственное же питание детей у нас еще в зачаточном состоянии, тем более, когда даже молока не всегда можно достать. Младшая Верочка еще учится в школе. Сама Ляля вышла в третий раз замуж за некоего Красинского. Второй муж — Илья Аранович, еврей, от которого у нее трое детей, погиб несколько лет тому назад. Он ехал в служебную командировку и вез с собой в портфеле важные документы и деньги. Какие-то злоумышленники столкнули его на всем ходу с поезда, ему отрезало голову. Когда теперь Ляля слышит о злодеяниях, совершаемых немцами в отношении еврейского населения, она дрожит за судьбу дочерей и Мити. Уже многие евреи покинули Кавказ и двинулись в глубь страны. У нее же нет ни средств, ни транспорта, ни нужной энергии для такого переселения. Красинский не является помощью ни в каком отношении. Производит он на всех нас самое отвратительное впечатление. Бабушка, мать Ляли, просто его ненавидит. Прозвала его «Ванька-ключник». Он всегда с ключами, даже когда спит — держит их под подушкой, днем же носит их за поясом и запирает решительно все, боится, чтоб его не обокрали. Мы издеваемся над ним и задаем себе вопрос, что он, собственно, запирает? Ведь в доме никаких драгоценностей или денег нет. И дети и домочадцы привыкли к широкому размаху покойного Ильи Арановича. У того все было «нараспашку», не только душа, но и всем его имуществом мог пользоваться каждый, кто хотел. Теперь порядки изменились. Ляля не решается ему противоречить, дети ворчат, но на открытый протест не поднимаются. Мне это настолько противно, что я подумываю о переезде на другую квартиру. Кроме того, мы и живем ужасно скученно: Дима, Юрик и я помещаемся за ширмой в столовой. Если зайдет кто-нибудь из соседей или знакомых, то и спать нельзя лечь, надо ждать, когда все разойдутся. Очень неудобно. Своего угла нет совсем. Да еще по утрам будит «Ванька-ключник», гремя своими ключами и проверяя наличие зеркального шкафа, который, как на грех, стоит за ширмой в нашем «углу». Я заикнулась о моих планах переезда Ляле,

но она очень просила меня остаться. Не хочу ее обижать, но о покое и думать не приходится.

12 июля

Молодежь чаще других забывает о войне и грозящей опасности захвата Кавказа немцами и предается всевозможным развлечениям. На днях я встретила одного своего ленинградского знакомого, инженера Поспелова, пригласила его к нам. Он, видимо, пленился Таней, хорошенькой голубоглазой блондинкой, и теперь каждый день проводит вечера у нас. Он предложил свою помощь Зине, Тане и Вере, поливающим огород. Они ничего лучшего не придумали, как из поливочной кишки облить нашего инженера с ног до головы. Я думала он им этого не простит, но сегодня он опять явился как ни в чем не бывало. Приехала Ольга — старшая дочь Ляли от второго брака. Муж ее, Николай, перебрасывается в другую военную часть, она поедет его проводить, а затем останется на Востоке, так как ее муж не сомневается в том, что Кавказу грозит большая опасность. Немцы стремятся завладеть нашей нефтью. Баку — уж слишком заманчивый кусок для Гитлера.

15 июля

Ездила в Кисловодск разыскивать свою знакомую по Ленинграду, Римму Гордон. Оказалось, что ей с мужем и дочкой удалось эвакуироваться еще в прошлом году, вскоре по их приезде сюда из Ленинграда. Ведь прошлым летом немцы по всей линии фронта сильно наступали. Так как Гордоны евреи, я думаю, что они поступили правильно. По радио все время предупреждают, что делается в захваченных областях. Разум этого не воспринимает, но все же совсем не верить этому нельзя. Ольга очень настаивает, чтобы мать уехала с ней и увезла Веру.

20 июля

От мужа получаю регулярно письма. Пишет, что теперь бодро переносит все испытания блокады, ибо знает, что мы в полной безопасности. По-видимому, все же это напрасные слухи о возможном занятии немцами Кавказа. Уж очень много паники распространяют кругом. Муж просит нас прислать фотографии, не может себе представить, что мы опять приобрели человеческий образ. В его письмах все еще главный предмет заботы — голод. Он все еще беспокоится, что мы можем ощущать недостаток продуктов даже здесь, на Кавказе. Не очень-то верит моим убеждениям, что с этой стороны все вполне благополучно. Конечно, его настроения мне вполне понятны, ведь мы же были в конце концов ко всему равнодушны: к бомбам,

обстрелам, когда чувствовали, что все равно умрем от голода. Голод — ни с чем несравнимое бедствие. Вспоминаю теперь, как мы с приятельницей Женей шли в столовую за супом под жестоким обстрелом и, перебегая от одного дома к другому, из одной подворотни в другую, ни секунды не думали о том, чтобы вернуться, не получив обеда. И еще другой случай. С той же Женей мы отправились в Михайловский замок, где в то время помещался госпиталь, чтобы найти моих близких друзей, мужа и жену, работавших в качестве врачей в этом госпитале и, конечно, имевших довольно приличные пайки по своей работе. В то время Михайловский замок вполне соответствовал тому мрачному представлению, которое у всех было с ним связано. В Михайловском замке в ночь на 11 марта 1801 года был задушен царь Павел I. Даже в самые светлые дни жизни в Ленинграде на меня этот замок производил подавляющее впечатление, связанное с историей этого жуткого убийства. Теперь же, пройдя внутрь и спросив фамилию наших друзей, мы были вынуждены пройти ряд темных зал (электричество уже не работало), освещенных маленькими коптилками. Всюду, даже в коридорах, лежали раненые, похожие скорее на привидения, чем на живых людей. Отовсюду раздавались стоны и жалобы. Мы рады были, когда выбрались на узкую заднюю лестницу, которая вела в квартиру врачей. Но тут-то и началось настоящее испытание. Вся лестница была покрыта льдом, ступеней не было видно. Это была просто ледяная гора. К этому времени всюду лопались водопроводы, о починке нечего было и думать. Мы начали ползти, боясь сорваться и полететь вниз. Такое восхождение могло бы только присниться в кошмарном сне. Мы все же упорно тянулись наверх, гонимые одной надеждой, что наши друзья поделяться с нами своим, более обильным, пайком. Когда мы наконец добрались, нас ждало полное разочарование и, хотя наши жадные взоры заметили сразу на столе не только хлеб, но даже черную икру, нам дали понять, что на их помощь рассчитывать нечего. До чего голод ожесточает людей!

24 июля

Сегодня день моих именин. Ляля за хорошо сшитое жене начальника НКВД платье получила белой муки и масла, я отложила из получаемого нами пайка для эвакуированных ленинградцев сахару, и был устроен «чай» мирного времени. Пироги и ватрушки с вишнями и абрикосами из нашего сада вышли очень удачно, и мы отпраздновали этот день, пригласив даже гостей. Так как наша семья к этому времени возросла до двенадцати человек, то с соседями нас было двадцать. Завтра уезжают Ольга и ее муж. Упорно убеждаю Лялю бросить все и двинуться вместе с ними через Каспийское море в безопасные места. Николай считает, что мы все должны принять это

решение не медля ни минуты. Каким образом можно совершить этот путь почти не имея в наличии денег? Транспорта нам никто не даст, лошадей нанять невозможно по той же причине — отсутствия средств. Ни у Ляли, ни у нас их нет. Те четыре тысячи — мой железный запас — давно ушли. Жили мы все только на то, что получали, а с отъездом и этого бы лишились, кроме аттестата моего мужа, который был везде действителен, и моей пенсии по инвалидности. Но это же крохи по сравнению с безумно растущими ценами в стране. Коля, сын Ляли от первого брака, настроен менее пессимистично, он даже и возможности не допускает, что немцы заберут Кавказ. Тогда, по его мнению, вообще конец войне. Если падет Баку, мы лишимся нефти и путь по Волге будет отрезан. Кроме того, он не видит никакой реальной возможности нашего отступления за Каспийское море, принимая во внимание возраст и болезнь бабушки, которую оставить мы не можем, и полного отсутствия как средств передвижения, так и денег.

27 июля

Сегодня Ляле предложили транспорт на троих. Вот это задача! Кого же взять, кого оставить? Конечно, о нас и Тане и речи быть не может, но даже всех ближайших членов ее семьи взять не удастся. Бабушка категорически заявила, что она, во всяком случае, остается. Иван дрожит, как осиновый лист и от страха перед поездкой, и от возможности остаться, его эгоизм и трусость дают себя знать. Ляля не знает на что решиться, а ответа требуют немедленно. Помня, как я пострадала благодаря своей нерешительности, я советую ехать. Главное — надо увезти Верочку, ну а третьим придется брать Ивана. Нельзя забывать, что Верочка наполовину еврейка, значит ей грозит самая страшная опасность. Мы, то есть мои дети, Таня, Коля с Зиной и бабушка, пока останемся и будем искать какой-нибудь другой возможности или через военный комиссариат, где я получаю пособие за мужа, или через работу Коли, где ему намекали на возможность эвакуации.

30 июля

Сегодня Ляле в транспорте отказали, оказывается, не хватает места даже для самых ответственных работников. Я пошла в военный комиссариат узнать, какие есть возможности. Забрала все свои документы и аттестат мужа. Перед комиссариатом стояла толпа женщин, по большей части с маленькими детьми на руках. Все они ожидали приема начальника транспорта. Я присоединилась к ним. Из разговоров выяснилось, что большинство — эвакуированные из Ленинграда в течение прошлой зимы. Мы ждали часа два, но так и не были приняты. Вышел красноармеец и объявил, что начальника куда-то

вызвали по срочному делу и он сегодня принимать не будет. Посоветовал всем опять собраться завтра. Разошлись с тяжелым сердцем: что-то опятъ весьма тревожное надвигается на нас. Многие женщины плакали и жаловались, что попали из огня да в полымя. Вспомнили Ленинград, который теперь им представлялся чем-то своим, хоть и тяжело было, да дома, а здесь они все чувствовали себя совсем чужими и одинокими.

1 августа

В городе какое-то смутное беспокойство. Хотя по радио особенно угрожающих сведений не поступает, но все же передают разные новые направления наступления немецкой армии и, хотя все это еще очень далеко от нас, все-таки как-то делается не по себе. Лялин хороший друг, заведующий консервным комбинатом, зашел вчера и предложил нам консервов. Довольно странно, что предлагает свободно воспользоваться консервами, которые являются железным запасом продовольствия города. Мы с Таней побежали туда в условленный час (очень рано утром) и поразились его щедростью: он дал нам столько банок, что мы их еле дотащили домой. На наш вопрос, не зайдет ли он еще к нам на этих днях, он уклончиво ответил, что очень занят. Мы удивились. Он, не считаясь с работой, заходил к нам довольно часто.

В военном комиссариате, добившись наконец приема, я получила отказ за отсутствием свободного транспорта.

Встретила сегодня двух студенток моего института и с ними педагога. Объявили, что собираются уйти пешком.

2 августа

Сегодня с Юриком бегали опять в военный комиссариат за получением денег по аттестату мужа. Еще в очереди услышали, что кассира нет и о деньгах нечего думать. Женщины расходились в большом волнении, обсуждая что предпринять дальше. Нам с Юриком удалось все же проникнуть в здание. Без всякого стука я ворвалась к кассиру, который как раз закладывал в портфель последние бумаги со стола и собирался уходить. Мне все-таки удалось получить мои 500 рублей. Но что делать с ними дальше? До нас доходили слухи, что, ожидавшие переправы через Каспийское море за ведро пресной воды должны платить 20 рублей, а за переправу — тысячи. По дороге домой мы заметили, что около магазинов стоят громадные очереди. Всюду выбросили массу всевозможных продуктов, давно невиданных населением. Как из-под земли появились сахар, масло, мыло, консервы. Нам удалось тоже купить кое-что. Уйдем ли, застрянем ли — все равно ведь есть надо. Это было самое рациональное использование нашего пятисотрублевого богатства. Цены на эти про-

дукты были государственные — твердые. Вернулись домой, а там новое волнение. Вышел приказ: всем мужчинам от шестнадцати до пятидесяти пяти лет выйти организованным порядком (конечно, пешком) из города. Кто через 24 часа после выпуска этого приказа будет встречен на улице, подлежит расстрелу. Трудно представить ту панику, которая обуяла наш дом и дома соседей.

3 августа

Коле — двадцать четыре года, Ивану — пятьдесят, они оба подпадают под этот закон. Вечером с группой мужчин, по разным причинам не призванным в армию, иными словами инвалидов, они двинулись по направлению Нальчика. Толку из этого похода не вышло никакого. Уже в первые часы многие разбрелись по соседним местечкам и попрятались там. Иван с Колей, вконец измученные и голодные, вернулись сегодня утром, решив, что все равно где погибать. Перепуганная всеми этими обстоятельствами, Ляля побежала к знакомому врачу в больницу с просьбой положить туда на время мужа и сына. Больница была переполнена, но все же доктор поместил их обоих в коридор. Для устройства Коли были все основания: у него опять развился его ревматизм и одна рука совсем перестала работать. Что касается Ивана, его взяли просто «за компанию».

6 августа

Эвакуация идет усиленным темпом, но уезжает почти исключительно одна «верхушка». Мысленно сравниваю с эвакуацией из Ленинграда: несмотря на весь беспорядок, который там господствовал, все же было несколько больше справедливости. В Пятигорске же творится такое безобразие, которому нет никаких границ. Собственными глазами видела, как в грузовик грузится не только семья, но обстановка и... дрова. Трудно было поверить своим собственным глазам, но увы! это печальный факт и не один.

На углу ближайших к нам улиц расположилась кучка еврейской бедноты. Толпятся они на этом углу уже двое суток, умоляя проезжающие машины захватить их. Никто не обращает внимания. Они так кричат и плачут, что стоит непрерывный гул. Сегодня на моих глазах им удалось остановить красноармейскую машину. Солдаты сжалились и захватили несколько человек.

За несколько дней все начальство куда-то исчезло. Пошла в институт — никого. Спрашиваю сторожа: «Где директор?» — «Нет». «Декан?» — »Тоже нет». — «Да где же, наконец, они?» Меня отозвал в сторону знакомый преподаватель: «Лучше не спрашивайте, они все бежали, забрав институтские деньги и печати». Когда проходила по коридорам, встречала группы профессоров, обсуждающих положение. Женщины плакали. Только и слышалось: «Стоило ли

вывозить нас из Ленинграда, чтобы бросить здесь?». Попались мне и две знакомые студентки-еврейки, сестры Бронштейн, которые должны были несколько дней тому назад уйти с моей преподавательницей французского языка. Девушки бросаются ко мне навстречу, в слезах. Я им пеняю, почему же не ушли раньше. Кто-то пообещал им всем транспорт — и надул. Подходит еще одна преподавательница, за спиной рюкзак, запаслась продуктами на несколько дней и решила идти пешком. Знакомлю ее с девушками. Она им предлагает присоединиться к ней. Втроем путешествие кажется не таким страшным. Из института проходим по улице, где находился военный комиссариат. Все заперто. На улице по-прежнему группа женщин. От слез и причитаний стон стоит. Никто из женщин так денег и не получил. Начальство удрало. Обещали транспорт, эвакуацию — надули. Вчера же в последний момент, предложили идти пешком на Махачкалу, а почти у всех женщин маленькие детишки, ну далеко ли с ними дойдут! Слышу все то же: «Зачем, зачем вывозили из Ленинграда, уж лучше было бы умереть у себя дома». Забегаю в страхкассу получить мою инвалидную пенсию. Меня там встречает старик сторож, как с луны свалившуюся: «Деньги хотите получить? Да какие вам деньги! Заведующего уже два дня как след простыл. Он все с собой забрал. Ваши денежки тоже пригодятся, небось слышали сколько переезд через Каспийское стоит? С одной тысчонкой не справиться!» Старичок еще способен иронизировать.

7 августа

Больше это не слух, а действительность. Немцы близко, начальство благополучно эвакуировалось, забрав казенные деньги, весь городской транспорт, да и, кстати, свою обстановку и даже дрова... Население же предоставлено своей судьбе. Все наши попытки эвакуироваться — и всей семьей, и в отдельности — успехом не увенчались. Сговорились с одной семьей выехать на лошадях, но и этот план провалился. Ночью кто-то вывел приготовленных уже лошадей. Страх так велик, что никто ни с чем не считается. Сегодня я стояла на той улице, где помещается лазарет, и с ужасом наблюдала, как выходили раненые солдаты и пешком, ковыляя, уходили из города. И для них нет транспорта. Многие на костылях, другие без рук, с забинтованными головами. День же нестерпимо жаркий. Солнце печет. Далеко ли они дойдут?

8 августа

Сегодня соседка, возвращавшаяся пешком из Нальчика, сообщила новость, которая заставила меня порадоваться. Раненые преградили дорогу машине, нагруженной доверху не только людьми, но бага-

жом и топливом, выкинули все и всех на дорогу и заняли грузовик. Шофер не возражал и повез их дальше. Идет полный грабеж города. Наступило безвластие. По улицам тащат бочонки постного масла, мешки с мукой, целые туши мяса. Такой крик, что страшно становится выйти на улицу — чем только все это может кончиться? Люди просто озверели. Соседи, бегавшие тоже за постным маслом, рассказывали, что около этих открытых громадных бочек с маслом идет такая драка, что дерущиеся, того и гляди, утопят друг друга в этих бочках.

Отовсюду ползут слухи, что завтра, 9-го, будут бомбить город. По радио еще даже не передавали о взятии Ростова. На нашей улице Кочуры расположилась красноармейская часть. Стоят грузовики. Красноармейцы спят прямо на земле, черные от загара, вдребезги измученные. Некоторые сидят, мрачно уставившись в одну точку, даже разговоров не слышно. Мы побежали в сад, набрали им слив, персиков, яблок. Послали Юрика, как самого маленького, отнести им. Взяли, поблагодарили, но в разговор ни с кем не вступают. Подошли женщины, жены красноармейцев, просили их взять с собой. Начальник отдал распоряжение женщинам разойтись. Вскоре все военные разместились по грузовикам и уехали в направлении Горячеводска.

8 августа. Вечер

По улицам пролетают отдельные машины. На главной улице в одной из них мы заметили находившуюся раньше около нас женщину с детьми. Видимо, ей удалось кого-то уговорить, и ее вывезут. Другие с завистью смотрели ей вслед. Через наш садик пробежала группа красноармейцев, прыгая через забор, побросали кое-что из тяжелых вещей. Говорят, что их видели около электростанции, неужели будут взрывать? Нас всех все время тянет на улицу посмотреть, что там происходит. Невозможно сидеть спокойно, когда такое смятение повсюду. Похоже на беспорядочное бегство нашей армии. За забором садика нашли брошенную винтовку. Это уже настоящая паника!

9 августа

Проснулась в семь часов. Тишина полная. Как будто еще вчера вечером не стучали грузовики по мостовой, не раздавались тревожные гудки, не топали тяжелые красноармейские сапоги под окнами. Как сон все прошло. Наш милый сад с многочисленными фруктовыми деревьями, утопает в блеске солнечных лучей. На небе ни единого облачка. Села на крылечке — и не хочется уходить. Как-то уж

очень спокойно все кругом и красиво в это чудное августовское утро. Вышла Ляля. Она уже больше на работу не ходила. Шить было не на кого, ее клиентура разбежалась давно. Благодаря этой тишине и покою не хотелось думать о войне и наступлении немцев. Ляля же настаивала, чтобы я пошла с ней закрыть «щель» перед домом, которая еще не была покрыта досками, как мы давно предполагали это сделать, но все откладывали, стараясь не верить в опасность. Все-таки я сдалась на ее просьбу, мы пошли, перетащили старые ворота и засыпали сверху землей. Город начал просыпаться. Хозяйки потянулись на базар. Целая группа соседей прошла мимо нас, весело сообщив, что на вокзале стоят вагоны, груженые мукой. Таня, Юрочка и я пошли на базар, решив истратить оставшиеся деньги и купить что-либо из продуктов. На базаре царило большое оживление. Народу собралось много. Продавали, меняли. Только что мы занялись нашими покупками, как раздался оглушительный залп — и вся толпа бросилась врассыпную. Мы тоже побежали с базарной площади к центру города. За этим залпом ничего больше не последовало. Народ вскоре успокоился, высказывая предположение, что это был какой-нибудь взрыв. Рассыпались по магазинам и складам, которые больше никем не охранялись. Мы трое отправились домой. В это время опять раздался сильнейший взрыв, за ним второй, третий... Люди со всех сторон начали кричать: «Десант!». Не зная что и думать, мы бросились бегом к нашему дому. Стрельба не прекращалась. Около дома видим бабушку и Веру, направляющихся к щели. Эта щель кажется таким смехотворным укрытием от этой потрясающей весь воздух стрельбы, что я кричу им бежать обратно домой. Всей семьей и с соседями устремляемся в маленький флигель в глубине сада. Окна и двери закрываем. Устраиваем настоящие баррикады из всевозможных вещей, попадающихся под руку. Сами ложимся на пол. Стрельба все усиливается. И, кажется, приближается. Создается впечатление, что бой идет на нашей улице. Старушка бабушка истово крестится и благодарит меня, что я ее увела. Шум вокруг стоит невообразимый, и трудно понять, что происходит. Все сливается в один сплошной, беспрерывный гул.

И вдруг — все затихает. Эта тишина кажется особенно жуткой. Выждав некоторое время, мы приоткрываем дверь и выходим в сад. Тихо. Солнце уже клонится к западу. Небо все такое же чистое, голубое, как утром. Только в воздухе словно дымка. Тихо так, что даже листья не шелестят, не слышно ни птиц, ни насекомых. Людей тоже нигде не видно. Словно гроза разразилась, и все кончилось. Мы совсем расхрабрились и заглядываем на улицу. В эту минуту слышится гул приближающегося танка. Он движется прямо вдоль нашего забора. Вырвавшаяся из-за наших спин пятнадцатилетняя девочка,

дочь соседки Милочка, громко и радостно кричит: «Наши, наши вернулись, видите же, обратно идут, отбили немцев». За первым танком движутся еще и еще — целая вереница. На них, ничем не скрытые, только с оружием в руках, солдаты. Заходящее солнце отсвечивает на железном кресте, а наверху танка виднеется немецкий флаг со свастикой. Сомнений больше нет — город занят немцами.

ПОСЛЕ ЛЕНИНГРАДА

Перевод с английского

НЕМЦЫ НА КАВКАЗЕ

(9 августа 1942 года — 9 января 1943 года)

9 августа

10 часов вечера. Придя домой, мы* увидели двух сестер Бронштейн, студенток моего института. Они уже дважды пытались выбраться из Пятигорска, но пешком с рюкзаком за плечами далеко не уйдешь. Преподавательнице, которая была с ними, удалось сесть в поезд, но одной. Девушки были очень встревожены: ходили упорные слухи о том, что нацисты делают с евреями. Девушки боялись оставаться в станице Горячеводская, где все их знали. Думали, у нас им бояться нечего. Ляля не знала что делать: отказать было нельзя, но и оставлять их опасно. Особенно она беспокоилась за свою дочь от первого брака Веру (ее отец был евреем). Мы разместили девушек в небольшой кладовке, где чуть раньше, напуганные советской пропагандой, под половицами спрятали наши скромные припасы. Дверь в кладовку, находившуюся рядом с входной дверью, была заставлена вещами. Нам казалось, что место выбрано удачно, хотя в жизни часто бывает: хочешь спрятать что-нибудь надежно, но... Однако ничего другого придумать не смогли.

Мы стояли у окна и смотрели, что происходит на улице. Всего за несколько часов Пятигорск совершенно изменился. На перекрестках надписи и указатели. Машины и мотоциклы шли непрерывным потоком. Повсюду слышалась громкая речь, так непохожая на певучую южнорусскую. Стрельба ни на минуту не прекращалась. Гражданскому населению запретили выходить на улицу.

10 августа

Рано утром нас разбудил громкий крик под окнами. Казалось, немцы были чем-то недовольны. Мы прислушались, но смогли разобрать только отдельные слова. С каждым часом движение на улице становилось все интенсивнее. Несколько грузовиков, разворачиваясь в нашем саду, сломали прекрасную сливу, на которой уже появились спелые плоды. Молодой немец, унтер-офицер интендантской службы, заявил, что занимает большую комнату, которая служила нам гостиной и столовой, а ночью спальней для меня и сыновей. Сказал, что здесь будет их контора, работать они будут до пяти. Протесто-

---

* Эвакуировавшись из Ленинграда, Елена Скрябина жила в Пятигорске с сыновьями Юрой (пять лет) и Димой (пятнадцать), с сестрой мужа Лялей, ее мужем Иваном, их сыном Колей, его женой Зиной и племянницей Таней.

вать было бессмысленно. Немцы не медлили ни секунды, и очень скоро гостиная превратилась в настоящую контору. Мы отсиживались в двух маленьких комнатах. Волновались за сестер Бронштейн: как они там? Без воды, голодные... Стрельба не утихала. Из разговоров немцев мы поняли, что красноармейцы заняли станицу Горячеводскую и оттуда ведут артобстрел города. Первый день немецкой оккупации подходит к концу.

11 августа

Прошлой ночью долго не могли уснуть. Необычной силы взрыв потряс наш дом. Затем второй, третий... Мы бросились ничком на пол подальше от окон. Стекла дрожали. Казалось, они вот-вот вылетят. Мы ползком перебрались в переднюю. Чем все это кончится? С улицы доносились крики. Взрывы следовали один за другим. Немцы, которых артобстрел застал неподалеку от нашего дома, о чем-то переговаривались, перемещались короткими перебежками. Девушки наши вышли из кладовки и лежали вместе с нами в передней. Казалось, что наступил конец света. Через два часа все смолкло, но уже не могло быть и речи о сне. Мы ждали, что что-нибудь произойдет. И только под утро молодежь опять крепко уснула, а мы с невесткой, как призраки, ходили по квартире, прислушиваясь к тому, что происходит на улице.

12 августа

Выяснилась причина вчерашнего артобстрела, который нас так напугал. Красноармейцы из станицы Горячеводская вели огонь из знаменитых «Катюш», но вскоре были выбиты немецкими подразделениями. Сегодня впервые мы решились выйти на улицу. Везде следы обстрела. На углу улицы Кочуры около взорванной машины лежало тело убитого молодого русского бойца. Сколько он здесь пролежал? Русские боялись проявить инициативу, а немцы были заняты своими делами. Но вот к нам подошел знакомый еще по Ленинграду профессор с несколькими студентами: им и приказали похоронить убитого. Вместе с немцами они вырыли могилу здесь же. Чем дальше мы шли, тем больше видели убитых. Очевидно, перестрелка на улицах велась в то время, когда мы отсиживались, вернее, отлеживались дома...

Вернулись домой. Нас ожидали печальные известия. Лялин муж Иван прибежал из больницы, куда Ляле удалось устроить его и сына Колю, чтобы спрятать. Напуганный до смерти, дрожа и заикаясь, он рассказал, что Коля погиб. Когда начался обстрел, немцы подошли к больнице, многие в поисках укрытия бросились в вырытые в саду траншеи. Сам Иван остался в больничном коридоре и лег на пол под окнами, а Коля побежал в сад. Один красноармеец, спрыгнув в тран-

шею, продолжал стрелять из винтовки по наступающим немцам, крича «За Родину, за Сталина!» Немецкий солдат дал очередь из автомата: Коля и еще один молодой актер из ленинградского Радловского театра* были убиты. А ведь актер так ждал немцев, надеялся, что тогда сможет поехать на Украину, куда эвакуировалась его жена с ребенком... Об этих трагических событиях Ивану рассказали две медсестры, которые прятались недалеко от траншеи. Настроение ужасное. Особенно страдают Ляля и жена Коли. Мы все переживаем смерть Коли. Прекрасный был человек. Его любили все. Всеми силами стараемся скрыть наше горе от немцев, но они все же узнали, что случилось, выразили сочувствие матери и жене погибшего. Явной враждебности с их стороны нет.

13 августа

Соседи рассказали нам, что немцы вновь открыли тюрьму. Еще до прихода немцев все заключенные были уничтожены, а трупы облиты известью. Но в тюремной конторе остались документы заключенных и кое-что из их вещей. Сообщили их родственникам, а как только снимут военное положение, трупы после опознания будут сожжены. К счастью, никого из наших в тюрьме не было.

15 августа

Обстрел города продолжается, военное положение не отменено, поэтому попасть в больницу мы не могли. Ляля хочет найти Колю и похоронить его на кладбище. Сегодня наконец немцы разрешили нам поехать в больницу. В городе тихо. Кто поедет? Ни Ляля, ни Колина жена не в состоянии. До смерти напуганный Иван боится даже нос высунуть на улицу. Решили ехать мы с Таней. Нашли парня, который взялся разрыть траншею и найти Колю. Поиски заняли два часа. Из рассказов медсестер узнали, что погибло много людей. Узнать Колю было нелегко: тело уже начало разлагаться из-за ужасной жары. Узнать мы его смогли только по некоторым приметам. Завтра похороны.

16 августа

Сегодня хоронили Колю. С помощью немецкого офицера из части, которая расположилась в нашем доме, легко получили разрешение похоронить его в фамильном склепе. В этом склепе первый Лялин муж Илья Аранович, которого три года назад сбросили с поезда, а также маленькая дочь Коли и Зины, умершая прошлой зимой.

* Радловский театр помещался на площади, где Филармония.

Мы все скорбим по Коле. Он был настолько уверен, что немцы не дойдут до Кавказа, что ни за что не хотел эвакуироваться. И вот он стал жертвой. Стыдно признаться, но я постоянно думала: «Почему Коля, а не Иван». Наверное, так думала не я одна.

17 августа

Все эти дни предметом нашей особой тревоги были сестры Бронштейн. Не могут же они вечно находиться в кладовке. Вчера вечером они сказали, что решили уйти. У них есть знакомые в Ессентуках, на которых можно положиться. Трудно давать советы в такой обстановке. Когда стемнело, они покинули свое убежище. Надеюсь, что у них все будет хорошо. Кажется, те немцы, с которыми приходится общаться, не очень-то интересуются еврейским вопросом. Личный состав 777-й команды, которая обосновалась у нас, относится к нам неплохо. Немцы начинают день с умывания. Эта кажущаяся бесконечной процедура происходит во дворе. Затем они завтракают в саду. Наблюдая за ними из окна, мы поражаемся количеством съедаемой пищи, а также чистотой и порядком. Сразу после завтрака все принимаются за работу: ремонтируют машины, моют их, привозят провиант, производят различные подсчеты и составляют отчеты. Самый приятный из них Пауль, начальник снабжения. Высокий, светловолосый, голубоглазый, всегда веселый и доброжелательный. Удивительно, что он не в СС. Внешне он как раз тот тип, который отбирают туда. Так нам по крайней мере говорили.

18 августа

Сегодня произошло вот что. Пауль попросил у меня ключи от кладовки. И хотя девушек там уже нет, мое сердце екнуло от страха. Вдруг он каким-то образом узнал о спрятанных там «сокровищах», и нас ожидает расплата за «преступление»?! Я отдала ему ключи и сказала об этом Ляле. Ждали, что будет дальше. Вскоре Пауль вернул ключи, не сказав ни слова. Я помчалась в кладовку и застыла: на столе и на полках лежали продукты. Их было много. Я не верила собственным глазам. Я спросила у Пауля: может быть, они заняли и нашу кладовку? Он ответил, что видит, как мы голодаем, и принес эти продукты нам.

19 августа

Я шла на базар за овощами и увидела нечто, тронувшее меня до глубины души. Около церкви стояли две тройки, украшенные лентами. В первой тройке сидела молодая пара. Немцы открыли церкви почти сразу же после занятия города. У ворот церкви рядом со мной стояло еще несколько любопытных, которые так же, как и я, удивля-

лись забытому нами зрелищу. «Венчаются в церквях, как и положено христианам, а не как собаки», — сказал кто-то.

20 августа

Постепенно мы привыкаем к новым условиям жизни. Один ленинградец, инженер, посоветовал: надо совместными усилиями открыть кафе. Идея пришлась нам по душе.

22 августа

Чтобы открыть кафе, нужно получить разрешение немецкого командования и русской администрации. Я обратилась к унтер-офицеру Матиасу с просьбой пройти со мной к русскому начальству. На рукавах его военной формы было так много различных нашивок и знаков, что многие русские, которые все еще боялись немцев и пока не разбирались в иностранных военных званиях, спокойно могли принять его за большого начальника. Матиас охотно согласился пойти со мной, и я за одну секунду получила нужное разрешение.

Найти помещение для кафе оказалось сложнее. Тот дом, который нам понравился, уже заняла полевая жандармерия. Оставался бывший парфюмерный магазин недалеко от нас. Не совсем то, что нам хотелось бы. Да, там были столы, застекленные прилавки, кроме торгового зала еще одна комната и кухня, но все пропиталось запахами духов, одеколона, мыла. Если использовать это помещение для каких-либо других целей, то, может быть, было бы и ничего. Но представьте, что будет, если наши пирожные и бисквиты будут благоухать знаменитой «Красной Москвой»?

28 августа

Сегодня утром личный состав 777-й команды был взбудоражен приказом выступать. В нашем доме и в саду стало пусто. Не по себе. Мы уже привыкли к ним, и они нас не беспокоили. Даже наоборот, мы чувствовали себя в безопасности и рассчитывали на их помощь в устройстве кафе. Неизвестно, кого пришлют вместо них. Говорят, что лучшие воинские части всегда на передовой.

Зина в слезах. Голубоглазый Пауль пришелся ей по сердцу, и, кажется, она уже почти забыла Колю.

1 сентября

Кафе открыто. Но никто из нас не имеет ни малейшего представления, как вести дело. Мы печем дома по вечерам, а утром относим все в кафе. Городская администрация выделила нам двадцать стульев и четыре стола. На столы мы поставили вазы с цветами, а на дверь прикрепили написанное пока на листе бумаги объявление «Кафе от-

крыто» на русском и немецком языках, так как вывеска еще не готова. Открыли дверь и стали ждать. Время идет. Никого нет. Думаем: «А что, если вообще никто не придет?» И тут видим группу немецких офицеров, направляющих к нам с той стороны улицы. Мы в замешательстве, наши девушки (Вера, Зина, Таня) спрятались в комнате, надеясь, что посетителей станет обслуживать Дима. Но первый испуг быстро исчез. Посетители шли один за другим, и к полудню все наши припасы были проданы. Успех огромный. Мы воодушевлены.

4 сентября

Все наши интересы сконцентрировались на кафе. Ляля, Дима и я все дни проводим там. Девушки работают посменно. Иван бегает по рынкам, а по вечерам занимается бухгалтерией. Он всем действует на нервы: никому не верит и считает, что мы ошибаемся в расчетах. У Ивана необычная внешность, ему лучше не обслуживать посетителей. Как только он возвращается с рынка, мы придумываем ему другое задание, лишь бы услать его подальше от кафе. Вчера один полковник спросил меня, показывая на Ивана: «Это ваш повар?» Я утвердительно кивнула.

7 сентября

Закончился ремонт. На кухне сложили новую хорошую печку. Мы наняли отличного кондитера. Теперь у нас можно заказать разное печенье, сдобу. Посетителей так много, что вполне можно удвоить, а то и утроить выпечку. Но большие затруднения с закупкой необходимых продуктов. С шести утра Дима с Иваном на рынке. Если прийти позже, то уже ничего не достанешь. А на поездку в Нальчик, где рынки побогаче, нужно доставать разрешение у интендантской службы немецкого командования.

Пятигорск переполнен военными и эвакуированными. В прекрасных зданиях бывших санаториев расквартированы воинские части. Открываются рестораны, кафе, магазины.

Многие русские, особенно эвакуированные из Ленинграда, стали завсегдатаями нашего кафе. Эти люди так наголодались за время блокады, что забыли, что существуют пироги и бисквиты, и теперь наслаждаются «шедеврами» нашего кондитера. Кстати говоря, он был известен еще в дореволюционное время, когда в Пятигорск съезжались «сливки» общества из Петербурга и Москвы.

9 сентября

Сегодня я ходила в ВИКАДО. Это немецкая продуктовая база. На семейном совете решили, что пойти должна я: другие не знают

по-немецки ни единого слова. По дороге я вспоминала все свои ухищрения, к которым я прибегала, чтобы во время первой мировой войны из патриотических чувств — не учить немецкий язык и обмануть свою учительницу. Как бы пригодился сейчас хороший немецкий!

У базы собралось немало просителей — владельцев небольших предприятий, которые появились с приходом немцев. Они никак не могли решиться войти в это «святое» место. Мне не хотелось поддаваться их настроению, и я предложила пойти первой. Все немедленно согласились. Я была приятно удивлена ожидавшим меня приемом. Увидев меня, молодой человек, по всей вероятности переводчик, поднялся навстречу мне с вопросом о цели моего прихода. В дальнем углу комнаты сидел за столом молодой офицер, тот самый «ужасный» д-р Лакс, перед которым трепетал весь торговый люд Пятигорска. Ничего ужасного я в нем не нашла и без помощи переводчика обратилась прямо к нему. Объяснив ситуацию в городе, д-р Лакс сказал, что я должна прийти через несколько дней за разрешением на поездку. Я пригласила д-ра Лакса и переводчика зайти к нам в кафе. Вернулась домой с чувством выполненного долга.

12 сентября

Я настолько занята работой в кафе, что на личные дела совершенно не остается времени. Даже нет возможности регулярно вести дневник. Ежедневно в кафе приходят новые люди, среди них и старые друзья, с которыми давно не виделись. Наше кафе привлекает посетителей изысканными сладостями, красивыми официантками и домашней непринужденной атмосферой. Особенно я радуюсь, когда приходят ленинградцы. Наши постоянные гости — супруги Радловы, Болховский и другие актеры Радловского театра. Довоенная жизнь кажется нам сейчас очень радостной и светлой. Общие воспоминания связаны с нашим любимым городом. Нева, дворцы, белые ночи — где еще можно такое увидеть?! И хотя сейчас в Пятигорске неплохо, все мы мечтаем вернуться домой.

У нашего кондитера появилась помощница. Она знаток кавказской кухни, которая пользуется здесь большим спросом. В отдельной комнате Ляля принимает, как она говорит, наиболее важных персон из русской администрации города — начальника полиции, председателя городского управления и других. Ей не нравится, что я провожу время с ленинградцами, а не перевожу ее беседы с влиятельными немцами, которых она тоже принимает. Конечно, для нее ведь ленинградцы ничего особенного не представляют. Мы с Таней думаем, как бы найти для нас квартиру. Тогда мы могли бы приглашать друзей домой, а не принимать их в кафе.

13 сентября

Если бы не квартирный вопрос, то можно было бы считать, что мы вернулись к нормальной жизни. При такой напряженной работе в кафе, спать за ширмой в столовой становится невыносимо. Я с Юрой перешла жить к соседям. Здесь тоже не сахар: пятеро в двух комнатах, все завалено вещами, иногда проходящие через город немецкие части занимают одну из комнат на ночь для офицеров. Тогда становится невероятно тесно. Крайне необходима новая квартира.

25 сентября

Наконец-то мы въехали в настоящую квартиру. Раньше в ней жил партийный деятель, который сбежал из Пятигорска. Квартира была реквизирована немецким городским управлением. Получить ее помог нам начальник полиции, между прочим, очень подозрительный тип. Да, везде одинаковые порядки: все можно иметь, если знаешь нужных людей. Мы с Димой и Юрочкой переехали. Таня решила жить с нами. Ляля недовольна, но не хочет настаивать на том, чтобы Таня осталась с ней. В новой квартире не было кухни, но мы не очень сожалели об этом: нам не нужно готовить дома. В одной из комнат есть печка, на которой при желании можно что-нибудь сварить. Комната эта большая, мы отгородили печку ширмой и организовали для Димы отдельный «кабинет», а остальная часть комнаты служит нам гостиной и столовой. Я с Юрой и Таня разместились во второй комнате, тоже немаленькой. Лучшего невозможно себе представить.

28 сентября

Сегодня наша спокойная жизнь была нарушена. Около трех часов дня, в разгар работы нашего кафе, на город произвели налет советские самолеты. Тревогу не объявляли. Вдруг — оглушительные взрывы, звон битого стекла. Все бросаются на пол. Свист разрывающихся снарядов, грохот рушащихся зданий, крики о помощи. Все смешалось в один непрерывный вой. Налет продолжался недолго, а казалось — целую вечность. Когда все стихло, кафе наше выглядело ужасно. Окна выбиты все до единого, пол усеян битым стеклом... Наша гордость — вывеска, которую мы получили буквально на днях, — болтается на одном гвозде. Уцелело на ней всего две буквы. Только к вечеру удалось нам закончить уборку помещения и забить окна. Да, нельзя забывать, что война еще не окончена. По-видимому, фронт неподалеку. Конечно, немцы не говорят нам об этом. Но налет, который, кажется, был неожиданным и для немцев, произошел

при полном их бездействии и показал, что, очевидно, Красная армия основательно укрепилась в горах.

29 сентября

Вчера вечером мы прошлись по городу. Бомбили в основном центр. Во время налета на улицах было много народа, и поэтому много убитых и раненых... Некоторые дома разрушены до основания, другие сильно повреждены. Окраины не пострадали. К счастью, совершенно не пострадал и наш дом. До вчерашнего дня иногда над окраинами города появлялись один-два советских самолета, но тут же улетали, поспешно сбросив несколько бомб. Мы считали, что наша авиация значительно уступает немецкой противовоздушной обороне. А теперь наша вера в безопасность Пятигорска значительно поколебалась.

1 октября

Закончились ремонтные работы в нашем кафе. Когда есть возможность платить за работу продуктами, мгновенно находятся и работники, и нужные материалы. Деньги полностью обесценились, превратились в никому не нужную бумагу. Двери кафе опять открыты, от посетителей нет отбоя. Мы познакомились с командиром противовоздушной обороны Сульцбахом. Его часть стоит в деревне Николаевка, в пятнадцати километрах от Пятигорска. Он уверяет, что беспокоиться нет основания — советские самолеты больше никогда не прорвутся к городу. Невольно я вспомнила об аналогичных заверениях советской пропаганды в Ленинграде. Меня обманули тогда, не верю и теперь. Однако свои сомнения в организаторских способностях и военной мощи немцев держу при себе.

3 октября

Получила от ВИКАДО и д-ра Лакса разрешение на поездку за мукой. Выезжаю завтра на немецкой машине. Заезжал Сульцбах, пригласил на вечеринку в свою часть. Я отказалась: некогда. Он обещал заехать за Таней. Для нее это огромное удовольствие. Сульцбах — очень приятный человек, всегда всем доволен. Рядом с ним забываешь обо всех бедах.

5 октября

Весь вчерашний день провела в Нальчике. Очень довольна поездкой. Народ там спокоен. Говорят, что уже давно не видели советских войск.

6 октября

Обстановка ухудшается. Ходят странные слухи о судьбах евреев. Неделю назад я отдала переделать кофточку одной хорошей портнихе-еврейке. Сегодня, как договорились, зашла на примерку, но ее не оказалось дома. Соседи с таинственным видом рассказали, что ночью ее забрали. То же самое говорят и о преподавателе немецкого языка из Ленинградского педагогического института. Но это только слухи. Ничего определенного не знаем. Однако вспоминаются передачи советского радио о том, какие меры немецкое командование принимает по отношению к евреям.

Через несколько часов после того, как я узнала об этих слухах, я, не доходя нескольких шагов до кафе, на противоположной стороне улицы у немецкой комендатуры увидела открытую машину. В ней сидели сестры Бронштейн, те самые, что прятались в нашей кладовке в первые дни немецкой оккупации. Оказалось, они работают переводчицами в немецкой части в Кисловодске. Чувствуют себя прекрасно, получают хороший паек, приличную зарплату. Я ничего не сказала о своих сомнениях. Какой смысл пугать их? Они в безвыходном положении, и, может быть, безопаснее находиться прямо в пасти льва? Такая «храбрость» может спасти их. Их паспорта? Они действительно могли потеряться в первые дни этого хаоса. Будем надеяться, что никто не донесет на них. Ведь есть слабые люди, которые завидуют удачам других.

10 октября

По приказу немцев все зарегистрировавшиеся в комендатуре евреи были куда-то вывезены. Как же предусмотрительно поступили те евреи, которые «потеряли» свои документы, не явились в комендатуру и уехали туда, где их никто не знает. Действительно, самыми опасными оказываются те люди, которые пытаются влезть в доверие к немцам. В основном те, кто занял ответственные посты в полиции, комендатуре и в городском управлении. Поэтому, например, я ни на йоту не верю начальнику полиции и его подчиненным. Для меня он чистейшей воды провокатор. Ляля общается с ним, но я не могу высказать ей свое мнение об этом бандите. В курсе событий нас держит один еврей, женатый на русской. Он часто бывает у нас и говорит, что в настоящее время ни супругам из смешанных семей, ни их детям ничего не угрожает. Их даже не вызывали на регистрацию. Это хороший знак. Может быть, он прав, а может быть, их не беспокоят пока? Разве можно за что-либо ручаться?

13 октября

Материально мы живем сейчас хорошо. Конечно, работать приходится очень много, но и результат налицо. Мы очень довольны квартирой. Дима может покупать книги, они интересуют его больше, чем что-либо другое. Он покупает их не только для себя, но и для Юры, и наша библиотека все время пополняется. Чтобы выжить, многие вынуждены продавать мебель и книги, так как цены на рынке очень высокие, а в магазинах пусто... Юра тоже доволен жизнью. Наши девушки флиртуют с посетителями кафе. Один молодой русский паренек ухаживает за Верочкой. Когда приходил в первый раз, оставил Вере, которая его обслуживала, двадцать марок на чай. Мы все были ошеломлены: деньги огромные! Никто не знал, кто он, кем работает. Потом выяснилось, что он сын эмигранта, который уехал из России в 1918 году. Всю жизнь прожил в Праге. В начале войны вступил в немецкую армию и таким образом попал на Кавказ. Он стал постоянным нашим посетителем. Приходили и другие русские, которые давно покинули Россию. Они были уверены, что немцы освободят страну от коммунистов, а пока работали при них переводчиками.

14 октября

Полного спокойствия, конечно, никогда в жизни не бывает. Казалось, все устроилось: семья в безопасности, про голод забыли, но все-таки какая-то тяжесть на сердце лежит. Война продолжается. Ленинград в тисках. О муже и друзьях, оставшихся там, никаких известий. Будущее неясно. Советские войска отступили в глубь Кавказа. Авиационные налеты почти прекратились. Давно не слышно и артиллерийской канонады. Говорят, что советские войска укрепились в горах, откуда их выбить не просто. По всей вероятности, война затянется. Ленинградцы, работающие переводчиками, приходят ко мне и делятся разными слухами. Немцы надеялись пройти через Кавказ триумфальным маршем и закончить войну в Баку. Ситуация изменилась, и уверенность в триумфе пропала.

16 октября

Около двух часов назад к нам зашла очень странная женщина. Красивая, элегантная. Представилась переводчицей из комендатуры Кисловодска. Заказала несколько пирогов к празднику, сказала, что тоже эвакуирована из Ленинграда. Попросила Лялю пройти с ней в одну из задних комнат, чтобы никто не слышал их разговора. Позднее выяснилось, что она интересовалась евреями, живущими в Пятигорске. У нас вложилось впечатление, что она шпионка. Я почув-

ствовала, что шпиономания, над которой я так смеялась в Ленинграде, теперь захватывает и меня.

18 октября

Со стороны может показаться, что дела в кафе идут прекрасно и мы день ото дня все больше богатеем. На самом деле все наоборот, и если мы не сможем получить в банке значительную ссуду, то не сумеем даже расплатиться с долгами. Деловых людей из нас не получилось. Причину провала очень легко объяснить. Во-первых, кондитер, его помощник, посудомойка воруют, вечером идут домой с такими тяжелыми сумками, что нам, хозяевам, даже жалко на них смотреть. Во-вторых, все мы излишне щедры по отношению к нашим посетителям. Ни на секунду не задумываясь, девушки угощают своих поклонников настоящим кофе, иногда даже не записывают в счет стоимость сладостей, которые съедает их гость. А если учесть, что у каждой девушки несколько обожателей, общие убытки весьма значительны. Конечно, и Ляля бесплатно обслуживает своих «важных» персон, и я тоже грешна: мне кажется, что ленинградцы заслуживают особого внимания, тем более что и платить-то им за нашу дорогую продукцию нечем. Следует немедленно принять меры — иначе мы вылетим в трубу.

24 октября

Сегодня у нас появился один спекулянт с весьма подозрительной внешностью. Продал нам несколько пакетов настоящего кофе, говорит — турецкий. может быть, и правда. Вкус отменный, но и цена фантастическая. Ляля постоянно твердит, что нельзя подавать нашим гостям тот кофе, который имеется в открытой продаже, т.е. немецкий эрзац.

26 октября

Сегодня узнали, что немцы арестовали начальника полиции. Очевидно его оставили в городе с определенным заданием. Ляля в ужасе, так как все знали об их дружеских отношениях. На протяжении последних двух месяцев его бородатая физиономия то и дело мелькала в нашем кафе. Да и квартиру мы получили с его помощью. Хорошо, если никто об этом не знает. У Ляли много врагов среди жителей города. Многие пытаются использовать наше кафе в своих интересах: предлагают свою выпечку на продажу, просятся на работу. Большинство же приходит просто бесплатно поесть. Ляля вынуждена отказывать, что, как правило, вызывает недовольство. Время и так трудное, а тут еще это. Все удручает, и избежать этого невозможно. Осо-

бое беспокойство вызывает Иван. Он уговаривает нас переехать в другой город якобы для того, чтобы спрятать Веру. На самом же деле смертельно боится расплаты за свою дружбу с начальником полиции, перед которым он буквально пресмыкался все эти два месяца. Атмосфера напряженная, поэтому особенно действуют на нервы его ужасные предчувствия и предсказания.

28 октября

Завсегдатай нашего кафе господин Нуссбрух, заместитель д-ра Лакса по ВИКАДО, знает о нашем трудном положении и обещал помочь. Он посоветовал обратиться к д-ру Лаксу с просьбой дать нам ссуду и даже сам привел его к нам в кафе.

Очевидно, Нуссбрух уже рассказал ему о наших трудностях, и нам не пришлось тратить время на объяснения. Д-р Лакс обещал помочь нам получить ссуду в пятьдесят тысяч марок, которые мы должны будем вернуть в течение следующего года. Мы с радостью согласились на эти условия.

3 ноября

Ситуация улучшается. Ссуда спасла нас. Мы накупили всяких продуктов, которых нам хватит на всю зиму. Однако история с начальником полиции продолжает беспокоить нас. Тюрьма находится во дворе немецкой комендатуры, на противоположной от нашего кафе стороне улицы. По совершенно непонятным для нас причинам арестованному разрешается дважды в день (под конвоем, конечно) приходить к нам обедать и ужинать. Это настолько невероятно, что я отказываюсь это понимать. Как странно иногда ведут себя немцы! И что еще более странно: ведет он себя все так же самоуверенно и даже выражает неудовольствие, если к его приходу ни меня, ни Ляли в кафе нет и его не так быстро обслуживают. Конвоиры пользуются теми же привилегиями, что и он, и, конечно, очень довольны походами в кафе. По всей вероятности, они получили от коменданта соответствующие инструкции. И хотя эти визиты нам очень неприятны, протестовать мы, конечно, не можем.

10 ноября

Самый волнующий вопрос для всех жителей Пятигорска, в том числе и для нас, вопрос о смешанных браках. Наконец, мы отважились и спросили об этом немцев. Они либо действительно ничего об этом не знают, либо не хотят раскрывать карты. Даже Нуссбрух молчит. Я думаю, что они действительно не знают. Ну, а разве мы,

простые смертные в СССР, знали, что именно готовят нам «наверху»?

Мы живем в полной неизвестности. Что происходит? Как далеко продвинулись немцы на Кавказ? Каково положение на других фронтах? На чьей стороне перевес?

Питаемся только рассказами наших девушек, болтовней секретарш, а также русских посетителей нашего кафе, которые обычно склонны поговорить на эти темы. Мы не можем судить, где правда, где вымысел.

15 ноября

Большая часть населения Пятигорска «приняла» немецкую оккупацию. Произошло это в основном потому, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству. Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой. Знающие немецкий язык работают в немецких учреждениях переводчиками и курьерами, за что в дополнение к зарплате получают еще и продовольственные пайки. В церквах идут службы, венчания, крещения. Приводятся в порядок парки и цветники. Открыты театры. Они всегда переполнены, и билеты нужно заказывать за несколько дней до спектакля. У нас этих проблем нет: почти каждый день кафе посещает чуть ли не вся труппа Радловского театра. Мы получаем так много бесплатных билетов, что даже отдаем их нашим друзьям.

18 ноября

Одна ленинградка, Варя Туманова, с которой мы познакомились здесь, в Пятигорске, поступила на работу в Отдел пропаганды и пишет статьи на темы, которые ранее были запрещены. Она очень довольна: до захвата немцами Кавказа журналистам было опасно затрагивать многие темы. Теперь она в своей стихии.

21 ноября

Еврейский вопрос остается проблемой номер один для всех, кто имеет хоть какое-то отношение к евреям. Соседка рассказала мне несколько дней назад, что все ее знакомые евреи, у кого было хоть немного денег, — врачи, юристы и пр., — давно покинули Пятигорск. Среди евреев были и те, кто не верил в то, что нацисты могут их уничтожить. Таких, конечно, было очень мало, но они остались, а

через несколько недель после оккупации города нацистами их увезли в неизвестном направлении. Ходят слухи, что их угнали куда-то на работы. Говорят, в Германии на военных заводах не хватает рабочей силы. Это признают сами немцы. В армию призвано так много мужчин, что предприятия могут работать только с помощью иностранной рабочей силы. Не знаешь, чему и верить. В последнее время ходят все более настойчивые слухи о том, что вывозят и членов смешанных семей: и родителей, и детей. Некоторые друзья Ляли советуют ей забрать Веру и вместе с ней уехать из Пятигорска, пока не донесли немецкому начальству, что отец Веры — еврей. Но куда ехать? У нее никого нет на Украине. У Зины, правда, были родственники в Киеве, но почта уже давно не работает, и неизвестно, там ли они, да и вообще живы ли. Но при первой же возможности Ляля покупает для себя и для Верочки теплую одежду.

26 ноября

Сегодня мы приглашены на свадьбу. Как приятно присутствовать на такой торжественной службе! Церковь украшена цветами, горят свечи. Гости в нарядных платьях. Как будто мы в другом, сказочном мире. Я не могла даже припомнить, когда я в последний раз была на венчании в церкви. Скорее всего, это было семнадцать лет тому назад на моей собственной свадьбе в Нижнем Новгороде . Венчание в те времена проходило тайно, поздним вечером, за закрытыми дверьми, в полутьме. Мы боялись, что нас увидят.

1 декабря

Через два дома от Ляли живет семья. Их сын, Николай, скрывается. Из-за болезни его не взяли в армию. Мать молчит, а соседи говорят, что он в партизанах. Под командой комиссара-коммуниста собрался целый отряд. Где они? Никто не знает. Это нас беспокоит. Если они убьют хотя бы одного немца, даже небольшого звания, пострадает все население от мала до велика. Ходят слухи о том, что в одном украинском городе были расстреляны дети и старики только за то, что партизаны напали на немецкого офицера. Страшно представить, что дети, мои дети, могут стать жертвой подобного карательного акта.

4 декабря

Ленинградка Нина Поспелова, работающая секретарем в немецкой интендантской части, сообщила сегодня, что положение немцев на фронте неустойчиво. Ходят упорные слухи, что немцы забеспокоились. Кляйнкнехт, Нинин начальник, дал понять, что, может быть,

скоро ему придется уехать в Берлин и пробыть там некоторое время. Нина обеспокоена тем, что может потерять работу. А потерять место с таким хорошим пайком означает, что она опять будет голодать. Самое ужасное для любого ленинградца — голод. Реакция местного населения на такую возможность иная: никто из них не испытал такого голода, какой пережили ленинградцы в блокаду.

9 декабря

Слухи, слухи, слухи... Неясное, но все возрастающее чувство беспокойства. Все семьи, в которых есть мужчины в возрасте от шестнадцати до пятидесяти пяти, то есть те, кто попадает под последний указ советского командования перед отступлением Красной армии из Пятигорска, готовятся к отъезду на Украину, подальше от района военных действий. Многие наши города уже по нескольку раз переходили из рук в руки. Страшные времена для тех, кто оставался на оккупированных немцами территориях. То же самое может произойти и в Пятигорске. Как и другие, я тоже начинаю беспокоиться: ведь в октябре Диме исполнилось шестнадцать лет. А тот факт, что во время отступления Красной армии ему было только пятнадцать, вряд ли примут во внимание. Рассматривая подобные случаи, они наверняка не будут думать о таких мелочах. По всей вероятности, просто будут расстреливать всех подряд. Лялин муж тоже попадает под эту возрастную категорию, но она больше беспокоится за свою дочь, которая может пострадать от немцев, если кто-нибудь донесет на нее. Единственное, что остается сделать, это уехать из Пятигорска.

11 декабря

Немцы начали забирать людей для работы в Германии. Раньше это делалось на добровольной основе, но число добровольцев было невелико. Теперь начался принудительный вывоз рабочей силы, особенно молодежи и безработных. Говорят, что с Украины и из Ростова рабочих вывозят целыми поездами. Не знаешь, чему и верить, но регистрация началась и у нас, поневоле думаешь, что эти слухи — не праздная фантазия. Некоторые наши знакомые уже уехали. Одна из моих ленинградских знакомых рассказала мне перед отъездом, какой ей описали жизнь в Германии: приятная, стабильная жизнь в маленьком немецком городке, хорошая зарплата, хороший паек, легкая работа. Она пережила все тяготы, связанные с войной и с жизнью в бедности в оккупации, и смотрела на поездку в Германию как на возможность попасть в рай. Однако она не учла того, что Германия воюет, и, хотя об этом никто не

говорит, ей придется опять пережить трудности военной жизни, включая бомбежки.

16 декабря

Многие немцы получили отпуска на рождественские праздники. Нас это чуть успокоило. Это значит, что, по крайней мере в ближайшее время — активизации военных действий на Кавказе не ожидается. Очень часто в нашем кафе собираются русские, и мы обсуждаем наше будущее. У всех одно желание: чтобы не было больше ни бомбежек, ни артобстрелов, ни голода. Люди так устали от ужаса и лишений этих восемнадцати месяцев войны, что другие проблемы значат гораздо меньше. Мы даже не думаем о том, что будет с нами, если немцы возьмут Сталинград и выиграют войну. Если и появляется такая мысль, то мы говорим: «Поживем – увидим». В такое смутное время никто не пытается предсказывать будущее. Все хотят только одного — конца войны и бесконечных волнений.

18 декабря

Вчера на город сбросили несколько бомб. К счастью, убитых нет. Разрушено только несколько складов в районе железнодорожной станции. Скорее всего целью налета был железнодорожный узел. Наша бабушка (мать Ляли) заболела, и, кажется, серьезно. Ее положили в больницу.

22 декабря

Думаем на время праздников закрыть кафе, так как во всех немецких частях пройдут торжества с новогодними елками, с подарками. Немецкие офицеры будут встречать Рождество и Новый год в своем кругу. Многие уже уехали в Германию. Мы с Таней решили нарядить елку и пригласить наших ленинградских друзей.

25 декабря

В городе абсолютная тишина. Закрыты все магазины, рестораны, кафе. На улице ни души. Я сижу у окна и любуюсь Эльбрусом, который так хорошо виден в ясный день. До чего же прекрасны Кавказские горы! Понятно, почему их красота вдохновляла всех наших поэтов. Сегодня мы решили отправиться на Машук — место дуэли Лермонтова.

Вчера был, пожалуй, самый приятный вечер за все время жизни в Пятигорске. У нас в гостях были супруги Радловы, Болхов-

ский, Саманов (переводчик) и еще два переводчика, оба из Ленинграда. Можно сказать, что весь вечер был посвящен Ленинграду. Вспоминали и Ленинград, и даже Петербург. Болховский читал Агнивцева.

Забылось все: мрак и голод блокады, разрушенные города, трупы погибших. Все мы, собравшиеся в нашей маленькой квартирке у очаровательной, украшенной елочки, унеслись в далекое прошлое, в наш любимый город, во времена его величия и славы. Конечно, ни мои сыновья, ни Таня не знают старого Петербурга, но их захватили торжественность праздника и вдохновенный голос Болховского, читавшего стихи. Вдохновенная тишина и просьбы читать еще и еще. Он прочел почти всего Агнивцева, все его стихи о Петербурге. Совершенно не хотелось возвращаться к настоящему: думать о немцах, о битве за Сталинград, о нашем мрачном будущем. Если бы можно было продлить эти прекрасные мгновения прошлого!

27 декабря

Почти все праздники мы провели, осматривая окрестности Пятигорска, любуясь красотой этих поэтических мест. Погода великолепная: тепло как летом. Сегодня решили опять открыть кафе. Ивана и Диму послали на рынок, а сами принялись приводить в порядок помещение. Еще не было и восьми утра, когда вернулся запыхавшийся, бледный, испуганный Дима. Он рассказал, что все служащие ВИКАДО уже погрузились на машины и вот-вот уедут. Ему удалось остановить одного из офицеров, бегущего к грузовику, и спросить, в чем дело? Тот смутился и, не глядя на Диму, сказал, что они уезжают из Пятигорска. Конечно, более точной информации Дима получить не мог. Первая мысль: немцы отступают. Конечно, ведь не случайно один из прибалтийских немцев по фамилии Дигель все интересовался, удалось ли нам купить лошадей. Тогда мы не обратили на его слова внимания, а сейчас стало ясно их значение.

В кафе появились наши русские друзья с еще более тревожными сообщениями. Всем стало совершенно ясно, что немцы отступают. Не сегодня-завтра Красная армия может занять город. Все говорят, что лучше уехать из Пятигорска. Но как? Железнодорожный транспорт уже давно не обслуживал гражданское население, ни у кого из наших друзей не было ни машин, ни лошадей. Ясно, что уйти можно только пешком. Те же проблемы, что и в августе. Но далеко пешком не уйти. Прибежала Варя, сказала, что решила остановить первую проходящую немецкую машину и просить подвезти ее хотя бы до Ростова. Она работала в отделе пропаганды и знала, что ее ждет: коммунисты ни за что не простят ей пропагандистские статьи.

31 декабря

Все попытки найти кого-нибудь, кто согласился бы взять нас хотя бы до Ростова, не увенчались успехом. Мы думали о Ростове потому, что там жили наши близкие друзья, которые, как нам казалось, могли бы приютить нас на короткое время. Все наши знакомые спешно покидают Пятигорск. При встрече на улице делают вид, что не замечают нас. Наше положение осложняется. Сегодня все мы — Таня, Дима, Юра и я — ушли к Ляле: оставаться в огромном пустом доме выше наших сил. Забрав кое-что из наших пожиток, мы вернулись на улицу Кочуры.

Через несколько часов Новый год. Кажется, что он будет еще печальнее того, который заканчивается.

1 января 1943 года

В канун Нового года произошло много разных событий. В девять часов вечера я положила Юру спать и сама прилегла на диван, так как неважно себя чувствовала из-за бесконечных волнений последних дней. Послышался стук в дверь и в комнату влетела Варя с криком: «Немцы уходят! Полная анархия! Жгите марки!» Ляля поддалась панике и бросилась жечь марки. Мы уговаривали ее не делать этого: каждый мог спрятать на себе немного денег. Варя опять убежала и вскоре вернулась с еще более неприятными новостями: партизаны, которые скрывались в лесу, уже в городе, уверенно говорят, что Красная армия на подходе к Пятигорску и что город будет занят не сегодня–завтра. Я лежала рядом со спящим Юрой и дрожала как в лихорадке. Таня горько плакала, опасаясь за судьбу «своего» летчика, который частенько приходил в кафе. Он говорил, что его подразделение покинет город последним после того, как все наиболее важные объекты будут взорваны.

Слова Вари подействовали на всех нас, а услышав стрельбу, мы впали в еще большую панику. Около полуночи раздался сильный стук в дверь. Будучи абсолютно уверена, что это красноармейцы, я все же спросила: «Кто это?»

«Сульцбах. Открывайте!» — послышался бодрый ответ.

Сульцбах, один из постоянных посетителей кафе, собирался отпраздновать Новый год с нами. И даже стрельба на улице, которая так напугала нас, не помешала ему прийти. Мы рассказали ему о наших проблемах. «Далеко не все покинули Пятигорск, — успокаивал он нас. — Видите, я еще здесь. Все штабные крысы, конечно, сбежали. Они первыми покидают тонущий корабль... Я фронтовик и своих друзей в беде не оставлю».

2 января

На минутку заскочил Сульцбах, мы отдали ему все наши документы. Он зачислил Диму в свою команду, и Дима сразу же приступил к исполнению обязанностей повара. У Димы не было ни малейшего представления даже как варить картошку. Однако Сульцбах хотел, чтобы Дима всегда был у него под рукой на случай, если потребуется немедлено послать за нами. Он велел нам прийти к нему утром 10 января.

4 января

Первый день работы Димы в должности повара закончился полным провалом: он сварил курицу со всеми потрохами, желчный пузырь лопнул, и суп оказался совершенно несъедобным. Мы были уверены, что на этом карьера Димы как повара закончилась, но Сульцбах только посмеялся над ним.

5 января

От скуки и безделья мы решили опять открыть кафе. Ни Ляля, ни Дима здесь больше не появляются. Посетителей же очень много: те жители Пятигорска, которые остались в городе, решили истратить оккупационные марки, так как с приходом Красной армии эти деньги потеряют ценность. Нас успокаивало одно — сознание того, что Сульцбах обещал взять нас в Ростов. Город пустел на глазах. Редко-редко проедет машина или мотоцикл, пройдет небольшая группа солдат. Встретила сегодня Радловых, Болховского и еще несколько актеров. Они едут в Ростов в товарном вагоне военного эшелона. Все настолько озабочены своей собственной судьбой, что никто даже не думает помочь нам. Саманов договорился, что его возьмет главный инженер городской администрации. Если бы не Сульцбах, у нас не было бы ни малейшей надежды выбраться из Пятигорска. Он вчера заезжал к нам и, увидя плачущую Варю, пообещал взять и ее. Вот так и узнаются настоящие друзья.

9 января

Вот мы и закрыли кафе. Теперь уже насовсем. Некоторые вещи просто раздали. Город пустеет с каждым днем. Многие боятся выходить на улицу из-за возможных воздушных налетов и артобстрела. Через город постоянно проезжают колонны грузовиков с солдатами. Часто среди них можно увидеть русских детей и стариков. Идут с рюкзаками за плечами люди разных кавказских национальностей. На телегах — их семьи, домашний скарб. Такое впечатление, что весь Кавказ куда-то движется. Сейчас только пять часов, а уже совсем

темно. Я только что пришла домой. Электричество отключили. Керосиновая лампа нагоняет еще большую тоску. Постоянно слышны взрывы. Вот-вот должна быть взорвана электростанция. Она недалеко от нас, за углом. Под окнами все время кто-то бегает. Слышны странные звуки: то ли крик, то ли плач, то ли лай собак. Нервы напряжены до предела. Уговариваю Лялю немедленно бежать. С Сульцбахом договорились на утро, но у меня больше нет сил ждать ни минуты.

ПО ПУТИ ИЗ ПЯТИГОРСКА В БЕНДОРФ

(12 января — 12 ноября 1943 года)

12 января 1943 года.

Опять в пути. Теперь — в Краснодар. Остановились на ночь в станице. С огромным трудом нашли место для ночевки. Все дома битком набиты — немецкие военные, а также беженцы с Кавказа. Постараюсь описать, как развивались события с того памятного вечера девятого января. Написав в дневнике, что я не могу больше ждать, я предложила не медля ни минуты идти к Сульцбаху и просить его разрешения провести ночь у него на кухне. Все согласились с радостью, так как были страшно подавлены. Очень печальное расставание с бабушкой. После недавней болезни она не могла, да и не хотела ехать: все еще очень слаба, ноги сильно опухли. Соседка, Ольга Александровна, согласилась взять бабушку к себе и ухаживать за ней. Мы оставили им продукты — кое-что из Лялиных запасов. Наконец мы вышли на улицу. Ночь была необыкновенно темная. На улицах ни единой живой души. Вдали всполохи огня. Слышны отдаленная артиллерийская канонада, мощные взрывы. Мы почти бежим. Дима, услышав на лестнице наши шаги, открыл дверь и пришел в ужас: мы нарушили распоряжение его начальника прийти утром. Сульцбаха дома не было. Он предупредил, что вернется к полуночи. Мы уселись на полу в ожидании дальнейших событий. Около двенадцати появился Сульцбах. Конечно, он был неприятно удивлен, увидев столько людей на своей кухне. Мы объяснили, что больше не могли оставаться дома — это было невыносимо. Он посмеялся над нашими страхами и постарался убедить нас в том, что реальной опасности пока нет. Но на этот раз он ошибся: не прошло и часа, как зазвонил телефон и он получил приказ немедленно эвакуироваться. К счастью, мы были уже на месте, и он предложил нам сесть в грузовик, стоявший во дворе. Часть наших вещей взял в свою машину, сказал, что поедет следом. Не прошло и часа после телефонного звонка, а мы уже сидели в грузовике. Иван никак не мог решить, что ему делать. Он бросался то к грузовику, то к дому, то опять к грузовику, пока кто-то из солдат не прикрикнул на него и он, как побитый пес, залез в грузовик. Почти одновременно все три машины тронулись с места и почти сразу же пошли на полной скорости. Мимо пролетали знакомые улицы, затем пригород, и вот мы уже на шоссе, идущем на Минеральные Воды. Мне вспомнилось 6 февраля 1942 года и наш отъезд из Ленинграда. Прошел почти целый год, и вот мы опять в пути. На этот раз в полную неизвестность. Волнение и напряжение усиливались темнотой ночи, гулом моторов, отдаленной

стрельбой. Как и во время эвакуации из Ленинграда, я прижала Юру к себе, и он быстро уснул. Все молчали. Рядом со мной сидела Варя. Она вынуждена была расстаться со своей сестрой Светланой и единственной дочерью. Уехать Варю уговорила Светлана, основным доводом было то, что работа в немецком Отделе пропаганды не пройдет для Вари безнаказанно... Ее сестра, муж которой погиб на фронте, осталась с двумя девочками — со своей дочерью и с дочерью Вари.

Вскоре мы влились в непрерывный поток машин. Пришлось ехать медленней. Обгон запрещен. Беспрерывные сигналы машин, крики и ругань водителей. Вдруг паника: машины, повозки, пешие стремятся вперед, а сзади, совсем близко, слышны разрывы артиллерийских снарядов. Такое впечатление, что они следуют за нами по пятам. Что-то случилось с нашей машиной. Шофер съехал на обочину и остановился. Два солдата, которые сидели в кабине, помогают ему. Мотор заглох. Колонна машин проезжает мимо. Время идет. Один из офицеров отстал от колонны, подъехал к нам, что-то сказал нашему водителю. Вскоре мотор заработал, и мы опять присоединились к общему потоку. Почти не останавливаясь, ехали два дня. Когда звуки стрельбы затихли, солдаты решили остановиться на отдых. Все очень устали, буквально выдохлись — постоянное напряжение, отсутствие еды и все это время почти без сна...

13 января

Вчера я так устала, что не могла продолжать писать. Хозяин одной избы согласился приютить нас, но места хватило только для солдат и Лялиной семьи. Нам же пришлось ночевать в машине. После теплой комнаты как же нам не хотелось возвращаться в машину, хотя теперь мы смогли устроиться поудобнее. Сегодня утром произошла приятная встреча с Сульцбахом, которого мы уже почти потеряли. Он ехал позади нас в хвосте колонны, увидел нашу машину, стоящую на обочине, узнал свое «хозяйство», остановился, бросился к нам, перепугав нас до смерти. Он рассказал нам о своих приключениях как всегда весело. В Минеральных Водах его машина подорвалась на мине, но ему удалось вовремя выскочить из нее. Его спасло то, что в этот момент рядом с ним оказался немецкий танк. Он в очень приподнятом, веселом настроении. Мы — наоборот. Расстроены не столько из-за его машины, сколько из-за потери наших вещей, которые были уничтожены вместе с ней. Особенно жаль Лялину швейную машинку, которую нам хотелось сохранить больше всего.

В данный момент все мы собрались в той избе, где ночевали наши. Через полчаса выезжаем.

15 января

Два часа дня. Остановились в Армавире на пару часов. Ужасное зрелище! Как сильно изменился Армавир с тех пор, как мы проезжали через него весной 1942 года. Тогда он совершенно не был затронут войной. Сейчас на каждом углу следы разрушений. В городском парке — кладбище, хоронят немецких солдат и офицеров. Я долго бродила среди могил. Мысли мои, естественно, о семьях этих молодых загубленных жизней, о людях, погибших так далеко от родных мест. Может так случиться, что родители и родственники никогда не смогут навестить их могилы. Вспомнила, конечно, и свою семью — могилы родных разбросаны по всей России.

Солдаты управились с делами несколько раньше, чем предполагали, и теперь торопят нас: хотят успеть засветло добраться до станицы Прочноокопская. Там они собираются остановиться на ночь и подремонтировать машину. Она в очень плохом состоянии.

18 января

Три дня провели в казацкой станице Прочноокопская. Останавливались в деревенской избе. Очень неприятные хозяева. Едем дальше. У нас появился новый попутчик — Магомет, военнопленный из Баку. Встретив в Армавире немецкую часть во главе с Сульцбахом, упросил взять его, опасаясь расплаты за то, что был в плену. Он очень благодарен и предан Сульцбаху. Был до смерти напуган: боялся, что мы нарушим приказ Сульцбаха, который уехал накануне вечером, и не возьмем его с собой. Сульцбах поручил нам привезти Магомета в Краснодар. Краснодар — пункт сбора всех подразделений его части. Ночью Магомет не сомкнул глаз — следил за машиной. Он не доверял нам, боялся, что мы уедем без него. Едем в направлении Краснодара, немного проехали, и опять остановка: заглох мотор. Долго ждем. Проезжающие машины не хотят брать нас на буксир. Наконец один шофер сжалился и дотянул до первого населенного пункта — небольшого железнодорожного поселка под названием Карьер. Слезаем с грузовика, идем, мороз жуткий. В машине мы обычно сидим, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Когда же вылезаем из машины, то замерзаем до такой степени, что даже руки немеют, пальцы ничего не чувствуют, а надо еще нести вещи: оставлять их в машине, стоящей у обочины, опасно. Дорога через поле до поселка кажется бесконечной. В первую избу не пускают. Говорят, битком набито. Идем в другую сторону, задыхаясь на ледяному ветру. Только в четвертой избе соглашаются нас принять. В ней уже расположились солдаты.

Кружится голова, тошнит. Меня укладывают на кровать. Все мои испуганы. Ляля даже подумала, что я умираю: пульс не прощупывался. Я мгновенно заснула. Как много может вынести человек!

Обстановка в доме очень неприветливая. Жилых комнат всего две. Одну занимает семья хозяина: муж, жена и пятеро детей. Во второй девять человек нас и шесть солдат. Магомет и один солдат охраняют две машины. Наш грузовик небольшой, открытого типа, с брезентовым верхом: а второй — огромный. Сзади есть дверь, которую можно запирать на ключ. Магомет выразил желание быть полезным. Ему дали винтовку, и он заступил на пост, но на морозе и на ледяном ветру быстро замерз и решил укрыться в теплой машине. Случайно захлопнул дверь, ключа у него не было, и он не смог выйти, его напарник тоже спал в машине, так как должен был сменить Магомета позже. При такой «охране» грузовик с нашими вещами оказался без присмотра. Когда утром мы узнали о ночном происшествии и решили проверить наши вещи, оказалось, что почти половина их пропала. Подозрение пало на хозяина: ночью он выходил и наверняка увидел, что Магомет заперт в машине. Больше всего мне было жаль моего теплого халата, который так выручал меня на зимнем ветру. Пока мы расследовали ночное происшествие, солдаты занялись поиском продуктов. Большинство жителей поселка Карьер ушло до прихода Красной армии. Из-за нехватки транспорта оставили часть скота. Директор совхоза, работавший при немцах, собирался уезжать. Солдаты объяснили ему, что мы уже давно в пути, нас восемнадцать человек, и мы фактически остались без питания. Переговоры увенчались успехом: местный механик согласился починить машину, а директор совхоза выделил теленка. Видим: два солдата тянут упирающегося теленка, а Дима подталкивает его сзади. Эта сцена рассмешила и немного отвлекла нас, мы даже забыли о своих потерях. Не можем пока продолжать путь — задержка из-за ремонта машин. Теленок, конечно, спасение, но нас слишком много и надолго его не хватит. Поселок очень бедный, достать что-либо невозможно. Наши хозяева живут в бедности. У них ничего нет. Дети, например, зимой не выходят на улицу: им нечего надеть. Дети бледные из-за плохого питания и отсутствия свежего воздуха. Едят они в основном хлеб, картошку и овощи, и этого не всегда вдоволь. Стоило посмотреть, как они радовались, когда солдаты дали им несколько костей. Это вывело их на некоторое время из мрачного и враждебного по отношению к нам настроения. Я ни на секунду не сомневаюсь, что ночное происшествие — дело рук нашего хозяина, который непонятно зачем куда-то уходил среди ночи. Но, глядя на его детей, которые были похожи скорее на призраки, чем на живых людей, я почти смирилась с утратой очень ценных для меня вещей, даже любимого «ленинградского» халата.

Погода ужасная: ветер, холод. На улицу не выйти. В доме грязно, тесно. Хоть бы механику удалось поскорее починить нашу машину! А если нет? Опасно застрять в этой дыре.

20 января

Вечер. Все еще ужасно холодно. Сегодня рано утром выехали из Карьера. Сейчас остановка в станице Ладожская.

Солдаты уверяли нас, что машина на ходу, но не проехали мы и ста километров, как опять что-то сломалось. Надеялись, что дотянем до Краснодара, до которого оставалось всего шестьдесят километров, но не вышло. Ладожская — большая станица, и нам повезло: мы нашли место для ночлега. Кроме теленка, в Карьере нам дали картошки. Хотели приготовить еду, но хозяин отказался затопить печь: нет дров. В доме темнота — нет керосина. Дети плачут.

Солдат Йозеф достал молока и дров. Ужин вскоре был готов, конечно, очень простой. Мне непонятно, как мы будем спать: в доме нет ничего даже отдаленно похожего на кровати, более того, нет ни соломы, ни сена, чтобы постелить на пол. Но ничего не поделаешь. Что нас ожидает впереди? Полная неизвестность. Может быть, еще худшее. Нужно приспосабливаться...

21 января

Мы в Краснодаре: Варя, Дима, Юра и я. Вчера, когда уже улеглись спать, какие-то солдаты с шумом ввалились в наш дом. Мы встали. Оказалось, что они были постоянными посетителями нашего кафе. Едут в Краснодар в небольшой машине. Узнав, в какую ужасную ситуацию мы попали, предложили взять с собой хотя бы нескольких из нас, чем значительно облегчится положение остальных. И Йозефу будет легче с продуктами, особенно если ремонт машины затянется. Ляля категорически заявила, что остается с Йозефом, которому целиком доверяет. Мы же с Варей решили ехать. Наши новые покровители гнали с такой бешеной скоростью, что обгоняли все машины. Несколько часов — и мы в Краснодаре. У Вари было письмо к какой-то женщине от ее пятигорских знакомых. Солдаты подвезли нас по этому адресу, высадили и сразу же уехали на сборный пункт своей части. Варя пошла искать эту женщину и вскоре вернулась очень расстроенная — та согласилась принять, но только ее одну. Обсудили ситуацию и решили зайти в первый попавшийся дом и просить принять нас хотя бы на одну ночь. Терпим фиаско. Наша необычная группа с вещами посреди улицы привлекает внимание прохожих. Они останавливаются, дают советы. В этот момент прибегает Варя, она опять ходила к этой женщине и радостно сообщает: женщина сжалилась над нами и согласилась принять нас всех, но только на два дня, ни в коем случае не больше. Хватаем вещи — и в дом. Женщина приятная, но производит какое-то странное впечатление. Вскоре выяснилось, что у нее туберкулез. Беспокоюсь за Юру, но делать нечего.

22 января

Проснулись от налета советских самолетов. В соседний дом попала бомба. Наша хозяйка в панике, заставляет нас лечь на пол и лезть под кровати, где мы задыхаемся от пыли. Убедить ее, что в подобной ситуации ни кровати, ни столы не спасут, совершенно невозможно. Спорить не имеет смысла — выгонит. Утром вместе с Варей отправляемся в квартирный отдел узнать расположение той воинской части, которая вывезла нас из Пятигорска. Не вышло. И неизвестно, чем и как можем мы помочь нашим, оставшимся в станице Ладожская.

Днем и ночью слышится артиллерийская стрельба. Кажется, что артобстрел ведется с близких позиций.

23 января

Мы повеселели. Встретили двух знакомых офицеров: один — капитан авиации Трегер, подчиненный Сульцбаха, второй — начальник Отдела пропаганды Фобке, где работала Варя. Он успокоил нас, сказав, что, если мы не сможем ехать дальше с той частью, которая привезла нас в станицу Ладожская, он предлагает довезти нас всех до Мариуполя — пункта сбора всех немецких частей. Трегер нашел для нас комнату и познакомил нас с начальником транспортной колонны. Они оба обещали не оставлять нас без помощи в таком небезопасном месте, как Краснодар. Правда, Трегер уверяет, что Красная армия далеко от города, но, судя по артиллерийской канонаде, я сомневаюсь в этом. Сейчас мы в доме, расположенном рядом с тем, где квартируется начальник транспортной колонны. Трегер узнал, что у нас нет продуктов, и сегодня мы получили полный солдатский обед. Весьма приятная неожиданность. В Краснодаре процветает «черный» рынок. Цены совершенно невероятные: масло — 800 рублей, картошка — 80, морковь — 60-70 рублей и т.д. Если задержимся здесь, моих пяти тысяч надолго не хватит.

24 января

Просим Трегера послать машину за нашими, оставшимися в Ладожской. Нашли для них квартиру на улице Ленина. Наконец их привезли.

25 января

Мы опять в пути. Разбудили нас сегодня очень рано, в пять часов, и приказали немедленно собираться. Иозеф сказал вчера вечером Ляле, что получил разрешение от начальника транспортной колонны везти нас всех в одной машине. Пока мы грузились, он послал шофера на улицу Ленина забрать Лялю, ее мужа, дочь Веру и Зину. Мне

показалось, что что-то не так, что Иозеф не совсем уверен в правильности своих действий. Однако Ляля с семьей села в нашу машину. Неприятности начались на сборном пункте. Оказалось, что Иозефу разрешили взять только нас пятерых, и Лялю со всем семейством высадили. Не знаем, что делать. Ляля настаивает, чтобы мы тоже сошли. Часть наших вещей, погруженных раньше, уже отправлена. Ну а главное, всех вместе нас было так много, что трудно было рассчитывать, что кто-то сможет взять девять человек в одну машину. Конечно, значительно легче нам будет уехать, если мы разделимся на две группы. Несмотря на все попытки убедить Лялю в этом, она упорно настаивала на своем. Мы дали ей адрес Фобке из Отдела пропаганды. Он обещал взять четверых, в крайнем случае — пятерых. Ляля ничего не хотела слушать. Варя сказала, что не собирается делать глупости, Дима с Таней расплакались. Юра в ужасе: вдруг я сойду, и машина уедет. Тогда, чтобы закончить столь неприятную сцену, шофер нажал на газ, и мы уехали. Настроение, конечно, не из лучших. Кроме того, Иозеф предупредил нас, что один участок дороги очень опасный: простреливается красноармейцами. В самый последний момент, уже на ходу, в машину вскочил Магомет. Решили его оставить. Он накрыл голову одеялом, всю дорогу читал Коран и предсказывал будущее. Вечером мы остановились в очень чистой, уютной избе. Главным у нас был молодой немец, унтер-офицер. Он показался нам очень злым, когда кричал на Иозефа и высаживал наших из машины. Потом выяснилось, что он просто разозлился на Иозефа за то, что тот, послав машину за Лялей, нарушил дисциплину, святое святых для немцев. Вероятно, все могло бы сложиться иначе и Ляля с семьей ехала бы сейчас с нами, если бы Иосиф не действовал так самоуверенно, на свой страх и риск. Магомет, конечно, очень доволен тем, что его взяли. В перерывах между молитвами он все время повторял одну и ту же фразу: «Только бы они взяли меня с собой, а не оставили большевикам!» Он военнопленный и прекрасно знает, что его ожидает, если он попадет «к своим».

Рано утром выезжаем. Дорога ужасная. Везде следы бомбежек и разрушений. Прямо на дороге валяются убитые, трупы лошадей, искореженные машины. За рулем сейчас наш главный, гонит без остановок. Только поздним вечером останавливаемся наконец в маленькой деревушке. Унтер-офицер расщедрился и угостил чаем с коньяком. Для нас, промерзших до костей, это было как раз то, что надо. На ужин сварили макароны, целый мешок их везем из Краснодара. На этот раз хозяйка очень гостеприимная и разрешает нам готовить сколько угодно. Рассказала нам, что в свое время их раскулачили за то, что у них было две коровы, но, к счастью, не сослали. Поэтому им не пришлось сильно бедствовать. Приходили все новые и новые люди, и вскоре в избе яблоку было негде упасть.

23 января

Опять остановка, но на этот раз мы проделали немалый путь. Если будем передвигаться и дальше с такой скоростью, то завтра будем в Мариуполе. Все мы в страшном напряжении. На подступах к Ростову на полях много разбитой техники, трупы лошадей. У всех одно желание — как можно скорее проскочить Ростов. Немного все же задержались в городе: солдаты чего-то ждали. Или кого-то? Город сильно разрушен. Огромные, когда-то красивые дома превращены в руины. Наконец, выехали из города. Все вздохнули свободней. К сожалению, ненадолго. Зная, что у нас мало еды, один из шоферов дал немного хлеба, но он так промерз, что разрезать его невозможно. Кое-как удалось разломать его на кусочки, только тогда его стало можно грызть. Холод все усиливался. Настроение все больше и больше падало. Когда выезжали из Ростова, уже стемнело. Проехав совсем немного, опять попадаем в пробку, еще более плотную, чем в Минеральных Водах. Машины встали. Беспрерывные крики регулировщиков, приказы полевой жандармерии, озлобленность водителей... Наш унтер-офицер тоже начал покрикивать. Становилось все темнее и темнее. Ростов бомбят: пронзительный свист падающих бомб, вой моторов, грохот разрушающихся зданий. Старашная картина. Мы молча следим за пикирующими самолетами. Жутко сидеть на месте и не иметь возможности убежать, вырваться. Кажется, что еще чуть-чуть и летчики увидят нашу колонну и от скопления машин не останется и следа. Спрятаться невозможно.

Бомбежка все сильнее. Небо полыхает огнем. Взрывы оглушительные. Я спросила шофера: не лучше ли укрыться где-нибудь в поле? Он мрачно ответил: оставаться на месте и сидеть спокойно. Сижу не шевелясь, крепко прижав к себе Юру, молюсь Богу. Сколько так прошло времени — даже не знаю. Неожиданно колонна ожила и двинулась вперед. Ноев ковчег (так Варя нарекла нашу машину) прыгал вверх и вниз на ухабах, раскачивался из стороны в сторону. Все в ужасе. Казалось, что еще немного и мы опрокинемся... Что от нас останется? Дикая езда сопровождалась криками, свистом, бранью водителя. Но вперед мы все же двигались. Ростов остался позади, стрельба постепенно затихла. Наша машина пошла на обгон, объезжая других прямо по заснеженному полю. Диву даемся, как это унтеру удаются такие лихие маневры. Потом он сказал мне, что пошел на обгон, что являлось грубым нарушением, потому что ему тяжело было видеть мучения Юрика: в Германии его ждет такой же маленький сын. Остановились в полночь в деревне Чалтырь. Все улицы заполнены грузовиками и легковыми машинами. Унтер-офицер пошел искать место для ночлега. Все забито. Наконец ему удалось уговорить одну хозяйку принять хотя бы меня с Юрой. Вместе с нами в избу вошли и Дима с Таней. Варя поудобнее устроилась в машине. В избе

яблоку негде упасть. Мы кое-как примостились на полу. В комнате, помимо нас, было человек двадцать. Тут не то что спать, а задремать невозможно. Те, кто пришел раньше, смогли улечься на полу, мы же всю ночь просидели около двери. Один Юра спал у меня на руках. По неизвестным для нас причинам почти весь следующий день провели в Чалтыре. Когда утром военные проснулись, из разговоров выяснилось, что среди них были летчики, бомбившие Ленинград. Узнав, что мы ленинградцы, они были готовы сделать для нас все.

30 января

Поездка в Мариуполь была просто наслаждением. Прежде всего из-за прекрасной погоды. Яркое солнце, заснеженные поля, на небе ни облачка. В одной деревне мы увидели свадебную процессию. Лошади в колокольчиках и лентах, громкий смех, веселые песни. Как приятно!

Часть пути едем по берегу Азовского моря, через большие станицы, некоторые оставляют приятное впечатление. Въехали в Мариуполь и остановились в самом центре города. Здесь наш унтер-офицер и солдаты должны оставаться, пока не соберется вся их часть. Оставили вещи в машине и пошли в квартирный отдел узнать, где можно поселиться. Узнали, что наш, то есть пятигорский, ВИКАДО уже в Мариуполе и их контора всего в нескольких минутах ходьбы. И действительно там мы встретили и Нуссбруха, и д-ра Лакса. Вздохнули с облегчением. Уверены, что они нам помогут. Наши надежды оправдались. Уже через полчаса они устроили нам жилье.

31 января

А не использовать ли наш кулинарный опыт и не попробовать печь дома и продавать выпечку в различные кафе? Зашли в одно кафе и спросили, возможно ли это. Нас заверили, что мгновенно продадут все, что мы испечем: спрос на кондитерские изделия очень большой.

3 февраля

Рынок в Мариуполе богатейший. Купить можно все: молочные продукты, рыбу, овощи, шоколад, даже кофе. Все продается по баснословным ценам, так что и нам за наши изделия нужно просить много. Мы уже сделали две выпечки, и хозяева кафе остались ими довольны. Мы так организовали работу, что к пяти часам все собираемся дома на обед, после которого принимаем гостей. Можно подумать, что вернулась мирная жизнь.

5 февраля

Жизнь в Мариуполе наладилась, не хочется никуда уезжать. Наши кулинарные изделия идут нарасхват, не успеваем печь. Даже удалось восстановить те сбережения, которые мы за это время потратили, а также накопить небольшой запас продуктов на черный день. Это — после ужасной ленинградской голодовки — для меня теперь самый главный вопрос. Сегодня мне стало известно, что Отдел пропаганды собирается ехать в Мелитополь. Приглашают нас. Меня это очень расстроило. Мелитополь — это неизвестность. Варя настаивает на поездке и выдвигает следующие доводы: они зачислят нас в штат, мы будем считаться у них на службе и т.д. Я же не хочу порывать с ВИКАДО и думаю просить их взять нас с собой.

7 февраля

Вопрос решился сам собой. Таня заболела и лежит с температурой 39°. Отдел пропаганды выезжает сегодня. Они обещали заехать за нами, но мы вынуждены отказаться из-за Таниной болезни.

9 февраля

Ходила в ВИКАДО. Д-р Лакс обещал взять нас с собой. Сегодня мы уезжаем из Мариуполя. Все произошло значительно быстрее, чем ожидалось. Вчера вечером пришли Лакс со Шварцем, забрали наши вещи и предупредили, чтобы к утру мы были готовы. На этот раз едем не в грузовике, а в большом автобусе. Кроме нас, еще пятнадцать солдат. Начальство же, Нуссбрух и д-р Лакс, поедет за нами в легковой машине. Направление — на Кировоград, бывший Елизаветград. Всю дорогу сижу у окна и любуюсь красотой белоснежных украинских степей. Бело до самого горизонта. На бесконечных снежных просторах ни единой хаты, ни единого деревца. К вечеру подъехали к Орехову. Офицеры и солдаты устроились на ночлег в самом городе, мы же с водителями нашли небольшую хату в пригороде, хозяева приняли нас с явным неудовольствием. Водителям постелили в кухне на полу, а нам выделили деревянную кровать в единственной свободной комнате, так называемой чистой половине. Если лечь на этой огромной кровати поперек, то места хватит всем пятерым. Все уже спят, а у меня болит голова, и, кроме того, я хочу записать события сегодняшнего дня.

10 февраля

Встали рано. Утро изумительное. Яркое солнце сияет всеми цветами радуги на снегу, на деревьях огромного сада. Такая бесподобная красота, что хочется как можно дольше оставаться в этом очаровательном городе, о котором я никогда раньше не слышала. Красота

создает необыкновенное ощущение мира, которого нам так давно не хватает. Водители торопят нас. Сегодня мы должны успеть добраться до Днепродзержинска. Едем дальше. Проехали Днепрогэс. Очень понравился поселок, построенный, по словам местных жителей, специально для работников ГЭС. Позже выяснилось, что в строительстве поселка принимали участие иностранные специалисты. Никогда раньше не приходилось нам видеть такие красивые и удобные дома. Такое впечатление, что мы не в Советском Союзе. К вечеру приехали в Днепродзержинск. Нам с Варей посчастливилось найти большой пустой дом. С электричеством и даже уборной. Впервые за долгие месяцы мытарств мы увидели настоящие «европейские удобства». Завтра едем дальше.

11 февраля

Ночуем в большой деревне Саксаган. После всех дневных неприятностей приятно устроиться на ночлег в чистой комнате. Это дом деревенского старосты, между прочим, сына бывшего священника. Я и не надеялась уже, что мы вообще сможем найти место для ночевки. Не успели мы выехать сегодня утром, как наш водитель сбился с пути и долго плутал по бездорожью. Нам попадались только крестьяне-украинцы, а водитель обращался к ним по-русски. Я вышла, чтобы помочь им объясниться, но тоже мало что поняла. По словам крестьян, все рядом, близко, но мы ехали в указанном ими направлении, и получалось очень далеко. Дороге нет конца. Дважды мы застревали и буксовали в снегу, и нам приходилось выходить из машины и вытаскивать ее. Раз даже запрягали быков и тащили ее на буксире. И так весь день. Нет-нет, и мелькала мысль, что ночевать придется прямо в поле. Но наконец нам повезло, и мы оказались на дороге.

13 февраля

Вчера покинули Саксаган. Первая часть пути была трудной. В начале ехали почти по бездорожью, но потом выехали на хорошее шоссе, ведущее к Кривому Рогу. Дорога прекрасная. При въезде на шоссе немного постояли, ожидая остальные машины, которые следовали за нами. Все в снегу, но уже чувствуется приближение весны. Солнце греет все сильнее. Над лесом увидели сверкающие на солнце крылья самолета. Какой неприятный контраст необыкновенной красоте природы. Самолет напомнил, что все еще идет война. К вечеру мы в Кировограде. В центре города останавливаемся у казарм. Солдаты идут искать пристанище. Им сказали, что в городе ночевать негде и что единственное место — это казармы. Нам в казармах делать нечего. Выходим из машины. Уже темно. Что делать? Куда идти? Оставив вещи в машине, идем с одним из солдат в надежде найти

кого-нибудь из знакомых офицеров. Офицерский клуб. Только вошли и сразу попали в окружение наших знакомых из Пятигорска. Все удивлены: как мы сюда попали? Мгновенно устроили нас на ночлег.

14 февраля

Ходили в квартирный отдел, получили на выбор пять адресов. Остановились на первом, два оставили для д-ра Лакса и Нуссбруха.

16 февраля

Рынков в Кировограде нет. Городская администрация закрыла их и строго следит за исполнением своего решения. Продукты купить нельзя. Только по карточкам. Нам выдали продуктовые карточки на десять дней.

17 февраля

Наконец-то сегодня приехали Лакс и Нуссбрух. По дороге, уже в городе, они встретили Диму и направились прямо к нам. Кроме одной-единственной кровати, в нашей комнате ничего нет. Хозяйка расщедрилась и выделила нам стол и два стула. Комната долгое время пустовала и не отапливалась. Когда затопили печь, стены запотели, а через некоторое время в комнате стало как в парилке. Оставаться в Кировограде не имеем ни малейшего желания. Здесь совершенно нечего делать. Рынков нет, а по карточкам выдают очень мало.

18 февраля

Руководство ВИКАДО приняло решение расположиться в деревне в четырех верстах от Кировограда. Пообещали привезти и нас туда же. Мы довольны: когда ВИКАДО рядом, голод нам не грозит. Кроме того, хорошо бы провести лето в деревне. И кто знает: а что, если война окончится этой осенью, и мы сможем вернуться домой?! Будущее так неопределенно...

20 февраля

Опять перемены. ВИКАДО переезжает в другое место. Мы познакомились с начальником, полковником Кесерлингом. Он велел Лаксу взять нас с собой. Проехали Умань, движемся дальше. Ехать тяжело — ужасно грязная и скользкая дорога. Деревни такие убогие, что Лакс не решается переночевать в них. В нескольких деревнях он останавливался, шел на поиски, но каждый раз возвращался разочарованный, а то и возмущенный: все избы переполнены, в некоторых люди и скотина существуют бок-о-бок, смрад страшный. Разоренная, нищая страна...

Въехали в Румынию. Останавливаемся в большой чистой деревне. Лакс взял одного из солдат и пошел искать место для ночлега. Нашли большую комнату на немецкой ферме. Чистота. На полу постелены семь соломенных матрацов. Нам так понравилась эта деревня, что никуда не хотим отсюда уезжать. Пошли к местному начальству, но оказалось, что все вопросы нужно решать только с румынской администрацией. Утром нас прекрасно накормили: кофе, мед, масло. Невероятно! Но мы должны опять ехать дальше.

23 февраля

Едем два дня. Ночь провели в Виннице. С огромным трудом устроились на ночлег в доме одного инженера: его жена не хотела никого впускать. И неудивительно. Мы нигде не видели такой красивой и со вкусом обставленной квартиры: ковры, диваны, картины, удобные кровати. На следующий день Лакс сказал, что ему удалось получить разрешение для ВИКАДО остановиться на долгое время в Браилове. Это в сорока верстах от Винницы. Мы рады — мы тоже едем. Вечером следующего дня все втиснулись в одну маленькую машину, шофер гнал как бешеный. Тающий снег летел из-под колес машины, мимо пролетали небольшие деревушки, чудесные рощи. От Винницы до Браилова дорога отличная, с двух сторон обсаженная дубами. Похоже на сон. Витаем в облаках.

24 февраля

Браилов производит неприятное впечатление. Раньше здесь жили в основном евреи. Немцы вывезли их, оставили только нужных им людей: портных, сапожников, слесарей. Большая часть зданий, прежде всего в центре, разрушена. Только на окраинах городка стоят нетронутыми дома нееврейского населения. Нас разместили в большой чистой квартире. Сегодня утром я впервые отправилась в город за продуктами. Без каких бы то ни было затруднений купила муку, масло, сахар. Начальник гарнизона города — украинец.

27 февраля

Ровно год назад в Череповце умерла моя мама. Я пошла в старый монастырь на службу. На обратном пути встретила Лакса, Таню и Варю. Они в замешательстве, не знают, что делать: только что узнали, что должен приехать начальник и мы должны освободить для него квартиру. Лакс с Шульцем не смогли найти для нас ничего подходящего. Мы медленно шли по разрушенному кварталу. Наше внимание привлекла одна изба на берегу реки, по которой проходит граница с Румынией. Хозяйка предложила нам остановиться у нее, решила сама перейти в другую, ранее нежилую, половину. Мы осмот-

рели эту часть дома: две комнаты с кухней, как раз то, что нам нужно. Конечно, в комнатах холодно, но есть печка. Все выглядело очень уютно и красиво, а под окном даже росли березы. Можно ли мечтать о лучшем? Договорились с хозяйкой, что берем эти две комнаты. Кажется, начинается новый этап нашей бродячей жизни.

1 марта

Браилов оказался не таким уж плохим городом. Во-первых, есть сахарный завод, значит, проблем с сахаром не будет. Во-вторых, на молочном комбинате можно покупать молоко и масло, а на птицефабрике — яйца. В кооперативе можно достать специальные талоны на муку, зерно и другие продукты. Чем объяснить, что здесь есть все? Да это и неважно, главное — у нас есть все продукты.

5 марта

Диму взяли в кооператив переводчиком. Работы мало, и вообще мне не нравится эта его работа. Димины коллеги напоминают героев Гоголя. Зайдешь к ним на работу, и покажется, что ты в театре и идет «Шинель». Просто удивительно, что такие люди действительно существуют и все они собрались в одном месте! Из всей этой братии выделяется только их 25-летний начальник. Однако он любит заглядывать на дно бутылки, и я боюсь, что он приучит Диму пить. Целые дни они проводят в бессмысленной болтовне — мало подходящая обстановка для 16-летнего мальчика. Если мы останемся здесь, я подыщу для него другую работу.

8 марта

Делать абсолютно нечего. Ни у кого из нас нет определенного занятия. Моя единственная обязанность — добывание продуктов. Таня готовит обед. Варя пишет стихи. Иногда получается совсем неплохо. Основным поклонником ее таланта являюсь я. Юрий изменился в худшую сторону. Утром убегает из дома, чем доставляет нам массу хлопот. Иногда мы часами ищем его. Обычно он с ребятами из Браилова и соседних деревень болтается на берегу реки. Конечно, ему скучно: дома нет ни книг, ни игр. Как жаль те прекрасные книги, которые Дима покупал в Пятигорске. Школа закрыта. Ясно, что в Браилове долго оставаться мы не можем. Варя предлагает ехать в Одессу, где живет ее дядя. Одесса в руках румын. Мы живем на границе с Румынией, и у нас румынский комендант. Может быть, попробовать получить у него пропуск в Одессу?

11 марта

Хозяин рассказал, что в давние времена в Браилове было огромное старое поместье. Его владельцы уехали за границу сразу после революции. Сейчас можно увидеть только остатки внушительной ограды (будь она деревянная, ее давно бы растащили на дрова), а также запущенный сад. Там, где раньше стоял господский дом, заросли сорняка. Мне нравится бродить по саду, я пытаюсь представить себе, что здесь было четверть века назад, кто здесь жил и где они сейчас.

Кроме монастыря, в центре города есть еще несколько церквей, одна католическая. На кладбище меня удивили необычайно большие кресты над могилами. Судя по надписям, могилы польские. Сразу за кладбищем начинаются поля, вдали виднеется лес. Река, на берегу которой мы живем, отделяет нас от Румынии. В этом богом забытом уголке России на первый взгляд все хорошо, даже прекрасно. На самом деле за этим скрывается настоящая трагедия. Браилов был местом еврейской оседлости. Евреи жили здесь веками. Пришли немцы и жестоко расправились с ними — большую часть уничтожили, оставили только мастеровых, которые им были нужны. Об этом мы узнали от местных жителей.

Глава городской администрации — немец по фамилии Граф. Сначала мы считали его вполне нормальным человеком. А недавно смогли убедиться, что Граф и его помощники не такие уж приятные люди, как нам казалось. Как-то вечером мы пошли в комендатуру, чтобы раздобыть что-нибудь из мебели. В коридоре увидели несколько человек, ожидающих своей очереди, чтобы предстать перед местным царьком. Полицаи были явно недовольны нашим неожиданным появлением, однако разрешили нам пройти без очереди. Озабоченный Граф на этот раз показался нам не таким добродушным, как обычно. Не получив того, за чем пришли, мы немедленно покинули его кабинет, но ненадолго задержались в коридоре: люди в очереди были евреями, и мы почувствовали, что ничего хорошего их не ждет. В этот момент Граф вызвал к себе в кабинет полицаев и мы смогли переброситься с этими людьми несколькими словами. Выяснили, что всю эту большую семью задержали на границе с Румынией, куда они решили бежать от немцев. В Румынии в то время евреев не преследовали. Мы уже знали, что евреев с редкими и нужными профессиями немцы не трогали. Мы успели сказать главе семьи, что это единственный путь к спасению. Как раз в этот момент дверь кабинета Графа распахнулась, появились полицаи, евреев ввели в кабинет. Нам ничего не оставалось, как поскорее уйти домой, но по дороге мы все же решили зайти к Майнеру, новому начальнику ВИКАДО, сменившему Кесерлинга. Майнер выслушал нас внимательно и с сочувствием, но дал понять, что он, как командир хозяйственной части, абсолютно не может повлиять на действия комендатуры по той причине,

что к немецким войскам это непосредственного отношения не имеет. С мрачными мыслями мы отправились домой, предчувствуя несчастную судьбу еврейской семьи.

14 марта

Полчаса назад мы видели в окно, как Граф с двумя полицаями провел тех самых евреев мимо нашего дома. Они перешли по мосту на ту сторону реки и скрылись в лесу. В роще, где мы так любили гулять, вскоре раздались автоматные очереди. Потом все стихло. Мы сидим молча, боимся взглянуть друг другу в глаза. Через некоторое время Граф в сопровождении полицаев проследовал назад.

16 марта

Весна вступает в свои права. Ярко светит солнце. Журчат ручьи. Снег почти полностью стаял. Вечером в лунном свете все кажется таким красивым, что не хочется сидеть дома. Но одной природой не проживешь. Опять мучительный вопрос: что будем делать, когда ВИКАДО уедет из Браилова? А слухи об этом становятся все более настойчивыми. Первыми из ВИКАДО уйдут на фронт самые молодые, затем остальные. Говорят, что с наступлением теплой погоды немецкая армия опять двинется на восток. Что нам делать? Этот вопрос гнетет все больше. Может быть, есть смысл остаться в Браилове? Дима регулярно получает паек на работе. Есть у него и другие привилегии. При желании может получить землю под огород. Можно откормить свинью, завести корову. Во всяком случае нет опасности голодной смерти. Дима настроен очень оптимистично, не желает отсюда уезжать. Варя тоже в приподнятом настроении. Бывают дни, когда она рисует наше будущее в розовом цвете: корова дает по двадцать литров молока ежедневно — мы торгуем молоком и маслом; свинья достигла таких огромных размеров, что вот-вот лопнет от жира, куры так хорошо несутся, что у нас уже горы яиц. Мы богатеем не по дням, а по часам. Но бывает у Вари и типичный для славян упадок духа. Тогда будущее покрывается тучами. Корова вдруг вообще перестает давать молоко, а когда мы пытаемся доить, начинает брыкаться и махать хвостом, и у нас ничего не получается. На кур наподает мор, свинья дохнет. Ветра и дожди уничтожают наш огород. От таких прогнозов настроение падает дальше некуда. Дима, конечно, называет ее идеи фантастикой, а прогнозы ерундой. Он считает, что единственно разумно решение проблемы — остаться здесь, в этом укромном уголке, который чудом уцелел. А это даст потом возможность всем вернуться в Ленинград, к отцу.

6 апреля

Сегодня ездила в Жмеринку в больницу. Последнее время неважно себя чувствовала, а вчера стало совсем плохо. Дома все волнуются. Нужно срочно решать: оставаться в Браилове или уезжать? Я уже не могла ни о чем думать. Попасть в больницу очень трудно. Жмеринка всего в десяти верстах от Браилова, но эта территория оккупирована румынами, и румынский комендант никак не хотел давать мне пропуск, настаивал, чтобы меня везли за сорок верст в Винницу, то есть на территорию, оккупированную немцами. Температура сорок, временами теряю сознание. Немецкий офицер Милтенберг, пообещавший доставить меня в больницу, жутко ругался с румынами, но это не спасало положение, а наоборот. Милтенберг все же вывез меня из Браилова, правда, по другой дороге. Когда мы все же прибыли в больницу, медперсонал не знал, что со мной делать. Спасло меня случайное совпадение — главврач оказался ленинградцем. Он сам взялся за лечение. Сейчас вечер. Надоевший мне до слез Милтенберг уехал. И как это часто бывает, он всеми силами старался мне помочь, но почти все, что он делал, получалось не так. В больнице абсолютная тишина. Меня поместили в небольшую, отдельную палату с окнами, выходящими в сад. Электричества нет. Горит крошечная керосиновая лампа, от которой становится еще тоскливее на душе. Но самое главное — я в руках опытного врача. Он из моего Ленинграда, а это для меня — все!

10 апреля

Вот когда я особенно остро почувствовала одиночество. Раньше в Ленинграде, когда я заболевала, то сразу же становилась центром всеобщего внимания. Не только моя семья, но и все мои друзья заботились обо мне, постоянно навещали. Мой муж обычно находил лучших врачей. А сейчас, конечно, все иначе. Я далеко, в Жмеринке, и у меня нет ни малейшей надежды на то, что Таня, Варя или Дима смогут приехать и привезти Юру, которого мне больше всего сейчас не хватает. Я чувствую себя отрезанной от всего мира. Мое настроение немного поднимается, когда я вижу, как хорошо относятся ко мне медперсонал и особенно главврач. Он несколько раз на дню заходит ко мне, успокаивает, уверяет, что скоро поправлюсь. Меня пугает мысль, что ВИКАДО переедет, а мы застрянем в Браилове. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что оставаться нельзя: как только ВИКАДО исчезнет, мы сразу же попадем под власть Графа и его подручных.

---

* Имеется в виду Чистый четверг — *прим. ред.*

15 апреля

Сегодня огромная радость. Шрайнер, один из офицеров ВИКАДО, получил разрешение навестить меня и привез с собой Юру. Только благодаря заботе и усилиям Тани мое отсутствие почти не повлияло на него. Юра одет в мой любимый матросский костюмчик, выглядит здоровым и счастливым. Полон надежд, мечтает о будущих приключениях, то есть о поездке вместе с ВИКАДО, который направляется в район Кривого Рога. Подробно расспрашиваю Шрайнера. Если ВИКАДО согласится опять взять нас с собой, мы хоть ненамного, но приблизимся к дому.

17 апреля

Сегодня выписалась из больницы. К сожалению, необыкновенно внимательный ко мне Шрайнер не смог приехать: его уже отправили в Кривой Рог. Он поручил меня заботам симпатичного, но неудачливого Милтенберга. К счастью, на этот раз все прошло благополучно, и мы вскоре были уже дома. Скорей всего ВИКАДО в полном составе выезжает на днях в Кривой Рог. Полной уверенности, что нас возьмут, у меня пока нет. На помощь мне, как всегда в трудные времена, приходит природа. На березках появились зеленые листочки. Голубое небо. Солнце иногда светит совсем по-летнему.

18 апреля

Милтенберг советует обратиться к Майнеру с просьбой взять нас в Кривой Рог. Милтенберг оказался настоящим другом: проявил инициативу, и сам поговорил с Майнером, объяснив наши проблемы. Майнер принял меня и пообещал взять в Кривой Рог. «А оттуда, — добавил он, — вы уже сами сможете добраться до Пятигорска, когда мы освободим его от Советской армии». Кажется, он уверен, что перевес на стороне немцев и они достигнут своей цели — завоюют Россию.

23 апреля

И опять мы в пути. Вчера был Зеленый четверг*, и по старому обычаю мы пошли на вечернюю службу в евангелическую церковь. Божественная украинская ночь! Полная луна освещает все вокруг. Спокойно и торжественно идут люди с горящими свечами, стараясь донести их непотухшими до дома. Мы присоединяемся к ним. Приходим домой, нас ждут два офицера из ВИКАДО: Милтенберг и Вольф. Как грустно возвращаться в реальный мир! Вольф был вне себя от ярости, узнав, что мы не только еще не собрались, но даже сомневаемся по поводу отъезда. С точки зрения немцев, для которых дисциплина — это все, наша нерешительность и бездействие просто

преступны. «С вами нужно поступать более решительно, — сказал Вольф, — чтобы завтра были готовы к отъезду! К двенадцати приедет Милтенберг и заберет вас и ваши вещи».

Так и было. В одиннадцать часов вещи были уложены и казначей Фергер отвез нас на легковой машине на вокзал. Разместились в товарном вагоне, который первоначально предназначался для багажа и оборудования ВИКАДО. Нашлось место и для нас, и наших пожиток. Из соседнего вагона пришел некто Кайрат и организовал для нас стол и кровати. Вскоре товарный вагон превратился в нечто жилое и даже удобное.

25 апреля

Сегодня первый день Пасхальной недели. Поезд из Браилова вышел очень поздно. Спали хорошо. Сейчас сидим у открытой двери вагона и любуемся прекрасными видами Украины. Все в цвету и залито солнцем. Молодежь поет песни и танцует народные танцы. Охватывает какое-то необычайное чувство радости: весенний праздник, в котором участвуют и люди, и сама природа.

26 апреля

Мы все еще в пути, и я так бы и ехала до бесконечности. Сейчас все так не похоже на наш путь из Ленинграда. Тогда было темно, мрачно и везде смерть. Не похоже это и на наше бегство с Кавказа в январские морозы и метели. Сейчас совсем другое дело — весна, сияет солнце, а главное, появилась надежда, надежда на лучшее: на возвращение на Кавказ, а, может быть, даже и в Ленинград. Сегодня нас пригласили на открытую платформу, здесь еще красивее: охватывает такое ощущение, что со всех сторон тебя окружают бескрайние просторы Украины. Просто невозможно оторвать взгляд от этой красоты.

Вечер. На одной из станций только что разминулись с встречным поездом. На нем едут солдаты, скорее всего в отпуск. Увидев нас, они от души смеялись и веселились. Таня побежала к вагону, где расположена кухня, и ее появление вызвало еще большее оживление: крики, свист, смех.

Все говорят, что, наверное, мы будем еще два-три дня в пути. Кто знает, что нас ждет впереди?

28 апреля

Утром прибыли в Кривой Рог. Пока поезд разгружали, мы с Таней и Кайратом решили осмотреть город. Напротив станции — огромный карьер: очевидно, когда-то здесь добывали железную руду; за

ним живописные красные горы, между которыми, извиваясь, течет небольшая река с дубовыми рощами по берегам. Отсюда и название этого места Дубовая Балка. Красота необыкновенная!

Поезд разгрузили очень быстро, и мы отправились на наше новое место жительства. Вернер уезжает в отпуск и предоставил свою квартиру в наше распоряжение.

29 апреля

Дубовая Балка (пригород Кривого Рога) — рабочий поселок. Новые аккуратные дома, сады, цветники. Во всем чувствуется заботливая хозяйская рука. Фруктовые деревья посажены ровными рядами. Как все это не похоже на русские деревни! Такие поселки я видела только на фотографиях в немецких журналах. Здесь, как и в Донецком бассейне, работали иностранные специалисты, что, безусловно, сказалось и на архитектуре. Не хватает больших тенистых деревьев, что так характерно для России.

Трудности с продуктами. Цены очень высокие. Нет сахара и соли. В Браилове мы этого не чувствовали. Сегодня прошел слух о том, что ВИКАДО опять переезжает — в какую-то деревню в нескольких километрах отсюда. Очень плохо. Так спокойно за их спиной! Наверно, они не смогут опять взять нас с собой. Не можем же мы бесконечно висеть на их шее. Уже несколько раз Майнер недвусмысленно намекал на то, что нам следует найти работу в Кривом Роге и оставаться здесь до конца войны. Легко ему говорить! Немцы совершенно не представляют себе, как баснословно низка сейчас зарплата в России. На нее невозможно прожить. На месячную зар-плату в Дубовой Балке и дня не проживешь. А если ходить на рынок раз в неделю, то на семью из четырех человек нужна как минимум тысяча рублей, а месячная зарплата 400-500. По карточкам можно получить только хлеб, да и то очень плохой, с примесью кукурузной муки. Такой хлеб уже через час после выпечки превращается в камень.

30 апреля

Была сегодня на Бирже труда. О безработице и речи нет. Особый спрос на машинисток, секретарш, переводчиков. Основное неудобство в том, что, если поступишь на работу, то будешь связан по рукам и ногам с восьми утра до пяти вечера, а купить на зарплату почти ничего нельзя . Нужно думать о чем-то другом. Может быть, открыть кафе? В городе нет ни одного. Пока не можем принять никакого решения, все так неясно. Я мечтаю о Кавказе, Варя — об Одессе. Таня молчит и не высказывает никаких желаний, но мы знаем, что ее мечты связаны с Ленинградом: там у нее пятилетняя дочка. Что касается ребят, то они в восторге от Дубовой Балки.

5 мая

Начальник ВИКАДО предупредил нас о том, что надо освобождать квартиру: Вернер скоро вернется из отпуска. А жить немецкому офицеру в одной квартире с русской семьей совершенно недопустимо. Ищем новое жилье. Это будет наша двадцать пятая квартира после Ленинграда, откуда мы выехали чуть больше года назад.

7 мая

Управление шахт дает нам квартиру, но при условии, что Дима будет работать переводчиком, а Таня экономкой у директора. Варе предложили должность секретарши. Я остаюсь дома с Юрой. Должен же кто-то готовить обед, вести хозяйство, что не так-то просто. Их заработки — сущая ерунда! Самый большой оклад у Димы — 700 рублей в месяц, так как он владеет иностранными языками; у Вари — четыреста, а у Тани еще меньше. Цены на рынке: свиное сало — 500 рублей за фунт, масло 400–500 рублей, яйца — 80 рублей десяток, молоко —50 рублей литр. Мясо невозможно достать ни за какие деньги.

10 мая

Жизнь постепенно налаживается. Самое трудное для нас сейчас — это рано вставать. Тане нужно выходить на работу в четыре утра, Диме — полшестого. Вместе с ними просыпаюсь и я, больше заснуть не могу, поэтому стала вставать в пять утра. Как бы рано мы ни ложились спать, все равно утром вставать тяжело. Одно утешение — нет ничего прекрасней весеннего утра. Сегодня Шрайнер возил нас с Юрой в Кривой Рог получать по карточкам продукты за пять дней. Нам выдали: 10 килограммов кукурузного хлеба, 250 граммов растительного масла, 2,5 килограмма пшена. Если питаться только этим, то мы приблизимся к нормам блокадного Ленинграда.

12 мая

Таня ушла с работы. Устроила сцену очень требовательному и очень вредному немцу. Все-таки на гражданке немцы очень отличаются от военных, с которыми нам приходилось иметь дело в последнее время. Военные более щедрые и лучше относятся к населению. Немцы же, занимающиеся ответственные посты на гражданской службе, вызывают ненависть жителей Украины. Варя тоже недовольна своей работой, на которую у нее уходит двенадцать часов в день, считая дорогу туда и обратно. А ее дневной зарплаты хватает только на поллитра молока. Поллитра молока за двенадцать часов работы!

18 мая

Погода — фантастика! Весна в полном разгаре. К сожалению, настроение совершенно не соответствует очарованию природы. Пока мы живем на «пятигорские» деньги, но они уже кончаются. Что будем делать дальше? На зарплату не проживешь, продуктов, выдаваемых по карточкам, не хватает. Нужно что-то предпринимать, но что именно? Наши планы, связанные с кафе, рассыпались как карточный домик. Нет пшеничной муки, а какую сдобу можно печь из кукурузной?! Поехать в Крым или на Кавказ нет никакой возможности — нет транспорта.

22 мая

Прежний директор шахты уехал. Новый — очень вспыльчивый. Он велел Диме выгулять свою собаку и приказал не спускать ее с поводка. Но собака вырвалась и убежала. Таня, возвращаясь с рынка, услышала, как директор кричал на Диму, и увидела, что он даже выхватил пистолет. Нам уже рассказывали, что этот кретин застрелил своего секретаря переводчика, украинца. Напуганная рассказом Тани, я помчалась за помощью в ВИКАДО. Новый начальник, Шварц, принял меня очень тепло и, прихватив с собой меня и Шрайнера, немедленно отправился в Управление шахт. Он долго и резко разговаривал с директором, напомнил ему, что партизаны в последнее время активизировали свои действия на территории Украины, обвинил администрацию в том, что она разрушила все то, что было достигнуто военными. Смущенный и подавленный, директор не мог вымолвить ни единого слова в свое оправдание. Приятно было наблюдать, как буквально на глазах изменялся директор, и довольная я с благодарностью смотрела на нашего защитника. После этого случая директор по-другому относится к Диме, но я все равно боюсь оставлять его на этой работе. Что будет, если ВИКАДО уедет из Дубовой Балки? Об этом уже поговаривают. Вечер. Заснуть не могу, Юра тоже не спит. Невольно возникает вопрос: от кого и от чего зависят не только наше благополучие, но и сама жизнь?

24 мая

Хорошо, что в жизни есть радостные моменты. Настроение мое сегодня круто изменилось, и все теперь кажется другим. А произошло следующее: когда две недели назад Милтенберг уезжал в Германию, я попросила его дать в любую газету объявление о том, что я разыскиваю родственников и друзей. И вот сегодня получаю два ответа: из Вены от двоюродного брата Сергея и из Дрездена от Марины Толбузиной, которую я давно уже считала погибшей в окопах Ленинграда. Как приятно было узнать, что она жива и здорова и живет у

родственников в Дрездене. Сергей приглашает нас в Вену, где он живет с семьей своего брата Александра. Кроме этого, получила еще письмо от д-ра Лакса. Он сообщает, что договорился и нас возьмут на работу на немецкую фабрику в небольшом городке Бендорф, что недалеко от Кобленца. Голова пошла кругом от всех этих новостей. Что делать? Железнодорожный транспорт гражданское население не обслуживает. Даже по территории Украины и то проехать невозможно. А уехать в Германию или Австрию! Об этом и думать нельзя. Да и не хочется никуда ехать: мы уже так давно колесим по свету! Кроме того, страшно уезжать так далеко от дома. Немцы, кажется, опять собираются куда-то. Может быть, нам удастся добраться с ними до Пятигорска, а там и до дома. Мы уже забыли тяжелые времена в Ленинграде и думаем о нем как о своем доме, считаем его раем на земле. Но все так неопределенно! Все наши планы могут сбыться только в мечтах. Самое страшное сейчас для нас, если ВИКАДО уедет, а мы останемся в Дубовой Балке. Гражданская администрация не забудет унижение, которое она терпела от Шварца и других военных. Вторая проблема — сугубо материального плана. За последний месяц я потратила тринадцать тысяч, осталось меньше семи. Никакая работа не спасет. Как заработать деньги? Наверно, нужно думать о переезде. Конечно, хорошо, что ребятам нравится в Дубовой Балке. Дима увлечен семнадцатилетней Тамарой и все вечера проводит с ней. У Юры много друзей, и он с ними гоняет по улице с утра до позднего вечера.

3 июня

Наш главный помощник и защитник Шрайнер уехал. Как много он для нас сделал! Больше всех остальных. Он один из немногих представлял себе наше истинное положение и всеми силами старался помочь. Теперь нам будет значительно труднее. Частная фирма в Клиеватке пригласила Варю на работу в казино. Это хорошо, по крайней мере она будет сыта. Зарплата смехотворная: каких-то 450 рублей в месяц!

6 июня

Вчера приехал Милтенберг. Вечером был у нас и рассказал совершенно невероятную историю. По моей просьбе он искал в Германии мою двоюродную сестру Ольгу Навротскую. Оказалось, что она жена генерального консула в Париже Карла Вальтера. Эта новость и удивила, и обрадовала меня чрезвычайно. Во-первых, мне всегда нравилась Ольга, а во-вторых, это может помочь решить наши проблемы. Пока же не имеем ни малейшего представления, что делать.

10 июня

Милтенберг уехал. На этот раз в отпуск. Жизнь как кинофильм: люди появляются, отыграют свою роль в нашей жизни и исчезают, и может быть, мы их больше никогда не увидим. Перед отъездом Милтенберг принес нам много разных вещей, о существовании которых мы уже забыли: настоящее мыло, шампунь, платяные щетки и щетки для волос, будильник, термос. Диме подарил бритву, настоящие карманные часы на цепочке — Дима в восторге. Юрочка получил свисток. Этим подарком Милтенберг восстановил всех против себя: свиста не слышно только тогда, когда Юра спит. Уезжая, Милтенберг обещал навестить Ольгу в Париже и поговорить с ней.

16 июня

Стало очень жарко. Весна на Украине начинается в середине апреля. В мае все цветет, тепло. А сейчас уже настоящее лето. Думаем что делать. Ясно одно: оставаться ни в Дубовой Балке, ни в Кривом Роге мы не можем. Больше всего хотелось бы попасть в Крым и на время найти там что-нибудь подходящее. Правда, по рассказам одной семьи, которая только что приехала оттуда с военными, народ там голодает. Этого мы боимся больше всего.

17 июня

Одеваем Диму. Директор выделил ему костюм стоимостью в 600 рублей с выплатой в рассрочку на три месяца. Ему также дали ботинки во временное пользование. Шьем ему брюки из материала, подаренного Шрайнером. За работу портной взял три буханки хлеба. Димина мечта — велосипед. Думаю, что это неосуществимо. В магазинах их просто нет, купить подержанный тоже невозможно. Кто захочет расстаться с таким сокровищем?! А если кто и решится продать, то запросит столько продуктов! Помню, как я завидовала еще в Ленинграде, когда главный инженер завода, на котором работал мой муж Сергей, подарил своей дочери, Диминой знакомой, велосипед. В те времена велосипед стоил 800 рублей, а зарплата Сергея была 1200 рублей. Конечно, велосипед был для нас недосягаемой роскошью. Прошлым летом Сергей написал Диме в Пятигорск, что ему удалось достать велосипед и он сохранит его до нашего возвращения. Такие вещи значительно легче достать во время блокады и голода: люди больше озабочены продуктовыми проблемами.

У Юры появилась подруга, дочь соседа-немца, который приехал сюда на работы. Девочка часто приходит к нам, а когда она не хочет играть с Юрой, он впадает в отчаяние и грозится написать ей письмо, хотя еще не умеет писать ни на каком языке. Юра даже говорит, что застрелится, если она будет и дальше не обращать на

него внимания. Подумать только, какие страсти кипят под южным солнцем!

Таня уволилась с работы и хочет поступать в казино к Варе.

20 июня

Писем ниоткуда не получаем. Как будто все нас забыли... Даже преданный нам Шрайнер и тот молчит с тех пор, как уехал в Новоукраинку. От Лакса тоже никаких вестей.

Дима в восторге. Его новый начальник Беннинг заказал для него велосипед. Теперь на работу он будет ездить на велосипеде, а не ходить пешком по три километра туда и обратно. Вчера ко мне пристала цыганка и, несмотря на мои протесты, предсказала мне дальнюю дорогу, но не домой.

22 июня

По хозяйству нам помогает Галя. Она только что пришла и сообщила, что в соседних деревнях говорят о приближении Советской армии. Может быть, это обычная пропаганда партизан, которые прячутся по деревням в ожидании своего часа? Но слухи настораживающие. Что происходит на фронте, нам неизвестно. В прошлом году немцы начали наступление 28 июня. Как будет сейчас?

10 июля

За последнее время произошло много событий, которые резко изменили нашу жизнь. 6 июля я, ничего не подозревая, пошла с Юрой на рынок. Мы не успели купить все необходимое, когда нас остановил немец в коричневой форме. Его сопровождали два человека, в том числе переводчик. Немец задал нам несколько вопросов и, узнав, кто мы, заявил, что Дима, Таня и я мобилизуемся на работу в Германию. Он проигнорировал тот факт, что Дима и Таня уже работают на Германию здесь, в Дубовой Балке. Он заявил, что приоритет отдается работе в Германии и никто не имеет права не подчиняться закону, утвержденному высшим немецким командованием. Единственная «милость», которую он проявил по отношению к нам, это подвез на своей машине домой и ждал, пока мы собирали вещи. Потом отвез нас на сборный пункт. Таня и Дима уже пришли с работы и были дома. У нас не было возможности обратиться за помощью ни к начальству Вари, Тани и Димы, ни к руководству ВИКАДО. Нам сказали, что нельзя терять ни минуты, потому что эшелон в Германию отправляется завтра. На сборном пункте было уже полно людей, в основном молодежь от шестнадцати до восемнадцати лет. Вначале мне показалось, что я здесь самая старая, но потом увидела, что были женщины и постарше меня и тоже с детьми. Я в ужасе! Мы все-таки надеялись, что сможем вернуться в Пятигорск, а оттуда и в Ленин-

град. Эту надежду поддерживали в нас офицеры ВИКАДО. Рушатся все наши планы. У нас нет ни малейшего представления, куда нас пошлют. Вечером нас погрузили в товарные вагоны, и ночью наш эшелон покинул Кривой Рог.

13 июля

Едем медленно. На некоторых станциях подолгу стоим. Эшелон все больше заполняется людьми. Говорят, что едем в направлении Лодзи.

Вчера долго не могли уснуть. Один пожилой харьковчанин, который уже бывал в Лодзи, решил поделиться своими впечатлениями с теми, кто выезжает из Советского Союза впервые. Он подробно рассказал об условиях жизни в немецких лагерях, расположенных на территории Польши.

Там уже чувствуется недостаток продуктов, всех размещают на пересыльных пунктах, люди спят на полу, на соломе, обращение с мобилизованными суровое. Все это не улучшает настроения, и мы погружаемся во все большее уныние. Неожиданно настроение резко меняет одна сорокалетняя женщина, которая начала вмешиваться в рассказ харьковчанина. Она была женой священника и в наш эшелон попала случайно. Размалевана, одета экстравагантно и вообще, кажется, не совсем в своем уме. Она задавала очень глупые и смешные вопросы, а затем, сделав ужасные глаза, заявила, что не может спать в одном помещении с мужчинами и ни за что не пойдет на медицинский осмотр. Харьковчанин посмеялся над ней и повторил, что никто не может избежать такого осмотра: там определяют, не еврей ли вы. Дама пришла в ужас и заявила, что на первой же станции выберется из вагона и будет ждать мужа. Все, что эта женщина говорила, было так забавно, что вначале мы только улыбались, а потом хохотали до слез почти до двух часов ночи, только Юра, убаюканный ритмом колес, спокойно спал, не обращая внимания на шум.

До Киева пятнадцать километров. У железнодорожного полотна работают военнопленные. Человек шестьдесят. Почти все азиаты: широкие скулы, глаза-щелочки. Кто-то бросил кусок хлеба. Пленные набросились на него, как голодные звери. Двое даже подрались. Из других вагонов тоже стали бросать хлеб. Началась настоящая свалка. Странно, но русских среди них нет — только азиаты.

Природа здесь необыкновенно красивая. Вокруг сосны, воздух изумительный. Понятно, почему именно под Киевом строили санатории для туберкулезников. Одним воздухом можно вылечиться! Дима уже сбегал и осмотрел окрестности. Говорит, что уже виден Днепр и Лавра. Жаль, что не удастся там побывать.

18 июля

Наш эшелон задержали надолго. Все еще стоим в Киеве. Когда приближались к городу, открылась прекрасная панорама. Мы пересекли Днепр по мосту, который подвергался неоднократным бомбежкам, но все же уцелел. Киев утопает в зелени. Сверкающие кресты киевских церквей и Киево-Печерской Лавры. Более красивого зрелища невозможно представить. Жаль, что нельзя надолго уйти из поезда: никто не знает точно, когда он может отойти. А как хотелось бы погулять по этому прекрасному старинному городу!

23 июля

Нас перевели в другой вагон. Сделан во Франции. В нем отдельные купе с полками, на которых можно спать. Кормят регулярно: дают суп и что-нибудь холодное, всех волнует будущее. Пока едем очень медленно. Вчера выехали из Киева, проезжаем места, совершенно мне незнакомые.

24 июля

Проехали Шепетовку, большой поселок на бывшей русско-польской границе. Кругом огромные сосновые леса — наверное, в них много партизан. Вдоль железной дороги поселки, в которых дома окружены высокими заборами и даже рвами. Чем не крепости! На одной из станций на соседнем пути мы видели паровоз и два искореженных вагона. Этот поезд вышел на два часа раньше нас со станции Касатино и подорвался на мине. Все погибли. Совершенно случайно первым пропустили этот, а не наш состав. Сейчас мы едем во втором вагоне от начала поезда. Едем очень быстро, не останавливаясь ни на одной станции. Велели не выглядывать из окон. Все примолкли. Ни разговоров, ни смеха. Несчастная жена священника все-таки сошла в Киеве. Будущее представлялось ей таким кошмаром, что она готова была на все, лишь бы остаться. Надеется на встречу с мужем. Ей разрешили остаться скорее всего потому, что считали ее больной. Мы все придерживались единого мнения: она поступила правильно, так как судя по всему она не смогла бы перенести трудностей переезда и, кроме того, она всех нас свела бы с ума.

По слухам, только один из пяти эшелонов доходит до места назначения.

25 июля

Со вчерашнего вечера стоим в Ковеле. Вынужденная остановка из-за ремонта железнодорожного полотна, взорванного партизанами. Несмотря на повторное распоряжение не выглядывать из окон, мы не в состоянии сдержать себя: смотрим и пытаемся все запомнить. Осо-

бенно мрачным показался последний перегон перед Ковелем. На всех станциях — артиллерия. Вокзалы напоминают укрепленные позиции. Дома окружены окопами и рвами. Когда поезд отъезжает и едет через лес, всех охватывает ужас. Кажется, что за каждым деревом прячутся партизаны. Поляки — гордый народ. Они всегда сопротивлялись иностранному вторжению. Всегда ненавидели русских. Теперь они не хотят покориться немцам.

Вечер того же дня

Все еще стоим в Ковеле. Стоять на одном месте надоедает, но страшнее мысль, что партизаны могут окружить нас. Стоим, делать нечего, в уме перебираю, что можно было предпринять. Наверно, мы могли бы перебраться из Кривого Рога в Киев, но эта возможность была очень маловероятной. Мы узнали, что Ляля с Верочкой сумели все-таки перебраться в Краснодар, а затем в Киев. Мы тоже могли бы попытаться попасть в Киев и пережить войну там. Теперь же мы мобилизованы и не имеем права покинуть поезд, который везет нас все дальше на запад.

26 июля

Приехали в Люблин. Слава Богу, благополучно миновали наиболее опасный район. Люблин — интересный город. Недалеко от него виднеется величественное здание — монастырь? замок? В городе много церквей, дома утопают в зелени. Сейчас мы находимся в особой зоне, где, как говорят, партизан нет. В деревнях, мимо которых мы проезжали, нас поразили внушительные церкви. Таких я раньше никогда не видела. Природа несколько напоминает Украину, только поля меньше, а лесов гораздо больше.

31 июля

Станция Радом — первая большая действительно европейская станция. Прибыл какой-то поезд. Выходят пассажиры, хорошо и модно одетые. Мы прилипли к окнам. Как странно видеть людей, совершенно не отмеченных печатью войны: женщины в элегантных платьях, мужчины в хорошо сшитых костюмах. Такое впечатление, что мы попали в другой мир.

1 августа

Город Скаржиско. На вокзале чистота и порядок. Никаких признаков войны. Горсд окружен лесами.

3 августа

Прибыли в Лодзь. Немцы переименовали его в Лицманнштадт. Восемь утра. Идет дождь, кругом темно, серо и мрачно. Такая погода

действует на меня плохо, особенно если будущее тоже мрачно. Остановились на станции, что в двух километрах от центрального вокзала. Когда мы туда попадем?

6 августа

Так много произошло всяких событий за эти дни, что спешу скорее все записать, пока не забыла. По прибытии в Лодзь мы долго стояли, пока начальство распределяло прибывших. Нас направили в школу, разместили в огромном зале, где, как и говорил наш сосед по поезду, вместо кроватей на полу была постелена солома. В центре стоял ряд столов и стульев. Сразу повели в баню, где мы должны были не только помыться, но и пройти через санпропускник. Нас строго предупредили, что в карманах нельзя оставлять ничего воспламеняющегося. Я в ужасе. Забыла вытащить коробку спичек! Теперь от моих вещей ничего не останется, а меня посадят в тюрьму. Но — странно! — все прошло благополучно, и никто ничего не заметил. После тщательного мытья, дезинфекции и медосмотра нас ведут в другое помещение, где почти мгновенно на столах появляются кастрюли с супом. Каждому по порции хлеба, масла и сыра. После обеда один из начальников разъяснил нам существующие правила поведения в оккупированной Польше.

На этом месте мы провели два дня.

Сегодня нас привели на сборный пункт. Это лагерь в сосновом бору. Небольшие домики, очень похожие на ленинградские дачи. Раньше здесь отдыхали богатые поляки, а теперь «отдыхать» приехали мы, правда, несколько поздновато, но еще не кончился сезон. Прохладный летний день. Кругом сосны, песок. Я сижу у открытого окна и не могу поверить, что все это произошло со мной. Мы пересекли чуть ли не всю Россию и вот добрались до Польши, почти до Варшавы. Раньше я даже подумать ни о чем подобном не могла. Разве мы, граждане Советского Союза, могли мечтать поехать за границу? Все, что мы, советские, получаем здесь, кажется нам роскошью. На нас четверых и еще на одну семью, мать с сыном, выделили две большие комнаты с балконом. Еды вполне хватает: на каждого 300 граммов хлеба, три яблока, 50 граммов масла, 100 граммов колбасы, джем. На обед овощной суп. В магазинах можно купить бумагу, конверты, мыло. В овощных продают морковь и капусту. Все баснословно дешево. Как в сказке... Мы уже давно отвыкли от нормальной жизни, от магазинов, продуктов... В Виннице, например, блокнот для дневника стоил 500 рублей, а здесь всего 80 пфеннигов. Дима и Юра не могут прийти в себя и наслаждаются новой жизнью. Таня взялась приводить в порядок наше жилье, создавать уют. Про-

сто диву даешься, как это ей удается, ничего не имея, сделать нашу квартиру уютной и красивой. Вот это талант!

10 августа

Я потеряла счет местам, где нам приходилось останавливаться после выезда из Ленинграда. Только что обжились здесь, а уже ходят слухи, что нас собираются куда-то отправлять. Во время переездов всегда что-то теряешь. Я никак не научусь упаковывать вещи. Правда, меняется и отношение к ним. Многое теряет свою ценность и даже становится обузой.

21 августа

Давно ничего не записывала. В лагере все по-прежнему. Многие из тех, кто приехал с нами, тревожатся за будущее. Обычно я не теряю самообладания ни при каких обстоятельствах. Может быть, поэтому до сих пор и не пала духом. Все дни похожи друг на друга как две капли воды. Встаем в полседьмого, Дима идет за молоком для Юры, я собираю хворост в лесу: мы готовим на маленькой печке, так как нет ни газа, ни электричества. Красоту соснового бора невозможно описать. В семь тридцать так называемая перекличка — «аппель» по-немецки. Начальник лагеря «читает нам мораль» и пытается внушить нам любовь и уважение к фюреру, который спас нас от большевиков и подарил нам такую прекрасную жизнь. Затем следуют указания на день. После переклички женщины идут на кухню мыть и чистить овощи, картошку. В одиннадцать часов обед: овощной или картофельный суп, каша. Кроме того, раз в неделю выдают сухой паек. Горячий ужин, по неизвестным для нас причинам, только два или три раза в неделю. Хорошо, что мы не избалованы и у нас еще сохранились некоторые запасы продуктов, которые мы и добавляем к своему меню. Иначе детям лагерного питания было бы явно недостаточно. До сих пор у нас не было возможности осмотреть окрестности и выяснить, где и что можно здесь купить. С полчетвертого до пяти занимаемся немецким языком. Потом идем домой, пьем кофе с хлебом и джемом. Вечером, перед самым сном, ходим пить очень вкусное темное пиво. Отбой в лагере рано. В Лодзи я еще не была, а Дима ходил с соседями, и говорит, что все очень хорошо одеты и нам в нашей одежде появиться там будет стыдно. Таня заявила, что плевать на всех хотела и все равно пойдет в город — в том, что у нее есть. Юру записали в школу, он начнет заниматься первого сентября. Абсолютно не знаем, куда и когда нас отсюда пошлют. Говорят, будут распределять в зависимости от потребности в рабочей силе на различные военные предприятия. Некоторым удается получить рабо-

чие места с помощью знакомых, которые присылают запросы с указанием, что эти люди требуются тому или иному предприятию, и тогда их отпускают. Мы тоже должны попробовать получить такой запрос. Иначе нас могут разъединить и послать в разные места. В моей жизни уже было нечто подобное. После окончания института я получила назначение на работу в школу в Сибирь, а вся моя семья должна была оставаться в Ленинграде, где работал мой муж. Только благодаря вмешательству Колонтырской, члена партии и директора текстильного треста, мне удалось избежать этой участи. Кто сейчас может нам помочь избежать разлуки? Нас осталось так мало... Я всегда надеюсь на случай, на непредвиденное и непредсказуемое решение проблемы. Невыносимо жарко. Сосны благоухают.

22 августа

Жара не спадает. После обеда пошла в лес, легла на спину: ясное голубое небо, белые, почти прозрачные облака. Вспоминаю лето 1941 года, я на берегу озера в парке Пушкина. Сейчас так же, как и тогда, я задаю себе вопрос: что с нами будет? Прошло уже больше двух лет, а мы все еще в пути, можно даже сказать в нескончаемом пути, и когда же наконец мы остановимся? Все омрачается этой полной неопределенностью. Если бы кто-нибудь два года назад предсказал мне нашу теперешнюю жизнь вдали от дома, в польском лагере, я бы ни за что на свете не поверила в это, сочла бы это фантастикой. Но все, что происходит сейчас с нами, далеко не фантастика, это наша жизнь. Говорят, что подходит наша очередь, и скоро нас отправят на заводы Германии.

24 августа

Вчера мы с Таней ходили в Лодзь. Город нас удивил чистотой, красивыми улицами, шикарными витринами магазинов, элегантно одетой публикой. Все как раз так, как я себе представляла. Большой европейский город. Мы глядели по сторонам, рассматривали витрины, выставленные там товары: ткани, шелка, белье. Жаль, что мы в Советском Союзе были лишены всего этого в течение многих лет, а поляки воспринимают это как само собой разумеещееся. В кафе и ресторанах можно без карточек получить кофе, мороженое, пиво.

В воскресенье в нашем лагере состоялся молодежный праздник. Вспоминаю комсомольские вечера в Советском Союзе: народу полно, все организовано плохо, негде даже присесть. Здесь молодежь поет хором патриотические песни, читает стихи, прославляет фюрера и его соратников. В Советском Союзе — Сталина. Такая же пропагандистская вечеринка с той только разницей, что там кричали

«Ура Сталину!», а здесь «Хайль Гитлер!». Жутко неприятно и грустно смотреть на все это, и мы незаметно смылись.

30 августа

Наконец-то мы не одни. Из военного госпиталя в Варшаве к нам в гости приехал Лакс. Он пробыл в госпитале больше месяца. Из разговора с нами Лакс понял, что мы не уверены в своем будущем, и пообещал связаться со своим другом, директором фабрики в небольшом городке Бендорф, что на Рейне. Там требуется рабочая сила: многие рабочие призваны в армию. Лакс также упомянул, что в этом городе очень тихо и спокойно, он далеко от фронта, никаких бомбежек. Что же касается самой работы, то везде одно и то же. Бендорф будет самым правильным решением наших проблем. Фабрика в Бендорфе военная, поэтому, думаю, никаких затруднений возникнуть не должно. Кажется, это как раз тот счастливый случай, которого я так долго ждала, и мы доживем до конца войны в этом тихом спокойном месте. Не может же война продолжаться до бесконечности...

1 сентября

Сегодня мы с Юрой идем в школу, но занятия — только завтра. Для Юры начинается новая жизнь. Дети шумят, как и в советской школе. Большинство учеников из семей, которых вывезли из Советского Союза. Сегодня нам предложили переехать на другую квартиру. Собираются проводить санитарную обработку дома, так как в лагере много больных. В новом доме холодно. Печки нет. Погода плохая, холодает. У меня опять болит горло.

2 сентября

Дни хотя и не насыщены событиями, но бегут быстро. Сегодня детям делали прививки от дифтерии и скарлатины. Надеюсь, что Юра не заболеет. В наших условиях болезнь может кончиться смертью. У Димы в лагере есть друзья: очень хороший мальчик из Харькова, девушка по имени Ольга. Конечно, Дима опять влюблен.

6 сентября

Наши соседи уже давно уехали в Рур — промышленный район Германии. Я боюсь туда ехать: уверена, что Рур обязательно подвергнется бомбардировкам. К нам прибывают все новые и новые беженцы. Лагерь переполнен, хотя ежедневно кто-то уезжает.

8 сентября

Я поражена, насколько в Германии все организовано лучше, чем в Советском Союзе, хотя есть, конечно, и недостатки. Трудно пред-

ставить, как можно накормить такое огромное количество людей, живущих в лагере. Кроме продуктов, нам выдают еще и мыло, правда, плохого качества, стриальный порошок и другое. В России ничего этого и в помине нет с самого начала войны. Да и до войны люди дрались, чтобы достать сахар, чай, мыло, особенно в провинции. Вспоминаю наши посылки на Украину в 1933 и 1934 годах. Мыло, сахар и чай были самыми дефицитными товарами. Если бы у нас все было так же хорошо организовано, как бы легко жилось людям в Советском Союзе! Сегодня ходили в соседний городок Тушин. Там прекрасная турецкая баня. Глазам своим не веришь: белый мрамор, отдельные номера с душем и ванной, зеркала в номерах. Короче, все удобства. Даже в Ленинграде бани гораздо хуже, не говоря о других городах России. Прекрасно помню, как в Череповце мы не могли попасть в баню в течение целого месяца: то нет дров, то нет воды, а то просто баня закрыта. В конце концов соберется столько людей, что не достоишься в очереди ни за что на свете. И так было везде, во всех местах, которые мы проезжали. Здесь же люди настолько привыкли к чистоте, порядку, удобствам, что не обращают на это ни малейшего внимания, а мы, как дикари, глазеем и диву даемся.

20 сентября

Забросила дневник на две недели. Сегодня опять приезжал Лакс. Сказал, что написал письмо директору фабрики «Конкордия», но до сих пор не получил от него ответа. Боится, как бы нас не услали куда-нибудь за это время. Лакс переговорил с начальником лагеря, и тот обещал задержать нас здесь по возможности дольше.

На днях я наблюдала, как школьники возвращаются домой. Спокойно идут по улице. Выглядят здоровыми и счастливыми. Это то, о чем я всегда мечтала для своих сыновей. Огромное удовольствие смотреть на таких детей... Вдруг сердце кольнуло предчувствием беды...

Пора уезжать отсюда. В районе Тушина начали действовать партизаны. Советские войска быстро продвигаются вперед. Лагерь переполнен, условия жизни значительно ухудшились. Возникла реальная опасность возникновения эпидемий. Опасаясь этого, детей, заболевших корью, отправляют в больницу. Уже неделя, как у меня болит спина, но к врачу не иду. Не время сейчас болеть.

30 сентября

Погода ужасная. Крыша веранды протекает. Дождь лил целую ночь, и сейчас все залито водой. Дают так мало керосина, что мы вынуждены сидеть с коптилкой, как во время блокады. Настроение у всех мрачное.

2 октября

Погода, наконец, улучшилась. Светит солнце, и настроение поднимается. Получили хорошие новости. Лаксу пришел ответ от директора «Конкордии». Он сообщает, что примет всех нас на работу на фабрику. Особенно доволен тем, что я знаю немецкий язык и поэтому буду полезной для восточных рабочих, живущих в лагере, расположенном рядом с фабрикой. Дима с Таней будут работать на производстве. Обо всем этом мы сообщили начальнику нашего лагеря. Он остался доволен благополучным решением наших проблем. Чем скорее мы отсюда выберемся, тем лучше. Советские войска берут город за городом. Не успеешь и оглянуться, как фронт окажется совсем рядом. Становится жутко от одной мысли, что в небе появятся самолеты, начнут сбрасывать бомбы, днем и ночью будет слышен грохот артиллерийских орудий.

6 октября

Случилось то, чего я больше всего боялась: заболел Юра, болен уже третий день. Диагноз еще не поставили, но я уверена, что это корь. У него сильный кашель. Сыпи, правда, пока нет. Найти врача трудно. Их вообще здесь очень мало, и они не посещают больных на дому. Нужно везти Юру в больницу, но это невозможно без направления врача. Заколдованный круг! Из-за этого мы вынуждены на время забыть о работе на Рейне. Опять зависим от случая. Будь что будет! Я надеюсь на наших родственников в Вене. Может быть, им удастся получить разрешение на наш выезд из лагеря для работы в Австрии, но их, конечно, пугает то, что нас много и мы будем большой обузой для них. Пока Юра болен, никуда нас не пошлют.

7 октября

У Юры высокая температура. Вчера вечером под сорок. Он всю ночь горел, стонал, бредил. Чем он болен? Очень возможно, что корью, но почему нет сыпи? Погода прекрасная, по-летнему тепло. Ходим без пальто и свитеров, но ничто меня не радует. С большой надеждой жду приезда из Варшавы д-ра Лакса. Он — единственная моя надежда.

10 октября

Вчера все же положили Юру в больницу, в инфекционное отделение, так как были обнаружены все признаки кори. Он с головы до ног покрыт сыпью. Заболел он четвертого октября, но первые три дня температура была невысокая, а потом поднялась и держалась все

последующие дни. Настроение хуже некуда. В нашей комнате темно: нет керосина. Горит маленькая свечка. Наша соседка, Анна Ивановна, сидит с Юрой — рассказывает ему сказки. Ее сын Коля тоже в больнице. Меня одолевают мрачные мысли. Я лежала, когда услыхала стук в дверь. Появилась темная фигура в военной форме — д-р Лакс. Рассчитывая, что у нас уже все готово к отъезду, он приехал за нами. Как все плохо сложилось! Мы в полном отчаянии. На другой день Лакс уехал во Франкфурт. Он очень спешил: Франкфурт сильно бомбили, и он беспокоится за свою семью. После отъезда Лакса настроение еще больше ухудшилось. Мы цеплялись за него, как утопающие за соломинку. Юре все хуже и хуже. Он в полусознательном состоянии и постоянно зовет меня. Мои нервы на пределе. Всю ночь не сомкнула глаз, глаза на мокром месте. В городе эпидемия, больницы переполнены детьми.

13 октября

Вчера навестила Юру в больнице. Тут строгие правила — только два посещения в неделю. Я ничего не знаю о том, как лечат Юру. Условия, в которых мы находимся, еще больше угнетают нас; все вечера мы проводим в комнате. Стол из ящика, скамейка для сиденья, двухъярусная кровать, сломанный рукомойник, в углу железная печурка, в которой мы с утра до позднего вечера жжем уголь, маленькая керосиновая лампа, при которой невозможно читать, — вот вся наша обстановка. Уверена, что Меншиков в ссылке в Березове жил лучше, не говоря уж о декабристах.

Таня не любит перемен, переездов. Вчера она сказала: «Только бы они оставили нас здесь, по крайней мере мы уже привыкли, и работа здесь не тяжелая. А кто знает, куда нас забросит судьба? Здесь у нас есть все необходимое...» Как все в жизни относительно! Наше жалкое жилище и скудное питание кажутся ей вполне нормальными. Я не соглашаюсь с ней: наша жизнь не рай.

15 октября

Вчера ходила в больницу. В палату не пустили. Видела Юру через окно. Медсестра уверяет, что ему лучше, температура нормальная. Передала пакетик конфет и два больших яблока, которые Таня получила от своего начальника (она работает в буфете). Сегодня двенадцатый день, как Юра болеет. Хоть бы все прошло без осложнений! В лагере вспышка скарлатины и дифтерии. Хочу, чтобы нас куда-нибудь послали, куда угодно, лишь бы поскорее! Не могу понять, в чем причина задержки. Здесь собралось очень много людей. Каждый день одни уезжают, другие приезжают, лагерь переполнен.

16 октября

Завтра опять пойду в больницу узнать, как дела у Юры. Я очень скучаю. Лишь бы не было никаких осложнений. Как только он вернется, мы сразу же уедем из лагеря. Я говорила с начальником, и он меня заверил, что как только на нас придет запрос с военного предприятия, он сразу отпустит нас.

18 октября

Я расстроена. Вчера ходила к Юре. Завтра десять дней, как он в больнице, и уже пора бы его забирать домой. Но у него, во-первых, вдруг опять подскочила температура, и, во-вторых, в больницу привезли одного мальчика с подозрением на очень серьезную болезнь — полиомиелит (детский паралич). В больнице объявлен карантин. Это значит, что в течение трех недель никого выписывать не будут, конечно, в том случае, если диагноз у мальчика подтвердится. Его увезли в Лодзь.

19 октября

Температура у Юры все еще держится. Боюсь осложнений. Как бы он не простудился там... Ночью дежурных сестер мало, а больных много.

2 ноября

Ходила в больницу. Медсестра говорит, что у Юры опять жар. О выписке не может быть и речи. У меня никогда раньше не было таких проблем с сыновьями. Чувствую себя абсолютно беспомощной, не знаю, что делать. Я в отчаянии.

4 ноября

В полном ужасе я пошла вчера к лечащему врачу и объяснила ему наше положение, сказала, что для нас очень важно уехать. Как можно скорее. Учитывая, что высокая температура у Юры из-за того, что он нервничает, и что у него нет осложнений, врач согласился выписать его под мою ответственность. Я написала заявление и забрала Юру домой. Как хорошо, что сын опять дома. Он был очень возбужден, доволен и все рассказывал о своей жизни в больнице, о детях, о медсестрах, обо всем. Вечером у него уже не было температуры, и он спокойно уснул. На самом деле он не был уж так плох, как я себе представляла. Скорее всего я просто «сумасшедшая мать»: пока он был в больнице, все время беспокоилась и плакала. Сегодня опять нормальная температура. Врач прав: Юра очень нервный маль-

чик (а что тут удивительного?!), и его плохое состояние после кори можно объяснить только этим. Ко мне вернулись силы, и я решила во чтобы то ни стало уехать из лагеря. Я с Юрой поеду в Бендорф, все там устрою и вернусь за Таней с Димой. Конечно, такого в лагере пока еще не было, чтобы кто-то уезжал на время. Я разработала план и собираюсь его выполнить.

5 ноября

Вспомнила, что еще летом Милтенберг рассказал мне и всем офицерам ВИКАДО, что он нашел генерального консула в Париже Карла Вальтера, который женат на моей двоюродной сестре Ольге. Осенью я написала этому Вальтеру и получила от него ответ. Выяснилось, что Милтенберг все напутал, и Вальтер женат на немке, а вовсе не на Ольге. Кроме того, оказалось, что это был не тот Вальтер, которы до войны работал секретарем немецкого консульства в Москве и которого я разыскивала. Однако я все же написала письмо этому «другому» Вальтеру с просьбой разыскать моих родственников в Париже. Он оказался хорошим человеком и ответил на мои письма. Я решила воспользоваться его именем, чтобы выбраться из лагеря и устроить наше будущее. Вооружившись этими письмами, я отправилась к начальнику лагеря и объяснила ему необходимость моей поездки к консулу. Комендант даже не взглянул на письма, он взглянул на адрес Вальтера и немедленно выписал мне разрешение на отъезд из лагеря сроком на неделю. Вне себя от радости примчалась домой, схватила самое необходимое, забрала Юру — и на вокзал. Дима провожал нас. Прибыл поезд. Народу битком: в коридорах, в тамбурах и даже на буферах. Несмотря на это, нам все-таки удалось протиснуться в вагон, но было так тесно, что некуда было поставить наш небольшой багаж. Всю ночь простояли в коридоре. В Бреслау у нас пересадка. К счастью, мы познакомились с девушкой, которая ехала в Дрезден к жениху. Она обещала помочь нам в Бреслау.

9 ноября

В Дрезден прибыли 7 ноября в полдень. Сели в трамвай. Хорошо, что спросила, правильно ли мы едем. Оказалось, что нет. Одна пара проявила участие к нам: вышли из вагона и показали, куда ехать и где сделать пересадку. Приятно видеть такое отношение совершенно незнакомых людей. Марина* живет в десяти минутах от станции. Ее не было дома, она не знала, когда точно мы приедем. Ее хозяйка

* Марина Толбузина, см. запись от 24.05.43. — *Прим. ред.*

слышала о нас от Марины, встретила нас приветливо, пригласила зайти, позвонила Марине, которая была у своих родственников. Вскоре прибежала Марина и вся в слезах повисла у меня на шее. Мы не виделись уже более двух лет. Я думала, что она погибла. Три дня, проведенные в Дрездене, полны впечатлений. Марина делала для нас все. Рано утром она уходила на работу, но успевала приготовить для нас бутерброды и кофе. После работы готовила обед, мне не разрешала даже мыть посуду. Говорит, что мы за эти два года так настрадались, что она хочет устроить нам настоящий отдых. Она познакомила меня со своими друзьями, и нас всюду приглашали. Юра окончательно поправился и был, как всегда, радостный и веселый. Несколько раз он ставил меня в неловкое положение. Так, например, когда однажды подали к столу шпинат, он заявил: «Я никогда не ел такую дрянь». Мои замечания на него почти не действуют. А на мои слова, что в больнице часто давали шпинат, он ответил: «Шпинат я даже никогда во рту не держал». Немцы вообще очень любят овощи, а сейчас, в военное время, когда меньше стало мяса, шпинат едят почти в каждом доме.

12 ноября

Утром десятого уехали из Дрездена. Накануне вечером я позвонила д-ру Лаксу и попросила встретить нас во Франкфурте. Когда мы приехали, на платформе его не оказалось. Совершенно случайно мы наткнулись на него около телефонной будки: он звонил домой узнать, не приехали ли мы. Поезда ходят не по расписанию, и он подумал, что мы разминулись. Пообедав в ресторане, поехали к нему домой. Его жена с дочкой в деревне. Дома нас встречали престарелые родители жены. Прекрасная квартира, но почти вся мебель вывезена в безопасное место. Лакс уступил нам свою комнату, и мы с Юрой всю ночь проспали в его постели. Утром звонили в Бендорф, разговаривали с Самановым, который, поскитавшись по Украине, тоже оказался на фабрике в Бендорфе. Саманов обещал встретить нас на станции в Кобленце, и мы с Юрой уехали из Франкфурта. Поезд идет по берегу Рейна. Мы не отходим от окна. Несмотря на серое и туманное утро, потрясены красотой Рейна и его берегов. Проезжаем мимо развалин старых замков, они напоминают легенды об этих исторических местах. Любуемся горой Лорелеи, маленькими деревушками, прилепившимися к скалам, широкой рекой и все еще зелеными берегами. Вот где мы теперь будем жить! Вышли на станции Кобленц и увидели Саманова. Он искренне обрадовался нам. От Кобленца до Бендорфа езды на трамвае около часа. Проезжаем мимо лагеря для восточных рабочих. Здесь мы будем жить и работать.

Деревянные бараки окружены заборами с колючей проволокой. Внутри бродят какие-то согбенные существа, а у ворот — будка часового. Саманов — наполовину немец. Он живет на воле, снимает квартиру в немецкой семье. Заметив, как я помрачнела, старается приободрить меня, говорит, что директор — хороший человек и, конечно, постарается создать для нас по возможности приличные условия.

Остановились в центре города, осмотрели небольшую комнату, выделенную для нас, и пошли в сопровождении Саманова на встречу с директором «Конкордии» Вефельшайдом.

В БЕНДОРФЕ

(18 декабря 1943 года — 25 марта 1945 года)

18 декабря

Пять недель пролетели как один день. Не было ни единой минуты, чтобы сесть и спокойно все записать. Вихрь имен, людей, впечатлений. Встреча с Вефельшайдом прошла хорошо. Как и раньше, очень пригодился мой немецкий язык. Настроен он был дружелюбно, внимательно выслушал меня, и я сразу поняла, что мне дадут работу и у нас будет крыша над головой. Очень важно, что мы будем жить в спокойном районе, в небольшом провинциальном городке на берегах прекрасного Рейна. Все складывается так хорошо, что лучшего и желать нельзя.

Мне очень хочется повидать моих родственников, которые ответили на объявление в газете, — двоюродных братьев в Вене. Чтобы получить разрешение на выезд из лагеря, необходимо поехать в ландерсамт (управление районной администрации). Мы с Юрой поехали в Кобленц и обратились в иностранный отдел. Сравнительно легко получили отпуск на две недели. На другой день Саманов отвез нас на станцию, и мы отправились в Вену. Путешествие было не из приятных. Все места были заняты, и нам пришлось сидеть в коридоре на чемодане. Несколько раз объявляли воздушную тревогу. В Вену прибыли только на следующий день, 12 декабря. Очень теплая встреча. Мы планировали пробыть в Вене не более трех дней, но Юра заболел, и мы задержались на целую неделю. В конце недели через Марину получили от Димы встревожившую меня телеграмму — его забирают в отряд по борьбе с партизанами. Звоню Лаксу во Франкфурт, прошу о помощи. Он обещает лично поехать в Тушин, чтобы все уладить. Юра еще не совсем выздоровел, но ехать надо. Юру закутали в шаль и во все, что смогли нам дать родственники. Весь обратный путь проходит в беспокойстве. Неизвестно, как дела у Димы, смог ли Лакс помочь ему. Прибываем в лагерь в Тушине — нас встречают радостные Дима с Таней. Д-ру Лаксу удалось вызволить Диму. Помогло то, что директор Вефельшайд прислал официальный документ о том, что мы зачислены на военную фабрику «Конкордия». У всех у нас одно желание — как можно скорее отсюда уехать. Советская Армия наступает. Линия фронта скоро приблизится к нам. Опять подвергаться ежедневным бомбежкам, пугаться шума самолетов, свиста снарядов?!

Наконец получаем все необходимые документы, прощаемся с теми, кто остается в лагере, и едем на вокзал. Нас буквально засасы-

вает бегущая и толкающаяся толпа. Не только мы одни горим желанием поскорее выбраться из этой опасной зоны. С огромным трудом нам удается все-таки влезть в вагон, но не со всеми вещами. Димин друг не смог передать нам корзину с продуктами, которые мы приготовили на дорогу.

Поезд тронулся. Едем в Дрезден, там пересадка. Всю ночь стоим в коридоре. Юра спит на чемодане у моих ног. Я, как могу, оберегаю его от толкотни.

Вконец измученные, приезжаем в Дрезден. В этот же вечер отправляется поезд на Кобленц через Франкфурт. Несколько часов отдохнули у Марины. Она снабдила нас продуктами на оставшийся путь. Со снабжением в Дрездене стало хуже: без карточек ничего нельзя получить, но у Марины везде друзья. Очаровательная молодая немка Гизелла, воспользовавшись отсутствием отца, хозяина магазина в том же доме, собрала нам немного еды. Это очень помогло нам: путь от Дрездена до Кобленца неблизкий, а купить нигде ничего нельзя.

Вскоре после того, как выехали из Дрездена, до нас дошли слухи, что Франкфурт подвергся жесточайшей бомбардировке. Железнодорожное сообщение прекращено, и наш поезд направлен в Кобленц через Ашаффенбург. В Бендорф попадаем ночью. Выходим из поезда, стоим на железнодорожной платформе. Вокруг тихо и пустынно. Темнота хоть глаз выколи. Затемнение здесь, как и во всей Германии, превосходное. Я очень плохо помню дорогу к дому Саманова. Совершенно забыла, что в Бендорфе два вокзала. Один — рядом с его домом, а другой — километрах в трех, в противоположной стороне. Идем. Ни одной живой души, спросить не у кого. Город спит. Час ночи. Идем долго, а нужного поворота все нет и нет. Отдыхаем у высокого чугунного кладбищенского забора. Признаюсь, что не имею ни малейшего представления, куда идти. Голодный и уставший Юра начинает плакать. Дима с Таней ворчат: завела их Бог знает куда! К счастью, видим велосипедиста. Останавливаю его, и он показывает, куда нужно идти. В этот момент завыли сирены воздушной тревоги. Как ужасно слышать эти звуки ночью в пустом и безлюдном незнакомом городе! Где бомбоубежище, не знаем, шагаем дальше. В небе ревут самолеты. Вскоре слышится сигнал отбоя. Конечно, объектом налета был не Бендорф. Через двадцать-двадцать пять минут доходим до дома Саманова, который так же, как и другие дома, погружен в темноту. Звоним, открывает старый человек в халате. Это хозяин. Мы объясняем ему, кто мы такие, и просим позвать Саманова. Дверь закрывается, хозяин исчезает. Ждем на веранде. Проходит около двадцати минут. Наконец, выходит Саманов, но вместо того, чтобы пригласить нас в дом, начинает объяснять, как лучше дойти до «Кон-

кордии», где для нас уже приготовлена квартира. Наше единственное желание было грохнуться прямо на пол и заснуть. Саманов, видя наше состояние, решает проводить нас. Идем, наконец в темноте появляются фабричные трубы, небольшой поселок, чуть дальше справа от нас трехэтажное здание — дом, где мы будем жить. Саманов пошел на кухню, где, несмотря на поздний — или ранний? — час, уже слышался шум: толстый повар уже пек что-то вкусное к Рождеству. Нам это показалось странным — в такое время люди еще могут готовиться к празднику! Повар любезно провел нас в столовую, накормил и показал наше жилье. Две чистые комнаты с четырьмя уже приготовленными кроватями на чердаке. Была и необходимая мебель: стол, стулья, шкаф, а также небольшая печка в углу. Господин Брухман, так зовут повара, советует нам лечь и не вставать до двенадцати, пока он не пришлет кого-нибудь разбудить нас к обеду. Не дожидаясь дальнейших уговоров, мы легли и мгновенно уснули как убитые.

Ровно в двенадцать нас разбудили. Оделись и направились в столовую, где нас буквально оглушил многоголосый шум. Мы смущены: на нас смотрят сотни людей. Это столовая для рабочих «Конкордии». Мы действительно представляли собой необычное зрелище, и о нашем приезде уже знали.

Обед отличный. Конечно, без мяса, вместо него — овощи. Мы еще не закончили есть, а нас уже окружили девушки из лагеря, где нам придется работать. За хорошую работу они были направлены на кухню, где работа значительно легче, а питание несравненно лучше. Им разрешено жить вне лагеря, и они поселились в том же самом здании, где находится кухня, и на том же самом чердаке, где разместили и нас. Девушки рады. Перебивая друг друга, рассказывают о лагере, о том, как здесь тяжело. Это действительно так, ибо ими командует лагерная портниха, женщина лет пятидесяти. Больше всего она преуспела в искусстве угождать администрации и поэтому играет весьма заметную роль в лагере. По мнению девушек, у нее одно желание — угодить начальству, естественно, за счет рабочих. Это меня очень опечалило: предвижу некоторые осложнения.

22 декабря

По приказу коменданта Рейнхардта вчера ходили в лагерь. Впечатление ужасное. Шесть бараков, в пяти живут восточные рабочие — «остарбайтеры», в шестом — столовая и кухня. Кроме того, казармы для охраны и лазарет. В нем шесть довольно чистых кроватей. Бараки, в которых живут молодые рабочие, темные, мрачные, грязные. Двухэтажные кровати стоят впритык друг к другу. Каждый

барак отапливается железной печкой. Обычно ее нагревают докрасна и сушат около нее белье. Тепло только рядом с печкой, а вообще в бараке холодно, почти так же, как на улице, через щели в стенах наметает снегу. Около входа в барак охрана, рядом карцер, куда провинившихся сажают на хлеб и воду. Окна забраны решеткой, как в настоящей тюрьме. Вся территория лагеря окружена рядами колючей проволоки, выход только по пропускам. Подъем в четыре утра. В пять часов общее построение, перекличка и люди направляются на работу под охраной. До фабрики три километра. Возвращаются в четыре вечера.

Моя работа начинается в восемь утра. Это уже огромное преимущество. Основная обязанность — поддержание чистоты и порядка в лагере, помощь врачу во время приема больных, отдельные поручения по конторским делам и выдача товаров из лагерного ларька — небольшого магазинчика, где можно купить разную мелочь: мыло, зубной порошок, блокноты, карандаши.

Таня будет работать в небольшой мастерской с раннего утра до четырех вечера. Здесь и живет та самая портниха Александра, о которой так неприязненно говорили девушки. Это действительно неприятная особа, хотя внешне она привлекательна. Рейнхардт все нам объяснил, показал и сказал, что все правила должны неукоснительно соблюдаться и что необходимо вовремя появляться на работе. «Никакой русской лени и опозданий, — добавил он с усмешкой. — В мое отсутствие за этим будет следить охрана...» Все ясно. Мы под постоянным надзором. Обстановка не из приятных.

24 декабря

Вечер. День был ознаменован очень приятными событиями. Сегодня утром мы вчетвером сидим на чердаке и думаем, как будем праздновать Рождество. Нет ни елки, ни угощений, ни подарков. Нет друзей, которые могли бы нас пригласить. А вокруг нас витает праздничный дух, снизу доносятся вкусные запахи, кто-то уже наряжает елки... И вот в тот самый момент, когда мы уже почти отчаялись, открывается дверь — и Саманов вносит огромную ель. Комната мгновенно наполнилась рождественским запахом. Огонь светит ярче, все выглядят счастливее. Благодарим Саманова за такой подарок. Надо решать другие «проблемы»: как украсить елку, что подавать на стол... Но главное уже есть — рождественский дух, праздничное настроение. Вот что может сделать подарок соотечественника! Около четырех часов вечера в дверь опять постучали. Открываю, входит фрау Анна Вюргерс, жена столяра, а за ней еще восемь мужчин и женщин. И у каждого по подарку для нас — елочные украшения, игрушки для Юры, сделанные руками Вюргерса, несколько подносов

с всевозможными рождественскими сладостями. Мы смотрим на все это, не веря своим глазам. Они немного посидели с нами и пригласили нас на завтра на обед и на ужин. Такого подарка мы, наверное, никогда в жизни не получали.

25 декабря

Сегодня утром за нами зашла фрау Вюргерс, и мы все отправились в католическую церковь. Я пыталась объяснить, что я православная, но она все равно настояла на том, чтобы я пошла с ней. После службы в церкви обед у Вюргерсов. Меня заинтриговало, как это ей удалось достать так много мяса. Она объяснила, что в течение всего года экономит купоны на мясо и они едят в основном овощи, макароны, каши. А на Рождество она может позволить себе настоящий праздник и подать к столу настоящее жаркое. Я позавидовала такой ее хозяйственности, но подумала, что она не для нас: кто знает, что с нами будет завтра. Где мы будем? Ну и к чему экономить? А потом мы, русские, вообще не способны на такое — мы думаем и живем не так, как немцы. Ну, а в это Рождество мы наслаждались щедростью и даже расточительностью гостеприимной немки. На обед мы были приглашены в семейство Шмидтов, и здесь все повторилось в точности как у Вюргерсов: мясные блюда, пирожные, сдоба, вино.

Завтра наш первый рабочий день в Германии.

28 декабря

Мы постепенно привыкаем к своим обязанностям. Встаем рано, еще затемно, и идем на трамвайную остановку. До нее пятнадцать минут, и на трамвае около двадцати. Дима начнет работать не раньше третьего, и поэтому я могу пока оставлять Юру под его присмотром. Таня уже «сыта» своей работой. С утра до вечера она ремонтирует одежду рабочих, и все это под наблюдением очень требовательной Александры, которая действительно всеми силами старается выслужиться перед комендантом лагеря, которого приветствует «Хайль Гитлер!» И этим она завоевала его любовь и доверие. Уверенная в своем привилегированном положении, с нами она обращается как с людьми низшей касты. Молодые русские рабочие боятся ее как огня, зная, что она обо всем докладывает коменданту, который применяет самые «некультурные» методы для наказания виновных даже за самый незначительные нарушения лагерных правил.

2 января 1944 года

Новый, 1944 год. Скоро три года, как идет война. Вспоминаю новогоднюю ночь 1941 года. Как будто это было вчера. Нас собра-

лось человек двадцать на квартире Левицких. Чудесная ночь с шампанским и танцами. Разве могла я тогда представить, что через три года я с детьми буду так далеко от дома и от привычной обстановки. Вместо нашего прекрасного Ленинграда — небольшой немецкий городок; вместо нашей квартиры на Фурштадской, чердак над кухней. Вокруг нас чужие. И хотя многие из них милые, симпатичные люди, нам не понятны их интересы и их взгляды на многое. Иногда из вопросов, которые они задают, становится ясно: Россия в их представлении — варварская страна, где водку пьют стаканами, а по главной улице Ленинграда ходят медведи.

Война изменила судьбы русской и украинской молодежи. В 16-17 лет их оторвали от родины, забросили на чужбину, где на них смотрят через колючую проволоку как на диких зверей в зоопарке или в цирке. Постепенно отношение немцев к ним меняется. Девушки начали получать кое-что из вещей и теперь мало чем отличаются от немок. Остригли волосы, сделали модные прически, ходят в красивых платьях и туфлях на высоком каблуке. Стоптанных тапочек уже не увидишь. После рабочей смены и по воскресеньям они работают в немецких домах и плату берут не деньгами, а одеждой, которую наша портниха им перешивает. Гораздо труднее одеться юношам, но и они достают поношенные пиджаки и несут их к той же Александре на переделку, а платят — продуктами, которые они получают от местных крестьян за свой тажелый труд.

Наши «остарбайтеры» завоевали хорошую репутацию как на фабрике, так и среди местного населения: работают быстро и хорошо. Они стали основной рабочей силой района. Лагерь существует здесь с 1942 года, тогда же появились здесь наши рабочие. Во многих отношениях они превзошли рабочих других национальностей, также работающих на «Конкордии». Каждый немец стремится заполучить к себе в цех как можно больше русских. Обо всем этом нам поведал Гревер, очень забавный немец, работающий переводчиком в лагере. Русским он владеет очень плохо. Кроме нецензурных слов, которые он выучил еще во время первой мировой войны, будучи военнопленным в России, знает еще несколько русских выражений, но выговаривает их так ужасно, что почти невозможно понять, что он хочет сказать. Но он безобидный человек, по словам наших ребят, и над ним постоянно подшучивают. Гроза лагеря — комендант. Рядом с его кабинетом небольшая комнатка, в которой он спит, когда не уходит домой, а живет он очень далеко от лагеря, на другом берегу Рейна. У него привычка появляться то тут, то там совершенно неожиданно, и всегда-то он находит что-нибудь, что сделано не так, как положено. Такое впечатление, что он специально ищет, из-за чего бы устроить разнос. В лагере все замирает, как только раздается

его громкий гортанный голос. Беда тому, кто попадет ему под тяжелую руку. Он мгновенно впадает в гнев, но, к счастью, немстителен и быстро отходит. Поднимет шум, вдоволь накричится — и направляется в буфет, где повариха Мария кормит его специально приготовленной прекрасной едой.

Рабочих в лагере кормят плохо. На завтрак хлеб и так называемый эрзац-кофе; на обед — овощной суп, чаще из репы; в семь часов — опять суп. В воскресных супах плавают маленькие кусочки мяса, а на второе дают картошку на маргарине. Непонятно, как при такой плохой кормежке наши люди ухитряются выполнять тяжелую работу. Поддерживает их силы в основном то, что они с разрешения коменданта по вечерам работают на местных крестьян, которые кормят их и дают еще кое-что с собой.

Сегодня прошла по баракам, проверила, чисто ли в них. Ужасная грязь в уборных и умывальнях. Сделала замечание дежурному и потребовала навести порядок.

У входа в барак слышится голос нашего смешного немца-переводчика — на ужасном русском он кричит: «Больничный рабоч гулять на дохтор!» Почти из всех бараков выходят люди и идут к доктору. Моя задача — выяснить, на что они жалуются, и перевести врачу. Задача не из легких: получить вразумительный ответ непросто. Обычная жалоба: «Давит в груди, трудно дышать». Хорошо, что Ренцель, лагерный врач, приятный человек. Почти всем, кто не пошел сегодня на работу, разрешил выспаться в лазарете и дал освобождение на один день.

5 января

Познакомилась с фрау Кикель. Она занимает ответственный пост в отделе по нормированию и отвечает за распределение купонов и карточек на продукты и товары. Это очень симпатичная и искренняя женщина. Она хорошо приняла меня и дала много талонов на дополнительное питание для рабочих лагеря. В приподнятом настроении я пришла домой и застала Диму с ужасной головной болью. Боюсь, что для него эта работа слишком трудна. А самое главное — вставать нужно в полшестого. Особенно трудно сейчас — в зимнее время — вставать и идти на работу в темноте.

6 января

На меня плохо действует здешний климат. Зима совершенно не похожа на русскую. Влажно, холодно, и совсем нет снега. Все не так, как дома. На Украине зимой значительно холоднее, но там сухо и солнечно и снега много. Погода бодрящая, и чувствуешь себя лучше.

Написала много писем, но ответов нет. В такие трудные времена только и жди неприятностей. Действительно, бомбежки не прекращаются. Бомбят большие немецкие города. Два года назад в Ленинграде бомбежки прекратились с наступлением сильных морозов, 4 декабря. Здесь же сама погода помо́гает американцам и англичанам.

8 января

Юра начал ходить в школу. Ему нравится. Интересно, как бы реагировал Дима, если бы ему пришлось ходить в школу в чужой стране, будь ему столько лет, сколько сейчас Юре. Когда я первый раз повела Диму в школу, он весь день плакал, несмотря на то что мы с бабушкой навещали его в перемены. Сейчас такую роскошь мы не можем себе позволить. Мы с Таней отвели Юру в школу и оставили его там, а сами ушли в лагерь. Через несколько часов у ворот раздался звонок — стоит Юра в сопровождении трех девочек. Они привели его из школы, так как он не очень хорошо знает дорогу домой и плохо говорит по-немецки. Но вообще он вполне самостоятелен, и я думаю, что в школе у него будет все хорошо. Мои рабочие дни проносятся быстро.

10 января

Сегодня ровно год, как мы уехали из Пятигорска. Как он далеко от берегов Рейна. Сколько воды утекло за этот год. Наше пребывание на Кавказе кажется сейчас далеким сном.

13 января

У Тани с Димой не все ладится с работой. Таню перевели из лагеря на фабрику. Долго думали, на какую работу определить и в конце концов направили на кухню. Дима жалуется, что целыми днями приходится таскать тяжести, хотя записан он как работник лаборатории. Я-то надеялась, что он приобретет какую-нибудь специальность, а похоже, что он может «приобрести» только грыжу.

15 января

Вчера я воспользовалась случаем и переговорила с фрау Теби, секретарем директора. Она очень любезна и уже не раз помогала нам. Я ей все рассказала. Она доложила об этом господину Вефельшайду, он вызвал коменданта лагеря, переговорил с ним, и все решилось благополучно. Уже сегодня Таня опять работает в лагере. А Диму скорее всего вообще освободят от работы,

если он начнет заниматься на коммерческих курсах, а желание такое у него есть.

17 января

В лагерь привезли много женской одежды. Хорошие вещи. Начальник лагеря установил на них цены (кстати, очень низкие) и приказал мне и лагерной портнихе продавать их нашим девушкам. Это было очень весело и приятно! Девушки с удовольствием покупали одежду, они неплохо зарабатывают, тратить деньги негде, а тут такая возможность! Мне все больше и больше нравится моя работа.

23 января

Воскресенье. Целый день провела в лагере: все ушли в кино, и я должна была помогать на кухне. Даже повара сегодня не было, и обед готовила одна из работниц. В свободное время пишу дневник, который веду с самого начала войны. Все дневниковые записи — это разрозненные листы, а то и клочки бумаги. Кто знает, может быть, когда-нибудь их можно будет опубликовать как документ одного из важнейших периодов истории.

28 января

Дима познакомился с шестнадцатилетним юношей из Люксембурга, он работает вместе с ним в лаборатории. Поль здесь со своей семьей: отец — врач, мать и две сестры. Немцы выслали их из Люксембурга, считая «опасными элементами». Дима говорит, что Поль всегда веселый и жизнерадостный. Надеюсь, он сумеет вывести Диму из апатии. Сегодня они зашли к нам, и как же приятно было смотреть на Поля! Он выглядит здоровым, и улыбка не сходит с лица. Пробыл у нас около двух часов и пригласил к себе познакомиться с родными.

Сегодня месяц, как мы работаем в лагере. Я почти привыкла ко всему, но многое дается мне с трудом. Например, плохо понимаю, когда быстро говорят по телефону. Боюсь, что все перепутаю, а комендант очень требовательный.

29 января

Вчера вечером я делала записи в дневник, как вдруг постучали — это пришли с кухни и сказали, что комендант требует, чтобы я немедленно пришла в лагерь. Несмотря на поздний час, вынуждена была подчиниться. А случилось следующее. Один русский парень по имени Петя купил у какого-то француза буханку хлеба за пятнадцать

марок. Нужно было найти этого человека, который продал хлеб за такую высокую цену, а от него — узнать, кто ему продал хлеб, чтобы наказать спекулянта. Было поздно, трамваи уже не ходили, и мне пришлось три километра идти пешком. Юра не хотел оставаться дома один, расплакался, и стал проситься со мной. Когда я пришла в лагерь, сотрудник криминальной полиции уже вел допрос. Мне нужно было переводить. Естественно, что от парня ничего путного узнать не удалось. Он «не мог» вспомнить француза, скорее всего потому, что не хотел вспоминать. Он был рад, что ему удалось купить целую буханку хлеба. Это главное, а кто тот человек, который продал ему хлеб, ему было неважно. Конечно, хлебного пайка никому не хватало, и наша молодежь была готова на все, лишь бы не голодать. Освободилась в пол-одиннадцатого и как сумасшедшая бежала все три километра. Мне было страшно на безлюдных улицах, и, кроме того, я боялась воздушной тревоги. Я счастлива: наконец я на своем чердаке! Застала трогательную картину: Дима с Юрой спят в одной кровати совершенно одетые. Утром надо было рано встать: я должна была вместе с Петей стоять у проходной и опознать француза, который продал ему хлеб. Петя никого не узнал, и, простояв около двух часов и промерзнув до костей, мы ушли.

30 января

Истинность русской поговорки «мир не без добрых людей» все чаще и чаще подтверждается здесь, причем в самых невероятных и сложных ситуациях. Совершенно неожиданно вы встречаете людей, которые оказывают вам помощь, и ваша жизнь просветляется и меняется к лучшему. Так, например, повар, герр Брухман, делает для нас все, что может, а единственное, чем я могу отплатить это, — дать ему свои талоны на табак. Я не курю, поэтому это не ахти какая жертва. Он дает нам так много продуктов, что они у нас остаются и я делаю бутерброды, ношу их в лагерь и подкармливаю рабочих. Они сами определили очередность и свято ее соблюдают.

Единственное, что нас в данный момент беспокоит, так это воздушные тревоги, которые иногда бывают по два раза в день и даже ночью.

31 января

Недавно на Франкфурт был совершен массированный налет. Очень беспокоюсь за нашего друга д-ра Лакса. А сегодня произошло нечто небывалое: вначале завыли сирены, затем раздался ужасный рев самолетов. Я выглянула в окно и застыла от ужаса: все небо в самолетах! начинаю считать: сто, а может быть, и больше, но это было только начало. Через несколько минут еще одна армада, а за-

тем еще одна. Скорее всего, они летят бомбить Франкфурт, а может быть, даже Берлин.

12 февраля

Вчера родители Поля пригласили нас в гости. Они живут в центре города в небольшой, бедно обставленной квартире. Очень дружелюбные и приветливые люди, так хорошо было в их компании, что все остальное не имело значения. Хотелось одного — быть с ними как можно дольше. Глава семьи очень занят, у него практика в Бендорфе, ведь большинство немецких врачей призваны в армию. Мать Поля совсем молодая и очаровательная женщина. Старшая сестра, Маргарет, рассудительная, серьезная девушка. Мне больше понравилась Джоан, очень красивая, смуглая, черноволосая, веселая и жизнерадостная. В ее присутствии забываешь все невзгоды и проблемы. Дима влюбился в нее с первого взгляда. Надеюсь, что эта любовь выведет его из мрачного состояния.

17 февраля

Неприятность: пошли получать зарплату, а оказалось, что получать-то нечего. С нас высчитывают за питание и проживание, а зарплата у всех маленькая, так что когда подсчитали, то получилось, что мы остались должны. Опять иду к директору. Счастье, что он не такой, как наш комендант, и не прогнал меня, а внимательно выслушал и пообещал во всем разобраться.

Плохой месяц февраль. Холодно, сыро. Мы постоянно мерзнем. Весной и не пахнет.

24 февраля

Вместо весны пришла настоящая зима с метелями, морозами, солнцем. Как в России. Намного лучше, чем дождь и слякоть.

25 февраля

Любопытные вещи творятся в нашем лагере. Одна девушка на восьмом месяце беременности. А «виновника» найти невозможно: она показывает на одного парня, тот отрицает и сваливает вину на другого, этот на третьего и так далее. В итоге набралось шесть человек. Гревер возмутился и вызвал всех шестерых на разбирательство. Я присутствовала на этом «процессе» в качестве переводчика. Мне было трудно сохранять серьезный вид, невозможно было не хохотать, слушая Гревера, ведущего допрос. Он все вещи называл своими именами. И это звучало очень комично.

Сами «виновные» были ошеломлены откровенностью допроса и не могли удержаться от смеха. В результате стало ясно, что ничего

выяснить невозможно. Мне нужно было составить протокол, напечатать его по-русски, потом перевести на немецкий и опять напечатать. Результат нашего «творчества» нужно было послать в отделение криминальной полиции. Мы с Гревером решили посоветовать коменданту усыновить или удочерить будущего ребенка. Представляю его реакцию!

28 февраля

Вернулись сегодня из Кобленца в прекрасном настроении, и вдруг как снег на голову! Я забыла кошелек с деньгами на столе в конторе, и, пока ходила к портнихе похвастаться покупками, пропало сто марок. Украл кто-то из рабочих. Раньше это меня расстроило бы, но сейчас я смотрю на все иначе и осталась более или менее спокойной, поругивая, конечно, про себя, своих соотечественников. Удивительные люди! Воруют везде и всюду, тащут даже у своих же! Коменданту ежедневно поступают жалобы. Чаще воруют у безропотных. Одного такого постоянно обворовывали, а он молчал. Недавно у него украли ботинки, он не выдержал и пожаловался коменданту. Я присутствовала при разборе этого случая — выяснилось, что это была не первая кража. Воровали у него даже хлеб, а он молчал, боялся мести. У других рабочих тоже ежедневно что-нибудь пропадает. Организовалась целая группа. Крадут все, что плохо лежит, и чаще у тех, кто не может за себя постоять. Ну вот, и я стала их жертвой. Мне стыдно за мой народ.

12 марта

Думаю, я больше никогда не буду вместе со Сергеем*, и он не сможет помочь мне в моих заботах о семье. Петля затягивается все сильнее. Известия из Ленинграда все печальнее: город все еще окружен, люди на пределе. Голод, болезни, бомбежки и артобстрел унесли тысячи жизней. Что с Сергеем? Жив ли он? когда мы уезжали, он едва волочил ноги. А ведь прошло целых два года...

14 марта

Опять резко меняется погода. Несколько дней назад была весна, а сейчас опять зима. Говорят, что весна на Рейне изумительная. К сожалению, я этого пока не вижу.

Комендант куда-то уехал. Он никогда заранее не предупреждает об отъезде. Мы узнаем об этом, когда видим, что его нет, и тогда мы

* Сергей — муж Елены Александровны. — *Прим. ред.*

с Гревером берем обязаности коменданта на себя. Всю прошлую ночь я не могла уснуть. Был такой шум, что я не сомкнула глаз. Все время казалось: что-то случится, и мне придется бежать в барак. Но ничего особенного не случилось — просто молодежь «веселилась», а охранники спали. Они очень грубы с рабочими, кричат на них и даже бьют. Особой жестокостью отличается один из них — Тони. Высокий, худощавый, симпатичный, пользуется успехом у поварихи Марии. Она готовит его любимые блюда, конечно, в отсутствие коменданта, приносит ему еду прямо в караульное помещение и не может скрыть восхищения, наблюдая, как он поглащает плоды ее кулинарного искусства. Продукты она, конечно, берет из скудного рациона рабочих. А что делать? Жаловаться на нее коменданту? Она так же, как и Александра, проложила лестью путь к сердцу коменданта и делает все возможное, чтобы еще больше угодить ему. Комендант уверен, что он единственный герой ее романа. Что если рассказать ему о Тони? А ничего хорошего из этого не выйдет. Лучше пока молчать.

18 марта

Сегодня иду к директору Вефельшайду, буду просить его отпустить Диму с завода, хотя бы временно, чтобы он мог закончить школу. У меня не было ни малейшей надежды на успех, однако все решилось легко и просто. Вефельшайд принял меня сердечно и приказал освободить Диму от работы. Не знаю, чем это объяснить: то ли моей дружбой с д-ром Лаксом, то ли тем, что Вефельшайд — добрый и интеллигентный человек. Во всяком случае это судьба.

28 марта

Нас еще не бомбили, но гул самолетов слышится постоянно, и это очень беспокоит. Почти ежедневно звучит сирена воздушной тревоги, особенно вечером перед ужином. Охранники загоняют всех в убежище. Это в километре от лагеря. Дорога узкая, и мы идем цепочкой. Усталого Юру тяну за руку. Самолеты летят один за другим, иногда в течение часа, а то и больше. Жутко думать, что будет с городом, на который они сбросят бомбы.

Наконец — теперь уже точно — наступила весна. Все цветет. Вокруг такая красота, что не хочется думать ни о чем плохом, тем более о войне и смерти. Сегодня целый день раздавали одежду нашим «остарбайтерам». Всем не хватило, так как прислали треть необходимого количества.

31 марта

Сегодня получила два интересных письма. Одно — от Сережи, мужа Нины Познанской. В самом начале войны он был взят в плен, сейчас работает переводчиком. Второе — от фон Вальтера (на этот раз настоящего), друга моей двоюродной сестры Ольги. Он работает немецким консулом в Турции. Сережа думает провести отпуск у нас. Для этого мы должны получить специальное разрешение в полиции. В России о подобном «госте» даже подумать было бы нельзя, а здесь, как ни странно, все значительно проще. Не могу понять почему. Их государственная система так отличается от нашей; несмотря на то, что в нашей стране везде слышно «Ура Сталину!», а у них «Хайль Гитлер!», у них все же больше свободы. Может быть, я так думаю потому, что мы живем в маленьком городке и люди здесь другие, они кажутся мне более счастливыми, более общительными, несмотря на войну и все трудности.

1 апреля

Всю прошлую ночь бесконечные воздушные тревоги. Мы с Юрой были в лагере и не уснули ни на минуту. Американские и английские бомбардировщики так сильно ревут, что, кажется, небеса вот-вот разверзнутся, посыпятся бомбы и сметут все с лица земли.

За нами прибежал молодой рабочий Вася, думал, что мы спим. Вышли на улицу. В нашем лагере нет бомбоубежища, до городского — десять минут ходьбы. Стоим во дворе под открытым небом. К нам подошли несколько женщин с детьми. Несмотря на оглушительный рев салолетов, все остальные лагерники спали. У них всего несколько часов для сна, а потом целый день изнурительного труда.

А природа изумительная. Что за ночь! Светит луна, сверкают звезды. В природе покой и мир, а люди уничтожают себе подобных.

7 апреля

В поселке готовятся к Пасхе. А я в очень подавленном состоянии. Завидую окружающим, их семейному счастью. Нас лишили самого главного в жизни — полной семьи, отняли родной дом, родственников, друзей, лишили возможности собраться в семейном кругу. Здесь мы одни, мы чужие. Счастье, что дети со мной. Пытаюсь гнать от себя плохие мысли, ведь могло быть еще хуже. Да, все познается в сравнении. Надо думать о тех, кто оказался еще в худшем положении. Например, русские юноши и девушки в лагере. У них здесь вообще никого нет, ни единой родной души. Их спасает то, что

они молоды и что все остальные рабочие в таком же положении. Они надеются на лучшее, на то, что и на их улицу придет праздник, а пока готовятся к Пасхе.

9 апреля

Сегодня первый день Пасхи. Повар Брухман дал мне огромный пакет с пасхальными угощениями. Половину я решила отнести в лагерь. Мы с Юрой пришли в десять утра и не узнали его: двор выметен, в бараках чистота и порядок, юноши и девушки нарядные. Все выглядят здоровыми, несмотря на плохое питание, правда, в последнее время хлеба достаточно, да еще появилась возможность подработать на стороне. И вот они уже и выглядят лучше. Особенно девушки. С юношами сложнее. Конечно, им не хватает еды, и, чтобы утолить голод, они воруют хлебные карточки. Иногда их ловят на месте преступления. Ругают, бьют и сажают за решетку. Потом выпускают, и все начинается сначала.

Вечером рядом с кухней — танцы. Прекрасный аккордеонист Ваня весь вечер без устали играл знакомые танцевальные мелодии. Молодежь хорошо провела время.

12 апреля

Вот как бывает. Девятого все в лагере танцевали, веселились, а сегодня — слезы: медсестра Шура отравилась. Хорошо, что ее вовремя обнаружили, успели позвать охрану, Шуру удалось спасти. Доктор Рензель прочистил ей желудок, и она вскоре пришла в себя. Меня попросили выяснить причину попытки самоубийства. Ее ответ был прост: не хочу жить, нет никакой надежды на лучшее. И это в 22 года! Мне кажется, причина другая. Она влюблена, а тот завел себе подругу Клаву, за которой бегают все: русские, французы, бельгийцы, итальянцы. Клава — первоклассная работница. Ее хвалят все немцы. А главное, она очень красивая, веселая и остроумная. А Шура, наоборот, тихая, скромная, невзрачная девушка. Говорят, у нее легкие не в порядке. Куда уж ей соперничать с Клавой, которая полна энергии и жизни.

17 апреля

Сегодня мы с Димой и Юрой ездили на прогулку в город Бад-Эмс. Туда на поезде, а обратно полпути шли пешком по берегу Рейна. Красота! Все в цвету. Вот теперь я понимаю, как правы были наши немецкие друзья, когда говорили, что весна на Рейне чудо! Сегодня получила письмо и посылку от консула Вальтера из Парижа.

Невероятно! Ведь он не имеет никакого отношения к «настоящему» фон Вальтеру. Кстати, он прислал мне его адрес.

Получила также письмо из Бельгии от друга нашей семьи Зубова. Очень приятно.

22 апреля

Девятнадцатого апреля в лагере выступали артисты из Днепропетровска. Они разъезжают по немецким лагерям вот уже несколько месяцев. Зал битком, все в восторге. Очень огорчены были рабочие ночной смены, которым нужно выходить на работу в четыре утра. Мы все упрашивали коменданта разрешить им остаться на концерте, но он был непреклонен.

23 апреля

Сегодня меня попросили встретиться с герром Ройдером из криминальной полиции. Я должна переводить его беседу с каким-то французом.

Вчера Кобленц подвергся первому воздушному налету. Сирены завыли ровно в шесть. Мы в это время были в лагере и даже не смогли закончить ужин, так как нам приказали спешно покинуть столовую и бараки. Казалось, самолетам не будет конца. Мы насчитали пятьсот. Над Кобленцем вспыхнули осветительные ракеты, и на него обрушилась масса бомб. Начались пожары. Мы укрылись в поле за лагерем.

В девять часов мы с Юрой пошли в «Конкордию». Огромное зарево над горизонтом.

Сегодня утром пришло сообщение — в Кобленце погибло 200 человек. Треть города в развалинах. Бросали зажигательные и фугасные бомбы. Война опять настигла нас. Сколько она продлится? Останемся ли мы в живых? Я постоянно задаю себе эти вопросы, но ответа на них нет.

24 апреля

Не знаю, где провести эту ночь: в «Конкордии» страшно, не лучше и в лагере. Нет надежного бомбоубежища. Сигналы воздушной тревоги почти каждую ночь. Наша жизнь сейчас — сплошные бессонные ночи из-за воздушных налетов и изнурительная работа, выполнять которую мы уже не в состоянии.

Редкие дни, когда выпадает час, чтобы полюбоваться красотой природы. Весна в разгаре. Все вокруг бело от цветения яблонь, вишен и других фруктовых деревьев. Серебрится Рейн, а еще дальше, на том берегу, зеленеют луга и поля. Какая красота! Ничего подоб-

ного не видела. Но все это моментально меркнет, как только опять начинают завывать сигналы тревоги, после которых небеса заполняются ревом моторов. Иногда тревога продолжается всю ночь, и утром на работу идешь, шатаясь от усталости. А ведь нужно работать весь день, работа требует внимания, но в голове одна мысль — спать, спать и спать...

5 мая

Начались побеги из лагеря молодых ребят. Вначале убежали трое, один из них ухажер той самой Клавы. Когда она узнала об этом, легла и отказалась идти на работу, игнорируя охранника, который пытался выгнать ее из барака. Через некоторое время состояние Клавы так ухудшилось, что ее с трудом довели до лазарета. Доктор Рензель подозревал, что она, по примеру Шуры, приняла яд. Однако оказалось, что это сильный нервный шок, который трудно было предположить у такой молодой сильной и здоровой женщины. Через несколько дней убежали еще двое. Они оставили коменданту письмо, в котором предупреждали, что к концу месяца сбегут еще тридцать человек, если не введут некоторые послабления: свободное хождение до 10 часов вечера, разрешение приносить в лагерь продукты, заработанные у крестьян, и не увеличат хлебный паек. Первые беглецы до сих пор не найдены.

13 мая

День рождения Юры. Вместо праздничного настроения — тоска. Прошлую ночь почти не спала. Чувствую жуткую усталость. Если так будет продолжаться, мы не выдержим. Англо-американская бомбежка страшнее немецкой, которую мы пережили в Ленинграде. Там самолеты с немецкой пунктуальностью ежедневно прилетали точно в семь и очень редко чуть позже. Они никогда не бомбили город ночью, и можно было хотя бы спать. А что делают союзники?! Летают не по графику, а когда захотят, и ревут в небе по ночам. Этот ужас продолжается с декабря. А мы-то думали, что Бендорф не станут бомбить и мы сможем жить спокойно.

14 мая

Со вчерашнего дня пока спокойно, никаких тревог. Отмечаем день рождения Юры. Меня очень тронул Дима. Он ухитрился раздобыть в Кобленце прекрасные игрушки для Юры, который даже в самых фантастических сновидениях ничего подобного не мог себе представить. Особенно ему понравились заводной самолет и игрушечные солдатики.

Сегодня в лагере событие. Гревер ездил в Кёльн и привез оттуда отца Маруси. Ее вывезли с Украины, когда ей не было еще и шестнадцати. Отец каким-то обраом разыскал ее и прислал письмо. После массы различных формальностей удалось обменять марусиного отца на одного молодого паренька, которому все равно, в каком лагере быть. Встреча отца с дочерью тронула абсолютно всех, даже толстый грозный охранник Петер, который, не задумываясь, избивает наших молодых рабочих, и тот стоял со слезами на глазах. Маруся обнимала своего отца, гладила его лицо руками, рыдала от счастья. Атмосфера в лагере изменилась: все были счастливы, весь вечер пели песни, никакого шума, никаких споров, не слышны даже окрики часовых.

18 мая

Сегодня комендант предупредил меня, что Гревер уезжает и мне нужно все время быть в лагере. Это очень плохо. Хотя наш чердак в «Конкордии» с трудом можно назвать квартирой, все же это намного лучше, чем в лагере, где очень шумно, но отказаться невозможно. Вчера из Берлина приезжала комиссия. Это событие очень взволновало наших девушек. Им еще накануне сказали, что они должны получше одеться, причесаться и что комиссия будет проверять умственные способности. Коменданту нужно отобрать двадцать девушек. Шестнадцатого вечером ко мне с кухни прибежали Ольга и Мария, обе в слезах. Они умоляли меня сказать им правду: действительно ли их забирают в «бордель»? Я не имела ни малейшего представления об этом. Комендант упрямо молчал. Мне опасения девушек казались абсурдными, успокаивала их, как могла. В результате четверо не явились вообще, а из оставшихся восемь были отобраны для более сложной работы на другом военном заводе. Сейчас по всей Германии все больше ощущается нехватка рабочей силы: почти всех мужчин призвали в армию.

16 июня

В воскресенье ездили в Кёльн. Ужас! Руины, горы мусора. По некоторым улицам невозможно проехать. Страшная картина. Наступают трудные времена. На Западе разворачиваются важные события: с начала июня на побережье Франции постоянно высаживаются англичане. К чему это приведет? Мне ясно пока одно: мы опять оказались в центре военных действий. А как мы радовались, что наконец-то нашли спокойное место!..

1 июля

В лагерь привезли огромную партию ботинок. Я была рада: хватит всем! Но получилось иначе. Кто-то украл пять пар. Комендант в ярости. Он запер ботинки на складе и заявил, что в наказание ничего выдавать не будет, а отправит их назад, в Кобленц.

Прошло уже десять дней, как уехал Гревер. К нам прибывают все новые рабочие. С последним транспортом приехала очаровательная харьковчанка Валя, студентка, дочь учителя. Одета очень элегантно, внешне привлекательна, но, кажется, очень слаба. Сможет ли она выполнять здесь тяжелую работу?

12 июля

Сегодня мне опять пришлось переводить для криминальной полиции. На этот раз было смешно. Один французский военнопленный Жак уже давно «гуляет» с немкой из Бендорфа. Мне приходилось встречать их на улицах города и в парке, да они и не скрывали своих отношений, хотя сейчас начали следить за связями немецких женщин с иностранцами. Недавно одной девушке еле-еле удалось избежать наказания за близкие отношения с французом, но тем не менее опозорили ее на весь город. О Жаке и его романе с бендорфской девушкой кто-то донес полиции. Я переводила вопросы Ройдера и ответы француза. В результате Жака и его немецкую подругу признали невиновными, а доносчика обвинили в даче ложных показаний. (Как же мы смеялись, когда через три месяца после окончания войны я встретила ее на улице с очаровательным ребенком на руках — абсолютной копией Жака.)

Все чаще обращаю внимание на то, что администрация стала лучше обращаться с иностранными рабочими.

15 июля

Сегодня я поссорилась с комендантом. У него отвратительная привычка — орать на людей, когда что-нибудь не так, как ему хочется. Я только вошла в лагерь, как он сразу же в присутствии одного из охранников и нескольких рабочих набросился на меня с руганью. Я рассердилась, но не сказала ни слова. Успокоившись, он обратился ко мне, но я не ответила. Он потребовал объяснений. Я очень спокойно сказала, что, если он опять посмеет крикнуть на меня, я просто не выйду на работу, пойду к директору и попрошу его вмешаться. Дождалась конца рабочего дня и в семь часов ушла.

17 июля

Комендант боится: вдруг я действительно пойду жаловаться на него директору Вефельшайду. Его грубость уже давно известна администрации завода. Сам директор против такого обращения с иностранными рабочими. Вчера я умышленно не торопилась на работу и пришла на час позже. Комендант несколько раз подходил к Тане узнать, где я и приду ли вообще. Таня отвечала неопределенно. Когда же я наконец пришла, он вышел мне навстречу, пригласил в кабинет и даже извинился за свое поведение. На самом деле он не такой уж плохой человек, просто очень грубый, и это крайне вредит ему. Я снисходительно приняла его извинения, и на этом инцидент был исчерпан, по крайней мере пока. Надеюсь, что теперь он будет благоразумнее. А это лучше и для меня, и для всех рабочих лагеря.

21 июля

Всех взбудоражила попытка покушения на Гитлера. Думаю, это повлияет на общее направление политики Германии и — косвенно — на отношение к нам. Все крайне возбуждены. Рабочие лагеря разачарованы тем, что покушение не удалось, и не скрывают своего недовольства. Утром комендант куда-то исчез.

27 июля

После покушения на Гитлера прошла неделя. Никаких изменений в жизни лагеря.

20 августа

Комендант уехал. Может быть, на фронт? Все держится в строжайшем секрете. От нас перевели тридцать русских рабочих и двух охранников. С ними уехал и Петер, самый неприятный мне человек. На место коменданта прибыл некий Гюльц. В его подчинении несколько лагерей, и к нам он приезжает только на пару часов в день.

30 августа

На «Конкордию» назначен новый директор д-р Рейсс, он прибыл в лагерь, внимательно все осмотрел, со всеми переговорил. Мне он понравился. Симпатичный блондин около сорока лет, интеллегентный и мягкий человек. Рабочим он тоже пришелся по душе, и они ожидают перемен к лучшему. Вчера он пригласил нас с Самановым на завод: хочет пройти по всем цехам, мы будем переводить. Французские и особенно итальянские рабочие недовольны новыми норма-

ми, которые ввел Рейсс. Они считают, что нормы завышены и их невозможно выполнить при таком питании. Русские рабочие, которые всегда отличались исполнительностью, согласились на эти нормы, но попросили увеличения хлебного пайка. Понятно, ведь хлеб в России всегда был основным продуктом питанием.

Все это я перевела директору, и он обещал сделать все от него зависящее. Хорошо, что он интересуется запросами русских рабочих, ведь они — основная рабочая сила «Конкордии».

Позавчера в лагере был прекрасный концерт. Приехали музыканты из Берлина. Название группы — «Голубая утка». Перед началом концерта выступил докладчик. Как и в Советском Союзе, его речь была чисто пропагандистской. В Советской России имя Сталина было бы произнесено сотни раз, а с его уст не сходило имя Гитлера. Наша молодежь молчала, но переглядывалась «с выражением на лице». В конце речи кое-кто аплодировал, в основном охранники (между прочим, они не поняли ни единого слова: докладчик говорил по-русски). Концерт и шутки были прекрасны, мы просто ожили.

4 сентября

Прекрасный осенний день. Уже стало прохладно. В августе мы страдали от жары, а сейчас так приятно. Какой чудесной могла бы быть жизнь, если бы не война с постоянными тревогами и бомбежками, которые делают существование невыносимым. Судя по всему, мы опять близки к передовой. В Бендорфе полно военных машин, так же, как и два года назад в Пятигорске. Мы в напряжении. Часто хожу с ребятами по вечерам гулять в поле. Таню, как и раньше, прогулки не интересуют, и она остается дома. Бесполезно уговаривать ее: она говорит, что жизнь не имеет смысла и что лучше погибнуть от разрыва бомбы.

Мы стали чаще ночевать в лагере и во время налетов спасаемся в бомбоубежище, оборудованном в скале, в бывшем винном погребе. В нем собираются сотни людей. Более безопасные места в глубине отведены для немцев, а рядом со входом в убежище — для иностранцев: французов, итальянцев, бельгийцев, датчан, люксембуржцев, русских, поляков. В убежище обычно так шумно от разговоров, что даже не слышно гула самолетов, и, если бы утром не идти на работу, это были бы очень приятные посиделки. Все перезнакомились. Итальянцы поглядывают на хорошеньких русских девушек, флиртуют, русские, ревнуя, запрещают девушкам разговаривать с итальянцами. Но это спокойно и мирно: все объединены общей опасностью и общими условиями жизни. Я обожаю люксембуржцев, с ними очень интересно говорить. И среди французов много интересных и умных людей.

Обычно время в бомбоубежище пролетает очень быстро, и, когда звучит сигнал отбоя, нам даже не хочется возвращаться в лагерь. Идем потому, что нужно хоть немного поспать.

7 сентября

Погода гнетущая. Сижу в лагере одна. Гюльц почти не появляется, все на работе, ночная смена спит. В лагере остались только больные под надзором охранника по прозвищу Маленький Пит. Очень грустно. Небо хмурое.

9 сентября

Вчера ездила в Кобленц. В городе чувствуется приближение фронта. У всех проверяют документы. Везде солдаты. Атмосфера напряженная. Объявили тревогу, и я просидела два часа в бункере. Одно хорошо — читала французский роман, на что у меня в лагере обычно не хватает времени.

Позднее в этот же день

Два часа дня. Постоянно воют сирены. Мне страшно, что со мной нет Юры. Зенитки ведут непрерывный огонь. Надеюсь, что Юра отсиживается где-нибудь в укрытии. Ужасно, что пятилетние дети предоставлены самим себе и подвергаются такой опасности во время войны. Постоянные налеты, днем и ночью. Совершенно нет покоя. Я только что узнала, что бомбили город Нёйвид всего в девяти километрах отсюда? Даже если ты будешь все время сидеть на одном месте, все равно не избежишь судьбы.

Без прежнего коменданта в лагере спокойнее. Вот теперь я поняла, какую нервозность, беспокойство он создавал своими постоянными криками.

12 сентября

Американцы просто сошли с ума. Не дают ни минуты покоя. Постоянные тревоги. Нет никакой возможности что-либо сделать, так как все дни, да и ночи проводишь в убежище. Город сильно пострадал, а сегодня бомбили мост Энгерс. Взрывы были очень сильные. Мне нужно было пойти по делам в «Конкордию», и я слышала, как звенели и сыпались оконные стекла. Сегодня ночь проводим в лагере: боимся, что будут бомбить «Конкордию» и наш чердак рухнет при первом же взрыве. Прошлую ночь мы провели в подвале вместе с Самановым. Было очень тоскливо, и он не хотел оставлять нас одних. Мне очень плохо. Теперь сон кажется более важным, чем еда.

21 сентября

Три часа дня. Отбой. Сегодня был налет на Бендорф, и очень сильный. Бомбили Бендорф и Кобленц, что в десяти километрах. Несколько бомб упало недалеко от лагеря. Одна попала в дом директора. Начались пожары. Наша молодежь мобилизована их тушить. Когда объявили тревогу, мы были в лагере и с началом бомбежки побежали в подвал. Особенно перепугались немецкие женщины: повариха Мария, портниха Паула, которую наняли в помощь Александре. Они еще не привыкли и боятся за свою жизнь больше, чем наши «остарбайтеры». Я с трудом уговорила Юриного друга Васю и семнадцатилетнего Колю пойти с нами. Подействовало на них только одно: я сказала, что с ними нам будет легче.

Если война еще продлится, ничего не останется — все будет разрушено. Сейчас они сбрасывают бомбы не на военные объекты, а куда попало, разрушая больницы, жилые дома, убивая мирных людей. В Ленинграде мы ругали немцев, когда они разбомбили больницу на Советском проспекте, называли их варварами. Здесь повторяется то же самое. Негде спрятаться. Только в скалах. Но все население города и окрестностей не поместится там. Живем только сегодняшним днем, считая, что каждая минута может стать последней. Только что позвонил Саманов. Он услышал, что бомбы упали рядом с лагерем, и беспокоится за нас. Как приятно, что кто-то проявляет заботу. Я это очень ценю.

5 октября

Мы еще живы. Тревоги продолжаются целыми днями и ночами. Жизнь теряет смысл. Последние несколько дней прошли более-менее спокойно, но бомбежки были. Говорят, что опять бомбили Кобленц. Как жаль! Какой это был прекрасный город! Вспоминаю его с удовольствием. Совсем еще недавно в нем было так хорошо. А сейчас он, наверное, превратился в груду развалин. Ужасная война! Неужели она будет продолжаться долго? Как хочется мира и покоя, чтобы можно было спокойно спать, чтобы дети были здоровы и в безопасности. Такое простое желание — и невыполнимо. Часто представляю: война окончена, мы возвращаемся в Ленинград, но не идем сразу домой, а вначале к друзьям — узнать, где Сергей, что с ним. И вдруг оказывается, что все хорошо — все живы, дома. Какое счастье видеть их всех после стольких лет. Неужели эта мечта когда-нибудь осуществится? Да и останемся ли мы живы?

12 октября

На несколько дней приехал Дима. Он жутко похудел. Никаких привилегий у него нет, а того пайка, который выдают, ему недостаточно. Два парня из их школы заболели туберкулезом. Мне бы хотелось оставить его здесь, но он считает, что должен закончить учебу. Его приняли в частную школу «Арле», а не в гимназию в Кобленце. Программа там не из лучших, а берут за учебу дорого. Мы дали ему фруктов, повар выделил для него даже немного мяса, сыра и масла, наши друзья из Люксембурга — конверт с продуктовыми талонами. Откуда они у них? Это работа подпольной организации в Люксембурге, которая выступает против Гитлера и помогает своим пленным в Германии.

Несколько дней назад приезжал актер Болховский, хотел выступить перед рабочими с чтением стихов. Он был известен в Ленинграде и в Пятигорске как прекрасный декламатор. Новый комендант запретил его выступление, видимо считая Болховского либо провокатором, либо коммунистом. Хорошо, что новый директор фабрики д-р Рейсс интеллигентный человек. Я пошла к нему и все объяснила. Он отругал коменданта и разрешил выступление Болховского. Естественно, комендант разозлился на меня, и вскоре последовали неприятности. Сегодня д-р Рейсс вызывает меня для каких-то объяснений. Все это очень неприятно. Болховский уехал. Конечно, он внес в нашу монотонную жизнь немного веселья и радости, но и дополнительные проблемы.

16 октября

Жизнь вся на нервах. Радио без конца твердит о налетах вражеской авиации. С раннего утра одна тревога за другой, да и ночь прошла неспокойно. На этот раз я почти не реагирую. Может быть, потому, что в лагере чуть поспокойнее. Хотя, конечно, попади сюда хоть одна бомба, от лагеря не останется и следа. Но все-таки «Конкордия» — более опасное место, фабрику будут бомбить обязательно.

Итальянцы продолжают ухаживать за нашими девушками, вызывая ревность у русских ребят. Вчера они окружили Ольгу и обмазали ее с головы до пят дегтем. Почему? Один красивый итальянец влюбился в нашу симпатичную Ольгу, и она, кстати, не отвергает его ухаживаний. Она в отчаянии. Все испорчено: и ее платье, и чулки, и туфли, и белье. Их нельзя ни выстирать, ни вычистить. Волосы слиплись, и их невозможно расчесать. Лицо превратилось в сплошную черную маску. В тот самый момент, когда подружки пытались отмыть бензином волосы, лицо и руки Ольги, примчался ее итальянец.

Он кричал, размахивал руками, потом поцеловал ее в измазанную щеку и чуть успокоил. Но Ольге так и не удалось отмыться, а одежду пришлось выбросить. Ребята на этом не успокоились и грозят другим девушкам таким же «наказанием». Девушки боятся выходить даже в столовую, хотя она всего в двадцати шагах от барака. Администрация на это никак не реагирует.

18 октября

В лагере произошло чрезвычайное событие. Все потрясены. Кажется, жизнь замерла. Несколько дней назад полиция арестовала одного нашего паренька за то, что он нашел пару ботинок в руинах дома и взял их. Парня посадили в городскую тюрьму, куда обычно сажают восточных рабочих за кражи. Мы знаем, что за воровство, совершенное во время бомбежек и сразу после них, наказывают гораздо строже обычного, но все же надеялись, что его отпустят, учитывая молодость и незнание немецких законов. Но немцы решили устроить показательный «суд» для устрашения других. Сегодня утром пришел приказ всем мужчинам, кто не работает в утреннюю смену, собраться в лесу. Никто не знал зачем. Думали, что, может быть, будет какая-нибудь дополнительная работа. Охранники пригнали людей в лес и там, на лесной поляне, они увидели нашего бедного Ваню повешенным. Позднее криминальная полиция собрала всех рабочих в лагере и заявила, что, если воровство во время налетов не прекратится, всех ожидает подобная участь.

7 ноября

Вчера вечером был самый сильный за все это время налет. Даже в Ленинграде не помню такого. Мы только что сели ужинать, как вошел комендант Кляйн и объявил о воздушной тревоге и начавшейся бомбежке. Мы с Юрой вышли на улицу. Было светло, как днем. Охранники торопили нас в подвал под кухней и конторой, который, конечно, не мог быть надежным укрытием. Даже если бомба попадет в соседний барак, кухня рухнет и люди будут погребены в подвале. Не доходя пяти шагов до него, мы были ослеплены ярким прожектором и оглушены сильнейшим взрывом. Осколки летели в разные стороны. Моего самообладания как не бывало, колени так дрожали, не могла нащупать ступени. Юру держала за руку. Со всех сторон бежали люди. Кто-то подхватил меня и помог спуститься по лестнице. Это Вася. Он всегда приходит на помощь в момент опасности, всегда спокоен и без вещей. Я спросила его почему. Каждый брал с собой хоть что-нибудь. «Мои фотографии всегда со мной. Я сшил специ-

альный мешочек и ношу его под рубашкой», — ответил он. Его богатство — фотографии, которые он привез из России.

Часа два мы простояли в подвале. Между мной и Васей — Юра, маленький, как мышонок. Бедный мальчик, как много он уже пережил. Здание дрожало. Все звенело и стучало. Слышны разрывы бомб, стрельба зениток. Когда наконец наступила тишина, мы вышли из подвала. На улице было светло, как и два часа назад. В направлении Кобленца зарево огня. Там еще слышались взрывы. Наверное, взорвана электростанция. Спали одетыми. Юра совсем простудился, кашляет и чихает.

16 ноября

Саша и Катя заболели туберкулезом. Вот беда! Прекрасные девушки, особенно Катя. У нее туберкулез в тяжелой форме. Ей трудно дышать, она почти не встает с постели, все время плачет — боится умереть в чужой стране. Мне очень жаль обеих, и я боюсь, как бы не заразился Юра. Он много времени проводит в бараках, здесь у него почти все друзья. Он навещает больных, а Саша даже по моей просьбе давала ему уроки русского языка. Он с ней более прилежен, чем со мной, а когда я пыталась учить его, он просто валял дурака. Когда я узнала, что у нее открытая форма туберкулеза, он уже занимался с ней несколько недель. Я напугана до смерти: вдруг Юра уже заразился? Этот страх сильнее страха воздушных налетов. Если на нас упадет бомба, то мы погибнем сразу и вместе.

23 ноября

Дневнику уделяю все меньше времени. Не успеешь оглянуться, а день уже пролетел. Жизнь в лагере монотонная, каждый день одно и то же. Все те же недоразумения, проблемы. Например, нам выделили тринадцать дамских пальто. А у нас пятьдесят девушек, попробуй реши кому дать. Очень трудно принять справедливое решение. Все хотят. Некоторые скрывают, что у них есть пальто. И как правило — всегда много обиженных.

Недавно подружилась с замом по хозяйству. Он очень много для нас делает. Пообещал достать для девушек такую редчайшую вещь, как чулки!

24 ноября

Сегодняшние газеты опубликовали обращение Власова. Много чего обещает: право на частную собственность, упразднение колхозов и т.д. С раннего утра не прекращаются тревоги. Над головой постоянный гул моторов. Тысячи самолетов бомбят район Кобленца,

а земля дрожит даже здесь. Вчера, проходя по городу, впервые увидела очередь за хлебом. Очереди и у мясных лавок. Такого еще не было, хотя война идет уже шестой год. Только сейчас, когда страна окружена и подвергается непрерывным бомбежкам, люди остро почувствовали нехватку продуктов. Здесь все не так! А поезда ходят даже сейчас, и можно ехать в любом направлении, конечно, с разрешения полиции. Тем, кто лишился своих вещей во время бомбежек, выдают кое-что в магазинах. Меня это очень удивляет.

Пришел комендант Кляйн и испугал нас. Он только что с совещания у директора. Решено: если англо-американские войска подойдут к нам близко, придется сжечь все документы, взять запас хлеба и идти пешком в Тюрингию. Неужели опять придется куда-то бежать, да еще в такой обстановке?! Приближается зима. Уже рано темнеет и становится холодно, особенно по ночам. Кроме того, опять придется бросать многие вещи. И потом, разве пешком уйдешь далеко? В лагере есть тяжелобольные. Что с ними? Вопросов — много, ответов — нет!

11 декабря

Девятого были именины Юры. Ему подарили много денег, и Юра объявил, что накопил 130 марок и сразу после войны купит машину и будет меня катать.

В воскресенье был вечер самодеятельности. Вечером опять бомбили.

16 декабря

Русские рабочие, возмущенные плохим обедом, объявили забастовку, прекратили работу. Директор Рейсс вызвал меня, попросил пройти с ним по цехам и перевести его обращение к рабочим. Переговоры с ними закончились успешно: рабочие принялись за работу после того, как директор пообещал улучшить питание. Рабочие пожаловались, что повариха Мария готовила особые обеды для своего дружка-охранника, ее уволили, а на ее место назначили фрау Мойер.

19 декабря

Вчера, когда мы во время налета сидели в подвале «Конкордии», пришла немка, сказала, что ко мне пришли. К моей великой радости, это Дима! Выглядит ужасно: худой, грязный, усталый. Идя из Кобленца, ему пришлось несколько раз падать на землю, чтобы укрыться от осколков рвущихся бомб. Теперь он с нами, пришел на Рождество. Уговариваю его остаться здесь насовсем. О какой учебе может идти речь, если не знаешь, что будет в следующую минуту!

4 января 1945 года

Настроение ужасное, совсем не новогоднее. Накануне нового, 1945 года Бендорф опять сильно бомбили. Почти за пять минут было уничтожено более половины города. Много убитых. В течение нескольких дней расчищали развалины, спасали живых и хоронили убитых. Город выглядит ужасно. Улицы превратились в руины, и люди бродят среди них как потерянные. Настроение убийственное. Все рабочие — русские, французы, итальянцы, бельгийцы — помогают извлекать из-под обломков трупы. Работают без передышки. Всех объединила общая беда. Оставшиеся в живых забирают кое-что из вещей и уходят кто в лес, кто в бомбоубежища. Всех охватила паника. Два дня мы провели в бункере, но в нем очень холодно и сыро, особенно у входа, а в глубине так много народа, что нечем дышать. Мы уже перестали прятаться в лагерном подвале: он не спасет от бомб. Спускаемся в подвал только в первые минуты тревоги, а потом перебираемся в бункер. Ночные тревоги почему-то прекратились. Прошлая ночь прошла спокойно.

6 января

В дом бывшего директора Вефельшайда попала бомба. Весь противоположный берег Рейна в огне. На нашем берегу тоже пожары. Во время налета мы с Юрой были в бункере и ничего не слышали. Там все время стояли и очень устали. Было так много народа, что было трудно дышать. Сидеть не на чем.. Местные жители приносят складные стулья или маленькие скамейки. Я уже обессилела из-за этих налетов. Решила поговорить с начальником кадров о переезде в Тюрингию. Он уговаривал меня не ехать, говорил, что еще рано. Конечно, там тоже опасно, но оставаться здесь и ждать, когда упдает бомба на голову, тоже мало приятного.

Вряд ли можно сейчас найти в Германии место, где бы не бомбили и можно было бы жить спокойно.

9 января

Сегодня в Тюрингию уходит транспорт. Мы могли бы тоже уехать. Я не воспользовалась этой возможностью точно так, как в Ленинграде 23 августа 1941 года. Неужели я опять сделала такую же ошибку, как тогда? Получила письмо от Вари. Она уже больше месяца живет в Тюрингии. Пишет, что довольна, что все спокойно, только один раз прилетали американцы и бомбили. Но это одна сторона проблемы, в ведь возникнут и другие трудности. Главный вопрос — питание. Здесь мы имеем обед — на «Конкордии» или в лагере. Норма продуктов по карточкам сокращена: взрослые получают 250 грам-

мов масла в месяц, а в Тюрингии, может быть, масла вообще не выдают. Не представляю, как мы проживем. Мы знаем на собственной шкуре, что такое голод. Ничего нет страшнее. Неужели опять придется пережить все это? Не только начальник кадров Мартини уговаривает меня никуда не ездить, но и д-р Рейсс, чьим мнением я дорожу.

Получила письмо от старого друга Милтенберга. Приглашает в свое поместье, заверяя, что там значительно лучше и спокойнее, чем на Рейне.

11 января

Настоящая русская зима. Улицы в сугробах. Трамваи не ходят, на велосипедах тоже трудно проехать. Мы с Юрой ходим только пешком. Иногда проходим по нескольку километров. Очень мерзнут ноги. Где теперь валенки, которые Дима продал в Киеве, когда мы ехали в Германию? Как бы они сейчас пригодились! Конечно, немцы очень удивились бы, увидев такую обувь, но они тоже не готовы к суровой зиме. Галоши греют, но мало. Стены бараков очень тонкие, ветер продувает их насквозь, по утрам холодно. Вспоминаю нашу теплую ленинградскую квартиру...

Вчера в лагере умерла пятнадцатимесячная девочка, дочь француза и польки. Жаль родителей — они все время плачут. У девочки было все необходимое. Родители получали из Франции посылки. Одевали ее как куклу. И питалась она неплохо. Родители ее обожали и очень о ней заботились. И вот это маленькое прелестное существо умерло...

12 января

Только я собралась почитать вчера вечером, как погас свет. Весь вечер просидели в темноте. Пришли наши портнихи, Александра Ивановна и немка Паула поболтать. Но, к сожалению, все разговоры были о событиях в лагере, что уже изрядно надоело, или о тягостях войны. Поскольку ни у кого нет ни о чем достоверной информации, то все разговоры превращаются в сплетни. Ходят слухи, что все рабочие лагеря и жители Бендорфа будут эвакуированы, оставят только больных и родителей с детьми.

Первыми транспортом отправили всего 200 человек. Очевидцы говорят, что эшелон был сформирован из вагонов второго класса и шел прямо до Тюрингии. Невольно я позавидовала тем, кто уехал этим поездом, и еще раз пожалела, что не поехала с ними.

Артиллерийский огонь не прекращается. Думаю, тем, кому еще не приходилось пережить такое светопредставление, трудно привы-

кать к постоянному, 24-часовому, обстрелу из дальнобойной артиллерии. Иногда дрожит земля и трясутся стены.

17 января

Тревоги за последние дни объявляются все чаще. Нет покоя ни днем, ни ночью. Два дня тому назад бомбежка продолжалась до двух часов ночи, а вчера — до двенадцати. Мы засыпаем и тут же просыпаемся от кошмаров не во сне, а наяву. Все время напряженно прислушиваемся, как бы не пропустить сигнал тревоги. Трудно бежать в бункер, особенно ночью, дорога узкая, скользко, вокруг темно, задыхаешься от быстрого бега, особенно в гору, начинаешь кашлять.

Боюсь, у Юры сдадут нервы. С начала января нет вестей от Димы. Из моих попыток оставить его ничего не получилось. Он настаивал на окончании школы.

Писем почти не получаю. Где Дима? Что с ним? Я даже не знаю, добрался ли он благополучно назад. Вчера бомба попала в мост через Рейн в районе Нёйвида. Все рушится. Жизнь превратилась в кошмар и во сне и наяву.

А в лагере все по-старому. Три дня назад еще одна из наших работниц родила дочку, здоровую и крупную девочку.

Как жаль, что Германия оказалась во власти такого же сумасшедшего кретина, как наш Сталин. Если бы не это, какой могла бы быть эта страна. А сейчас, куда ни посмотришь, сплошные развалины... Хорошо, что никто не знает о том, что я веду дневник, иначе мне бы не сдобровать.

19 января

В полвторого просыпаемся от сигнала тревоги. Сразу же взрываются две бомбы рядом с лагерем. Нужно бежать в бункер. Идет снег с дождем. Бункер уже переполнен. Некоторые вообще не выходят из него. Даже оборудовали себе спальные места.

24 января

От Димы пришло сразу несколько писем. Пишет, что еды хватает, занятия идут хорошо и он вполне доволен своей жизнью. Беспокоюсь о Юре. Он часто простужается, а в последний раз так сильно, что начался нехороший кашель. Нет смысла ложиться спать: в любую минуту может начаться налет, и придется бежать в бункер. Сегодня мы никуда не пошли, сидели у Александры Ивановны. Не знаю, что хуже: бомбежка или болезнь. У меня у самой сильная простуда, и, наверное, именно поэтому я в состоянии полного безразличия...

Хочется лечь и чтобы все оставили меня в покое. Но это невозможно. Пришли рабочие с жалобой на мастера: почем зря ругается и зверски избивает их без причины. Просят передать их жалобу директору.

26 января

Вчера ходила к д-ру Рейссу. Сказала, что рабочие жалуются на мастера. Оказалось, что он к тому же нечист на руку: украл муку из товарного вагона, а со склада — ботинки и дрова. Но об этом молчат: у него связи, влиятельные покровители. Скорее всего теперь начнется следствие. Вчера допрашивали наших ребят и составили протокол. Интересно, чем это кончится.

31 января

Встретила сегодня Саманова. Он помолвлен с немкой из Бад-Эмса. В хорошем настроении, как будто нет ни войны, ни бомбежек. Дела у него с д-ром Рейссом идут хорошо. Однако на него ворчат мастера и инженеры за то, что он увиливает от работы по расчистке города после бомбежек. Все, от рабочего до инженера, обязаны это делать.

5 февраля

Идет дождь. Такое впечатление, что зима кончилась. Завтра будет ровно три года, как мы выехали из Ленинграда.

Получила несколько писем: одно от консула Вальтера, он в Германии и интересуется нашими делами, второе — от полковника Шварца, нашего знакомого из Кривого Рога. Он все еще настроен патриотически и верит в победу Германии. (Шварц был убит при обороне Берлина.)

17 февраля

Весна в разгаре. Тепло, солнечно. Многие начали копаться в огородах. Никакого сравнения с гнилой погодой прошлого года. Как хотелось бы погреться на солнышке! Но американские самолеты не дают.

В соседнем бараке идет репетиция пьесы по повести Гоголя «Майская ночь». Хор молодых голосов поет украинские песни, заглушая рокот авиамоторов. Самолеты идут длинными, плотными рядами в направлении Франкфурта и Берлина.

Мощный хор голосов уносит меня далеко-далеко, на Украину, к белым хатам и вишневым садам. Хочется забыть хотя бы на мгновение все ужасы этой проклятой войны.

6 марта

Все, даже пожилые мужчины мобилизованы в специальные отряды по борьбе с наступающими русскими и американскими войсками. Эти отряды получили название «фольксштурм». На «Конкордии» остались только старики и инвалиды, а молодежь уже давно призвана в армию.

12 марта

События развиваются с молниеносной быстротой. Неделю назад началось мощное наступление американских войск. Сегодня я оказалась без работы. Лагерь эвакуирован, все документы сожжены. Перепуганный комендант сжег даже мои книги.

Мы опять на чердаке. Разрешили остаться только тем русским, у кого дети, и тяжелобольным. Под предлогом болезни удалось остаться Вале, очень красивой девушке. Она боялась быть одной в лагере и перешла к нам. В детстве она переболела полиомиелитом, и это ее и спасло, она не поехала бог знает куда и бог знает зачем. Затем появилась Полина со своим другом Виктором. Они соскочили с поезда уже на ходу.

Француз-переводчик сказал мне, что тридцать французских военнопленных категорически отказались уезжать и теперь прячутся в подвале на территории «Конкордии», о котором никто не знал. Теперь они спасены, но есть им нечего. Придется помогать им до прихода американцев, которые скоро должны появиться. Я обещала что-нибудь придумать.

После ухода переводчика стук в дверь. Я испугалась. Подумала, что, может быть, о нас уже доложили и теперь арестуют, так как на чердаке рядом с нами прячутся два француза. Оказалось, что это д-р Рейсс. Он попросил меня с Валей вернуться в лагерь и забрать оставленные там медикаменты. Взяли велосипеды, и в путь. Это была страшная поездка. Несколько раз нам пришлось соскакивать с велосипедов и бросаться на землю, чтобы укрыться от пуль, шрапнели, осколков снарядов. Вернулись целыми и невредимыми, забрав все, что удалось найти.

В лагере осталось девять человек с запасом еды на несколько дней. Они спокойны: уверены, что американцы совсем близко. Судя по грохоту артиллерийских снарядов, это действительно так. Кто-то из местных побывал на том берегу Рейна и сообщил, что все города и деревни в том районе уже захвачены американскими войсками.

На нашем чердаке скрываются два француза. Во время нашего отсутствия д-р Рейсс зашел узнать, не вернулись ли мы. Услышав

шаги на лестнице, наши «жильцы» перепугались до смерти и попрятались. Таня открыла дверь д-ру Рейссу и застыла от страха: вдруг кто-нибудь из них чихнет, и наша «конспирация» откроется. К счастью, ничего подобного не произошло. Таня пообещала ему, что, как только мы появимся, сразу же придем к нему, и он ушел.

13 марта

Американцы уже в Нёйвиде. Бои не прекращались целый день. Мы с Валей взяли у повара продукты: часть оставили для себя, остальное упаковали в чемодан для французов, которые прятались в подвале. Чтобы попасть на «Конкордию», нам пришлось просить разрешение у д-ра Рейсса сходить в библиотеку, которая находится в том здании, в подвале которого укрываются французы. Все прошло удачно. Одна из нас стояла на часах у двери, а вторая открыла люк и опустила чемодан, который подхватили голодные люди. После этого мы положили в чемодан несколько книг — и бегом домой.

Всем жителям Бендорфа приказано покинуть город. Фрау Теби, секретарша директора, решила идти пешком. Д-ра Рейсса призвали в фольксштурм. Мы перешли в подвал, поставили там две кровати. На одной спит Таня с Валей, а на второй мы с Юрой. До смерти напуганные, Полина с Виктором и два француза остались на чердаке. Теперь они боятся не того, что их найдут, а бомб и снарядов. А это уже судьба.

14 марта

Все пока по-старому. Перестрелка с вечера до утра. Днем сидим на чердаке, спать идем в подвал. Погода прекрасная, все начинает зеленеть, воздух великолепный, а на сердце ужас: не знаем, чем все это кончится. В небе постоянно летают самолеты. К этому так привыкли, что даже перестали прятаться.

Опять мысленно возвращаюсь в прошлое. Как хорошо нам было в Браилове два года назад. Мы были все вместе, не голодали, а война где-то далеко. Впрочем, к чему усугублять жизнь такими воспоминаниями?

25 марта

Сегодня в девять утра Бендорф взят американскими войсками. Соседи по подвалу разбудили нас в шесть утра и сообщили, что

американцы уже совсем близко и что на улицах идет перестрелка. Я поднялась на чердак и увидела в окно, что по дороге идут танки, с гор также спускаются танки. Я вернулась в подвал и рассказала об этом.

Ждем. Не знаем, что с нами будет. Прошло немного времени, дверь распахнулась, и мы увидели солдат в коричневой форме и сверкающих касках.

Пришли американцы.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Скрябина

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Редактор А. П. Фоменко

ЛР № 070632 от 9.10.1992 г.

ТОО «Прогресс—Академия»
121857, Москва, ГСП-2, Бережковская набережная., 24

Подписано в печать 13.12.1994 г. Тираж 5000 экз.

Отпечатано в России

Елена Скрябина

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Жизнь Елены Александровны Скрябиной— это захватывающая книга, на страницы которой лег трагический отсвет событий XX века. Революция, утраты родных и близких во время гражданской войны и «чисток» 30-х годов, блокадный Ленинград... Полуживую, ее увезли по Ладоге. Ужас голода остался позади, а впереди— новые испытания в оккупированном немцами Пятигорске и новые скитания. Разоренные дороги увели ее далеко от Родины, сначала в Европу, потом в Америку. Разве знала она, что станет профессором русского языка и литературы в университете штата Айова и что опубликует свои дневниковые записи? И вот они перед Вами, читатель. Горькие и прекрасные «Страницы жизни». Они могут показаться Вам необычными, но не могут не восхитить своей искренностью.

Издательство

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»